

■ Джеффри Блэйни ■

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

Заметки на полях
истории человечества

*«В человеческой истории
почти нет ничего
предопределенного»*

«В наши дни – как никогда прежде – существует возможность того, чтобы одно сильное государство управляло всем миром. В последующие два столетия, когда мир еще больше сожмется и расстояния сократятся, вполне может быть совершена попытка – по всеобщему согласию или насильно – создать мировое правительство. Вопрос о том, сможет ли оно просуществовать достаточно долгое время, остается открытым. В человеческой истории почти нет ничего предопределенного».

Джеффри Блэйни

ISBN 978-5-271-42529-5

9 785271 425295

Джеффри Блэйни

ОЧЕНЬ
КРАТКАЯ
ИСТОРИЯ
МИРА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Астрель
Москва

УДК 94 (100)
ББК 63.3 (0)
Б70

Данное издание представляет собой перевод с английского оригинального издания «A Very Short History of the World», впервые опубликованного в 2004 г. издательством Penguin Group (Австралия), подразделением Pearson Australia Group Pty Ltd. Penguin Books Ltd: 80 Strand, London WC2R ORL, England

Блэйни, Джеффри

Б70 Очень краткая история мира. Заметки на полях истории человечества /Джеффри Блэйни; пер. с англ. Е.Е. Сырневой. – Москва: Астрель, 2012. – 447, [1] с.

ISBN: 978-5-271-42529-5

(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN: 0670-04202-1 (англ.)

Эта книга – попытка создания не слишком пространного очерка всемирной истории. Здесь рассматривается история, начиная со времени, когда первые люди покинули Африку, чтобы расселиться по земному шару до сегодняшнего дня.

Книга рассчитана на широкий круг читателей

УДК 94 (100)
ББК 63.3 (0)

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, т. 2 953000 – книги и брошюры

Подписано в печать 25.08.2012 г.

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 23,52

Тираж 2000 экз. Заказ № 2303

ISBN: 978-5-271-42529-5
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN: 0670-04202-1 (англ.)

© ООО «Издательство Астрель»,
перевод на русский язык
Текст © Geoffrey Blainey 2004
Карты © Penguin Group (Австралия) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- 1 Из Африки 9
- 2 Уровень Мирового океана поднимается 24
- 3 Первая зеленая революция 39
- 4 Купол ночи 54
- 5 Городские цивилизации долин 61
- 6 Удивительное море 79
- 7 Господин Хуанхэ, Царь Ганга 96
- 8 Подъем Рима 113
- 9 Израиль и Мессия 125
- 10 После Христа 133
- 11 Знак полумесяца 148
- 12 Дикie гуси перелетают через горы 158
- 13 В направлении Полинезии 168

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- Века 179
- 14 Монголы 181
- 15 Климат и эпидемии 192
- 16 Предвестники нового 198
- 17 Птичья клетка 206
- 18 Инки и Анды 220
- 19 Реформация 233

20 Путешествие в Индию	250
21 Новооткрытые земли преподносят дары ...	258
22 Стекланный глаз науки	270
23 Развенчание урожая	283

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

24 Падение колоды карт	301
25 Южнее Сахары	317
26 Благородный пар	327
27 Возможно ли всеобщее равенство?	343
28 Земной шар как на ладони	361
29 Мировые войны	377
30 Бомба и Луна	392
31 Ни плодов, ни птиц	412

<i>Эпilog</i>	429
<i>Указатель</i>	433
<i>Дополнительная литература</i>	442
<i>Список карт</i>	444
<i>Книги на русском языке</i>	445

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭТОМУ СОКРАЩЕННОМУ ИЗДАНИЮ

Это попытка не слишком пространный очерка всемирной истории. Здесь рассматривается история, начиная со времени, когда первые люди покинули Африку, чтобы расселиться по земному шару. Неизбежно некоторые из тем, которые я исследую, даны в столь кратком изложении, что кажутся взглядом из окна быстро движущегося поезда.

С самого начала я решил, что отдам должное технике и профессиональным навыкам, поскольку они внесли огромный вклад в формирование нашего мира. Я уделил большое внимание возникновению основных религий, поскольку они также были попытками придать определенную форму окружающему миру. Я рассматривал и географические факторы, так как они часто определяли – до последнего столетия – границы возможного, границы достижимого. Изначально не намереваясь этого делать, я отвел место тому, что люди ели и каким тяжким трудом давался им хлеб насущный. Когда написание книги уже значительно продвинулось, я понял нечто, когда-то, вероятно, очевидное каждому: огромную силу воздейст-

вия луны, звезд и ночного неба на человеческое существование. Четвертая глава, «Купол неба», и раздел заключительной главы призваны восполнить это упущение.

Я обнаружил, что меня интересуют империи и пространства, ими занимаемые. Размер территории, которой способен управлять один лидер или одно государство, со временем все возрастает. Сейчас, впервые в человеческой истории, возможно всемирное правительство в той или иной форме; насколько это разумно или востребовано обществами – другой вопрос. Таким образом, сокращающийся в размерах мир – одна из повторяющихся тем этой книги.

На довольно ранней стадии я осознал риск излишней сжатости книги, желания втиснуть в нее как можно больше информации. Если использовать аналогию с крикетом, я постарался чередовать серии стремительных бросков – или краткого изложения – с периодами медленного перекачивания мяча. Чтобы добиться такого варьирования скорости, я иногда предварял основное повествование периодами медленного перекачивания. Хотя эти неторопливые эпизоды занимают больше места, чем, возможно, заслуживают, они имеют собственную ценность и смысл. В числе таких эпизодов – рассказы о невесте Хуанхэ, об образе жизни новозеландских маори и о роли индийского растения индиго в получении синей краски.

Европейцы редко появляются в некоторых частях книги. На протяжении первых двенадцати глав Европа упоминается только как родина греков и римлян. Главными местами действия являются Африка, Азия, Малая Азия и даже Северная и Южная Америка – вплоть до того момента, 400–500 лет назад, когда наступает черед доминирования европейской цивилизации.

Одной из стоявших передо мной проблем был вопрос о том, сколько места отвести последним 150 годам. Такие выдающиеся фигуры, как Гарибальди, Рузвельт, Черчилль и Насер, несомненно, заслуживают упоминания; а столь глубинным и символическим событиям, как изобретение анестетиков, необходимо уделить хотя бы один абзац; но в книге обо всем этом говорится лишь бегло или не говорится вообще. Причиной моего сравнительно сдержанного отношения к XX в. было нежелание придавать ему то исключительное значение, которое видят в любом из столетий живущие в нем люди. При написании всемирной истории в 2400 г. н. э. многие из грандиозных событий нашего времени, вероятно, будут преуменьшены в значении или вовсе забыты, точно так же, как нас оставляют хладнокровными важные вехи римской или ацтекской истории. Это соображение заставляло меня держаться в определенных рамках.

Предыдущее, более пространное, издание получило обширную читательскую аудиторию. Некоторые полагали, что эта книга недостаточно длинна и просили дописать ее. Другие вежливо замечали, что она длинновата: у них нет времени, намекали они, читать толстые книги. Для последней категории читателей я и выпустил это сокращенное издание. Чтобы сохранить аромат и ритм полной версии, я оставил многие разделы «медленного перекачивания». Содержание и направленность этого издания остались прежними.

Недостатков в книге могло бы быть больше, если бы не великодушная помощь и критика многих людей. Особую благодарность я выражаю доктору Джоселин Чи из Сиднея; отцу Остину Куперу из Католического теологического колледжа в Мельбурне; мистеру Рэймонду Флауэру из Сарнано

(Италия); доктору Барри Джонсу, Питеру Лоуренсу, рабби Джону Леви и доктору Малколму Кеннеди из Мельбурна; доктору Гленну Маллигану и доктору Лотте Маллиган из университета Ла Троб; и мистеру Кагэ-фуми Уэно, генеральному консулу Японии в Мельбурне. В лице Кети Первис из «Penguin Books» я нашел прекрасного редактора. Свою признательность другим я выражаю в конце этого издания – в виде списка рекомендуемой литературы.

Многое я почерпнул из посещения музеев и художественных галерей, равно как и библиотек. Особенно благодарен Немецкому музею в Мюнхене, Музею естественной истории и науки в Лондоне, Американскому музею естественной истории в Нью-Йорке, а также библиотекам университетов Мельбурна, Балларата и Ла Троб.

**ДЖЕФФРИ БЛЭЙНИ
МЕЛЬБУРН**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

ИЗ АФРИКИ

Они жили в Африке, и два миллиона лет назад их было очень мало. Они были почти человеческими существами, хотя, как правило, меньших размеров, чем их потомки, населяющие Землю в наше время. Они были прямоходящими; кроме того, они очень ловко лазали по деревьям.

Питались они в основном фруктами, орехами, семенами и другими съедобными растениями, но уже начинали есть мясо. Их орудия были примитивными. Если они пытались приспособить для своих нужд камень, то не слишком далеко заходили в его обработке. Возможно, они умели использовать палку для защиты, нападения или даже копания – если мелкий грызун скрывался в норе. Строили ли они простейшие убежища из веток и палок, чтобы укрыться от холодных зимних ветров, – неизвестно. Нет сомнений в том, что некоторые из них обитали в пещерах – но такое постоянное жилище должно было серьезно ограничивать их подвижность, необходимую для поисков нужного количества продовольствия. Чтобы выжить на этой земле, требовались длительные переходы в места, где можно было найти определенные плоды и семена. Их рацион был результатом череды открытий,

сделанных в течение сотен тысяч лет. Жизненно важным приобретением стало умение различать съедобные и ядовитые растения. Поиски новых источников пищи во время засухи и голода, должно быть, приводили кого-то к смерти от отравления.

Два миллиона лет назад эти человекообразные существа – их называют гоминидами – жили на землях нынешних Кении, Танзании и Эфиопии. Если территорию Африки разделить горизонтальными линиями на три зоны, то род человеческий занимал среднюю, или тропическую, зону. Вероятно, большая ее часть была покрыта травяной растительностью. Вполне возможно, что изменение климата за один-два миллиона лет до этого, приведшее к замещению в некоторых районах лесов степями, побудило будущих людей покинуть общество их родственников – человекообразных обезьян – и проводить больше времени на земле.

У них уже была длинная история, хотя они не сохранили ни памяти, ни записей о ней. Мы говорим об огромном промежутке времени, отделяющем нас от времени строительства пирамид в Египте, но это всего лишь мгновение по сравнению со всей историей человечества. Одно из ранних свидетельств было обнаружено в Танзании. Двое взрослых и ребенок прошли по вулканическому пеплу, влажному после недавнего дождя. Отпечатки их ног были затем высушены солнцем и постепенно покрылись слоями земли. Этим следам, определенно человеческим, не менее 3 600 000 лет. Даже они довольно молоды для истории жизни на Земле. Последние динозавры вымерли около 64 000 000 лет назад.

В Восточной Африке ранние люди устраивали стоянки на берегах озер или в песчаных речных руслах, а также на травянистых равнинах: именно в

таких местах находили их останки. Они также могли приспособляться к более холодным климатическим условиям, а в Эфиопии они предпочитали открытые плато на высоте от 1600 до 2000 м над уровнем моря. В вечнозеленых лесах нагорий они тоже чувствовали себя как дома. Их способность к адаптации впечатляет.

В жестоком, кровавом соперничестве людям удавалось с успехом выживать и размножаться. В той части Африки, где они жили, различные виды крупных животных обладали значительным численным превосходством, и многие из них были агрессивными, но люди процветали. Их популяция стала слишком большой для ресурсов этого региона, и это – а возможно, длительная засуха – подтолкнуло их к северу. Существуют надежные свидетельства того, что в какое-то время, около двух миллионов лет назад, они начали мигрировать дальше на север. Крупнейшая в мире пустыня – протянувшаяся с северо-запада Африки и через Аравийский полуостров, – возможно, на время затормозила их продвижение. Узкий сухопутный мост между Африкой и Малой Азией они преодолели без труда.

Они двигались небольшими группами и были в равной мере первооткрывателями и колонистами. В каждом незнакомом районе им приходилось адаптироваться к новой пище и внимательно следить за дикими зверями, ядовитыми змеями и вредоносными насекомыми. Те, кто шел впереди, обладали одним преимуществом. У них на пути не стояли другие человеческие существа, твердо намеренные не пропустить захватчиков на свою территорию.

Это было похоже скорее на эстафетные гонки, чем на трековые. Возможно, одна группа, состоявшая, например, из 6 или 12 человек, проходила не-

большое расстояние и оседала. Приходили другие, продвигались дальше первых или вытесняли их вперед. Движение через Азию могло занять от 10 000 до 200 000 лет. Нужно было карабкаться по горным склонам, переходить через болота. Пересекать широкие, быстрые, холодные реки. Переходили ли они их вброд во время засушливых сезонов или преодолевали высоко в горах, там, где реки еще нешироки? Умели ли эти первопроходцы плавать? Ответов на эти вопросы нет. Для ночевки в незнакомой местности необходимо было подыскать укрытие или место, обеспечивающее хотя бы минимальную безопасность. В отсутствие сторожевых собак нужно было выставлять караульных, которые могли предупредить о приближении ночных диких животных.

В процессе длительной и дальней миграции – первой из множества дальних миграций в истории человечества – эти люди, первоначально жившие в тропиках, попадали в местности с гораздо более холодным климатом, чем тот, к которому привыкли их предки. Трудно сказать, умели ли они согреваться холодными ночами у огня. Когда молния ударила в ближайшие кусты или деревья, они могли выхватить из пожара горящую ветку и унести к месту своей стоянки. Когда ветка почти догорала, от нее могли поджигать другую. Огонь был настолько ценен, что, однажды получив, его нужно было хранить как зеницу ока. Но огонь мог потухнуть из-за небрежности, или под сильным дождем, или в результате отсутствия поблизости сухого дерева и растопки. Завладев огнем, они должны были нести его с собой во время дальних переходов как бесценное сокровище, точно так же как ранние австралийцы, путешествовавшие с огнем.

Умение добывать огонь, а не пользоваться при-

родным пламенем, пришло по меркам истории человечества поздно. Со временем люди научились получать огонь в процессе трения сухого дерева о сухое дерево. Они могли также высекать искру, ударяя по куску пирита или камню другой подходящей породы. В обоих случаях требовалась очень сухая растопка, а также искусство осторожно раздувать тлеющую искру.

Искусное обращение с огнем – результат множества озарений и экспериментов, имевших место в течение тысячелетий, – одно из важных достижений человечества. Насколько изобретательно он использовался, можно судить по быту аборигенов, сохранявшемуся в некоторых глубинных районах Австралии вплоть до XX в. На плоских безоблачных равнинах аборигены разжигали костерки, чтобы передавать дымом сигналы, – это был своеобразный аналог телеграфа. Они также использовали огонь для приготовления пищи и обогрева, для выкуривания дичи. Огонь был единственным источником света ночью – за исключением периодов, когда обрядовые танцы освещались светом полной луны. Огонь использовался для придания твердости палкам-копалкам и формы – деревянным копьям. На огне сжигали умерших. Им выжигали ритуальные узоры на коже людей. С его помощью изгоняли змей из высокой травы на месте, выбранном для стоянки. Его дымом отпугивали насекомых. Его использовали охотники, для того чтобы в определенное время года выжигать траву на участках в особом мозаичном порядке, с тем чтобы после дождей она росла с новой силой. Огонь мог находить столько разнообразных применений, что до недавнего времени он оставался самым полезным из орудий, которыми владел человек.

Теперь у людей есть оружие, против которого клыки и когти дикого животного не идут ни в какое сравнение. Однако в течение очень долгого времени жалок и беспомощен был именно человек. Физически он был слабее – меньше и легче многих животных, обитавших в окрестностях. По численности люди безнадежно уступали отдельным стадам крупных животных. Все человеческое население каждого региона было незначительным по сравнению с популяциями других участвующих в борьбе за выживание видов. В Азии, вероятно, крупные мамонты – род вымерших слонов – значительно превосходили по численности людей, которых, пасясь, время от времени видели неподалеку.

Опасность нападения диких животных была велика. Даже в 1996-м в одном из индийских штатов волки с фатальным исходом напали на 33 детей. На своей родине, в Африке, людям, должно быть, удавалось отпугивать леопардов и львов. Очевидно, что медленно вырабатывавшаяся способность к организации существенно помогала людям защищать себя, особенно ночью. Без этого умения объединяться против врага людей, рискнувших отправиться в новые тропические районы, быстро истребили бы обитавшие там хищники. В каких-то местах передовые отряды численностью менее двенадцати человек могли быть уничтожены.

Около 1 800 000 лет назад авангард этого движения достиг Китая и Юго-Восточной Азии. Мало известно об этой длинной серии путешествий человечества, однако гораздо более обширную информацию позволит получить труд историков и археологов в следующем столетии. По преимуществу жители внутренних районов суши, эти люди, вероятно, поздно начали селиться вдоль побере-

жий и очень поздно смогли преодолеть даже мелко-водные моря.

Недавними раскопками на отдаленном острове Индонезийского архипелага открыты остатки стоянки человека, которым более 800 000 лет. Эти остатки, обнаруженные на дне древнего озера, на гористом острове Флорес, несомненно, доказали, что люди умели строить плавательные средства и выходили далеко в море на веслах: парус изобретут лишь в отдаленном будущем. Чтобы достичь острова Флорес, жители соседнего острова совершили отважный морской поход на восток. Даже если уровень моря находился на самой низкой отметке, расстояние, которое предстояло преодолеть маленькой лодке или плоту, составляло не менее 19 километров. Возможно, для того времени это было самое дальнее плавание. По беспрецедентности и значению его можно сравнить с первым полетом к Луне в XX в.

То здесь, то там до сих пор можно найти отрывочные свидетельства повседневной жизни этих путешественников и первопоселенцев. На стоянке человека близ Пекина тщательными раскопками недавно были вскрыты слои золы и угля. Эти бивачные костры погасли, вероятно, 400 000 лет назад, но сохранили остатки пищи: обожженные кости оленя и скорлупки от косточек из плода дерева каркас.

ПРОБУЖДЕНИЕ

В течение нескольких миллионов лет люди развивали свои адаптивные способности и становились все более изобретательными. Средние размеры мозга человека увеличивались. В то время как у ранних людей его объем составлял 500 см^3 , он достиг уже 900 см^3 у человеческого вида *Homo erectus*, представители которого предприняли описанные

выше далекие миграции.

В период между 500 000 и 200 000 лет назад мозг снова заметно увеличился. Рост мозга был одним из самых замечательных событий в истории биологических изменений.

Строение мозга также менялось, и формировалась «область моторной речи». Укрупнение мозга, по-видимому, связано со все более совершенным владением руками и медленным развитием разговорного языка. Такой существенный рост размеров мозга – экстраординарное событие для любого биологического вида. Как это произошло – до сих пор остается по преимуществу загадкой. Одной из возможных причин было все большее и большее употребление в пищу мяса. Вряд ли человечество на этой стадии развития владело оружием или организационными способностями, достаточными для того, чтобы убивать диких животных любого размера. Скорее всего, мясо в их рационе появлялось в результате того, что они все более смело счищали его с костей умерших животных, в то время как основное стадо (или стая) паслось неподалеку, или вследствие растущего мастерства в охоте на более мелких животных, которые не представляли опасности, но которых нелегко было поймать. Вполне вероятно, что с течением времени жирные кислоты, содержащиеся в мясе, оказывали благоприятное воздействие на мозг и его функционирование. В свою очередь это преимущество позволило людям совершенствовать способы охоты на животных. Все это – лишь предположения.

Разговорный язык становился все более многословным и точным. Зарождалось изобразительное искусство. И изобразительное искусство, и общение посредством речи основаны на использовании символов – воспринимаемых либо зрением, либо

слухом. Способность создавать символы и распознавать их – один из результатов медленных усовершенствований мозга. Возможно, развитие человеческого речевого аппарата также способствовало выражению этих символов в звуке.

Несмотря на успехи, достигнутые в изучении умственной деятельности за последние 50 лет, мозг и человеческая речь по-прежнему далеки от того, чтобы считаться познанными. Один специалист-медик предположил, что в сложной деятельности, такой как речь, «взаимодействие между частями мозга можно сравнить не с упорядоченной работой машины, а скорее с лоскутным одеялом». Каково бы ни было его происхождение, язык – это величайшее из всех изобретений.

Примерно 60 000 лет назад появились признаки пробуждения сознания у человечества. Исследователи первобытной истории и археологи, изучая прошлое, по крохам собрали свидетельства медленно разворачивавшейся последовательности изменений, которые в последующие 30 000 лет привели к тому, что восхищенно называют «большим скачком» или «культурным прорывом». Продолжаются споры о том, кто совершил этот скачок или прорыв. Возможно, эти изменения происходили в новой группе людей, появившихся в Африке и мигрировавших в Азию и Европу, где они сосуществовали с неандертальцами – видом, который впоследствии вымер. Несомненным остается только существование созидательных, творческих способностей человека, нашедших применение на многих направлениях.

Речь сотен поколений людей, живших в эпоху Пробуждения, не звучит и утрачена, но некоторые из произведений их искусства и ремесла дошли до нашего времени либо во фрагментах, либо полностью. Искусство расцвело на территории

Европы в тот длительный ледниковый период, который начался около 75 000 лет назад. Убедительные свидетельства говорят о том, что многие люди надеялись возобновить свое существование после смерти. Путешествие в эту новую жизнь требовало сопровождающего инвентаря или показателей прижизненного статуса человека, поэтому в могилы помещали особые предметы. На Сунгирьской стоянке в России около 28 000 лет назад был похоронен мужчина в возрасте около 60 лет, тело которого было покрыто более чем 2000 пластинок слоновой кости и другими украшениями. 60-летний возраст считался почти древним, поскольку большинство взрослых умирало гораздо раньше.

В другой могиле рядом с мужчиной была погребена юная девушка. На ней были надеты расшитая бисером шапочка и, возможно, накидка, от которой осталась только костяная булавка, скреплявшая одеяние у шеи. Тело было покрыто более чем 5000 бус и других декоративных деталей. Длительное время, потраченное друзьями или всем племенем на производство этих украшений, и тщательность, с которой они были размещены в могиле, — признак того, что смерти придавалось не менее важное значение, чем жизни.

Во множестве случаев население этого кочевого мира должно было испытывать глубокую растерянность. Они зависели от произвола стихий, поскольку не делали запасов зерна, орехов и других продуктов, которые помогли бы им пережить начальную стадию голода. Их укрытия были по преимуществу ненадежными. В некоторых районах им приходилось жить бок о бок с тиграми, львами, медведями, пантерами, слонами и другими животными, обладавшими огромной силой и жестокос-

тью. Смерть часто наступала внезапно и загадочно. Они нуждались в уверенности и утешении. Они начали изобретать религии, создавать предметы поклонения и почитания наравне с изображениями окружающего их мира.

Методы охоты медленно совершенствовались. Кусочкам камней придавали форму наконечников копий, лезвий и других колющих и режущих инструментов – технически превосходивших большинство использовавшихся прежде; их изготавливали сотнями и тысячами ежегодно. Охотники преследовали уже не только мелких, но и более крупных животных. На территории Германии охотились на слонов. Во Франции били леопардов, которые ценились за мясо и шкуру. В Италии ходили на кабана.

Развитие организационных способностей, по-видимому, пришло с усовершенствованием оружия. Это оружие и умение людей действовать совместно были частью все того же пробуждения сознания. Стада животных преследовали и направляли в ловушки либо загоняли в пропасти, где разбившиеся до смерти животные представляли собой расточительное мясное пиршество. Теперь принято говорить, что люди в те времена жили в гармонии с окружающей средой и не убивали без нужды и без рассудка, но к такому утверждению следует относиться осторожно – за неимением убедительных свидетельств.

В тех местах Европы и Азии, где пищи было в изобилии, стоянки и поселения становились более долговременными, чем раньше. Жилища обычно строили на склонах, которые защищали от холодных зимних ветров. Выкапывали небольшое округлое углубление с плоским дном для пола, выложенного плитками сланца; врытые деревянные столбы поддерживали крышу из шкур лошадей и других животных. Дым, поднимавшийся из очага в центре

единственного большого помещения, выходил через небольшое отверстие в крыше.

По всему миру люди вели полукочевой образ жизни. Каждая маленькая группа, редко насчитывавшая более 20 человек, занимала большую территорию. В течение года она по определенной системе перекочевывала с места на место, практически не обремененная вещами и имуществом, и пользовалась сезонными источниками пищи: здесь созревали злаки, там набирали сок коренья, здесь птицы откладывали яйца в гнезда, там поспевали орехи. До тех пор пока популяция оставалась небольшой, а природные ресурсы обильными, люди жили относительно благополучно.

Иногда несколько групп могли собираться ежегодно в месте, где пищи было в избытке, но большие коллективы, скорее всего, оставались редкостью. Вероятно, в целом мире ни разу до, скажем, 20 000 г. до н. э. не собиралось в одном месте больше 500 человек. И даже такие объединения были временными. Поскольку люди не делали запасов пищи и не разводили скот, они не могли прокормить большой коллектив в течение длительного времени.

Группа или племя часто передвигавшихся людей не могли возиться с теми, кто был слишком слаб или болен, чтобы идти. Даже дети-двойняшки были обузой, и одного, возможно, убивали. Стариков, не способных продолжать путь, бросали умирать. У мобильного общества не было альтернативы.

ЧЕРНЫЕ КОЛУМБЫ

Каждое утро первые лучи восходящего сначала в Восточной Азии солнца озаряли людей, занятых бурной деятельностью: они подбрасывали поленья в огонь, кормили завтраком детей, отправлялись собирать орехи или ловить диких животных, выскребали

шкуры, чтобы сделать из них одежду, или оббивали камни, превращая их в орудия. Те же сцены, очевидно, можно было наблюдать в последовательно озаряемых лучами солнца десятках тысяч мест остальной Азии, затем Европы вплоть до Атлантического океана. Аналогичная деятельность кипела в Африке, где люди расселялись все шире и шире.

Примерно 100 000 лет назад территории, занимаемые человечеством, были значительными, но огромные пространства земного шара по-прежнему оставались безлюдными. Животные Северной и Южной Америки никогда не слышали человеческого голоса и не видели копья. В Австралии и Новой Гвинее, которые составляли один континент, также не найти было следа человека. Острова, расположенные далеко в море, оставались недостижимыми для человечества. Люди понятия не имели о существовании ныне заселенных тихоокеанских островов: Гавайи, остров Пасхи, Таити и Самоа, архипелаги Тонга и Фиджи и большие острова Новой Зеландии оставались необитаемыми. В Индийском океане большой и относительно теплый остров Мадагаскар не озаряли огни бивачных костров, а на отдаленных вулканических островах Маврикий и Реюньон разгуливала странная нелетающая птица додо, не пуганная человеком. В Атлантическом океане к северу от экватора оставались необитаемыми Азорские острова и Мадейра. Гренландия и Исландия были покрыты льдом. Птицам островов Вест-Индии совершенно не угрожали люди-охотники.

Фактически род человеческий был заключен в границах одного континента. Общая неосвоенная территория была огромной. В целом пригодные для жизни, но необитаемые земли по площади были равны Азии, пустыне Сахара и Северной Африке, вместе взятым.

Теперь предстояло совершить серию географических открытий. Люди предпринимали вторую далекую миграцию. Между наиболее приближенными друг к другу побережьями Юго-Восточной Азии, которая тогда включала и Яву, и Новой Гвинеи – Австралии было около восьми морских преград. Бóльшая их часть представляла собой короткие переходы или проливы, и противоположный берег был виден из пункта отправления. Самый длинный переход составлял около 80 километров. Первопроходцы на плотах или утлых каноэ постепенно перебирались с одного острова на другой, до тех пор, пока с одного берега можно было увидеть другой. Но если поднимался очень сильный ветер, их ненадежные суда могли перевернуться, а все находившиеся на борту – утонуть.

Пересечение этой мозаики морей и островов, лежащей между Азией на западе и Австралией – Новой Гвинеей на востоке, растянулось на тысячи лет. Иногда оно приостанавливалось, и эти перерывы могли продолжаться до 10 000 лет. Люди могли открыть и заселить один остров, а затем другие экспедиции на лодках или плотах случайно или намеренно обнаружить еще один остров. Наконец, даже не представляя себе всей значимости этого открытия, представители человечества ступили на берег Новой Гвинеи – Австралии. Не было никаких причин считать, что континент к тому времени был уже открыт. Когда эти первопроходцы высадились на берег, неизвестно, но почти наверняка – более 52 000 лет назад.

Новый континент был полон сюрпризов, загадок и внушал страх. Опасных животных там не водилось, но многие змеи и некоторые пауки были очень ядовитыми. Первопроходцы постепенно исследовали континент – каждое устье, каждую гору, каждую равнину и пустыню. Двигаясь по суше к

Тасмании, они готовили пищу в пещерах на речных берегах, в то время покрытых тундрой, а в наше время – тропическими лесами. Эти новые обитатели Тасмании были самыми южными жителями земного шара. Именно благодаря способности к адаптации люди, родиной которых были тропики, смогли переместиться на север, затем на восток, и теперь находились на полпути к Южному полюсу.

На позднем этапе этого медленного передвижения людей, происходивших из Африки и широко распространившихся, одной из важнейших побед стало сложение языка. Диалекты и языки множились. Даже в большом регионе, который первоначально населяли люди, говорившие одинаково, языки расходились. Группы жили относительно изолированно друг от друга, так же развивались и их языки. Существовало, должно быть, уже несколько тысяч различных языков, когда началось географическое событие, постепенно отделившее друг от друга огромные массы людей, что привело к дальнейшему умножению человеческих языков.

2

УРОВЕНЬ МИРОВОГО ОКЕАНА ПОДНИМАЕТСЯ

20 000 лет до н. э. распространение рода человеческого фактически ограничивалось рамками одного огромного континента. Европа и Африка, Азия и Америка не были отделены друг от друга морями, и этот единый массив суши являлся ареной почти всей человеческой деятельности. Австралия и Новая Гвинея составляли второй заселенный материк, но количество его жителей не превышало 5% населения Земли. Еще одним интересным аспектом существования этого населения было то, что почти все оно обитало в тропических и умеренных зонах. Холодные районы Земли оставались по преимуществу незаселенными.

В те времена температуры повсюду были гораздо ниже, чем в наши дни. Ледники были активны и обширны даже на крайнем юге Австралии, а в северном полушарии огромные пространства были покрыты льдом на протяжении большей части года. Финляндия, Швеция и даже большая часть Ирландии – она не была тогда островом – пустовали. В горных местностях Центральной Европы террито-

рия, намного превышавшая по площади Швейцарию, была покрыта нетающими льдами. Некоторые из нынешних курортов Западной Европы, пляжи которых летом наводняют толпы людей, выглядели весьма мрачно, а в их водах даже в разгар лета плавали льдины. Многие из современных морских курортов находились вдали от моря.

Большая часть Северной Америки была царством льда. Почти вся территория современной Канады лежала под плотным снегом. Огромные пространства нынешних Соединенных Штатов – пространства, в наши дни кормящие, вероятно, половину их теперешнего населения, – покрывали почти не тающие льды. В тех частях Центральной Америки, где в XX в. снега вообще не бывало, нередко случались снегопады. В высокогорной западной части Южной Америки снег лежал на обширных территориях даже летом.

В большинстве заселенных районов мира летом было прохладнее, а схема выпадения осадков и испарений отличалась от нынешней. Человечеству в целом, однако, такой климат давал одно преимущество: обширные пространства суши тянулись там, где теперь плещется море.

Поскольку уровень Мирового океана был таким низким, человек мог пройти от Южной Англии до Франции и продолжать шагать – если другие люди на пути не мешали ему делать это – вплоть до Явы. Сильные и ловкие яванцы – с большим риском для жизни – могли проделать далекий и запутанный путь на север, в Северную Азию, и по сухопутному мосту попасть на неведомую Аляску. В тот период Ява была не островом, а частью Азиатского материка.

Места, где теперь расположены оживленные морские порты мирового значения, находились в глубине суши или на речных берегах вдали от моря.

В те времена в города Сан-Франциско, Нью-Йорк и Рио-де-Жанейро вы не смогли бы попасть по морю. Люди, жившие близ нынешних Шанхая, Калькутты, Сингапура и Сиднея, никогда не видели моря. Оно было слишком далеко.

Многие из современных стратегически важных морских проливов, по которым день и ночь снуют многочисленные танкеры и сухогрузы, были не более чем полосами лугов или леса. Дарданеллы и Босфор, Гибралтарский и Малаккский проливы, проливы Зунд и Торреса – это лишь немногие из оживленных ныне морских путей, которых тогда не было.

Некоторые из теперешних морей и многие из больших заливов либо не существовали, либо имели совсем другую форму. Черное море было глубоким озером, не имевшим выхода в Средиземное море. Балтийское море не впадало в Северное. Такие крупные морские заливы, как Персидский, представляли собой сушу.

Около 15 000 до н. э. начались хотя и очень медленные, но знаменательные перемены. Лето и зима становились чуть теплее. Ледники понемногу отступали. Старики, чья память выполняла роль общественной библиотеки, должно быть, сообщали молодым, что некоторые цветы и деревья зацвели раньше обычного.

Между 12 000 и 9000 до н. э. происходило быстрое таяние льда. Во многих частях обитаемого мира перемены в климате, вероятно, были заметны даже на протяжении одной долгой жизни. Люди, жившие на морских побережьях, должны были отметить и другое изменение: вода в морях поднималась. Она начала подниматься еще до того, как климат заметно потеплел.

Многие сельские жители опасались того, что их дома может однажды затопить. Некоторые и дожи-

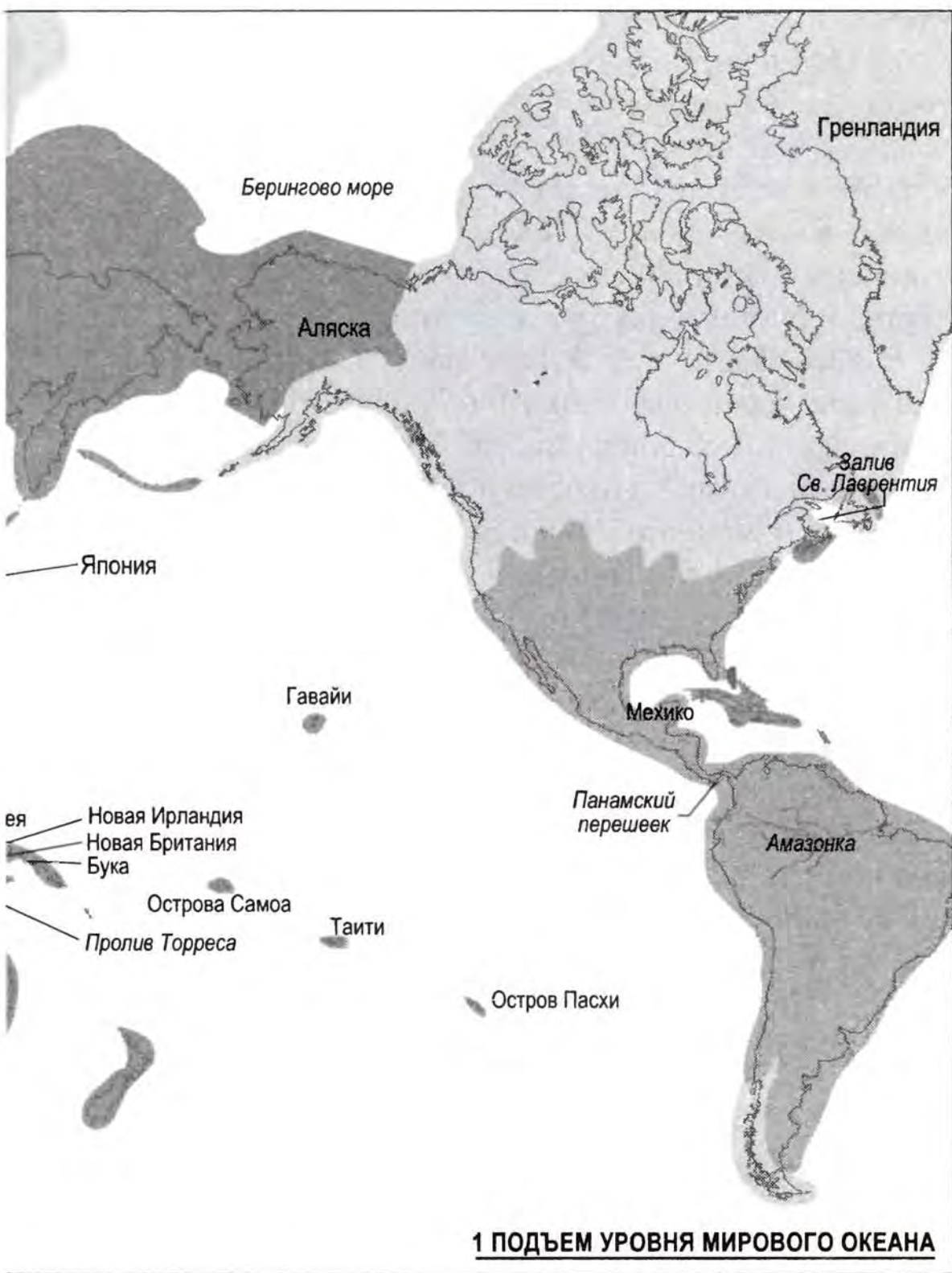
ли до такого дня. Никто не понимал причин происходящего, хотя многие могли давать этому странному явлению свои объяснения. Они даже не могли себе представить, что огромные массивы льда на двух концах света медленно тают, и это таяние повышает уровень воды в морях.

Перемена климата привела к изменениям в течении крупных рек. В Африке около 10 000 лет до н. э. воды озера Виктория начали вытекать в Нил, и впервые эта река стала длиннейшей в мире. В Восточной и Южной Азии ускорение течения крупных рек должно было оказать сильное воздействие на окружающую среду. Большинство длинных азиатских рек пополнялись за счет таяния льдов в высокогорьях Центральной Азии, а с повышением летних температур это таяние должно было существенно поднять уровень воды в некоторых из них. Изобилие ила, который понесли в себе воды Ганга, Хуанхэ и других рек, – отчасти следствие поднятия уровня ледяной воды. Покрытые илом долины этих рек стали первой колыбелью того, что мы называем цивилизацией.

На некоторое время Северная Африка стала привлекательной для людей-поселенцев. В некоторых местах этой засушливой страны примерно в 7000 до н. э. выпадало в три раза больше дождей, чем за типичный год нашего времени. Сахара была усеяна озерами и болотами. Путешествуя по этому огромному региону, люди могли не встретить ничего, кроме лугов или похожих на парки пространств, покрытых множеством тенистых деревьев. В наиболее благоприятные столетия население Северной Африки должно было быстро расти. Затем пришли засухи, и примерно после 3000 г. до н. э. люди начали покидать этот все больше опустынивавшийся район.

Подъем уровня Мирового океана практически завершился к 8000 г. до н. э. В общей сложности он

УРОВЕНЬ МИРОВОГО ОКЕАНА ПОДНИМАЕТСЯ

повысился на 140 м – по наиболее распространенной оценке, на 400 футов (122 м) и более. Это было самое знаменательное событие в человеческой истории за последние 100 000 лет – гораздо более важное, чем изобретение парового двигателя, открытие бактерий, высадка на Луну и вообще все вместе взятые события XX в. Подъем воды в морях привел к грандиозным переменам в жизни человечества и бурному росту населения.

В Юго-Восточной Азии с наступлением океана прежняя береговая линия в большинстве мест изменилась до неузнаваемости. Она перестала быть береговой линией. Ни одно побережье не претерпело таких изменений, как берега континента, объединявшего Новую Гвинею и Австралию. Особенно это касалось тропической Новой Гвинеи с ее высокими горами. Снежный покров в этих горах спускался зимой до отметки 3600 м. Однако с ростом температур снега отступили на 1000 м выше по горным склонам. Климат высокогорий стал гораздо более благоприятным для земледелия. Новая Гвинея не проиграла от подъема воды в морях: взамен погрузившихся под воду земель она получила земли, освободившиеся от холодного снега и ледяных ветров. По мере дальнейшего повышения уровня моря Новая Гвинея в конце концов оказалась отделенной от Австралии образовавшимся проливом Торреса.

Больше всего повышение уровня воды в морях изменило очертания Австралии, поскольку она была самым плоским из континентов. Возможно, седьмая часть ее суши медленно погружалась под воду, в то время как жители побережий совершенно беспомощно наблюдали за этим. К концу этого грандиозного события австралийские племена, которые прежде жили в 500 км от океана, могли уже

прислушиваться к звукам ночной бури или зловещему рокоту прибоя.

На крайнем юге австралийского континента море вклинилось в сушу, и Тасмания стала островом. Отделяющий ее пролив расширился и стал более бурным, и люди на острове почувствовали себя отрезанными от привычной жизни и заброшенными. Со временем это станет, возможно, самой длительной изоляцией в человеческой истории. За время этой изоляции черты тасманийцев действительно очень сильно изменились. Их волосы стали курчавыми, а размеры тела – меньше, чем у аборигенов, от которых они происходили.

Материковая Австралия, в отличие от Тасмании, оказалась не в полной изоляции. «Мостик» из островов связывал ее с Новой Гвинеей; и время от времени два человека, разделенные полоской моря, могли вступать в торговый обмен. Однако на самом деле этот узкий пролив по причинам, не вполне понятным, в течение тысячелетий служил глубоким рвом или высоким барьером. По одну его сторону, в Новой Гвинее, складывался образ жизни, для которого характерны были крупные садоводство и огородничество, создание запасов продовольствия, гораздо более высокая плотность населения и иной тип политической и социальной организации. На другой стороне австралийцы оставались охотниками и собирателями, объединенными в маленькие кочевые группы и жившими только за счет даров земли. Скорее всего, если бы уровень моря не поднялся и Австралия с Новой Гвинеей остались одним континентом с широкой разветвленной системой связей, последующая история Австралии не столь разительно отличалась бы от новогвинейской. Когда, в конце концов, изо-

ляция была нарушена в результате высадки британцев в Сиднее в 1788 г., столь отличный образ жизни австралийцев вызвал острое потрясение и недоумение.

ПОТЕРЯННАЯ АМЕРИКА

Американский континент был открыт человеком незадолго до того, как уровень воды начал подниматься. Первые люди, вероятно, перешли из Сибири на Аляску не позднее 22 000 лет до н. э. Два континента были соединены узкой полосой холодной земли, и летом этот переход, видимо, не представлял особых трудностей. Возможно даже, что охотники и их семьи преодолели его, просто преследуя дичь, нашли новое место более привлекательным и решили здесь остаться. В конечном итоге они оказались открывателями нового континента и заняли особое место в истории – но, с их точки зрения, они просто занимались своим повседневным трудом. Очевидно, другая волна переселенцев также пересекла этот коридор и, двигаясь на юг по западному побережью, оказалась в более теплой Мексике. Их присутствие в Мексике около 22 000 лет до н. э. документируется драгоценными кусочками обработанного обсидиана, найденными на местах стоянок.

По поросшим травой пространствам бродили крупные животные, делавшие это место раем для охотников. Среди ландшафтов мирно паслись огромные бизоны, мамонты, мастодонты, лошади и верблюды, не подозревавшие о прибытии искусных охотников. Мелкую добычу, например кроликов и оленей, тоже можно было ловить миллионами, а съедобные растения росли в изобилии. Когда приблизилась зима, у новых поселенцев оказалось

больше мехов и шкур, чем они когда-либо носили.

Население Америки увеличивалось. Многочисленными раскопками стоянок человека установлено ускорение распространения поселений около 11 000 лет до н. э. Пройдя по Панамскому перешейку, люди оказались в Южной Америке, и лишь немногие препятствия мешали их продвижению в южном направлении до тех пор, пока не показались нетающие льды крайнего юга.

Затем поднимающееся море – без всякого предупреждения – начало отделять Америку от остального мира. Около 10 000 лет до н. э. сухопутный мост между Азией и Аляской – единственные ворота в Америку – погрузился под воду. Образовался Берингов пролив. В течение некоторого времени море в новом проливе замерзло, и возможен был переход по льду. С потеплением климата даже этот переход стал рискованным. Постепенно все контакты между Америкой и остальным миром прервались, и эта безвестность длилась, вероятно, последующие 10 000 лет. Перелетные птицы мигрировали между этими двумя частями света, но люди жили в изоляции. Со временем население Америки утратило память о месте своего происхождения.

Столь длительная оторванность от Азии не остановила развитие Америки. Люди быстро осваивали все районы, в которых можно было жить. Постепенно ответвлялись племена, у которых складывались различные образы жизни: охотники-эскимосы на ледяном севере, кочующие охотники-собиратели на холодном крайнем юге, разные народы, сочетавшие занятия охотой и земледелием, в различных частях Северной и Южной Америки, в то время как в основе хозяйства некоторых других племен, живших по рекам Фрейзер и Колумбия на северо-западе, лежали обильные уловы лосося – и труд рабов. К 2000 г.

до н. э. в Северной и Южной Америке сложилось пестрое разнообразие экономик и культур.

В конце XX столетия сложилось представление о том, что изолированным и непроходимым тропическим лесам Амазонки каким-то образом удалось избежать большого вмешательства человека. С пробуждением уважения к природе во многих кругах западного мира возникло благоговение перед чудом амазонских лесов. Здесь сохранилась первобытная природа во всем своем уязвимом великолепии: огромный зеленый бассейн, дренируемый тихой величественной рекой. Однако даже Амазонка, как стало теперь известно, имела свою связанную с человеком замечательную историю в течение того долгого периода, когда Америка была отрезана от Европы и Азии. Древнейшая во всей Америке керамика была произведена не в Северной и не в Центральной Америке, а в тропических лесах бассейна Амазонки еще до 5000 г. до н. э. Есть даже свидетельства того, что кукурузу – замечательное злаковое – впервые начали культивировать огородники этого региона. Интересно, что биологическое разнообразие здесь особенно впечатляюще не в девственном тропическом лесу, а на участках, когда-то возделанных первыми амазонскими огородниками, а затем снова затянувшихся растительностью.

Как и Америка, Япония оказалась надолго оторванной от мира. Ее человеческая история была значительно более длительной, чем американская. Она была заселена за десятки тысяч лет до того, как началось повышение уровня моря. В этом одном из самых холодных населенных регионов мира заснеженные вершины долго взирали на обширные пустые пространства, поросшие лесами. Наряду с барсуками, зайцами и дикими кабанами в них водились тигры, пантеры, бурые медведи и бизоны,

разновидности слонов и другие крупные животные, хотя их численность сокращалась.

Когда уровень воды в морях начал подниматься, населенные южные районы Японии оказались отрезанными и превратились в острова. Вскоре образовался Цусимский пролив, отделивший Японию от Кореи. Когда в конечном итоге Япония оказалась в полной изоляции, ее население было ничтожно мало, составляя менее 30 000 человек. Большинство людей, должно быть, жило на побережье или вблизи него и кормилось морской рыбой или дикими плодами, созревавшими на равнинах летом. Маленькие группы кочевали в поисках лучших сезонных источников продовольствия. Люди радовались изобильным сезонам, но за ними должны были неизменно следовать неурожайные годы.

Предполагаемая средняя продолжительность жизни японцев в период, который они называют эпохой Дзёмон, была по преимуществу очень низкой. Редко кто доживал до 45 лет, а достичь 70-летнего возраста и вовсе казалось чудом. Кости человека из Йокогамы, обнаруженные раскопками в 1949 г., были изучены в рентгеновском излучении; оказалось, что, будучи ребенком, он нередко голодал. Его зубы, как и у большинства кочевников, были разрушены, а нижние моляры с одной стороны челюсти находились почти на уровне поверхности десен. Стирание зубов усиливалось практикой приготовления мяса на горячих камнях или на открытом огне, разводимом прямо на песке, в результате чего мясо часто попадало в рот обильно сдобренное песчинками.

Японцы на главном острове Кюсю уже умели делать красивую керамику. Одно изделие, датированное 10 500 г. до н. э., вероятно, старше любой керамики, обнаруженной в Китае, а возможно, и в целом мире. Недавно была найдена еще более древняя керамика.

В течение тысячелетий орнаментация и форма глиняных сосудов становились все более изощренными, как и у керамики египетской, греческой и китайской цивилизаций, о существовании которых Япония в своей оторванности от мира не подозревала.

Уже в 5000 г. до н. э. некоторые из японских жилищ или домов были весьма впечатляющими и вполне соответствовали строительным стандартам большинства регионов мира. Выкапывался котлован, и стены небольшого жилища площадью около 4 квадратных метров частично находились в котловане, а частично возвышались над поверхностью земли. Вертикальные столбы поддерживали крышу из снопов соломы и камыша. На расстоянии слышимости друг от друга могли располагаться 4–5 таких жилищ, в которых обитали 15 человек. Холодными ночами люди, должно быть, согревались, тесно прижавшись друг к другу, поскольку очаги находились за пределами жилищ. Люди держали небольших собак, возможно, для охоты, а также для компании. Время от времени в местах, где стояли такие дома, находят при раскопках небольшие глиняные фигурки с преувеличенными ягодицами и грудью. Возможно, это обрядовые статуэтки, призванные защищать женщин во время родов.

В отдельных районах японцы уже научились запасать продовольствие. Многие группы часть года жили поблизости от лесов, где можно было собрать изрядное количество орехов, часть которых съедали, а часть припрятывали. Сентябрь, октябрь и ноябрь – время созревания орехов, из которых первыми падали на землю каштаны. Хотя каштаны менее питательны, чем грецкие орехи, их было легче сохранить в листьях, наваленных в ямы для хранения, которые выкапывались рядом с домом или внутри него. Желуди, которые собирали под опав-

шими дубами, напротив, требовали длительного вымачивания в проточной воде для устранения содержащейся в них дубильной кислоты. Перемолотые после этого в тонкую муку с помощью камней-зернотерок, желуди были очень вкусны. Собирали желуди и приготавливали из них муку – равно как и месили глину для производства горшков – по преимуществу женщины. Эти постоянные занятия привели к любопытному эффекту – удлинению их ключиц.

По мере роста мастерства в сборе, хранении и приготовлении продовольствия население Японии увеличивалось, возможно, превысив к 2000 г. до н. э. 200-тысячную отметку, что превратило ее в одну из самых густонаселенных частей света. Однако по сравнению с современностью Япония тогда была почти безлюдной глушью.

ПАРАДОКС ИЗОЛЯЦИИ

На протяжении тысячелетий люди, жившие на территориях современных Японии и Соединенных Штатов, оставались по большей части отрезанными от внешнего мира. Они вели необычное существование. Казалось бы, такая длительная изоляция должна была постоянно ослаблять их в то самое время, когда Европа и Азия переживали быстрые перемены. Тем не менее в наши дни две эти когда-то затерянные части света превратились в великие мировые финансовые державы.

Возможно, у этого парадокса есть объяснение. Проблема изоляции – в то или иное время – остро стояла перед всеми людьми. Но в последние 150 лет географическая изоляция оказывалась благословением, а иногда и ценным преимуществом. В нашем сжимающемся мире идеи, товары и люди

могут без труда пересекать морские преграды, которые 10 000 лет назад казались непреодолимыми. Но море служило преградой и для армий завоевателей. Для Японии и Соединенных Штатов морское препятствие из помехи превратилось в главного защитника. В основном благодаря морю им удалось избежать вторжений. Море же было причиной того, что японцы и американцы неохотно втягивались в дорогостоящие войны, которые велись вдали от их дома.

В последние 150 лет Европа все более и более слабела в военных конфликтах, разгоравшихся в ней на суше и на море. Она всегда возрождалась, но размаху ее возрождения и мирового влияния полагали предел ее же раздробленность и внутренние разногласия. Напротив, Соединенные Штаты за этот период пережили всего одну войну на своей территории – гражданскую – и ни одной против завоевателей. Если бы Соединенные Штаты в 1800 г. находились в Европе, они, возможно, никогда не смогли бы достичь своего нынешнего могущества. Они бы не смогли проводить политику изоляционизма. Подобным образом и главные острова Японии, пережив отчаянную военную ситуацию в последние месяцы Второй мировой войны, даже тогда избежали вторжения. Безусловно, признание непреодолимой трудности вторжения в Японию оставило Соединенным Штатам мало выбора, и они сбросили первые атомные бомбы в надежде запугать японцев и заставить их подчиниться. В сущности, географические факторы, которые после поднятия уровня Мирового океана поставили в невыгодное положение и изолировали Японию и Соединенные Штаты, в отдельных ситуациях оборачивались преимуществом.

3

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В Сирии и Палестине, после того как уровень Мирового океана достиг своего нового максимума, имела место, казалось бы, незначительная революция. В отличие от более знаменитых промышленных революций, она происходила невероятно медленно, и силу ее воздействия человечество ощутит лишь через тысячелетия. Но человеческая жизнь приняла направление, с которого уже не свернуть.

К 8000 г. до н. э. в витрину этой революции превратилось поселение Иерихон. Его составляли небольшие дома из сырцового кирпича, жители которых на крошечных клочках возделанной земли выращивали пшеницу и ячмень. Первоначально росшие в диком состоянии, эти злаки были выбраны для культивирования потому, что их зерна были крупнее, чем у других диких злаков; а крупные зерна легче собирать и перемалывать в грубую непросянную муку. Земледельцы должны были подготовить землю, отобрать семена здоровых злаков, которые не осыпаются после созревания, и посеять их более плотно, чем это происходит в природе. Уборанное с помощью каменных ножей и серпов зерно

складировалось на поселении. В нашем мире половину потребляемых людьми калорий дает тот немногочисленный набор злаков, который окультурили эти ближневосточные земледельцы.

Поначалу у жителей Иерихона и других подобных поселений не было домашних животных. Большую часть потребляемого мяса они по-прежнему добывали неустанной охотой на диких газелей и других зверей и птиц. Но примерно через 500 лет после окультуривания первых злаков пшеницы и ячменя, а также отдельных видов гороха и бобовых, они уже держали небольшие стада коз и овец, вероятно, вблизи поселения. Это был еще один запас продовольствия: ведь стадо – действительно своего рода склад. Находки свидетельствуют, что древние виды животных были одомашнены в разных регионах – овцы на границе современных Турции и Ирака, козы в горах Ирана, а крупный рогатый скот – на Анатолийском плато. В овцах и козах особенно силен стадный инстинкт, поэтому одомашнить их было легко: приручая одно животное, приручали многих.

Люди, которые приручали овец, коз, крупный рогатый скот и сгоняли их в стада, вероятно, не были теми же, что начали культивировать растения. Чтобы вырастить пшеницу или приручить первую козу, требовалось не меньше дюжины проницательных наблюдений, сделанных для каждой из областей с разных точек зрения мужчинами или женщинами. Возможно, мужчины, бывшие, как правило, охотниками, приручали животных, а женщины одомашнивали первые злаки. Вероятно, первоначально злаки и скот не существовали в гармонии. Ранние земледельцы могли опасаться животных, пасущихся поблизости от молодой поросли посаженных ими растений, которую они могли сжевать или вытоптать.

Ежедневные работы на поле или огороде должны были следовать более жесткому распорядку, чем то, которого придерживались кочевники. Возделывание земли, прополка и сбор урожая проводились в определенное время, упускать время было нельзя. Новый образ жизни требовал дисциплины и последовательного выполнения целого ряда обязанностей, что контрастировало со свободой охотников или собирателей.

Точно не известно, почему этот двойной прорыв должен был произойти в одном и том же уголке Средиземноморья, но этот регион имел свои преимущества. Там произрастали две разновидности злаков, дававшие очень крупные зерна. И там же водились овцы и козы, которые, будучи мелкими и стадными животными, приручались легче, чем большинство разновидностей крупного скота. Но два этих преимущества сами по себе не объясняют произошедших перемен. В мировой истории известны довольно многочисленные примеры счастливых возможностей и удачного стечения обстоятельств, однако людям редко удавалось воспользоваться ими.

На формирование этого нового образа жизни оказали влияние и другие факторы. В результате повышения уровня Мирового океана прибрежные земли были затоплены и люди вынуждены были переселиться в глубь суши, что привело к смешению людей, идей и жизненных укладов. Продолжалось дальнейшее потепление климата, следствием которого было увеличение численности отдельных видов растений и животных. Злаки, несомненно, получили более широкое распространение, чем прежде. Численность крупных животных – традиционного жизненно важного источника пищи – сокращалась, и это подталкивало к приручению диких животных.

В течение длительных периодов племенам, первыми научившимся возделывать землю и разводить животных, приходилось сосуществовать с кочевыми народами. Жизнь бок о бок с ними вызывала напряженность. В скудные времена оголодавшие кочевники могли испытывать искушение напасть на соседние селения, где хранились запасы зерна и содержались стада животных. Селяне, в свою очередь, должны были строить укрепления и нести постоянный караул. С численным преимуществом и лучшей организацией – крестьянствовать означало организовывать – они обычно могли противостоять кочевникам в любой битве.

Будущее было за этими новыми земледельцами и скотоводами. Иметь доступ к житнице во времена голода означало владеть таким имуществом, о котором в кочевническую эпоху ни одно племя не могло и мечтать. Во время засухи селение, обладавшее запасами зерна и стадом овец или коз, могло продержаться значительно дольше.

Люди владели овцами, а овцы в некотором смысле владели людьми, связывая их свободу и приковывая к себе. Поэтому традиционный образ жизни – собирание объедков и съедобных растений, а также радости удачной охоты – по-прежнему оставался привлекательным. Он также обеспечивал продовольствием, особенно весной. И спустя несколько тысячелетий после возникновения земледелия и скотоводства сельские жители больше полагались на охоту и собирание пищи на болотах, равнинах и в лесах, чем на свое новое умение выращивать злаки, производить молоко и мясо.

Распространение нового уклада жизни на прибрежных территориях Средиземноморья происходило медленно. К 7000 г. до н. э. зерновые выращивались, а овцы и козы паслись под неусыпным над-

зором их владельцев в Греции и Сербии, а также в итальянских долинах, спускавшихся к Адриатическому морю. К 5400 г. до н. э. земледельцы со своими палками-копалками появились в Западной Шотландии и в районе Ольстера. К 3000 г. до н. э. обработанные клочки земли и мелкие стада можно было встретить в Скандинавии.

Не менее 2000 лет отделяют первые опыты земледелия в Греции от первых сельских хозяйств в Балтии. Удивляясь столь медленному распространению земледелия и скотоводства в Европе, следует помнить об одном обстоятельстве. Густые или разреженные леса покрывали 80% территории Европы. Сведение большей части этого леса с помощью каменных топоров – железа тогда еще не знали – и небольших костров требовало терпения и невероятных усилий. Заниматься собирательством было легче.

Тем временем крупный рогатый скот сгоняли в стада и пасли во многих частях Северной Африки – от Египта и Ливии до Алжира. Хотя первые домашние животные и культурные злаки были ввезены в Африку, там были одомашнены осел – вьючное животное – и цесарка, которая станет любимым блюдом на столах Древнего Египта, а позднее – Рима. Первые домашние кошки были африканскими, и позднее они стали незаменимыми стражами хранилищ зерна, столь любимого мышами. Африканцы также первыми окультурили и стали выращивать просо, которое обычно рассматривают как малоценное зерно, и первыми вырастили сорго с его пышными метелками из злаков, а также дикий рис, ямс и научились получать пальмовое масло.

Повсюду обработка земли начиналась с самых примитивных способов. Главным копательным орудием была палка, конец которой заостряли и об-

жигали для прочности на костре. Закаленная в огне палка, наверное, одно из самых важных изобретений человека – важнее, чем трактор, – и она в течение тысячелетий служила земледельцам во многих частях земного шара.

Для того чтобы научиться сеять, нужно было экспериментировать.

Легче всего заключить, что древние земледельцы, повесив на себя плетеную сумку, полную семян, шли по свежевспаханной земле и широкими движениями руки разбрасывали их; но во многих местах люди не знали такого способа сеяния. В некоторых африканских регионах женщины делали тысячи маленьких лунок в разрыхленной земле с помощью палки, мотыги или даже пальца и бросали по несколько зерен проса в каждую лунку. Другие наполняли семенами рот и затем выплевывали их понемногу в выкопанные заранее лунки. В Южной Африке местами действительно разбрасывали зерна по траве и земле, прежде чем вспахать участок простым плугом.

В Греции вскоре после 3000 г. до н. э. сложилась особая форма земледелия, основанная на выращивании оливковых деревьев и виноградных лоз. На крутых склонах, до того обжитых лишь овцами и козами, появились виноградники и оливковые рощи, увеличившие ежегодно потребляемые селянами калории на 40%. Оливковое масло использовалось не только в приготовлении пищи, им также наполняли светильники и натирали кожу. Вино и оливковое масло изменили диету Восточного Средиземноморья.

В то время как прежние кочевники большую часть своего времени тратили на собирательство и охоту, новый образ жизни способствовал появлению таких специальностей, как кирпичники, стро-

ители домов, пекари, пивовары, гончары, ткачи, портные, обувщики, смотрители житниц, копатели ирригационных каналов и, разумеется, земледельцы и скотоводы. Возможно, 90 из 100 человек в каждом регионе были вовлечены в выращивание или собирание продовольствия и связанные с этим занятия, но остальные 10 осваивали перечисленные выше профессии. Новые специалисты жили в деревнях, а самые крупные деревни развивались в города. Появление городов было невозможным до возникновения земледелия.

Возможности какого-либо района прокормить людей увеличились в 3–6 и даже более раз в результате повышения эффективности использования земель и травяных угодий, минералов и рыбных ресурсов – ряда достижений, недоступных для кочевых народов. Население мира, прежде незначительное, существенно увеличилось. Вероятно, лишь 10 миллионов человек жили на всем земном шаре до того времени, когда были предприняты первые попытки выращивать зерновые и держать стада. Но к 2000 г. до н. э. численность жителей Земли, вероятно, уже приближалась к 90 миллионам. Еще через две тысячи лет, ко времени жизни Христа, мир населяли уже около 300 миллионов человек.

Время от времени рост населения прекращался в результате эпидемий. Кочевники, не догадываясь об этом, вели более здоровый образ жизни. Все время пребывая в движении, они оставляли свои нечистоты позади. Используя минимум одежды или вообще пренебрегая ею в тропическом климате, они открывали свою кожу солнечным лучам, убивающим микробы. Не имея животных, они реже подвергались различным болезням. Напротив, с распространением нового уклада концентрация людей

в поселениях увеличивала риск распространения инфекций.

Итак, наряду с тем, что новый образ жизни обеспечивал большим количеством продовольствия и тем самым приводил к росту населения Земли, он также способствовал распространению вирусов, которые периодически сокращали численность человеческой популяции. В результате ежедневного ухода за недавно одомашненным скотом люди, возможно, заражались болезнями, которыми раньше болели только эти животные. Одна из форм туберкулеза распространилась посредством коровьего и козьего молока. Корь и оспа передались от крупного рогатого скота людям, которые пасли его, доили и ели его мясо. Одна из форм малярии, возможно, была передана птицами. Грипп перешел от свиней и уток.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Складывались новые формы политической организации. В то время как в обществах кочевников власть, как правило, делили между собой старейшины, новые сельскохозяйственные общины все больше контролировались узким элитарным кругом правителей или вождем, который, как правило, был мужчиной. Защищая свое поселение и земельные угодья, вождь также пользовался возможностью отплатить за старые обиды или раны. Он захватывал пленных и порабощал их. Кочевые племена редко находили применение рабам, а оседлые правители могли использовать рабский или подневольный труд на строительстве ирригационных каналов, храмов, укреплений и других сооружений. Новые правители могли собирать дань в виде зер-

на, мяса или другого добра, тогда как земли кочевников были зонами, свободными от налогов.

Новые правители назначали жрецов. Жрецы в свою очередь обеспечивали законность власти и моральную поддержку правителям. Хотя сама религия служила помощником человечеству с древнейших времен, самостоятельный институт жречества был нововведением. Жрецы и жрицы помогали вызывать дожди, которые полагали конец засухе; они способствовали получению обильного урожая; они помогали победить врагов во время войны; и они, возможно, давали чувство внутреннего умиротворения тем, кто без них мог бы испытывать страх и беспокойство. К 3500 г. до н. э. во многих сельских поселениях и небольших городках Европы и Ближнего Востока возводились религиозные памятники впечатляющих размеров.

В новых религиях отражалось чувство благоговения перед Вселенной и ее механизмами, а также страхи и надежды, вызываемые могущественными силами природы. Природе следовало поклоняться, ее нужно было задабривать. Население региона могло заметно сократиться вследствие града, который положил или побил посевы, болезней, которые истребили скот, нашествия насекомых или поражения грибом урожая, весны, прошедшей без дождей, уменьшения поголовья дичи в результате мора или засухи, а также неожиданных разливов рек. Для того чтобы обеспечить плодородие почвы или обильный ежегодный урожай, богам следовало подносить дары. Самым большим даром была человеческая жизнь. Это жертвоприношение, возможно, было призвано открыть ворота, через которые могло хлынуть богатство и благополучие.

ЗАГАДКА НОВОЙ ГВИНЕИ И АМЕРИКИ

Нагорья Новой Гвинеи были столь далеки, что оставались почти неизвестными европейцам вплоть до XX в. Но назвать их глухим углом никак нельзя, поскольку они были одним из основных пунктов зеленой революции. Около 7000 г. до н. э., когда Европа еще была незнакома с земледелием, жители Новой Гвинеи культивировали различные сорта ямса и других корнеплодов, тенелюбивый таро, сахарный тростник и местную разновидность банана. Дренажные каналы, выкопанные руками, улучшали почву и помогали ведению этого простейшего сельского хозяйства. То, что идея огородничества пришла в Новую Гвинею из Юго-Восточной Азии, маловероятно, но исключить этого нельзя.

В Новой Гвинее деревья рубили каменными топорами, короткими резкими ударами, которые можно было нанести, скорее, орудием типа томагавка, чем похожим на современный топор с длинной ручкой. Со временем лес и подлесок на участке выжигали, строили вокруг ограждения и сажали съедобные корни в почву, удобренную свежей золой. Прополка была очень важной задачей, и обычно ею занимались женщины. После пары урожаев почва на время истощалась, и нужно было в поте лица расчищать новый соседний участок леса. Это была работа первопроходцев, требовавшая недюжинной мускульной силы, выносливости и напряжения. Эта экстенсивная форма земледелия, иногда называемого «подсечно-огневым», требовала вырубки больших лесных участков, из которых в год распахивалась и засаживалась лишь незначительная часть.

В Северной и Южной Америке, как и в Новой Гвинее, развивалось свое огородничество. Такие

растения, как тыква, хлопок и перец чили, выращивали на территории современной Мексики уже к 6000 г. до н. э., а позже к ним добавились кукуруза и бобы. На восточном побережье нынешних Соединенных Штатов возделанные участки появились около 2500 г. до н. э. Впоследствии сельское хозяйство стало основой американской цивилизации, которую в свое время открыли испанцы.

Преобладает мнение, что земледелие и неповторимые цивилизации Америки развивались по преимуществу в изоляции. Широко признано, что подъем уровня Мирового океана надежно отделил новых поселенцев, перешедших из Северной Азии в Америку, но возможность культурных влияний из Восточной Азии, Африки или Европы полностью исключить нельзя. Возможно, время от времени американского континента достигала новая волна поселенцев.

Есть некоторые отдельные свидетельства в пользу теории о том, что контакты между Америкой и Азией не прерывались. Так, китайские меланиновые куры, с их черными костями и темным мясом, существовали и в Америке, где к ним относились так же, как в Китае, принося в жертву во время магических и целительных обрядов, но избегая употреблять в пищу. Не привезли ли этих кур из Китая позже, в лодках колонистов второй волны? Также некоторые ученые утверждают, что характерный календарь майя, живших в тропической Америке, возможно, пришел из Таксилы в современном Пакистане, и что 4 из 20 названий дней в этом календаре – прямые заимствования имен индуистских божеств.

Движение идей, а также растений и животных через Тихий океан происходило, возможно, в обоих направлениях. Тем не менее один сельскохозяйст-

венный регион сложился ранее, чем другие, и развивался более динамично. Ближний Восток был подобен пламени, которое, разгоревшись однажды, дает все больше и больше света.

Вылепленные вручную сосуды – либо высушенные на солнце, либо обожженные на костре – стали важнейшей частью нового образа жизни. В то время как кочевым народам горшки были не нужны, людям, жившим на одном месте, изобретение керамики принесло огромную пользу. В современном западном мире трудно понять, почему когда-то играли столь важную роль горшки, в наши дни используемые практически только для украшения. Керамические сосуды были неоценимы при освещении жилища и приготовлении пищи, они также позволяли эффективно использовать топливо. Существовали керамические светильники и миски, в которых свечи можно было установить вертикально. В больших сосудах, иногда снабженных крышками и ручками, держали воду и пиво в доме. Неглазурованные горшки были предпочтительнее как хранилища, поскольку вода в них оставалась прохладной. В саваннах Камеруна огромные сосуды использовались для приготовления пальмового вина, в то время как в других хранили орехи кола. Нигерийцы во время похорон играли на керамических барабанах. В некоторых регионах гончарами были женщины – они осуществляли главное в то время промышленное производство.

Оседлое общество, освоившее изготовление керамики, получило возможность перейти к новому пищевому и питьевому рациону. Оно куда скорее, чем кочевое, могло научиться готовить напитки путем сбраживания, поскольку для этого процесса требовались большие тяжелые сосуды. Общество, владевшее керамической посудой, могло

приготовить тесто, а затем испечь из него хлеб в гончарной печи. Любопытно, что общество, которое варило мясо в горшках, а не жарило его на открытом огне или раскаленных камнях, скорее всего, гораздо больше нуждалось в соли. Фактически соль – первый пищевой продукт, ставший постоянным предметом торговли на Ближнем Востоке и в Азии.

Гончарство косвенно способствовало зарождению металлургии. Гончары с их глиной были предшественниками металлургов с их рудой. Хотя обжиг керамики в сильном пламени и не вел автоматически к выплавке металлических руд, он был важнейшим шагом на пути к этому. Как эффективнее использовать топливо, как усилить жар нагнетанием свежего воздуха, как обращаться с обжигаемым горшком, как долго дать ему остывать – ответы на эти вопросы служили руководством по обработке металлической руды в сильном пламени.

Одним из поворотных моментов в мировой истории стал день, когда из кусков твердой медесодержащей породы в сильнейшем пламени впервые был получен почти чистый металл. Древнейшие горны и медеплавильные мастерские были обнаружены во время раскопок в Тимне (Южный Израиль), неподалеку от голых гор, тянущихся вдоль реки Иордан. Первый, действовавший около 4200 г. до н. э., горн представлял собой небольшое овальное отверстие в земле, углубленное, вероятно, на длину руки взрослого человека. Чтобы удерживать большую часть пламени внутри, на отверстие горизонтально клали клиновидный осколок камня – своего рода свободную крышку. Это было доморощенное производство. Впрочем, даже такое определение является преувеличением.

В процессе выплавки меди люди открыли способ получения бронзы. Возможно, это произошло случайно, но лишь пытливым ум способен оценить значение случайного открытия. Бронза была выплавлена из смеси 90% чистой меди с 10% олова; получившийся сплав был прочнее меди и легче подвергался обработке. Примерно к 3500 г. до н. э. бронзу выплавляли кузнецы в городах-государствах Месопотамии. Где они брали необходимое для этого олово, остается пока неизвестным.

Это чудо, но человека эпохи меди недавно удалось увидеть во плоти. Его тело – ткани все еще оставались на костях – было обнаружено приблизительно через 5000 лет после того, как он отправился на рискованную прогулку в Тирольские Альпы, неподалеку от границы Австрии и Италии. Он пересекал горное ущелье на высоте 3200 м – выше, чем проходит самая высокая современная дорога в этих горах. Вероятно, дело происходило осенью, и он был тепло одет. Его голова была покрыта капюшоном, сшитым из множества кусочков меха. Плечи были защищены от снега и холодного ветра накидкой, тщательно сплетенной из камыша или жесткой травы. Плащ из оленьей шкуры, должно быть, согревал часть его тела при ходьбе, но неизвестно, были ли у плаща рукава. На нем несомненно были кожаные лосины, а на ногах – обувь из телячьей кожи.

О том, что он совершал скорее длинное, чем короткое, путешествие, свидетельствует его снаряжение: он нес с собой топор с бронзовым лезвием, кремневый нож с деревянной рукояткой, колчан с 14 сломанными или использованными стрелами и наполовину сделанный лук для пуска этих стрел. Что немаловажно для жителя гор – района, где бывает нелегко найти дрова и растопку, чтобы развес-

ти костер холодной ночью, – он нес собой хитроумный контейнер из бересты, в котором могли сохраняться угли от погасшего костра. С их помощью он мог без особых хлопот разжечь новое пламя.

Он погиб в снегах. Возможно, поняв, что его возвращение домой слишком задерживается, друзья или родственники отправились на его поиски. Его легко могли бы узнать, поскольку кожа была украшена несколькими мелкими татуировками, а ценный медный топор, должно быть, хорошо был знаком друзьям. Поиски не увенчались успехом, и ледяной покров на нем нарастал столетие за столетием. Лишь в 1991 г. н. э. из тающего льда показалось его тело.

4

КУПОЛ НОЧИ

В больших и ярко освещенных городах, где сосредоточена большая часть населения современного мира, вряд ли можно оценить величие и красоту ночного неба, которого почти не видно из-за городских огней. Кроме того, новые объяснения событий человеческой жизни, как светской, так и религиозной, вытеснили объяснения, основанные на расположении и движении звезд, Луны и Солнца. Но на протяжении большей части человеческой истории, как письменной, так и дописьменной, ночное небо владело воображением людей, поражая его своим великолепием и волшебством. А когда возникли первые цивилизации, «небесные тела» стали наделять все более могущественной символикой.

**ТАЙНА МОЛНИИ
И ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЫ**

Кочевники и земледельцы испытывали глубокий ужас, наблюдая метеорологические явления. В Тасмании множество аборигенов было напугано сильными грозами. «Сильный дождь ночью, – пи-

сал белый очевидец в 1831 г., – сопровождался громкими раскатами грома и яркими вспышками молний, которые вызывали у местных жителей невыразимый ужас». На следующий вечер вид «электрической искры» в темном небе вызвал крики смятения. Возможно, боязнь того, что молния ударит в них, усиливала страх. Нервно поглядывая на расколотое дерево, в которое попала молния, они отказывались – как и немецкие крестьяне на другом конце земли – прикасаться к обнажившейся древесине.

Ночное небо служило купольной крышей людям все то время, пока они спали под звездами. Детей учили наблюдать за регулярным движением звезд по ночному небу. Изредка они видели, как темное небо быстро прочерчивают какие-то огни. Некоторые из них были падающими звездами, появлявшимися лишь на одну-две секунды, за другими же тянулись длинные огненные хвосты. Кочевые охотники и собиратели внимательнейшим образом наблюдали за ночным небом и, вероятно, путем этих наблюдений установили, что падающих звезд вдвое больше перед рассветом, чем в первые часы ночи. Когда происходило это странное представление, они считали, что небо разговаривает.

По всему миру кометы и звезды вызывали огромный интерес и будили умственную деятельность людей. Немногие явления казались им более захватывающими, чем падающий в ночи пылающий метеор. Большинство метеоров разрушается в падении, а те, которые достигают поверхности Земли, по преимуществу падают в океан, и лишь редкие ударяются о землю. Метеориты – это метеоры, достигшие места назначения в виде черных каменных осколков; и к таким камням, которые, как казалось, упали из жилища богов, относились с благо-

говением везде, где их находили. Драгоценный камень из пирамиды в Чолула в Мексике и камень, почитаемый в Эрмесе в Сирии, – возможно, метеориты. В Мекке в древнем храме хранится камень, которому поклонялись аравийские племена и сам Мухаммед.

Представление о том, что метеориты или падающие звезды – послания богов, словно бы подтверждается производимым ими при падении на землю шумом и нестерпимой яркостью. Одним эти звуки казались похожими на рокот грома. Другим, жившим в эпоху пара, напоминали шум удаляющегося поезда. В одних обществах падение звезды считалось счастливой приметой, в других – предвестием беды.

И кочевые племена, жившие под звездами, и оседлые народы под безоблачными небесами первых цивилизаций на Ближнем Востоке имели все основания наблюдать за ночным небом. В безлунные ночи небо казалось разостланным в вышине роскошным ковром. Оно также менялось каждый час, и люди наблюдали за характером этих изменений и обсуждали их. В засушливой Центральной Австралии, где нет ни одной постоянной реки, некоторые группы аборигенов воспринимают Млечный Путь как широкую реку, текущую по небу. Многие люди населяли небо могущественными существами. Некоторые считали, что темная прореха в Млечном Пути – это жилище демона.

Представители ранних цивилизаций, процветавших вдоль рек Тигр и Евфрат, продолжали почитать звезды. Искушенные в астрономии, эти люди могли предугадать многие из передвижений основных планет и созвездий, и это позволяло им считать, что по движению звезд и планет они могут предсказывать события человеческой жизни. Вавилоняне да-

же научились рассчитывать время лунного затмения задолго до того, как оно происходило.

Развитие астрологии и изучение возможного влияния звезд и планет на человеческую жизнь теперь игнорируют в интеллектуальных кругах как выдумки, но была какая-то интуитивная логика в этих умственных упражнениях, которая привлекала лучшие умы древнейших цивилизаций в Китае и на Ближнем Востоке. Если Солнце может определять приход зимы и лета, а Луна – управлять приливами и отливами и формировать календарь, то почему эти могущественные силы не могут предопределять и человеческую судьбу? Этот вопрос волновал ученых на протяжении тысячелетий. Медики он также не оставил равнодушными, и вплоть до XX в. людей, страдающих одним из душевных заболеваний, называли лунатиками, имея в виду, что на их болезнь влияет Луна.

Луна, растущая или убывающая, занимает обычно господствующую позицию. Самый крупный объект на ночном небе, восходящий и закатывающийся с каждой ночью примерно на 50 минут позже, она величественно осуществляет свое движение. В новолуние она невидима, поскольку шествует вместе с Солнцем по дневному небу. Напротив, в полнолуние ее можно наблюдать в течение всей ночи. Живая, могущественная и неповторимая, Луна считалась женщиной у одних народов, мужчиной – у других. Луна была символом жизни и смерти, и люди верили, что она определяет, когда выпадут дожди. Считалось также, что она влияет на рост растений – и вот уже в течение тысячелетий у крестьян существует правило, что растения следует сажать в новолуние. В более позднее время в Индии, Иране и Греции люди верили, что человек после смерти отправляется на Луну. На основании смены

лунных фаз после возникновения астрономического искусства были составлены первые календари.

«МНЕ СНИЛСЯ СОН»

Ночью люди видят сны – радостные, ужасные, мирные, привычные или странные. Представителям самых разных племен ночь казалась областью таинственного, куда их допускали во время сна. Сновидения были свидетельствами таких посещений. В Северной Канаде коренные жители побережий Гудзонова залива верили в то, что когда они спят, их душа ускользает из тела и на время попадает в другой мир. В Центральной Австралии представители племени аррернте считают, что у каждого человека две души и что во время сна одна из них действительно покидает тело. Они полагают, что во сне они, оставаясь собой, одновременно наблюдают за реальными приключениями этой второй души, происходящими вне тела. Если с душой, покинувшей тело, происходит что-то ужасающее, ужас немедленно передается спящему и видящему сон человеку.

Десятки тысяч лет до появления жрецов и толкователей к ярким реалистичным снам должны были относиться с благоговением. Такое значение, придаваемое снам, было следствием трепетного отношения к ночи, когда эти сны снились. На примитивной стоянке кочевой общины ощущение ночи и непроглядной темноты было всепобеждающим, почти невыносимым. В наши дни огромные, ярко освещенные города почти победили ночь.

В современную эпоху сон получил совершенно иную трактовку. Сновидения больше не объясняют как непосредственные предсказания. Психолог Зигмунд Фрейд рассматривал сновидение не как

взгляд в будущее, а как зеркало личности, в котором отражается уже пережитое спящим человеком.

Невозможно сказать, когда люди впервые увидели скрытый смысл в движении Луны, Солнца, звезд и комет. Но игнорировать влияние ночи и ночного неба на жизнь древнего человека только потому, что свидетельства о них скудны и отрывочны, означало бы пренебречь яркими и увлекательными страницами человеческой истории.

СКРЫТЫЕ ПАМЯТНИКИ

Кочевники не возводили грандиозных памятников – пирамид, массивных колонн из камня, храмов, маяков. Они не умели высекать огромные каменные блоки и перемещать их на далекие расстояния, но в некотором смысле они и не нуждались в памятниках. Создатели памятников стремятся донести нечто важное; но для людей, живших около 15 000 лет назад, небо и земля были полны памятников, часть которых была видима только искушенному глазу.

Для некоторых кочевых обществ небо было памятником, созданным существами, которые являлись их собственными предками. Их земля была создана подобным же образом. Каждый холм и горный хребет, каждая деталь ландшафта были созданы этими существами, когда они впервые населили Землю. В глазах ранних австралийцев холмы, скалы, животные и все живое на их племенной территории были фактически священными памятниками, наследием их предков, и первоначальный акт творения следовало периодически воспроизводить в религиозных ритуалах, обрядах и танцах, оставленных этими существами-создателями. Таким образом живущие поддерживали связь с теми, кто давным-давно создал этот животворный земной и небесный ландшафт.

Забегая вперед, следует сказать о глубоком влиянии, оказанном ночным небом и на более поздние религии. Иудейский календарь основан на фазах Луны; и начало религиозного года определялось совпадением двух событий – появления колосьев на посевах ячменя и первого выхода на небосвод полумесяца новой Луны. Будда родился в особый момент лунного цикла, а о Рождестве Христа, по преданию, возвестила яркая путеводная звезда. У индуистов и джайнов одно из священных событий – это праздник огней, и проводится он в ночь полнолуния определенного месяца. Самый священный день в христианском календаре определяется по Луне. Мусульмане и теперь живут по лунному календарю, и Рамадан – месяц поста – официально начинается в момент, когда восходит новая Луна, которую можно видеть невооруженным глазом. Почитание Луны и звезд характерно для китайской цивилизации. Даже первые университеты, появившиеся в Средние века, уделяли особое внимание астрологии. Быть профессором астрологии одного из этих университетов или придворным астрологом короля либо военачальника в XII в. означало владеть реальной властью. Только четыре столетия спустя Коперник низверг астрологию с научного небосвода – но не из людских сердец, где она продолжала сохранять свои позиции.

5

ГОРОДСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДОЛИН

Если бы неутомимый путешественник, живший на Среднем Востоке в 4000 г. до н. э., предпринял необычное – а вероятно, и невозможное – сухопутное путешествие от берегов Черного моря до верховий Нила, он не встретил бы ни одного значительного памятника. Он не увидел бы ни одного города. Ему не попался бы на пути ни храм науки, ни роскошный царский дворец. Если бы спустя примерно 1500 лет по его следам прошел другой путешественник, достопримечательности уже довольно быстро перестали бы его удивлять. Однако существовали они по преимуществу вдоль больших рек этого региона. Ключевую роль в возникновении цивилизаций в этом уголке мира сыграли четыре великие реки – и еще несколько крупных рек в далеких отсюда землях.

Большие реки Среднего Востока протекают по сухим равнинам, чьи земли обогащаются в результате ежегодных разливов. Течение переносит десятки миллионов тонн ила, который равномерно рас-

пределяется по поверхности истощенной земли как новый слой удобрения. Аналогичным образом в засушливые сезоны каналы доставляют воду из рек для полива иссушаемых солнцем сельскохозяйственных угодий. На затопляемых равнинах небольшой участок мог прокормить большее количество людей и обеспечить более крупные города, чем почти в любом другом месте мира в ту эпоху. Во времена, когда наземный транспорт находился на примитивной стадии развития, широкая река также представляла собой великолепную магистраль, по которой без особых затрат можно было доставить зерно и строительный камень в отдаленные части страны.

ДОРОГА МЕЖДУ ПИРАМИДАМИ

Берега Нила вскормили египетскую цивилизацию. Эта река вьется по узкой долине, ширина которой близ Асуана в верхнем Египте достигает всего 2 километров. То там, то здесь в реку проникают пески пустынь. Ниже по течению долина часто расширяется до 30 или более километров, в то время как в дельте – мозаике из участков плодородной низменности и речных протоков – ее ширина достигает 200 км. Во время разливов сельскохозяйственные земли в дельте – главный источник благосостояния Египта – превращаются в огромное озеро, над поверхностью которого возвышаются постоянные деревни, примостившиеся на вершинах небольших холмов. И действительно, деревни в дельте обычно называют «островами». Землю, на которую разлив наносит свежую богатую почву, можно снова засеять ячменем или пшеницей после того, как вода спадет. У этой реки есть не только достоинства. Если вода поднимается слишком высоко или течет слишком быстро, все сло-

женные из земли сооружения и ирригационные каналы разрушаются. Кроме того, воду нелегко доставлять к полям, которые расположены выше уровня разлива. По мере расширения возделываемой земли приходилось нанимать людей или тягловый скот для поднятия воды в ведрах или корзинах с более низкого на более высокий уровень.

Египет видел длинную череду могущественных правителей, величественные города, бурную религиозную и экономическую жизнь, житницы, набитые зерном, и годы обильных урожаев, а также царские гробницы с богатыми сокровищами, погруженными в вечную темноту. Здесь жили военачальники, чиновники и жрецы, которые проявили недюжинные организаторские способности и умение вести записи. Их рисуночное письмо – ранняя форма письменности – служило средством связи между жившими вдоль реки людьми.

Здесь были архитекторы, разрабатывавшие свои изящные проекты, и строители, способные воплотить эти планы в массивном камне, а также тысячи ремесленников и художников, работавших с драгоценными металлами, медью, деревом, текстилем и драгоценными камнями. Здесь были проектировщики ирригационных и транспортных каналов, один из которых даже связывал Нил с Красным морем. Здесь жили ученые, накапливавшие знания о Луне и звездах и составившие первый календарь, год в котором состоял из 365 дней. Здесь торжественно шествовали влиятельные жрецы, формировавшие воззрения людей на загробную жизнь, в которой принцессу будут почитать как принцессу, хотя даже простой общинник может приобщиться к вечности. Правитель, будучи богом, скрытым в человеческом теле, заслуживал соответствующего погребального сооружения.

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

Ежегодные разливы Нила не воспринимались как должное. Повсюду, даже в оазисах среди пустыни, строились роскошные храмы в честь божественного правителя, без молитв в которых «ежегодного пробуждения Нила» могло и не быть. В обмен на это храмам выплачивали дань или налоги в форме ячменя и пшеницы или даже земли. Со временем храмы стали владеть третью всех возделываемых земель вдоль Нила.

Высокий тростник, раскачивающийся под ветром, был неотъемлемым атрибутом в тех частях Египта – а также Месопотамии, – где реки питали болота или заболачивали дельту. Множество работников резали тростник, для того чтобы, связав его в снопы, крыть ими дома. Острые концы тростника также служили чем-то вроде ручек – стилей – для нанесения значков и слогов на влажные глиняные таблички. В конце концов у глины появился соперник, другой писчий материал, который также давала река. В нильских болотах рос папирус; как сказано в Книге Иова: «Может ли папирус расти там, где нет болот?» Еще в 2700 г. до н. э. умные египтяне научились превращать папирус в разновидность толстой бумаги, на которую легко было нанести значки с помощью тростникового стиля. Бумага – почти главная сущность бюрократии – была собственным изобретением египтян.

Возможно, египтяне были первыми людьми, относившимися к собакам и кошкам как к домашним любимцам. Кошек изображали на стенах гробниц; после смерти их тела мумифицировали, подготавливая к загробной жизни; и их оплакивали домочадцы, обривая в знак печали свои брови. Уже в 2000 г. до н. э. люди держали борзых, которые по преимуществу участвовали в спортивной охоте на зайца.

В медицине египтяне, возможно, опережали весь остальной известный мир. Магия переплеталась со знаниями; эта смесь оказывала сильное воздействие на разум тех, кто верил врачевателям. Большинство сведений о человеческом теле было почерпнуто в процессе обряда приготовления умерших к мумификации. Египтяне одержали свои победы в анатомии, хирургии и фармацевтике, и, возможно, они были первыми, кто стал применять бинты и шины. Для приготовления своих лекарств они использовали жир мышей и змей, а также травы и плоды, при этом каждый ингредиент тщательно взвешивался или отмерялся. В древнегреческой эпической поэме «Одиссея» Гомер называет египетских врачей наилучшими, и к тому времени их медицинской репутации, которую снискали их мастерство, талант и смелость, насчитывалось уже почти 2000 лет.

В 2600 г. до н. э. египтяне, насколько это известно, первыми стали печь похожий на современный хлеб из дрожжевого теста. По форме он был больше похож на омлет, чем на более высокие буханки, которые ели во времена древних греков. Хлебопекарная печь с топкой внизу и подом наверху была их изобретением.

Намываемая нильская равнина обычно производила излишки продовольствия, которые могли прокормить не только тех, кто возделывал поля, но также ту десятую часть населения, которая жила в городах и служила царям, их приближенным и жрецам. Именно эти излишки, этот небольшой избыток богатств позволили череде царей построить около 80 пирамид – царских погребальных сооружений.

Поскольку местность вдоль Нила обрамлена только невысокими холмами или насыпями, пирамиды господствуют над ландшафтом, что было бы

невозможным среди гор. Первая пирамида была построена около 2700 г. до н. э. Высота Великой пирамиды, возведенной 200 лет спустя, должна была составлять 146 метров, то есть быть равной высоте современного 50-этажного небоскреба. Ее строительство требовало усилий 100 000 рабочих, включая рабов и тех крестьян, которым нечего было делать во время ежегодных разливов. Тяжелые блоки известняка и гранита нужно было вырубать в каменоломнях, а затем перемещать их без помощи колесного транспорта или шкивов. Для своего времени это было самое удивительное сооружение в мире. Еще более примечательно то, что оно было построено царством, численность населения которого едва превышала 1 миллион человек. Население Египта неуклонно росло, и ко времени Нового царства, примерно через 1500 лет, вероятно, составляло 4 миллиона.

На долю Египта выпало больше длительных периодов стабильности, чем знала история любой другой цивилизации речных долин. Непрерывность развития языка и культуры в этой стране поражает. Монархия в ней существовала в течение 3000 лет – это один из самых устойчивых институтов в документированной истории. Хотя недостатки Египта очевидны, то же можно сказать и о его достоинствах.

ТАМ, ГДЕ ВПЕРВЫЕ ПОВЕРНУЛОСЬ КОЛЕСО

Конкурирующая цивилизация расцветала в Месопотамии. Там около 3700 г. до н. э. возникло первое из известных в мире государств, с сопутствующей ему светской и религиозной бюрократией. Это государство занимало теплую равнину между дву-

мя реками – Тигром и Евфратом. Оно было прямым порождением этой плодородной долины.

Питаемые талыми водами с гор Турции, Тигр и Евфрат проделывают две трети своего пути по направлению к морю, прежде чем достигают краев этой равнины, и почти у самого моря они наконец сливаются. Время от времени они меняли свои русла или наполнялись илом, но в течение столетий служили магистралью, по которой на небольших лодках или плотах из шкур животных люди сплавливали столь необходимую древесину из лесистых внутренних районов. Долины в нижнем течении двух этих рек, засеянные ячменем и пшеницей, давали обильные урожаи. В то время как в других регионах земледельцы вскапывали землю заостренной палкой или примитивной лопатой, здесь ее пахали, что позволяло обрабатывать большие площади меньшим количеством рабочих рук. Часть ячменя сбраживали в пиво – возможно, первое пиво в мире.

В Южной Месопотамии, известной как Шумер, на берегах рек и каналов выросли чудесные города. Некоторые из шумерских городов располагались в пределах видимости друг от друга. Примерно в 3000 г. до н. э. 18 крупных городов процветали на площади, не превышавшей размерами Ирландскую Республику. В Уруке (на территории современного Ирака) жили 50 000 человек, и все они существовали за счет земель, возделываемых поблизости. Города стремились к тому, чтобы быть столицами окружающих территорий или государств, но войны уменьшали число государств. Жители Южной Месопотамии привыкли к тому, что их то и дело завоевывают.

В этих городах храм был столь же неотъемлемой чертой, какой станет собор в Европе более чем

3000 лет спустя. Жрецы с помощью ритуалов, жертвоприношений и молитв призывали ветры, несущие дождь, дуть в нужном направлении и орошать иссушенные земли. Жрецы также просили, чтобы сошли воды разливов, – и их просьба, разумеется, всегда выполнялась. Они также вещали о чуде мироздания.

Нелегко ответить на вопрос, были ли жители этих городов изобретательнее, чем египтяне. Почти наверняка цельное деревянное колесо было изобретено именно здесь. Одна повозка с такими сплошными колесами могла перевезти больше, чем способна перенести небольшая процессия мужчин. Позже создание легкого колеса со спицами преобразило мирный транспорт, а также привело к широкому использованию запряженных лошадьми колесниц в военных действиях. Колесный транспорт – как в мирное, так и в военное время – особенно подходил к равнинным условиям.

Искусство письма и чтения возникло в одном из месопотамских городов, хотя Египет также оспаривает эту славу. Ранняя месопотамская письменность состояла из групп клиновидных отпечатков. Ее знаки наносились острым инструментом на влажные глиняные таблички, которые после высушивания затвердевали. Фруктовый сад обозначал рисунок, изображающий два дерева в чаше. Зернохранилище символизировал ячменный колос. Голова быка, сопровождаемая цифрой 3, означала трех быков. Одним из назначений письменности был учет запасов продовольствия и тканей, поступавших в храмы, которые также служили складами.

Искусство счета также продвинулось вперед. Самые передовые из городов Двуречья уже пользовались двумя разными системами счисления, одна

из которых была шестидесятеричной, а другая десятичной. В конечном итоге победила десятичная система, но и шестидесятеричная оказалась на удивление долговечной. Ее следы – результаты расчетов математиков Древнего Вавилона – сохранились в делении часа на 60 минут и минуты на 60 секунд.

Соперничающие города и империи на территории Двуречья вели борьбу за существование. Со временем империи, выходявшие к Персидскому заливу, были побеждены империями, зародившимися в предгорьях. Одной из предгорных империй была Ассирийская. Отголоски ее названия содержит наименование современного государства Сирия, но основная территория Ассирии находилась в нынешнем Ираке, а ее первый столичный город Ашшур стоял в плодородной долине извилистой реки Тигр. На более поздних этапах своей длинной истории ассирийцы оказывались достаточно сильными, чтобы захватить своего соперника – Вавилон, и достаточно дерзкими, чтобы попытаться завоевать Египет. Власть этой самой могущественной империи западноазиатского мира простиралась на территорию, которую можно было, скача на лошади, пересечь за несколько дней, – от Каспийского моря до Персидского залива.

Члены царских фамилий были увлеченными охотниками – либо в естественных условиях, либо в заповедниках и зоологических садах, устраиваемых для их развлечения. Сам царь отправлялся на охоту в колеснице, запряженной тремя лошадьми, на глаза которых были надеты шоры, чтобы их ничто не отвлекало во время скачки. Возничий стоял в открытом кузове, а один или два охотника стояли рядом с ним, готовые в любой момент выпустить стрелы.

Месопотамский лев, который был мельче африканского, становился целью бесчисленных охот. Поэтому легко догадаться о причине полного истребления этого вида. На глиняной табличке, сохранившей надпись 1100 г. до н. э., сообщается, что один охотник царского рода, охотясь пешим, убил всего 120 львов. А когда он охотился под относительной защитой колесницы, его жертвой стали еще 800 львов.

В Ассирии процветали науки – особенно астрология – и изобразительные, а также инженерные искусства. Специалисты по ирригации проектировали каналы, которые, проходя по равнине, несли воду к крупным городам, таким образом создавая вокруг них зеленый ковер орошаемых полей. Города украшали чудесные дворцы и храмы. И в военном искусстве ассирийцы не отставали.

Ранние стеклоделы работали здесь около 1500 г. до н. э. В течение столетий они создавали стеклянные сосуды, нанося расплавленную массу на твердую гладкую основу, которую затем удаляли, оставляя получившуюся стеклянную форму. Хранящаяся в Британском музее изящная ваза Саргона светло-зеленого цвета до сих пор отражает игру огней. Создали ли ее в Ассирии, или она попала сюда путем торгового обмена или как военный трофей – неизвестно. Стеклянные изделия производили только для богатых.

К домам, лугам и фруктовым садам Ниневии – самого замечательного ассирийского столичного города – вода подавалась по каналу, начинавшемуся в горах. В месте, где канал должен был пересечь долину, был построен мост с пятью заостренными арками. Были сформированы бригады, возможно состоявшие из тысяч военнопленных, которые начали добывать в каменоломне глыбы известняка и

вытесывать из них гладкие тяжелые блоки. Два миллиона таких камней было вытесано и перевезено на повозках к месту строительства этого длинного моста, или акведука. Если бы этот мост, построенный около 700 г. до н. э. сохранился до эпохи железных дорог, по нему одновременно смогли бы проехать три поезда – такой была его ширина.

На просторных равнинах Междуречья за 2000-летний период возникли самые разнообразные города. Они оставили после себя продолговатые глиняные таблички, на которых записаны перечни их правителей и самые первые словари. Остались и крошечные высушенные на солнце или обожженные цилиндры с окружающими их надписями, строки которых располагались одна над другой. Надписи сделаны на удивление аккуратно и ровно, для чего на сырую глину предварительно наносились тонкие вспомогательные прямые линии.

С каким нетерпением, должно быть, читались эти крошечные послания, написанные от руки. Есть табличка от астронома или астролога, предупреждающего царя о том, что сближение на восходе Солнца и полумесяца Луны – особое предостережение для его солдат, сражающихся вдали от дома. На глине, обожженной в 667 г. до н. э., записано предсказание о предстоящем затмении Луны. Ассирийцы верили, что движение небесных тел оказывает глубокое влияние на жизнь человека. И это влияние сказывается даже на деятельности воров.

Соперничающая империя, управляемая из Вавилона, достигла не меньших успехов в астрономии. В ней был разработан лунный календарь, бог Луны властвовал ночью, в то время как днем и всеми происходившими на протяжении его событиями управлял бог Солнца. Из этих двух конкурирующих богов лунный был более могущественным. В полумесяце

новой Луны вавилоняне видели лодку, в которой лунный бог неторопливо и величественно проплывает по просторам ночного неба. Тот же полумесяц спустя столетия стал символом новой религии – ислама.

В основе календаря лежали движение и фазы Луны. Новолуние означало начало нового месяца. В конце концов вавилонские астрономы научились предсказывать с точностью до минуты время, когда должен взойти новорожденный месяц. Знать этот момент было очень важно, поскольку календарный месяц начинался не в полночь, а в то мгновение, когда верхний краешек полумесяца показывался над горизонтом. В вавилонском календаре было 12 лунных месяцев, равных 354 дням, таким образом, год был на 11,25 дня короче года по солнечному календарю. Недостаток восполнялся введением тринадцатого месяца каждый третий год.

В этих широких речных долинах и их верховьях – районе, который иногда называют Благодатным Полумесяцем, – были сделаны смелые шаги в развитии знаний. Со временем и эти широкие долины узнали, что такое упадок. Подъемы и падения – нормальные процессы в человеческой истории. Здесь упадку способствовало и истощение окружающей природной среды.

Чудом было то, что часть зеленых возделанных земель в нижнем течении Евфрата и Тигра продержалась столь долго. В гористых внутренних районах вырубалось все больше и больше деревьев для использования в качестве дров и строительных материалов. Тем временем верхний слой почвы подвергался эрозии, долины заносились илом, а реки подтопляли берега.

В некоторых частях этих равнин постоянная ирригация почвы и уничтожение деревьев с их глубо-

кой корневой системой способствовали просачиванию на поверхность солей из нижележащих отложений. Пресная вода в прудах становилась соленой. Обнаружилось, что пшеница – в отличие от ячменя – не переносит соли в почве и что в некоторых районах этот злак стал редкостью. Эти равнины первыми продемонстрировали то, что со временем случится со множеством искусственно орошаемых засушливых земель от Австралии до Калифорнии. Спустя двенадцать или более столетий после 2000 г. до н. э. население отдельных районов Месопотамии медленно вымирало.

Эти города-государства, столь могущественные в свое время, ослаблялись также постоянными войнами. Вооруженные луками, копьями и дротиками, их воины превратили войну в род искусства. Многие из них также владели пращей – вероятно, длиной в человеческую руку – и с ее помощью метали камни во врага на расстояние до 100 метров. В качестве защитного снаряжения они использовали шлем, доходивший до верха ушей, и легкий доспех, прикрывавший верхнюю часть тела.

Ассирийцы мастерски использовали другое оружие; это мощное средство называлось устрашением. Когда в конечном итоге они занимали город, который отказался сдаться без боя, они – в качестве предостережения, адресованного другим городам, – безжалостно убивали, пытали и калечили всех попавшихся им жителей. Поражение в войне было мучительным опытом для любой ранней цивилизации, но особенно нестерпимой была участь государств, завоеванных Ассирией. И все же Ассирия бывала и конструктивной. Она переселяла огромные массы мятежных или побежденных людей в отдаленные регионы, чтобы те возделывали землю, возводили монументы или осуществляли общественные работы.

БЛАГОУСТРОЕННЫЙ ГОРОД НА ИНДЕ

Египет и Месопотамия процветали уже в течение 1000 лет, когда на востоке от них возникла еще одна долинная цивилизация. Широкую долину Инда увлажняют реки, бурно стекающие с заснеженных Гималаев и плавно несущие свои воды в Аравийское море. Почти вся долина находится за пределами тропической зоны. Хотя река Инд со временем дала название Индии, протекает она в основном по территории Республики Пакистан.

Природа щедро одарила долину Инда. Первоначально его плодородные берега были покрыты джунглями, после расчистки которых открылась богатая почва. Эта река необычайно благоприятствует земледелию своими ежегодными разливами, более широкими, чем нильские, и увлажняющими низинные районы примерно с июня по сентябрь. Каждый год они приносят с собой слой живительного ила. Известно, что климат тогда был необычайно влажным, по нынешним меркам. Потоки грязной воды были столь широки и насыщены, что памятники этой цивилизации в наши дни порой обнаруживают под 10-метровым наносным слоем.

Первые земледельцы жили в долине Инда еще в 6000 г. до н. э. Время от времени к ним вторгались люди, которые, приходя с территории современного Ирака, видели ту или иную цивилизацию долин или слышали о ней. Они начали создавать характерную индскую цивилизацию. Сложившись около 2500 г. до н. э., она процветала в течение семи или более столетий. Занимая площадь, возможно, в пять раз превышающую территорию современной Великобритании, и управляемая царями-жрецами,

она создала крупные города. В одном из них, Мохенджо-Даро, вероятно, жило до 40 000 человек, что делало его одним из крупнейших городов мира. В одном конце города возвышалась цитадель, прямые улицы располагались под прямыми углами друг к другу, в городе была хорошо развитая система водопровода и стока грязных вод. Даже в частных домах имелись выложенные кирпичами купальни.

Среди остатков индских городов, в которых было высоко развито искусство, находят изображения их повседневной жизни. Многие из изображенных обитателей отличались высоким ростом, характерным сложением и имели крупные куполовидные головы и очень широкие носы. Женщины носили что-то вроде мини-юбок с широкими поясами, верхняя часть тела при этом оставалась открытой. Им нравилось любоваться отражением своего лица в медных зеркалах, укладывать волосы в узел с помощью гребней из слоновой кости и красить губы или веки красной краской. Ночью их дома освещались лампами или свечами, сделанными из растительных жиров.

Они выращивали несколько разновидностей пшеницы и ячменя, а также горох, кунжут и горчицу. Среди плодов были финики и арбузы. Вполне вероятно, что сахарный тростник и хлопок впервые были окультурены именно здесь, а впоследствии попали на Ближний Восток и позже – в Америку. То, что две эти замечательные культуры могли прийти из долины Инда, является свидетельством значения этого региона.

Среди животных, пасшихся в долине, были свиньи, овцы, козы, верблюды, ослы и зебу. Некоторых животных использовали как транспортное средство и на запряженные волами повозки устанавливали навесы, чтобы обеспечить тень пассажирам. Лю-

ди держали кошек и собак, и здесь, вероятно, были впервые одомашнены куры, несшие яйца. Было налажено массовое производство керамики, а среди предназначавшихся для детей игрушек имелись фигурки домашних коров с кивающими головами.

Река, с ее ежегодными разливами, служила артерией этой цивилизации, но артерии рано или поздно закупориваются. Площадь сводимых земледельцами лесов все расширялась, и уже приходилось срубать одинокие деревья, чтобы обеспечить дровами печь для обжига глиняных кирпичей. Разливы в некоторых районах вызвали эрозию почвы, а другие засорили илом. Большим городам приходилось перебираться на холмы, чтобы избежать затопления во время разливов, воды которых, по мере того как долина заливалась, поднимались все выше и выше. Город Мохенджо-Даро перестраивался около 9 раз – часто после разрушавших его разливов или под угрозой этого бедствия.

Сложившейся в долине Инда могущественной державе оказалось отпущено гораздо более короткое время, чем цивилизациям Нила и месопотамского Двуречья. Примерно к 1800 г. до н. э., задолго до того как появились новые технологии получения бронзы и железа, индские города начали приходить в упадок. Климат становился суше. Что еще более важно, долина подвергалась вторжениям ариев, которые в течение столетий заметно расширили свои владения в Северо-Западной Индии.

Создание более крупных поселений и одомашнивание растений и животных были важнейшим шагом в истории человечества. Вторым шагом стали ранние цивилизации долин. Расположенные в богатых илом долинах Ближнего Востока и Инда, они многое заимствовали друг у друга, а иногда и стимулировали развитие друг друга. Несомненным

географическим преимуществом, помимо рек и ила, было то, что границы распространения каждой цивилизации были отчасти защищены пустынями, представлявшими препятствие для нападающих. Климат речных долин был еще одним достоинством, поскольку позволял выращивать злаки, которые можно было хранить в течение долгого времени. Эффективное хранение зерна было крайне важным для выживания городов – гораздо более крупных, чем прежде знал мир. То, что другая азиатская цивилизация возросла на теплом иле долины в Китае, – еще одно свидетельство огромного влияния на человеческую историю больших рек, питаемых талой водой с гор.

6

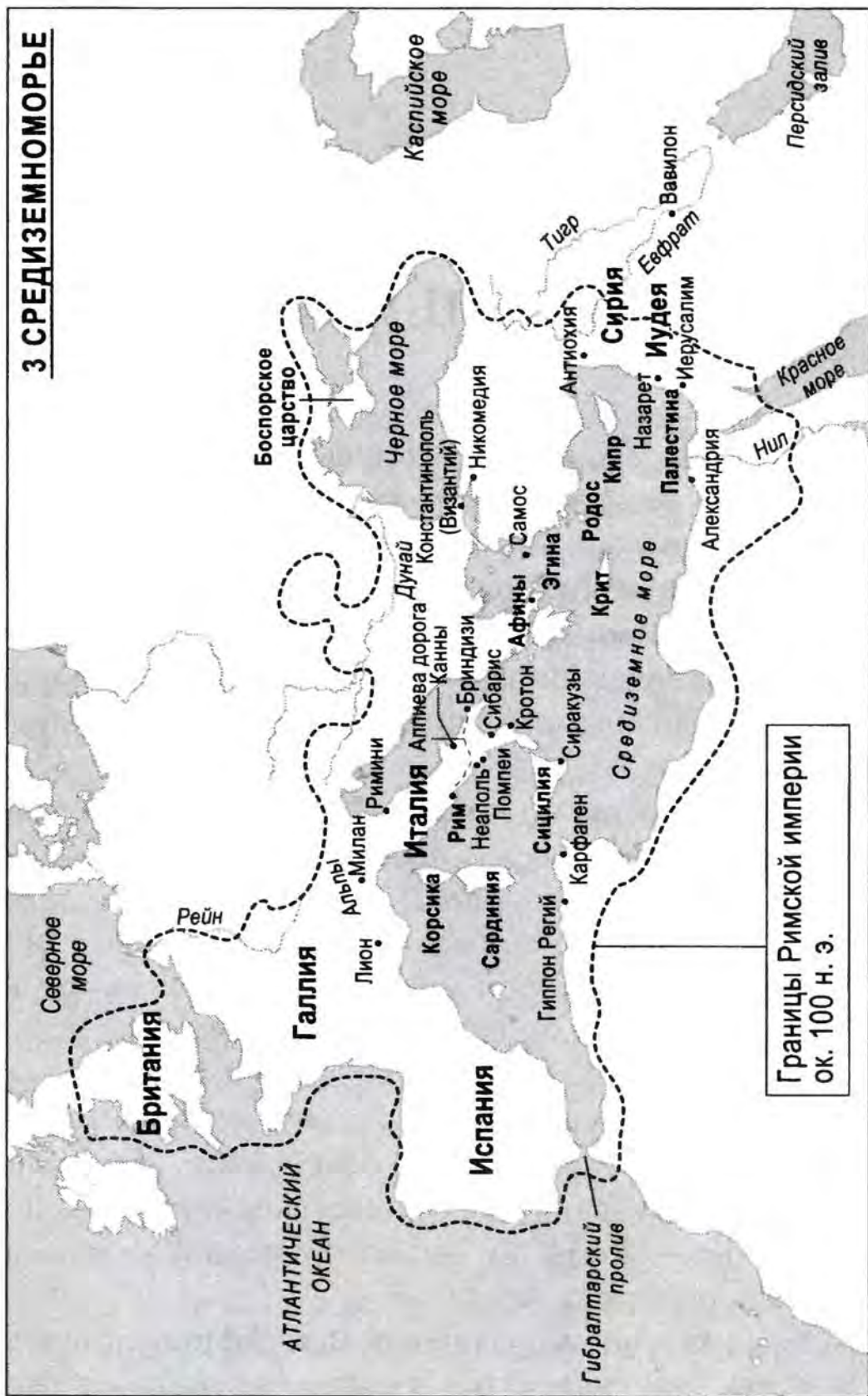
УДИВИТЕЛЬНОЕ МОРЕ

Ни одно из покрытых соленой водой пространств не оказало такого всепроникающего влияния на формирование современного мира, как Средиземное море. Без этого моря, с его неповторимыми качествами и необычным расположением, политическая, экономическая, культурная и общественная жизнь этого мира приняла бы совсем иное направление.

В эпоху, когда по морю – если оно было спокойным – передвигаться и перевозить грузы было дешевле и проще, чем по суше, Средиземное море предоставляло огромные преимущества. Оно тянулось от Атлантического океана на западе почти до двух заливов Индийского океана на востоке: далеко вдающегося Красного моря и Персидского залива. Длинный рукав Средиземного моря – Черное море – протянулся к внутренней Азии. Два более коротких рукава – по сторонам Апеннинского полуострова – почти достигают подножий заснеженных Европейских Альп.

Средиземное море объединяло Африку, Европу и Азию. Эта скоростная морская магистраль связала не похожие друг на друга регионы, поставившие разную продукцию – медь и олово, золото,

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

серебро и свинец, вино и оливковое масло, зерно, лес, скот, красители, ткани, оружие, пряности, обсидиан и другие предметы роскоши. По ней быстро распространялись идеи и религиозные верования. Если бы Азии или Африке принадлежало такое большое и невероятно удачно расположенное внутреннее море, история этих континентов была бы совсем другой. По сути, это стратегически важный водный бассейн с тем главным преимуществом, что посредством узкого Гибралтарского пролива он соединяется с открытым океаном.

Средиземное море, почти полностью окруженное сушей, бывает необыкновенно спокойным в течение долгих периодов. В некоторые дни оно гладкое, словно зеркало, а летом шторма в нем относительно редки. В древности здесь предпочитали плавать на больших гребных судах – галерах, отчасти из-за отсутствия ветра в определенные времена года. При спокойной погоде единственным источником двигательной энергии оставались весла. Весла позволяли гребным судам входить в узкие гавани, к которым парусным, если ветер дул в неблагоприятном направлении, даже подходить было бы рискованно.

Когда поднимался шторм и волны с белыми барашками обрушивались на галечные пляжи, гребное судно могло затонуть за минуты. Мог погибнуть весь флот, кроме нескольких моряков. В 480 г. до н. э., когда персы атаковали Афины, исход войны отчасти решил поднявшийся ветер, который выбросил персидские суда на скалистый греческий берег. Столетие за столетием эти внезапные средиземноморские штормы влияли на судьбы знаменитых людей.

В Средиземном море не бывает высоких приливов и сильных отливов. Уровень воды в нем мало изменяется на протяжении суток, и поэтому ко-

рабли с относительной легкостью могли причалить к пирсам или войти в доки, чтобы разгрузиться. Лишь в немногих мелководных портах судам приходилось ждать прилива, чтобы войти в них или выйти в море. Город Венеция, с его каналами вместо улиц, был оптимальным в этом отношении, поскольку амплитуда прилива там была невысокой.

Преимущества этого протяженного спокойного моря с его глубокими заливами давали возможность сильной военной державе управлять обширным регионом. Этим пользовались по очереди финикийцы, греки, карфагеняне и римляне. Средиземное море также первым увидело чудесное изобретение – парус. Древнейшее документальное свидетельство на этот счет – изображение паруса на вазе, сделанной в Египте около 3100 г. до н. э. Он прямоугольный, напоминает школьную доску на подставке и несомненно использовался на судах, плававших по оживленной реке Нил. Ранние паруса вполне могли быть из кожи или шкур животных, но к 2000 г. до н. э. их сменили холщовые, которые ткали из крепких волокон льна. Надежные поставки льна оставались одной из основ господства на море вплоть до появления пароходов.

Поднимать паруса на мачты с помощью лебедки и более умело пользоваться канатами стали с развитием знаний о ветрах. Ко времени поэта Гомера греки знали многое о ветрах и их преобладающих направлениях; фактически эти знания и накопленные наблюдения о звездах были единственными ориентирами в плавании. Находившиеся далеко в море темной ночью моряки могли определить курс отчасти по тому, откуда дует влажный, холодный и порывистый ветер. Называемый Зефиром, этот ветер обычно прилетал с запада.

На гребные суда стали устанавливать парус. Когда ветер дул в попутном направлении, люди поднимали прямоугольный парус; но если ветер был слабым, команда бралась за весла. Со временем на смену маленьким судам – униремам – пришли большие, биремы, которые были особенно хороши в морских сражениях. Гребцы на них располагались на двух палубах вместо одной. Более поздние триремы имели три палубы и, вероятно, до 170 гребцов. Весла сидевших на верхней палубе гребцов должны были быть очень длинными, чтобы доставать лопастями до воды, которая плескалась далеко внизу.

Сочетание парусов и весел позволяло судам развивать скорость, достичь которой, идя лишь под парусами или только на веслах, было невозможно. Так, легкий попутный ветер увеличивал скорость судна с полностью укомплектованной командой с 4 до 6 узлов. А иногда мощный ветер разгонял корабль до скорости 10 узлов в час, и тогда весла вообще не были нужны. Если паруса поднимали на двух мачтах, корабль иногда так кренился, что пользоваться веслами было невозможно.

В Афинах на морских триерах гребцами были, как правило, свободные люди, в то время как на судах, перевозивших грузы, больше использовался труд рабов. Каждый спокойный день заставлял за работой, должно быть, десятки тысяч рабов на гребных скамейках судов, принадлежавших греческим городам и колониям. Их лодыжки были закованы в кандалы, чтобы они не могли покинуть свое место у весла. Если корабль внезапно тонул во время сражения или шторма, у них почти не было надежды спастись.

Средиземноморью, особенно его северному побережью, предстояло стать центром политической

власти и творческой деятельности. Росту его влияния способствовало то, что сухопутные жители постепенно осваивали искусство кораблестроения и навигации, а также еще одна медленно совершавшаяся перемена: введение в обиход дешевого железа.

Железные вещи в течение долгого времени оставались предметами роскоши. Железо не добывали в горах, где оно имелось в изобилии, а получали как дар небес. Долго люди использовали единственный вид железа – метеоритное. Будучи небесным по происхождению, оно часто приберегалось для священных ритуалов. Со временем железная руда была обнаружена в горах; месторождения мощнее и побогаче разрабатывались примитивным способом, и была предпринята попытка отделить железо от вмещающей его породы. Выплавка меди подсказала, как это можно делать. Примерно в 1500 г. до н. э. неизвестные, но гениальные металлурги догадались повысить температуру в горне, где плавил железную руду, до 1500 градусов по Цельсию и более, что на 400 градусов выше температуры плавления медной руды. Очень быстро железо из земли стало дешевле, чем железо, упавшее с неба. Тем не менее железо все еще оставалось настолько дорогим, что у большинства европейцев не было даже одного куска этого металла, который мог бы преобразить процессы вспашки земли и рубки деревьев.

Примерно к 1000 г. до н. э. в Центральной Греции железо потеснило бронзу в качестве драгоценного металла, который клали в могилу вместе с умершим. Два столетия спустя железные изделия и оружие широко использовались на побережьях Эгейского моря. Хотя бронза оставалась более важной, даже при изготовлении рабочих инструмен-

тов, небывалая твердость и острота железа постепенно меняли методы ведения войны, земледелия, а также некоторые ремесла.

ЯРКИЙ СВЕТ АФИН

Каждые несколько столетий в относительно недавние времена случались непродолжительные всплески жизненной и творческой активности, которые и долгое время спустя после их завершения казались яркими огнями на пустынном берегу. Такие периоды были обычно характерны для какой-то небольшой части земного шара, хотя их свет распространялся необычайно широко. Таким светом просияла Древняя Греция. День и ночь она пылала на возвышенных мысах, омываемых разными морями, и в течение столетий была видна отовсюду.

Где только не основывали греки свои колонии! В наши дни туристам во время экскурсий на прогулочных катерах по Сухумской гавани Черного моря рассказывают, что они проплывают над зыбучими песками, затянувшими развалины древнегреческого города. К VI в. до н. э. греческие колонисты заселили прибрежную полосу современных Южной Франции и Испании. Их города были разбросаны по побережьям Южной Италии, Сицилии и Северной Африки, островам Крит и Кипр, а также вдоль протяженной полосы, которая в наши дни является побережьем Турции. Эти города были небольшими, но почти в каждом из них кипела бурная жизнь. Часть этой энергии находила выход в яростных стычках одного города с другим. Если бы они объединились, вместо того чтобы враждовать, то смогли бы покорить большую часть западного мира.

Афины были самым значительным из греческих городов-государств. Расположенные на сухих хол-

мах Аттики, они были не больше, чем городской район Лос-Анджелеса. Общее население города редко превышало 300 000 человек, и тем не менее это был самый влиятельный клочок территории из всех, которые до тех пор знал мир. После того как город был сожжен или разграблен персидскими захватчиками в 480 г. до н. э., афиняне не прекратили борьбу и разбили врага. Поражение и унижение открыли перед ними новые возможности и дали стимул. Дерзкие мечты воплощались в камне. В Парфеноне, строительство которого было начато около 447 г. до н. э. и завершено менее чем через 10 лет, была установлена великолепная статуя богини Афины, высеченная Фидием и украшенная золотом и слоновой костью.

Афины и некоторые другие города-республики Греции положили начало эпохе яркого расцвета в истории искусств. Заимствуя у египтян, греки также черпали вдохновение и уверенность в интеллектуальном климате своей родины. Возможно, самым прекрасным был период с 520 по 420 г. до н. э., когда изящество и уверенная легкость отмечали многочисленные произведения их архитектуры, живописи и скульптуры.

Расширение торговли требовало чего-то менее неудобного и громоздкого, чем простой обмен одних товаров на другие. В 670 г. до н. э. греческий остров Эгина стал одним из первых мест, где начали чеканить монеты. Сделанные из серебра, они были легко узнаваемы, поскольку на их аверсе была отснута морская черепаха. Деньги облегчили торговлю товарами, поскольку купец принимал деньги, когда в обмен ему не могли предложить чего-то нужного.

Произведения искусства – и те, что были меньше ногтя, и грандиозные храмы – свидетельствовали о

высоком мастерстве греческих художников и ремесленников. В Музее Гетти в Калифорнии можно увидеть два миниатюрных амулета-скарабея, вырезанных из горного хрусталя в конце VI в. до н. э. На одном изображена лошадь, размахивающая хвостом, которую ведет молодой мужчина. Другой представляет собой перстень цвета спелой красной смородины, на котором изображен юноша, изогнутым скребком очищающий ногу от масла, грязи и пота.

В искусстве роскошной жизни элита греческих городов, особенно в Сицилии и Южной Италии, также достигла совершенства. Деликатесы доставлялись из самых дальних земель. Свежая рыба и морепродукты, включая такие маленькие виды, как асцидии, были привычным товаром на рынках. Домашняя птица была завезена из Индии около 600 г. до н. э., но самой популярной в греческих крестьянских хозяйствах была маленькая перепелка.

Основной пищей рабов и беднейших граждан были пшеница, ячмень, бобы и опавшие на землю желуди. Мясо было редкостью. Порой даже оливковое масло – его намазывали на хлеб или готовили на нем пищу – оказывалось слишком дорогим для семейства со средним достатком, к тому же большую часть оливок, выращиваемых в окрестностях Афин, дробили, отжимали и в виде масла в керамических амфорах отправляли на кораблях в далекие порты. Нечастым удовольствием для бедных было и вино, которое всегда разбавляли водой.

БОРЕЦ КРОТОНА

Греки были первыми людьми, которыми овладела страсть к столь распространенному в наши дни занятию – спортивным состязаниям. Их Олимпий-

ские игры, к которым допускались только граждане обширного греческого мира, каждые четыре года становилось знаменательным событием. Впервые проведенные, как считается, в 776 г. до н. э., они поначалу были второстепенным массовым развлечением. В каком бы виде спорта ни соревновались греческие атлеты – в беге, метании, борьбе или скачках на колесницах, – первоначально выступавшие одетыми, со временем почти все предпочли выступать обнаженными на окруженной толпами зрителей арене.

Некоторые честолюбивые города нанимали атлетов и щедро платили им в случае победы. Таким образом, профессионализм господствовал на состязаниях, которые позднее были представлены как апофеоз любительского спорта теми европейцами, которые возродили Олимпийские игры в 1896 г. н. э. Древнегреческий город Кротон на подошве «сапога» Южной Италии демонстрировал вполне современное стремление победить любой ценой. Богатый и большой – чтобы обойти вокруг него, нужно было потратить не меньше двух часов – Кротон мог себе позволить переманивать атлетов из других городов. На протяжении ста лет, начиная с 588 г. до н. э., бегуны Кротона неизменно побеждали на всех Играх.

Атлет Милон принес еще большую славу Кротону, выиграв олимпийские состязания по борьбе шесть раз подряд. Он был настолько силен, что мог, неся живого быка на своих широких плечах, обойти вокруг стадиона, а затем за один день съесть этого быка. Отправляясь на вечернюю прогулку по городу, он, должно быть, становился объектом большего внимания и гордости горожан, чем еще один великий житель этого города – знаменитый математик Пифагор.

Зависть и соперничество ослабляли греческие города. Иногда предрекают, что интернациональные спортивные состязания станут удачной заменой войнам между государствами, но опыт Кротона и Сибариса – двух враждовавших городов с греческим населением – заставляет усомниться в этом. Сибарис, завидуя атлетической славе Кротона, учредил около 512 г. до н. э. собственные спортивные состязания. Никакого впечатления на Кротон это не произвело. В конечном итоге этот город направил в Сибарис войско, во главе которого шел не кто иной, как борец Милон. Греки сражались с греками, кровь орошала плиты храмов и траву арены. Город, так любивший роскошь и удовольствия, был практически разрушен.

В греческих городах-государствах необычайное развитие получил и спорт иного рода – народная политика. Экспериментируя с демократией, они продвинули ее намного дальше, чем любое другое из ранних обществ. В Афинах граждане собирались каждую неделю и произносили речи, а также давали советы тем, кто на короткое время, обогнав их, оказывался у власти. Никто не оставался у власти надолго. Даже влиятельный Совет, состоявший из 500 граждан старше 30 лет, непрерывно обновлялся. Его члены избирались по жребию из нескольких претендентов, и ни один из них не мог служить в Совете более двух лет за всю жизнь. Выше Совета стояла другая группа, один из членов которой избирался – также по жребию – для официального управления городом и его округой. Срок его полномочий был на удивление короток – от заката одного дня до заката следующего. По существу, собрание граждан передавало малую толику своей власти чиновникам более высокого

уровня, а затем возвращало ее обратно и проверяло их.

Как могло маленькое государство, которое вело частые войны, эффективно управляться таким способом? Высшее военное должностное лицо было отчасти исключением из этой системы краткосрочного правления. В V в. – в период расцвета афинской демократии – военачальник избирался открытым голосованием, а не по жребию.

Греческая демократия оказывалась уязвимой во времена кризисов и войн. Она была медлительной в принятии решений и, как и большинство современных демократий, неохотно вводила необходимые налоги. Аристотель – один из выдающихся умов Греции – определил достоинства и недостатки этой необычной формы правления. Он опасался, что, если слишком много небогатых мелких собственников будут участвовать в работе этого собрания, их настойчивые требования субсидий самим себе могут обескровить страну. По его мнению, «бедные всегда получают и всегда хотят все большего и большего». Тем не менее он соглашался с тем, что все владельцы земли имеют право управлять своей страной и обязанность платить налоги.

В Афинах общезначимые решения принимались непосредственно народом, а не кем-то, находящимся на значительном удалении, как это происходит в современных массовых демократиях. Но афинская демократия напоминала дорогу, которая вела из этого города в порт Пирей и была ограждена стенами с обеих сторон. Только люди, официально причисленные к гражданам, имели право выступать и голосовать; а после 451 г. до н. э. афинский гражданин, женившийся на иностранке, тем самым лишал всех своих потомков права голоса. Бедняки не голосовали. Женщины и многочисленные рабы не го-

лосовали. Могли принимать участие в голосовании только собственники, но многие земледельцы были слишком бедны или жили слишком далеко, для того чтобы, бросив работу, посещать эти шумные собрания.

Афиняне верили в демократию, но не в равенство. По их мнению, люди рождались неравными и никогда не могли стать равными. В одной из своих воинственных речей в 330 г. до н. э. оратор Демосфен выказал презрение к своему противнику, оратору Эсхину, поставив ему в вину его низкое происхождение: «Мальчиком ты прозябал в презренной нищете, прислуживая со своим отцом в его школе, растирая краску для чернил, протирая скамейки, подметая пол, выполняя работу скорее раба, чем свободнорожденного». Все это звучало так, словно человеку никогда не могло проститься его унижительное прошлое.

Люди, умевшие владеть вниманием слушателей, – будь это сказители или поэты, пророки или проповедники – высоко ценились в тысячах различных племен и бесписьменных обществ на протяжении долгих веков. Греки называли это умение красноречием и подняли его на уровень искусства. Красноречие также являлось инструментом власти, поскольку убедительный оратор мог изменить в нужную ему сторону мнение шумной и непостоянной толпы избирателей, иногда насчитывавшей до 6000 человек.

Мастера словесных битв, жители древнегреческих городов, рассыпанных по средиземноморским побережьям, так же мастерски применяли физическую силу, когда видели в этом необходимость. Пока Афины внимали сладкоречивым ораторам, греки на Сицилии безжалостно убивали и мучили друг друга. По приказу Агафокла, прави-

теля могущественного города-государства Сиракузы, за один день было убито 4000 человек. Римляне впоследствии смогли побить этот рекорд.

Интеллектуальная энергия продолжала кипеть в этих удивительных греческих городах-гаванях даже после смерти демократии. В наши дни многие проникательные ученые признают Платона Афинского самым талантливым из всех философов, а Аристотеля почитают как представителя того, что ныне называют политическими науками. В архитектуре и искусстве греческие города, хотя и испытали сильное влияние Египта, проложили новые пути. В медицине врач с небольшого острова Кос считался непревзойденным в западном мире; а его имя дало название клятве Гиппократов – этическому кодексу современных медиков. В физике, этике, лингвистике, биологии, логике и математике теории и открытия лучших греческих мыслителей и исследователей были словно серия ярких озарений во тьме. История – по происхождению греческое слово, и в этой науке древние греки тоже были первопроходцами. Их жизненная энергия и гений также породили театр, спорт и демократические политические принципы, равно как и сложные абстрактные идеи.

Инженерное искусство было еще одной сильной стороной древних греков. На острове Самос в VI в. до н. э. был пробит километровый тоннель в известняковой горе, чтобы обеспечить подачу пресной воды. Примерно в то же время греческие каменотесы стали первыми, кто использовал зубило, столь полезное при обработке мрамора. Греческие строители, возможно, первыми применили систему для подъема тяжестей на возводимые стены, но рабов предпочитали новым механизмам.

В целом греки больше преуспели в науках, чем в технике. Применение даже самого совершенного их оружия требовало огромных физических затрат. Во время осады Родоса в 304 г. до н. э. в помощь атакующим были построены передвижные башни и катапульты на колесах, но для того чтобы доставить их на место, требовались усилия нескольких тысяч человек.

Главным наследником афинских традиций стал новый город в Египте – Александрия. Основанный в 331 г. до н. э., этот активно развивавшийся город превратился в генератор идей для западного интеллектуального мира. Были построены выдающиеся библиотека и музей. Блестящие греческие ученые, такие как Евклид, приезжали сюда, чтобы осуществлять свои исследования; медицинская наука получила новый импульс благодаря работам анатома Герофила, который в 285 г. до н. э. анатомировал человеческий мозг и глаз; а четверть столетия спустя здесь сложилась знаменитая александрийская медицинская школа. Еврейские торговцы во множестве приезжали в этот город, их сопровождали ученые иудеи, которые перевели Ветхий Завет с древнееврейского языка на греческий. Этот перевод называют Септуагинта, поскольку в его создании приняли участие более 70 толковников.

Если бы в ту эпоху существовали Нобелевские премии в области науки, медицины и литературы, в Александрии ее лауреатов было бы намного больше, чем в любом другом городе. И тем не менее вся эта изобретательность никак не отразилась на повседневной жизни цивилизации, в которой основным многофункциональным механизмом оставался раб. Александрия и другие греческие города, вероятно, способны были сделать многие из тех шагов, которые 2000 лет спустя привели к промыш-

ленной революции; но они не нуждались в промышленной революции.

Могущественная эллинистическая цивилизация, одним из центров которой, наряду со старыми коренными греческими землями в Европе и Малой Азии, теперь была Александрия, не страдала от недостатка самоуважения и уважения со стороны других. Часто это уважение проявлялось в подражании. Спустя более чем 2000 лет на карте мира были отмечены земли, о существовании которых греки даже не подозревали, и они усыпаны названиями, в которых звучат напоминания о Греции. Один из первых столичных городов Соединенных Штатов, Филадельфия, носит греческое имя. В штате Нью-Йорк выросли Сиракузы, Итака и куст небольших городков, также отдавших должное Древней Греции. В Австралии в 1850-е гг. золотоискатели, отправлявшиеся из Мельбурна к новым золотым копям, переваливали через две горы – гору Македон и гору Александер. Архипелаг в штате Аляска и остров напротив Антарктического полуострова оба носят имя Александра. В XIX в. тремя крупнейшими империями в мире на протяжении долгого времени правили монархи с греческими именами – английская королева Александрина Виктория, царь России Александр II и король Луи Филипп французский.

Возможно, самое глубокое и всепроникающее влияние эллинистическая цивилизация оказала на Римскую империю. Римляне, особенно после 200 г. до н. э., успешно подражали Греции. Они преклонялись перед ее литературой, театром, кухней, политикой, изобразительными искусствами и красноречием, во многом заимствуя стиль и культуру, первоначально сформировавшиеся и расцветшие в Афинах. Этот процесс напоминает распространен-

ное во всем современном мире подражание американской поп-культуре.

Пример и влияние Афин распространялись самыми непредсказуемыми путями. Долгое время спустя после утраты ими политического превосходства они стали скромными учителями римлян.

ГОСПОДИН ХУАНХЭ, ЦАРЬ ГАНГА

Широкая полоса почти на всем протяжении ровного, покрытого травянистой растительностью пространства – иногда прерываемая горами и озерами – тянулась от Центральной Европы до Восточной Азии. Она шла от берегов реки Дунай до лесов Маньчжурии. Если считать от побережья до побережья, эти равнины разворачивались почти от Адриатического моря до Желтого. Земли вдоль этого широкого коридора встречались и бедные, и богатые, и в Южной России, где почвы были плодородными, а климат более мягким, они назывались степью. Здесь вскоре после 2000 г. до н. э. люди приступили к важному завоеванию. Они начали приручать или одомашнивать лошадь, на которую до этого просто охотились, чтобы получить мясо.

Не выше современного пони, эти мелкие дикие лошади оказались ценным приобретением. Обезженные, они становились преданными и умными помощниками. Потеряв седока, они могли найти обратную дорогу домой. Они давали молоко, которое могли пить младенцы, таким образом позволяя

матерям прекращать грудное вскармливание раньше. Соответственно, сокращался перерыв между беременностями, и население степей, вероятно, росло быстрее. Лошадь могла обеспечить мясом, особенно зимой, когда ощущался недостаток еды; а ее навоз после высушивания служил топливом в тех районах степи, где деревья были редки. Благодаря лошади малонаселенные равнины со временем смогли прокормить значительно большее количество людей, чем прежде, – вероятно, даже слишком большое.

Многие столетия спустя, особенно после 700 г. до н. э., научились использовать лошадей в военных действиях. Покрывая верхом на лошади большие расстояния, всадники могли застать противника врасплох или быстро ретироваться, если возникала такая необходимость. Изобретение после 500 г. до н. э. стремени – по сути, металлической подножки, свисающей на кожаном ремне, – позволило всадникам выпрямляться на быстро скачущей лошади и в полную силу метать копье в пехотинцев противника.

Лошади восполняли недостаток людей, когда степным всадникам приходилось сталкиваться с численно превышавшими их врагами. Один конный воин часто стоил 10 пеших, сражающихся на противоположной стороне.

КИТАЙ С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Около 1500 г. до н. э. Китай несколько отставал от цивилизаций речных долин Среднего Востока в политическом развитии, искусстве производства металлов, в письменности, а возможно, также в сельском хозяйстве и астрономии. Но как изгото-

вители обожженной керамики Китай и Япония достигли больших успехов. Это связанное с огнем ремесло предопределило развитие металлургии. Литье бронзы стало специализацией Китая, а китайские охотничьи колесницы были украшены бронзой почти так же, как большие послевоенные американские автомобили – хромированными деталями. Затем некоторые китайцы начали лить чугун, и к 400 г. до н. э. они научились производить плужный лемех – острое прочное лезвие для переворачивания почвы. Сильное пламя в горне, необходимое для плавки, получали, нагнетая воздух с помощью искусных двухцилиндровых ручных мехов. Некоторые из этих мехов позднее приводились в движение энергией падающих водных струй.

За 500 или более лет до начала первой христианской эры китайцы на некоторое время стали самыми изобретательными людьми из всех, о которых сохранились древние свидетельства. Они были непревзойденными в металлургии. Они изобрели новые способы применения воды для орошения. Они накопили новые знания в области математики и астрономии. С помощью ткацких станков они производили шелковые ткани для великолепных нарядов. Они достигли больших успехов в перевозке грузов и развитии транспортных средств, в числе которых были тачки, приводимые в движение людьми, повозки и плуги, запряженные быками, и коляски с конской упряжкой.

Правители более крупных государств в пределах Китая жили в роскоши, забирая львиную долю богатств, добытых непосильным трудом крестьян и ремесленников. Хотя многие китайцы владели собственным клочком земли, часть своего времени они должны были посвящать правителю, участвуя либо в общественных строительных работах, либо в вой-

нах местного значения. Крестьяне продолжали служить правителю даже после его смерти. Когда тот умирал, в гробницу с ним могли поместить до 40 человек. Сначала их хоронили, веря, что они смогут служить ему в загробной жизни с помощью предметов из нефрита и бронзы, также положенных в гробницу, но позднее закапывали строителей этих искусных сооружений, чтобы те не смогли поведать, как можно войти в тщательно закрытую погребальную камеру и похитить сокровища.

Китай представлял собой созвездие, в которое входили более 100 маленьких независимых государств; но примерно между 700 и 464 гг. до н. э. большинство из них было уничтожено – как правило, в результате войн. Остались семь основных царств, управлявших большей частью Китая. Череда войн сократила количество этих царств до двух, а затем и до одного. К 221 г. до н. э. Китай был объединен.

Сильнейшее влияние на формирование и обучение новой китайской бюрократии оказал Конфуций. Он был ученым типа, скорее, характерного для Афин, чем для любого другого государства Средиземноморья. Конфуций пришел к выводу, что добродетельная жизнь в этом мире гораздо важнее любой загробной участи.

Родившийся в 551 г. до н. э. в Центральном Китае, в небольшом княжестве близ реки Хуанхэ, он принадлежал к обедневшему захудалому аристократическому роду. В молодости ему пришлось занимать такие сельские должности, как надсмотрщик конюшен и писарь при зернохранилище – незначительные места работы, которые в наши дни амбициозные молодые люди перечисляют в своих резюме, стремясь убедить работодателя, что они не болтались без дела. Позднее Конфуций без остатка

посвятил себя педагогической деятельности – также не очень престижной в тогдашнем Китае.

Он считал, что управлять – мудро и человечно – должны аристократы. Он верил в иерархию, а не в равенство. Он был склонен больше доверять старому, чем новому; и он думал, что предки могли бы многому научить современников. Он ценил вежливость и преданность, скромность и доброту. Однажды в ответ на вопрос, что он за человек, Конфуций замечательно описал себя в третьем лице: «он из тех людей, которые забывают поесть, когда увлечены поисками знаний, которых настолько переполняет радость, что они забывают о своих печалях, и которые не замечают, как приближается старость».

Он умер в возрасте 73 лет, не создав ни церкви, ни организации. Но его идеи продолжали жить, по-своему интерпретируемые разными поколениями. Ни один из светских мыслителей, почитаемых в наши дни, не оказывал такого влияния в течение целых 2500 лет.

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СТЕНА

Для Китая было характерно удивительное языковое и культурное единство, но его политическое единство было непрочным. Он был гораздо ближе к степным пространствам, по которым кочевали столь искусные в сражениях конные воины, и намного больше страдал от их вторжений, чем Европа. Показательно, что Великая стена, предназначенная защищать Римскую империю от нападений варваров со стороны материка, так и не была построена, но Китаю еще на ранних стадиях своего развития пришлось задуматься о возведении такой стены, которая позволила бы им сдерживать напор врагов, живших в засушливых и малонаселенных

землях к северо-западу. Строительство Великой Китайской стены было завершено в 214 г. до н. э., однако в определенном смысле оно так и не закончилось, поскольку ее часто приходилось удлинять или дополнительно укреплять. В ней воплотились организаторские способности правителей, а также напряженные усилия сотен тысяч рабочих, которых в принудительном порядке отправляли на государственные работы. У них было меньше оснований восхищаться этой стеной, чем у их правителей. Привезенные издалека, разлученные с семьей – возможно, навсегда, – они должны были с утра до ночи работать на кирпичном производстве или в каменоломнях, обслуживающих строительство стены. Они вскоре поняли, что местность вдоль стены пересеченная и что в определенной точке стена должна пойти в обход, чтобы обогнуть большую излучину Желтой реки (Хуанхэ). Общая длина стены, со всеми ее петлями, составляет 6300 километров. Если бы подобную стену построили через всю Австралию в ее самой широкой части, она была бы не длиннее, чем Великая Китайская.

В опасные моменты китайские армии, защищавшие стену, должны были увеличиваться до огромных, по стандартам того времени, размеров. Постоянное круглосуточное наблюдение с башен, когда ожидалось вторжение неприятеля, требовало, должно быть, десятков тысяч глаз. Кроме того, стена требовала большого количества воинов, чьей основной задачей было не наблюдение, а боевые действия.

В долгосрочной перспективе еще один фактор способствовал формированию политического единства Китая. В то время как побережья Европы изрезаны глубоко вдающимися морями и далеко выступающими полуостровами, береговая линия

Китай более ровная. Многие европейские государства могли в течение длительных периодов сохранять независимость потому, что располагались на островах или полуостровах и были защищены морем. Море, при всей его непредсказуемости, предоставляло защиту от врагов, вынужденных маневрировать в незнакомых для них водах. Очень часто – в истории Греции и Британии, например, – вторжение срывалось из-за шторма. Пролив был более надежной защитой, чем граница, проходящая по суше.

Население Китая было численно сопоставимо с населением Европы. За шесть столетий между 300 г. до н. э. и 300 г. н. э. вряд ли были периоды длиннее нескольких лет, когда население Европы превосходило население Китая. Большинство китайцев жило в бассейне бурной реки Хуанхэ. В то время она была китайским Нилом, однако менее кротким. Воды Хуанхэ выются, плавно текут, бурлят в течение нескольких дней, прежде чем достичь низменностей Китая. Не в силах решить, куда устремиться, она течет сначала на север, затем, на протяжении 800 километров, на юг – так, словно она и не собирается поворачивать на восток, чтобы впасть в Желтое море. Тот, кто летал над этой своеобразной частью реки, мог видеть далеко внизу коричневую ленту, вьющуюся среди ущелий, с лесами на одном берегу и иссушенными террасированными сельскохозяйственными угодьями на другой, – и ни одного моста, который связывал бы эти берега.

Когда-то деревьев было больше, чем в наши дни. Население Китая росло, и со временем вырубка деревьев на дрова и для получения угля привела к масштабной эрозии в этой гористой местности. Заиленная Хуанхэ превратилась в стремительный поток густой коричневой жижи. Жители Китая даже

представить себе не могли, что эта река – крупнейший в мире поставщик ила, по сравнению с которым Амазонка и Нил – всего лишь бедные родственники.

Эта река имела столь важное значение, но была такой бурной, что люди считали необходимым приносить ей человеческие жертвы. В 400-е гг. до н. э. ежегодно проводился ритуал умиротворения невидимого Господина Хуанхэ путем подношения ему человека. Красивую девушку наряжали, как невесту, и помещали на деревянный плот в виде брачного ложа. Это брачное ложе отталкивали от берега, и вскоре девушка, подхваченная стремительным течением, пропадала из виду.

Укрощение реки требовало изобретательности и мобилизации армии рабочих для строительства и ремонта дамб и направляющих стенок. В 109 г. до н. э. император приказал возвести павильон в честь всех тех людей, которые заделывали дыры в береговых валах и тем самым спасали деревни от разбушевавшейся водной стихии. Дно речного русла продолжает подниматься каждые десять лет, и соответственно требуется досыпать дамбы все выше и выше. Во многих местах дно реки находится выше уровня окружающей равнины. О степени могущества и маневренности Хуанхэ свидетельствует то, что в разные столетия она впадала в море то к северу, то к югу от гористого полуострова Шаньдун.

В то время как течение Нила ограничено узкой долиной, Хуанхэ не желает знать ограничений. Ее долина, вероятно, была самым густонаселенным местом в мире в течение пяти столетий до Рождества Христова. Еще в 500 г. до н. э. – период расцвета и греческих городов-портов, и Персидской империи – ряд крупных поселений благоденствовал на

берегах реки Хуанхэ. Ее долина или равнина была средоточием Китая, где жило намного больше половины его населения: миграции людей на Янцзы в Центральном Китае и на теплый юг начнутся позднее.

Повышение эффективности производства проса и риса и устройство оросительных каналов позволяли земледельческим хозяйствам кормить все более и более крупные города. Некоторые из них были защищены длинными стенами из утрамбованной земли. Одна из стен была весьма массивной, достигая 36 метров в толщину у основания, и достаточно длинной для того, чтобы окружить небольшой город. Чтобы переместить огромные массы земли, требовавшейся для возведения этих стен, нужны были усилия примерно 12 000 человек в течение 10 лет, а, в свою очередь, чтобы их прокормить, требовалась целая процессия повозок, груженых зерном. Вдоль реки Хуанхэ возникло несколько городов, чьи размеры должны были потрясти любого путешественника, въезжавшего в их ворота. Население нового столичного города Лояна, основанного в 25 г. н. э., приближалось к полумиллиону человек – возможно, только Рим был крупнее.

Китаю были свойственны черты, отличавшие и Римскую империю, и боеспособные армии являлись такой же необходимостью для Китая, как и для Рима. Вдоль китайских дорог располагались сотни государственных постоялых дворов с кроватями, местами для омовений, а также кормом и конюшнями для лошадей. По этим дорогам скакали на лошадях курьеры с секретными донесениями, написанными на деревянных планках, которые помещались в футляры из бамбука и затем запечатывались для большей сохранности. В подходящих

местах вдоль дороги стояли сигнальные башни, с помощью которых в случае срочной необходимости можно было передать дымовой сигнал следующей башне, на которой в свою очередь также разжигали костер. В 74 г. до н. э. известие о смерти императора преодолело расстояние около 1300 километров за 30 часов преимущественно с помощью столбов дыма, поднимавшихся с сигнальных башен.

Китай чем-то напоминал Соединенные Штаты в XIX в., когда огромные пространства неиспользуемых лесов и болот можно было приспособить для ведения сельского хозяйства, тем самым предотвращая избыточное давление населения. Южный Китай – огромные районы рощ, отдельных лесов и субтропических речных пойм – был малонаселен. Но сотни тысяч северокитайских крестьян мигрировали на юг в поисках земли. Главной посевной культурой юга был рис, для выращивания которого жизненно необходима была вода. Здесь также впервые был окультурен чайный куст, который дал Китаю продукт, более чем 1000 лет спустя затмивший в глазах европейцев шелк.

Корея и Япония оставались в тени Китая с его новыми идеями и технологиями, но отблески его огня падали и на эти страны. От китайцев к ним пришла металлургия, и железо начало заменять камень при изготовлении обухов топоров и острых лезвий серпов, которыми срезали колосья. Появилась керамика нового типа, сделанная на гончарном круге и обожженная в печи при высокой температуре. Еще до 500 г. до н. э. новая продовольственная культура – рис – попала из Китая в Корею и Японию и начала преобразовывать ежедневный рацион.

ОСТРОВ ИНДИЯ

В Азии в это время единственным потенциальным соперником Китая была Индия. На самом деле они были разделены слишком большими расстояниями, чтобы быть соперниками. Они мало знали друг о друге. Тот факт, что и Индия, и Китай расположены в Азии, ничего не значил для них. Географическое понятие «Азия» ввели европейцы; и в течение долгого времени это понятие было незнакомо более образованным китайцам, которые считали Китай слишком важным и самодостаточным, для того чтобы быть частью какого-то другого географического объекта.

Индия, в отличие от Китая, была практически островом. В отрезанную от большей части Азии Гималаями, протянувшимися на восток почти на 2500 км, Индию легче всего было попасть с северо-запада. Там находились удобные горные перевалы. Индия была ближе к цивилизациям Среднего Востока и Греции, чем к основным территориям Китая; и такое расположение горных проходов увеличивало вероятность ее предпочтительных связей со средиземноморским миром. Основным языком Индии относился к индоевропейской языковой семье, а не к китайской. Большинство завоевателей приходили в Индию со стороны Европы. Во внешней торговле, как морской, так и сухопутной, она также предпочитала это направление.

Из стран, расположенных в тропической и умеренной зонах, Индия имеет наибольшие пространства, покрытые льдом. Она также включает весьма обширные жаркие и засушливые районы. К счастью, высокие горы, с их тающими снегами и ледниками, летом оживляют потоками воды иссушенные равнины. Талая вода с высоких гор помогает вос-

полнить недостаток и нерегулярность дождей, которые приносит по преимуществу юго-западный муссон с Индийского океана.

Река Ганг – порождение этих гор с заснеженными вершинами. Протекающая по обширной равнине, обычно она полноводна на протяжении всего года. После 1000 г. до н. э. долина Ганга сменила индскую в качестве самого густонаселенного района индийского субконтинента. По берегам этой реки росли все новые города, и чтобы прокормить их, требовалось все больше и больше обрабатываемых сельскохозяйственных земель. К 400 г. до н. э. Индию населяли, возможно, 30 миллионов человек. В целом мире только Китай мог бы превзойти Индию по плотности населения.

Вероятно, в это время Китай вместе с Индией вмещали третью часть населения земного шара, а возможно, и больше. Прокормить такое большое население позволяли удобряемые илом равнины и реки, питаемые водой с гор. Хуанхэ в обычный год переносит в своих водах во взвешенном состоянии до 2100 миллионов тонн почвы, больше, чем любая другая река в мире. Вторым после нее является Ганг – около 1600 миллионов тонн. Примерно половина ила, переносимого этими реками, оседает в дельте одной и в эстуариях другой, но большая его часть попадает на крестьянские поля и в ирригационные каналы. Эти могучие мутные реки Индии и Китая не имеют себе равных. Без переносимых ими огромных объемов ила население Китая и Индии было бы значительно меньшим.

В то время как особый талант Китая в это время заключался в создании новых технологий, Индия преуспевала в религиозной сфере. В индуизме, пришедшем с индоевропейскими мигрантами, высших жрецов – брахманов – почитали почти как бо-

гов. Это была гибкая религия, давшая множество направлений и ветвей. Ее приверженцами были самые разные люди – от богатых жрецов и одиноких бродячих аскетов до толп, которые соединяли вновь пришедший индуизм со своими старыми идолами. Эта религия никогда не стояла на месте. На ранней стадии она предполагала в особых случаях жертвоприношения животных, в то время как позднее объявила священными большинство живых существ. Она колебалась от веры во множество специализированных богов к вере в верховное божество – Брахмана.

Индусы верили, что у каждого создания есть душа и что после смерти она переселяется в другое тело. Идея, в наше время считающаяся основной, – это то, что человек может возродиться в самых разнообразных видах насекомых и животных. Поэтому к коровам и козам, клещам и комарам следует относиться с уважением. Почему из всех видов животных, дающих мясо, особым почтением в Индии пользуется только корова, – остается загадкой.

Последователи индуизма не собираются в больших количествах в храме: его деревянные храмы – не места собраний, а символы веры. Вероучение полно правил, регламентирующих как повседневную жизнь, так и жизнь вечную. Оно также делает упор на цикле перерождений. Благословляя существующие невзгоды, эта идея вселяет и некоторую надежду. Утешением живущему в бедности и унижении служит то, что если он проживет эту жизнь добродетельно, то наградой после смерти будет переселение его души в тело более достойного существа. С другой стороны, душа умершего по возвращении на землю может оказаться и в теле какого-нибудь мелкого животного.

Это удивительно, что в наше время Индия стала демократической страной, поскольку, судя по всей длительной истории существования индийской цивилизации, она должна была бы отрицать неотъемлемые демократические ценности – идеи о том, что все взрослые имеют право голоса, независимо от принадлежности их к той или иной касте, и что все взрослые должны участвовать в процессах социальной мобильности. Однако прививать новые экзотические побегии на старое дерево, когда кажется, что надежды нет, а затем наблюдать их бурный рост, – не столь редкий опыт в человеческих обществах.

БЛУДНЫЙ СЫН СТАНОВИТСЯ БУДДОЙ

В VI в. до н. э. индуизм, терпимый к инакомыслию, породил новые религии. Он положил начало джайнизму и более влиятельному буддизму. У Сиддхартхи Гаутамы, основателя буддизма, были общие черты с Христом. Его рождение во время полнолуния приветствовали не три мудреца, а один.

Отцом Гаутамы был царь одного из непальских племен, живший близ границы Индии, на влажной низменности в предгорьях Гималаев, где находился один из истоков реки Ганг. Ему принадлежали три дворца, где Гаутама, повзрослев, наслаждался радостями жизни. Царевича, не проявлявшего признаков того чувства долга, которое он проповедовал позднее, непрерывно развлекали женщины, игравшие на музыкальных инструментах; когда музыка смолкала, ее сменяли другие развлечения. Он вкушал плотские утехы, словно блудный сын. Он женился на своей кузине, и у них родился сын; но это

также не привило чувства ответственности Гаутаме.

Затем, к удивлению своих друзей, он стал искать духовного спасения. Он покинул дом ночью, верхом на лошади, и его жизнь изменилась навсегда. Следуя сильной в индуизме традиции аскетизма, он истязал свое тело и так исхудал, что его ребра в конце концов стали выступать, словно стропила навеса. Проведя много лет в уединении и претерпев множество страданий и лишений, он обрел свет. Он стал «Просветленным», или Буддой.

С тех пор Будда вел святую жизнь. Самым важным он считал отречение от своего «я»: конечной целью была *нирвана* – идеальное состояние, в котором связанная с материальным миром личность практически растворяется. Преследуя цель спокойного самоотречения, он получил в награду невыразимое счастье. Он завоевал восхищение многих бедняков, поскольку не принимал индуистскую идею каст. Он также привлекал богатых, которые основали в городах и селениях вдоль Ганга буддийские монастыри для мужчин, стремившихся к духовному самосовершенствованию. Он также учредил религиозный орден для женщин, и его тетья первой вступила в женский монастырь.

В сухое время года Будда странствовал, прося подаяния и проповедуя свое учение. Люди, дававшие ему еду, чувствовали, что они отчасти приобщились к его святости. Как Франциск Ассизский, который приручил дикого волка в Центральной Италии в христианскую эпоху, Будда смог своим спокойным присутствием усмирить взбесившегося слона. Его учение позднее было суммировано индийским политиком Махатмой Ганди в словах: «Жизнь – это не ворох наслаждений, а ворох обязанностей».

В рассматриваемое время динамично развивающимися частями земного шара были Индия, Восточное Средиземноморье и Китай. Разделенные большими расстояниями, они почти не поддерживали связей друг с другом; и тем не менее все эти районы одновременно переживали «время сева». В 480-е гг. до н. э. Будда, на исходе своей земной жизни, проповедовал на берегах Ганга, Конфуций записывал свои наставления в Северном Китае, а афиняне, только что победившие персов в Марафонской битве, развивали те искусства и ту демократию, на которых впоследствии зиждилась их слава.

Будда умер около 486 г. до н. э., почти в 80-летнем возрасте. Его смерть оплакивали многие жители региона, но его учение, по-видимому, не нашло последователей вдали от берегов Ганга. Чуть более двух столетий спустя его учение ждало счастливое возрождение. Случилось так, что царь Ашока впервые объединил под своим правлением почти все земли, которые во времена Будды были разделены на множество княжеств.

Правя из города на реке Ганг, этот могущественный царь – возможно, самый могущественный в мире – стал истовым последователем буддизма и даже возвел ступы – культовые сооружения, в которых хранился священный прах Будды. В то время когда индуизм, являвшийся главным и весьма гибким вероучением, вполне мог окончательно вытеснить буддизм, этот царь спокойно и неуклонно распространял его религиозные идеи. Говоря коротко, правитель, обладающий абсолютной властью, – самый убедительный из всех миссионеров.

Поначалу именно индуизм привлекал чужеземцев. Возрождаясь время от времени, он распространился вдоль побережья Юго-Восточной Азии и на

группе островов. Период сильного индуистского влияния в Юго-Восточной Азии длился столетия, а затем почти повсюду индуистские боги сдали свои позиции. Единственным оплотом индуизма остался остров Бали, расположенный далеко от устья Ганга.

В истории мировых религий Северная Индия соперничает с Ближним Востоком в плодovitости. Любопытно, что индийские религии мало продвинулись на запад. Более всего последователей они нашли на востоке. Буддизм оказался самым успешным рекрутером, одержав свои победы в землях, совершенно не затронутых культурным или экономическим влиянием Индии во времена жизни самого Будды.

8

ПОДЪЕМ РИМА

Рим был построен, как любили говорить его историки и создатели легенд, на семи холмах. Однако не все эти холмы были заселены в начальные периоды существования Рима. Город был слишком мал, и ему не требовалось такой большой территории. За стенами города текла река Тибр, впадающая менее чем через 40 километров в Средиземное море. Иногда желтая от глины, вымываемой из крутых склонов сильными дождями, эта река несла маленькие груженные лодки к своему устью и в обратном направлении. Сначала городом и небольшой окружающей территорией правил монарх, но в 509 г. до н. э. верх взяли семейства землевладельцев, республика которых просуществует около пяти столетий.

Став небольшим столичным городом, Рим продолжал бороться за свое существование. В 309 г. до н. э. его в течение 7 месяцев осаждала армия галлов, которые в конечном итоге вошли в город и наполовину разрушили его. Власть Рима тогда не распространялась и на половину Апеннинского полуострова. В 300 г. до н. э. он не контролировал даже Милан и территорию нынешней Венеции, которая

была не более чем деревней. Риму не принадлежал ни один из островов Западного Средиземноморья: практически все они находились под влиянием его соперника – Карфагена, могущественного города на побережье Северной Африки.

Главным достоинством Рима было производство военачальников и солдат, адмиралов и моряков. Эти воинственные люди, подчинив соседних сабинов, этрусков и пиценов, стали бросать вызов сухопутной и морской империи, центром которой был Карфаген. К 240 г. до н. э. римляне взяли под контроль богатый остров Сицилия, когда-то являвшийся частью греческой цивилизации. На следующий год они захватили принадлежавший карфагенянам остров Сардиния. Но затем какое-то время казалось, что великий карфагенский полководец Ганнибал сокрушит Рим, поскольку он победно провел свои войска по Испании, перевалил через Французские Альпы и далеко продвинулся в Италию. Однако в конечном итоге его ждало поражение, наступившее в 207 г. до н. э. Теперь римляне расширили свои заморские территории, легко захватив основные земли Карфагена в Северной Африке. Из новоприобретенных владений в Северной Африке и на Сицилии потянулись вереницы кораблей, груженных зерном, необходимым для обеспечения растущего города Рима.

Для греков море было естественной скоростной магистралью, но римляне построили собственные. В 312 г. до н. э. римские инженеры начали сооружать первую из своих транспортных артерий – Аппиеву дорогу, которая соединила Рим с южным портом Тарент, расположенным на внутренней части каблука Италии. Вскоре эта мощная дорога была продлена до внешней его части – адриатического порта Брундизий (Бриндизи), где сегодня мож-

но видеть древнюю каменную колонну, прославляющую эту победу инженерного искусства. В конечном итоге отличные римские дороги протянулись вдоль большей части побережья Северной Африки, по северному берегу Средиземного моря, а также к далеким рекам Дунай и Евфрат. Это были не просто дороги. Там, где они сохранились до наших дней, их называют «римскими дорогами», словно они представляют особый вид, и это действительно так. Прорезая холмы и пересекая болота по земляным или каменным дамбам, они напоминают, по словам английского писателя Томаса Харди, пробор в волосах – такие же тонкие и прямые.

Римские дороги для своего времени были более выдающимся достижением, чем скоростные шоссе, построенные в Европе в эпоху автомобиля. Курьеры могли быстро передвигаться по этим дорогам и, как в Китае, быть уверенными, что если не случится наводнения или снегопада, их запряженный лошадьми транспорт прибудет к месту назначения вовремя. Во многих частях Римской империи послание, отправленное по дороге, достигало адресата гораздо быстрее, чем послание, отправленное по морю. По римским дорогам быстро передвигались всадники, тяжеловооруженные солдаты, торговцы, рабы и младенцы на руках матерей.

Римский мост являет собой произведение искусства, хотя у римлян были талантливые предшественники в строительстве дорог и мостов. При виде римского моста, по которому до сих пор осуществляется движение, испытываешь благоговение. Инженеры, люди, добывавшие камень и каменщики, строившие мост, давно умолкли, но их мост продолжает стоять во всей своей мощи и красоте. Римский мост в Римини, расположенном на побережье широкого залива Адриатического моря, сложен из

обтесанных блоков светлого известняка с включениями раковин и ископаемых остатков рыб. Построенный около 5 г. до н. э., он состоит из пяти полукруглых арочных пролетов, под которыми река, теперь обмелевшая, быстро струится во время половодья. Даже в наши дни этот мост – переправа с односторонним движением, используемая итальянскими машинами и мотороллерами и оснащенная узкой полосой безопасности для пешеходов.

В МРАМОРНОМ ГОРОДЕ

Все дороги вели в Рим, и он разросся почти до неконтролируемых размеров. Вероятно, он был первым городом в мире – хотя в Китае также были крупные города, – население которых приближалось к миллиону человек. Он был желанной целью для бродяг и бедняков, которым некуда было больше идти, для тех, кто искал работы и азарта, а также для амбициозных людей, стремившихся воспользоваться богатыми возможностями, которые открывал этот город. Мощенные камнем улицы Рима наводняли повозки и толпы людей: кто-то из них прибывал с окрестных ферм, а кто-то – в качестве пленников последней войны. Растущий город снабжался водой по акведукам; эти длинные арочные мосты непрерывно подавали ее от подножий холмов к общественным баням, водяным цистернам и сосудам бесчисленных жилых домов, этой же водой смывались нечистоты. Некоторые из общественных бань были настоящими мраморными дворцами с многочисленными помещениями и множеством бассейнов с холодной и горячей водой. Количество этих заведений, посещаемых ради сплетен и удовольствий, непрерывно росло. В одном городе Рима было около 800 общественных бань.

Кораблей, доставлявшие в Рим камень, лес и зерно, часто были значительно больше тех, которые построили в западном мире в последующее тысячелетие и позднее. Они могли превышать 50 метров в длину и 15 метров в ширину, были похожи на бочки и показались бы неуклюжими с точки зрения современных стандартов дизайна. Флотилия кораблей, почти таких же, как нынешние сухогрузы, была построена специально для перевозки строительного камня. Эти большие римские корабли ходили под парусами, а не на веслах. Их задачей было доставить груз дешевле, а не быстрее, но время от времени им удавалось совершать быстрые переходы. Есть сведения об одном из парусных грузовых кораблей, преодолевшем всего за девять дней путь от итальянского порта Неаполь до египетского порта Александрия.

Если бы европейским мореплавателям времен Колумба посчастливилось увидеть затянутые песками остатки крушения большого римского деревянного судна, их поразила бы его длина. Флагманский корабль Колумба «Санта-Мария» имел в длину всего 30 метров – намного меньше, чем те римские корабли, которые занимали для перевозки зерна и строительного камня из Египта. Даже построенный в 1843 г. удивительный однотрубный шестимачтовый пароход «Great Britain» был не шире и почти вдвое короче, чем большие римские грузовые суда, бороздившие моря под парусами за 2000 лет до него.

Римские писатели оставили будущим поколениям детальные описания повседневной жизни этого города, его развлечений, страданий, удовольствий и невзгод. Мы почти ощущаем вкус пищи простых людей – хлеба грубого помола, «свежего сыра ручного отжима и зеленых смокв второго урожая», а также, разумеется, мелкой, но популярной рыбки –

анчоуса. Благодаря поэзии Вергилия мы можем побродить по римским фермам и внять советам о том, как вести хозяйство. Так, седьмой день после новолуния считался благоприятным для отлова и приручения дикого рогатого скота, а летом сено на засохшем лугу лучше всего косить в темноте: этому правилу сенокоса часто следовали в Италии еще на памяти живущих поколений.

Почти на всех этапах римской истории случались кризисы. Так, в последнее столетие дохристианской эры происходили резкие спады. В 86 г. до н. э. многие члены патрицианских семей – некогда столь могущественных – были жестоко убиты своими соперниками. В следующее десятилетие раб Спартак поднял восстание, собрав под свои знамена десятки тысяч сельских рабов. Когда в конечном итоге он потерпел поражение в Италии в 71 г. до н. э., около 6000 его соратников были схвачены и распяты вдоль Аппиевой дороги.

Нити цивилизованности переплетались с нитями жестокости. Даже рабы могли встретить доброе отношение и сострадание. В начале II в. н. э. умер сын раба, и рабовладелец приказал высечь из мрамора голову мальчика, сопроводив ее простой надписью:

*Дражайшему Марциалу,
Ребенку раба,
Который жил два года десять месяцев и восемь дней.*

У ребенка невинный вид, длинные изящные ушки, маленький рот, аккуратно подстриженные волосы, наполовину прикрывающие лоб, и – чуть выше правого уха – красивый египетский амулет. Этот символ не означает, что ребенок жил в Египте, который тогда был римской колонией. Римская

империя была космополитической, и идеи, и религиозные верования, и мода свободно перетекали через Средиземное море и вдоль его побережий – столь же свободно, как перемещаются идеи и предметы в наши дни: так, описанную голову ребенка можно сегодня увидеть в музее Лос-Анджелеса.

Рим начинал как республика, власть в которой делили несколько семей. Затем число избирателей – граждан, живших в Италии и обладавших правом голоса, – увеличилось до сотен тысяч, достигнув в конечном итоге более миллиона. Конечно, Риму бесполезно было бы копировать греческую демократию и общее собрание граждан, голосовавших прямо на площади; и альтернативой для римлян стало тайное голосование. В течение нескольких столетий в Риме существовала форма представительного правления, которую практически все европейские правители, исходя из своих стандартов, еще 300 лет назад заклеямили бы как опасно демократическую. Должность главы государства была выборной. Ни один политик или военачальник не получал бразды правления надолго. Решение большинства важных вопросов возлагалось на собрания представителей.

Управлять огромной и непрестанно расширяющейся Римской империей было нелегко. Откуда было брать новые налоги? Армии, набиравшиеся из граждан, больше не могли нести основную нагрузку воинской службы, поэтому рекрутировались наемники и даже рабы, и часть их была более лояльна своему военачальнику, чем Риму. Да и самих военачальников, сражавшихся на далеких рубежах, контролировать было нелегко. Для того чтобы воевать успешно, им нужна была некоторая независимость, но если они одерживали слишком много побед и были слишком популярны среди

римского народа, они представляли косвенную угрозу для гражданских правителей, стоявших у власти в Риме.

Постоянно нараставшее в Риме напряжение, казалось, нашло разрешение. Для людей, гордившихся своей республикой, сама мысль об императоре казалась невозможной, но эта невозможная мысль теперь высказывалась вслух. В 63 г. до н. э. Август стал императором, хотя и объявил себя всего лишь первым среди равных граждан старой республики. Он осуществлял военный контроль, и он держал в твердых руках сенат. Постепенно римский император получил неограниченную власть при жизни и божественные почести после смерти. Теперь каждый император сам назначал своего преемника.

Переход от республики к монархии, хотя и был довольно резким, придал новую устойчивость Римской империи. Она продолжала расширяться и укрепляться на завоеванных территориях. Поскольку граждане уже не голосовали за или против тех, кто хотел править империей, гражданство можно было без особых опасений расширить. Апогей наступил в 212 г. н. э., когда все свободные мужчины могли стать римскими гражданами, находящимися под защитой замечательной и развивающейся системы римского права и пользующимися еще одной привилегией гражданина: правом платить налоги империи, часто испытывавшей недостаток в средствах. Римская империя достигла таких невероятных успехов, ее политическая история и способ управления были так подробно описаны, что, когда звание второго Рима перешло в XVIII в. к Лондону, римская история завладела умами его политических и культурных лидеров.

ПО ВЕЛИКОМУ ШЕЛКОВОМУ ПУТИ

Две основные мировые цивилизации – римскую и китайскую – разделяли огромные расстояния и географические барьеры. Сухопутный маршрут между Западным Китаем и ближайшими портами Черного моря был еще до христианской эры длиннейшим в мире. Он проходил по горам и плато, каменистым равнинам и соляным пустыням, через стремительные потоки и ущелья, а также обширные пастбища. Путешествие по нему было скорее похоже на эстафету, чем на процессию, поскольку обмениваемые товары передавались от торговца к торговцу, от базара к базару, и таким образом медленно пересекали континент на повозках или спинах лошадей и верблюдов, двигавшихся длинными караванами.

Главным грузом, который везли с востока, был шелк. Богатые жители Рима и Александрии жаждали получить шелковые наряды, а единственным их поставщиком в течение долгого времени оставался Китай. Неприметный шелковичный червь, питавшийся листьями, срезанными с миллионов китайских тутовых деревьев, жил всего 45 дней; но за свою короткую жизнь он создавал кокон из тончайших волокон, длина которых в распрямленном состоянии могла достигать 900 метров. Эти тонкие волокна скручивали в нити, из которых вручную ткали шелк во многих селениях и городах Китая.

Шелк был волшебной тканью. Невесомый, прочный, легко окрашиваемый в яркие цвета, такие как тирский пурпур, и мягкий в прикосновении к коже человека, шелк высоко ценили те немногие римляне, которым повезло приобрести его. Из-за дороговизны средний китаец не мог себе позволить

носить шелк; а к тому времени, когда он пересекал Средиземное море и выгружался в Риме, его цена становилась настолько высокой, что он становился предметом крайней роскоши.

Поскольку шелковичные черви представляли собой живые прядильные машины, не требовавшие источников энергии, купцы других стран, несомненно, стремились заполучить их. Украденные шелковичные черви оказались в Индии, которая стала производить шелковую ткань не самого высокого качества. Со временем шелковичные черви достигли Сицилии и Франции, но мастерство китайских прядильщиков и ткачей так и не пересекло границ Китая, продолжавшего производить непревзойденный по качеству шелк.

Экономическая жизнь Китая была настолько развитой и разнообразной, что он мало нуждался в товарах с запада. Китайцы охотно покупали в небольших количествах тонкое стекло, которое делали в Ливане и Египте и везли по торговому пути через всю Азию, – хрупкий груз, водруженный на покачивающиеся спины верблюдов. Также время от времени Китай приобретал тюки шерсти или других тканей и драгоценные металлы.

По шелковому пути вслед за заходящим солнцем следовал не только шелк, но и другие предметы, высоко ценимые на западе. Китай был поставщиком и таких ценных лекарственных средств, как законсервированный ревень и корица. Еще более важным предметом экспорта были семена и живые растения. Китай был ботаническим садом, снабжавшим внешний мир семенами и саженцами. Китайцы, вероятно, первыми стали выращивать персиковые и грушевые деревья, которые около II в. после Рождества Христова достигли Индии.

Именно в Китае впервые окультурили апельсин, принесший богатство владельцам садов. Апельсиновое дерево ценилось не только за плоды, но и за древесину, из которой часто делали луки для пускания стрел. Незадолго до рубежа эр первые китайские апельсины и лимоны попали на Ближний Восток, проделав часть пути – от Индии до Красного моря – на кораблях. Изображения апельсинов отчетливо видны на мозаиках Помпей – города, засыпанного вулканическим пеплом в 79 г. н. э.

Китайцы и римляне сходились в одном. Жители обеих империй считали собственную цивилизацию выше любой другой. Хотя Китай владел территорией, сопоставимой по размерам с Римской империей, власть его императора не распространялась на такое многообразие языков, культур и народов, каким мог похвастаться Рим.

Во времена Христа римские корабли господствовали почти во всех главных портах Средиземного моря. Все некогда процветавшие греческие приморские города – будь то на Сицилии или в Египте – находились теперь под контролем римского императора. Тяжелую поступь римских солдат, мерные всплески весел на римских галерах можно было услышать повсюду от восточного до западного средиземноморского побережья, и даже за Гибралтарским проливом – в регионе, куда греческое влияние никогда не простиралось. Римские монеты были в ходу вдоль западного атлантического побережья от Испании до Бретани, а на севере – вплоть до песчаных дюн и соляных болот, тянувшихся вдоль побережья современной Голландии.

Рим господствовал над территорией, простиравшейся от Черного моря до севера Англии. Римские полки квартировали по Рейну вплоть до Кельна, где эту величественную реку пересекал римский

мост. Над рекой Дунай в современной Венгрии также раскинулся римский мост, чьи каменные опоры и полукруглые деревянные арки спроектировал выдающийся архитектор и инженер – Аполлодор из Дамаска.

Эти отдаленные города, гавани, гарнизоны и провинции были очень важны для Рима. Будучи форпостами, они защищали границы империи. Они обеспечивали империю продовольствием, солдатами, рабами, сырьем и, что не менее важно, доходами. Время от времени они также причиняли неприятности римским правителям. Одним из источников неприятностей стала новая вера, которой предстояло пережить римские легионы.

ИЗРАИЛЬ И МЕССИЯ

Побережье современного Израиля, обрамленное песчаными дюнами, должно было казаться неприветливым чужеземным мореплавателям. Почвы в тех заливах и гаванях, где могли бросить якорь корабли, были бедными. И вообще город Иерусалим, по сравнению с большинством других знаменитых городов Средиземноморья, имел мало удобных гаваней. Иудеи – или израильтяне, или евреи – владели стадами, а не кораблями, будучи народом пастбищ, а не моря. В расположенном к северу Ливане имелись удобные естественные гавани, и его торговля с финикийцами процветала.

Слово «иудей» (йегудим) означает «скиталец», или тот, кто переходит с места на место. На протяжении большей части своей истории – а они, вероятно, происходили из района в верховьях Персидского залива или в соседней пустыне – иудеи не имели надежного дома. Этот народ-странник знал времена процветания, когда его стада и шатры занимали прекрасные пастбища, но он также помнил времена унижений, пленения и изгнания.

Обращенные в рабство в Египте, евреи в конце концов бежали и, ведомые своим лидером Моисеем, отправились в земли, которые, как они считали,

обещал им Бог, – на территорию современного Израиля. Согласно одной из версий их истории, сохранившейся в Священном Писании, их едва не догнали преследователи на западном краю Красного моря. Но море внезапно расступилось, позволив им пройти. Это событие кажется чудом, но, возможно, таковым не являлось, поскольку упомянутое в Библии название означает «море камышей», или болотистое море, и во многих местах оно было мелким. У него такая форма берегов, что могут случаться необычные приливы и отливы. И действительно, в 1993 г. группа океанографов наблюдала, как при ураганном ветре скоростью около 70 километров в час на долгие десять часов море практически отступило. Вполне вероятно, что евреи, которых догоняли египтяне, перешли через море в один из таких непредсказуемых дней. Затем уровень воды в море поднялся, и преследователи-египтяне утонули.

Около 1000 г. до н. э. евреи при царе Давиде пережили годы славы, поскольку он завоевал Иерусалим. Его сын и преемник, царь Соломон, построил величественный храм на вершине городского холма; и в этом здании, не знавшем себе равных по великолепию, его подданные поклонялись Богу, который привел их в Землю обетованную.

После смерти царя Соломона, около 935 г. до н. э., его царство распалось, в результате чего образовались Израиль и Иудея. Со временем два этих миниатюрных государства так ослабели, что не смогли уже защищаться от энергичных чужеземцев. В 587 г. до н. э. воины вавилонского царя разграбили и разрушили величественный Иерусалимский храм, после чего народ иудейский был уведен в плен, который продолжался около столетия. По возвращении они жили под властью череды иностранных правителей – персидских, Александра Ма-

кедонского и грекоязычных Селевкидов. На протяжении большей части этого времени духовная жизнь иудеев переживала период расцвета. Пророкам внимали, ученых-теологов поощряли, и укоренялась идея бессмертия души.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ И ЕЩЕ 100 ПРАВИЛ

Древние иудеи верили, что их Бог всемогущ и вечен. Они редко произносили его имя вслух – таким благоговением и глубоким почтением он был окружен. 2000 лет спустя протестантские реформаторы стали называть его Иегова. Иегова защищал иудеев, если они следовали его предписаниям, его заповедям.

Первая из Десяти Заповедей гласит, что во всем мире есть только один Бог. Во времена, когда господствовало многобожие, – храмы Ближнего Востока были наводнены богами на всякое время года и на всякий случай, – иудейская религия казалась необычной. Ее последователям не позволялось поклоняться никаким иным богам.

Десять Заповедей предписывали иудеям, как вести себя в жизни. В их основе лежало уважение и сочувствие ближнему. Иудеи должны были почитать своих родителей. Они не должны были убивать, не должны были прелюбодействовать. Они не должны были лжесвидетельствовать на ближнего и даже думать о том, чтобы украсть у соседа вола или быка. Впоследствии будет отмечено, что в этом контексте упоминаются именно вол и осел, но не баран. Незаменимые вьючные животные, стоившие очень дорого, волы и ослы широко использовались для вспашки полей и перевозки тяжелых грузов.

Иудеи неукоснительно придерживались правила, предписывавшего им работать только шесть

дней в неделю, а на седьмой, – который, по их подсчетам, приходился на субботу – молиться и отдыхать. Один из первых широкоохватных законов социальной защиты – устанавливавший день отдыха в Шаббат – распространялся не только на домовладельцев, но и на их слуг и служанок. Более 20 столетий спустя большинство развитых, социально ориентированных демократий мира введут для многих рабочих восьмичасовой рабочий день; но этот недавний эксперимент в области социальной защиты был не таким значительным, как шестидневная рабочая неделя, религиозно соблюдаемая детьми Израилевыми.

Евреи более трепетно, чем другие известные народы мира, относились к собственной истории. Они неустанно записывали свои испытания и невзгоды, свои поражения и победы. Обладая обостренным чувством истории, они также придавали большое значение справедливости и этичному поведению в повседневной жизни. Временами они почти тонули в море правил и рекомендаций.

Постоянно исследуя сущность и назначение человека, иудейские духовные лидеры обрели такое же влияние, каким около 2000 лет спустя будут пользоваться те европейцы, которые в эпоху научных и промышленных революций посвятят себя коренному преобразованию материального мира. Но если бы всемирную историю писали в 200 г. до н. э., евреи вряд ли удостоились бы многих предложений. К тому времени они были не более влиятельны, чем сотни других государств и монархий, народов и племен Африки и Азии, Европы и Америки.

После столетий злключения и немногочисленных побед Израиль пережил чудесное возрождение во II столетии до н. э. В течение 80 лет он наслаждался почти полной независимостью. Чудо длилось

недолго, и бесконечно расширяющаяся Римская империя поглотила его в 63 г. до н. э. Но многие евреи, продолжавшие жить на родной земле, были недовольны римским правлением. Они интуитивно знали, что Иегова должен вмешаться и спасти свой избранный народ. Самым выдающимся среди проповедовавших это пророков был Иисус.

Иисус родился около 6 г. до н. э. по григорианскому календарю, используемому в наше время на Западе. Он вырос в затеряншемся среди холмов маленьком городке и продолжил дело своего отца – плотника или строителя. Эта высококвалифицированная деятельность должна была приносить доходы, намного превышавшие доходы большинства работников в Палестине. В то время мало кто умел читать и писать, а Иисус обладал также преимуществом грамотности.

Глубоко проникнувшись насыщенной религиозной и политической атмосферой Израиля, в то время находившегося под римским владычеством, Он развивал учения Ветхого Завета. Особое влияние на Него оказала страстная проповедь Иоанна Крестителя – странствующего проповедника, который отвергал все внешние соблазны городов и выказывал презрение к удобствам, питаясь простейшей пищей и нося плащ из шкуры верблюда. Его главным призывом ко всем, кто слушал, было «Покайтесь!». Его символическим действием было крещение, или погружение в воду, тех, кто глубоко раскаивался в своих грехах. Впоследствии Иоанн крестил Иисуса в водах реки Иордан.

Когда Ему было немногим за тридцать, Иисус оставил молоток, пилу и стамеску и ушел из своей деревни – жены у Него не было, – следуя тому же призыванию, что и Иоанн Креститель. Он начал проповедовать и учить в городках, деревнях и даже си-

нагогах. Теперь Он мог убеждать и проповедовать о том, что смело можно назвать Духом. К Нему приводили больных, и, ко всеобщему изумлению, Он, казалось, исцелял их прикосновением руки или спокойными и уверенными приказаниями.

То, что такой необычный молодой человек происходил из сельской глуши, удивления не вызывало. Его называли просто Назарянином, подразумевая под этим жителя городка Назарета. Позднее Его назовут Христом, что по-гречески означает «помазанник, Мессия». В наши дни Его могли бы назвать врачом, лечащим с помощью молитв и наложения рук.

Его изречения разлетались на золотых крыльях. Его проповедь могла быть загадочной, но была также обращена к земле. Он рассказывал простые притчи из повседневной жизни, придавая им нравственное звучание и завершая призывом к своим слушателям-попутчикам следовать проповедуемому Им новому образу мыслей. На самом деле, в Его проповедях и притчах запечатлена яркая картина жизни людей того времени. Он говорил о найме работников на виноградник за динарий в день и о владельце виноградника, недоумевающем, почему его смоковница не плодоносит, или, попутно, о разумном способе хранить вино нового урожая: «Не вливают... вина молодого в мехи ветхие», – говорил Он, и нет сомнений, что слушавшие Его сельские жители согласно кивали головами.

Огромные толпы собирались, когда Он проповедовал и исцелял. Должно быть, Он был прекрасным оратором со звучным голосом, который долетал до каждого, даже самого отдаленного, слушателя в толпе. Но все равно за тот недолгий насыщенный, напряженнейший период, который длилась Его проповедь, Его голос могла услышать лишь малая толика

народа Израилева. Поскольку Он нуждался в помощи других людей для проповеди во всех тех деревнях, которые Он не успевал охватить, Иисус призвал учеников и помощников – апостолов. Первыми стали рыбаки с лежавшего неподалеку озера. Вскоре у Него уже было двенадцать приверженцев, захваченных Его учением. Но требовалось еще больше последователей. Как Он объяснял это понятными сельскому жителю словами, «жатвы много, а делателей мало». Иисус проявлял глубокое сочувствие к обездоленным – бедным, больным, скорбящим. Казалось, Он поддерживал ветхозаветные иудейские ценности, но также добавлял к ним новые, революционные черты. Он возвещал, что придет день, когда «последние станут первыми», а униженные обретут наибольшее могущество. Это не могло нравиться тем, кто обладал гражданской и религиозной властью в Иерусалиме.

Главные иудейские течения и синагоги не могли решить, как им относиться к этому пророку. Некоторые чувствовали для себя угрозу в Его неуклонно растущем влиянии на толпы людей. Других тревожило то, что Он подвергает сомнению их учение и незыблемую приверженность сотням древних иудейских правил и ритуалов. Беспокоило также то, что Он несет раздор в их синагоги и бросает вызов их моральному авторитету. Его не пугали обвинения. Римские власти смотрели на Него как на потенциального ниспровергателя основ.

Его жизнь как проповедника и целителя была недолгой. Около 30 г. н. э., когда Ему не было еще сорока, Он фактически навлек на Себя месть Своих врагов. Он решил отправиться со Своими последователями в Иерусалим в священное время года. Во время Тайной вечери с учениками Он предсказал им Свою смерть. Арестованный по требованию многочислен-

ных врагов, Он был подвергнут поруганию на синедрионе (иудейском суде), а затем приговорен римскими правителями к позорной казни, не применявшейся к римским гражданам. Он был побит плетьюми, а затем Его распяли на высоком деревянном сооружении в виде креста между двух обычных разбойников, прибитых к меньшим, но таким же крестам. Над Его головой поместили надпись на трех языках – латыни, греческом и еврейском, гласившую о том, что считалось самым опасным Его притязанием: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский». Он умер медленной, мучительной смертью.

Говорят, что после этого произошло солнечное затмение, словно небеса знали, какого огромного масштаба событие происходит. Днем того дня верные друзья сняли Его тело с креста и погребли. На третий день Его тело исчезло из склепа. В последовавшие за тем дни Его ученикам казалось, что они то там, то здесь мимолетно видят или слышат Его. У них не было ни тени сомнения в том, что Он – Сын Божий и теперь вернулся на Небеса, чтобы сесть одесную Отца.

Ничто не придает такой значительности всей Его жизни, как это вознесение на небеса. Там, по Писанию, Он будет ждать Судного дня, когда вернется на землю, чтобы наказать грешников и вознаградить праведников.

ПОСЛЕ ХРИСТА

То, что учение Христа сохранилось и широко распространилось, стало возможным только благодаря евреям. Этот народ жил в рассеянии, по преимуществу вдали от своей родины, и таким образом представлял собой идеальную сеть для распространения христианского послания.

В конце того периода, который называют «до Рождества Христова», большинство евреев никогда в жизни не видели земли своих предков. Многие еврейские семьи, угнанные в плен, стали частью своей новой родины. Другие отправлялись в качестве торговцев или воинов в далекие порты, а затем оставались там и жили, поколение за поколением. Перепись, проведенная римлянами в 48 г. н. э., показала, что на огромных просторах Римской империи жили семь миллионов евреев. Возможно, они составляли около 9% населения империи, т. е. этот показатель был выше, чем в Европе накануне Второй мировой войны. Еще пять миллионов евреев жили в различных частях Малой Азии и Африки, не входивших в состав Римской империи. Поскольку политическая ситуация в Палестине ухудша-

лась, и все большее и большее число евреев решало покинуть родину, город Вавилон становился домом для вдохновенных иудейских богословов.

Иудейские синагоги можно найти повсюду от Сицилии до Черного моря, Южной Аравии и Эфиопии. В одном городе Рима синагоги посещали 50 000 евреев. Во многих отдаленных еврейских поселениях синагоги становились центром общественной жизни, они имели библиотеки и, возможно, приюты. Часто эти отдаленные синагоги были свидетельством щедрости прихожан, многие из которых жертвовали на них десятую часть своего годового дохода.

К тому времени иудаизм, хотя и был первоначально религией евреев, давно приобрел более широкое распространение. Многие язычники или не евреи посещали синагоги и усваивали иудейские этические нормы и взгляды на мир, хотя и не обязательно проходили через небольшую хирургическую операцию – и главный ритуал – обрезание. Во многих синагогах восточной части Римской империи в I в. до н. э. еврейский язык был вытеснен греческим. Прихожане молились на греческом, слушали чтение Писания на греческом.

Синагоги, цепью протянувшиеся вдоль Средиземного моря и во внутренних районах Малой Азии, стали первыми площадками для распространения христианского учения. Святой Павел был первым знатным обращенным. Он не говорил с Христом, не слушал Его проповедей и поначалу преследовал новый культ, видя в нем угрозу для главной религии иудеев. Однако отношение Павла в корне изменил мистический опыт, пережитый им по пути в Дамаск. Он превратился в самого ревностного христианского миссионера. Примерно через 14 лет после смерти Христа он начал придавать

форму недавно зародившейся церкви. Он обладал редчайшими качествами. В синагоге Павел чувствовал себя как дома: его родители были иудеями, да и сам он когда-то готовился стать раввином. У него было римское гражданство, дававшее ему доступ в официальные круги; и он говорил на греческом — языке культурных людей того времени.

Хотя самыми ранними обращенными в христианство были в основном евреи, других эта религия привлекала не меньше. Вскоре до многих людей, не имевших отношения к синагогам, дошла христианская весть, и они начали устраивать собрания в частных домах или общественных помещениях. Вопрос о том, кто может стать христианином, все жарче дебатировался в этих новых общинах. Многие евреи-христиане отвергали участие посторонних, поскольку считали христианство не более чем ответвлением собственной религии. Впервые эта дилемма остро обсуждалась в городе Антиохия на юге современной Турции.

В Антиохии спустя одно-два десятилетия после смерти Христа вопрос о том, кому позволено быть полноправным членом христианской церкви, был решен в пользу интернационализма. Каждый, кто пришел к покаянию, мог стать христианином. Это неизбежно вело к расширению пропасти между синагогами и новыми христианскими церквями. И те и другие боролись за одну и ту же паству, будь то иудеи или язычники. Хотя многие христианские общины состояли исключительно из евреев, все большее и большее число новых общин привлекало людей всех национальностей и самого разного происхождения. Святой Павел подчеркивал эту всеобщность в своем ярком Послании к Галатам: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

В первое столетие после распятия Христа Его последователями становились больше жители городов, чем деревень и сельской местности. Вероятно, большинство христиан составляли женщины. Люди, приставшие к церкви в эти трудные годы, должны были обладать смелостью. Римские императоры время от времени устраивали гонения на христиан, а император Нерон Клавдий обвинил их в знаменитом пожаре, вспыхнувшем в Риме в 64 г. н. э. В духе того времени многие христиане были растерзаны дикими зверями в присутствии толпы зрителей.

В своих внутренних спорах о том, до какой степени нужно следовать правилам, предписываемым синагогами, ранние христиане не могли решить, отвергать или нет строгие иудейские ограничения, касающиеся еды. Многие из новообращенных христиан несомненно соблюдали запреты, налагавшиеся иудаизмом на свинину, моллюсков и другие продукты. Сам Павел, хотя и был евреем, более толерантно относился к еде. В ответ на утверждение, что некоторые виды пищи от природы нечисты, он заявлял, что «нет ничего нечистого самого по себе». Множество иудеев считало Павла предателем их веры. Он был замучен и казнен ими.

В конечном итоге большинство ранних христиан, считавших Тайную вечерю Христа со Своими учениками важнейшим событием, восприняли позитивное отношение к еде. Поскольку вино было частью Тайной вечери, оно, наряду с хлебом, стало центральным в таинстве, называемом причастием, или евхаристией. Совместная трапеза стала символическим обрядом раннехристианских церковных служб.

Те, кто знали Христа, стали первыми Отцами Церкви, и они, разумеется, были евреями. Петр – некогда рыбак – после смерти Христа стал старшим апостолом и, по преданию, принес христианство в

Рим. Со временем на первые позиции выдвинулись коренные итальянцы. Лин, по преданию, родом из Тосканы, стал Римским епископом, или папой, вскоре после гонений Нерона на христиан.

В самом Риме и в отдаленных городах Римской империи толпы людей – среди которых были и иудеи – обрушивались на христиан. Список мучеников все удлинялся. Поскольку христиане редко составляли большинство в столицах и крупных городах империи, они могли рассчитывать только на веротерпимость, проявляемую другими. К ним были бы более терпимы, если бы они не были столь непреклонны. Порой они не оказывали должного почтения римским императорам, которые все больше склонны были считать себя богоподобными.

К 300 г. н. э. христианство стало напоминать башмак, побывавший в руках сотен сапожников, каждый из которых стремился придать ему свою форму. Верования и ритуалы этой расширяющейся церкви менялись от провинции к провинции. Купец и его жена, которые попадали из малоазиатской общины в итальянскую, могли только дивиться, впервые видя, как их новый пастырь проводит обряды или трактует богословские вопросы.

ВОСКРЕСЕНЬЯ, СОЛЬ И ПИСАНИЯ

Современная форма христианства, его обряды и праздники устанавливались постепенно. Воскресенье поначалу не везде считалось днем, посвященным Господу. Иудеи чтили субботу, и первое время христиане также склонны были считать этот день главным в своей неделе. Святой Павел начал отводить почетное место воскресенью, поскольку это был день Воскресения Христа. Когда император Константин принял христианство и склонил Рим-

скую империю к поддержке новой религии, в законе 321 г. он объявил воскресенье днем молитв в городах, но не в сельской местности. Коров и коз следовало доить, урожай убирать, землю пахать независимо от дня недели. Особое место у христиан быстро заняла Пасха, но установить точную ее дату было непросто. На побережьях Малой Азии – центра раннего христианского мира – Пасха поначалу не приходилась на воскресенье. На протяжении многих лет христианские богословы спорили об идеальном выборе Пасхального дня. Особенно ярко эти противоречия проявились в 387 г. В этом году в Галлии Пасху отмечали 18 марта, в Италии – ровно месяц спустя, в Александрии еще позже – 25 апреля. В VII в. в одном из районов Англии Вход Господень в Иерусалим пришелся на тот же день, в который другая часть Англии праздновала Пасху. Так что единство христианского мира часто оказывалось непрочным.

Многие из почитаемых христианами дней пришли довольно поздно. На протяжении трех столетий ранние церкви по побережьям Средиземноморья не отмечали Рождества Христова. Со временем христиане разумно приспособили для своих нужд давно установившиеся народные праздники, отмечавшие самый короткий день в году в Северном полушарии. Так, в Риме 17 декабря отмечался языческий праздник, известный как Сатурналии, но этот день всеобщего ликования был присвоен христианами и передвинут на 25 декабря, объявленный днем Рождества Христова. Даже когда Рим твердо решил отмечать Рождество в день, принятый и сейчас, христиане Иерусалима продолжали делать это 6 января.

Как и Рождество Христово, день, посвященный Матери Христа, Марии, не сразу нашел свое место

в христианском календаре. В 431 г. Эфесский собор прославил Марию, и посвященный Ей день, 25 марта, все чаще стали называть днем Благовещения Богородицы. По мере распространения и укрепления культа Марии развивался и второстепенный культ – ее матери Анны, и со временем в итальянском городе Неаполе стали отмечать день Зачатия Святой Анны. На протяжении столетий Марии больше поклонялись в восточных, чем в западных церквях.

Христианство, являвшееся как подражателем, так и инициатором, исподволь заимствовало некоторые из ритуалов повседневной жизни римлян. Например, когда римский младенец достигал восьмидневного возраста, на его крошечные губки клали несколько крупинок соли, веря в то, что соль отпугнет демонов, которые иначе могут навредить ребенку. Когда в ранней христианской церкви крестили новых последователей, то благословляли щепотку соли и в подражание римскому обряду давали ее принимающим крещение. Это находилось в соответствии с учением Христа, Который, зная о том, как не хватает соли на столе бедняков, выбрал ее в качестве символа чего-то редкого и драгоценного. В Нагорной проповеди Он сказал Своим ученикам: «Вы – соль земли».

Часто в местах, где собиралось много христиан, между ними вспыхивали споры. Спорили они потому, что происходили из разных частей Римской империи. Спорили и потому, что Христос иногда говорил иносказаниями, смысл которых не всегда был ясен тем, до кого Его слова доходили «из вторых рук». Спорили потому, что полагались на разных евангелистов, которые, после смерти Христа записав Его учение, предложили противоречивые версии одних и тех же проповедей или чудес. А иногда

христиане спорили друг с другом потому, что в словах Христа слышали то, что им хотелось услышать. И все же связующая их нить просматривается отчетливо. Путешественники, входя в христианскую церковь вдали от родных мест, чувствовали себя как дома.

По меньшей мере, на протяжении четырех столетий христианство напоминало горячий металл, разливаемый из плавильного котла по различным формам. Иногда горн едва ли не взрывался – или, напротив, огонь в нем затухал. Часто эти горны реконструировали и неоднократно увеличивали. Формы изменялись снова и снова, и, если бы ожили ранние последователи Христа, они бы просто не узнали многие из догматов и ритуалов церкви, в основании которой они принимали участие. Озадачил бы их и еще один факт: конец света, казавшийся таким неизбежным, близким и так поддерживавший их глубокую веру, до сих пор остается делом будущего.

Тем временем город Рим все больше утрачивал свою роль сердца огромной империи. Имперские армии и целая вереница их знаменитых полководцев заменили старые институты власти в Риме. Кроме того, этот город был расположен на дальнем западном краю империи, чьи основные богатства и население были сосредоточены на противоположном берегу Средиземного моря. Поэтому в 285 г. для облегчения управления империя была разделена на две – Западную, с центром в Милане, и основную, или Восточную, столицей которой стала Никомедия: расположенная на берегу Мраморного моря, в ста километрах к востоку от современного Стамбула, она вскоре украсилась величественными зданиями.

В истории многие важнейшие события подготавливались подспудными силами, движениями и

факторами, но время от времени какому-либо человеку удавалось почти в одиночку изменить направление развития мира. Мальчику, жившему в Никомедии в период ее наивысшего расцвета, когда город наводняли толпы каменщиков и строителей, предстояло стать именно таким творцом великих событий. Константин был сыном военачальника, который, быстро продвинувшись, стал правителем западной части империи. Когда в 306 г. император Констанций Хлор умер в Йорке (Англия), войска провозгласили его сына, которому было всего двадцать с небольшим лет, преемником отца. Константин оказался талантливым военачальником. К удивлению многих, он проявлял глубокую симпатию к христианству. Шесть лет спустя, в Галлии, он выберет для себя эту религию. С тех пор во все свои военные кампании он брал переносную часовню, которую слуги быстро устанавливали в палатке, чтобы через считанные минуты для него и его соратников можно было провести богослужение.

Константин считал, что христианство словно создано для того, чтобы способствовать достижению его целей. Оно не претендовало на господствующую роль в государстве, давно привыкнув к роли гонимой религии. Стремясь к интернационализму, оно не проявляло ярких националистических тенденций, иногда свойственных иудаизму, и тем самым идеально соответствовало условиям многонациональной империи. Постулируя равенство всех народов, оно казалось весьма подходящим для империи, в состав которой входили греки, евреи, персы, славяне, германцы, иберы, римляне, египтяне и многие другие. Единственным недостатком этой религии было то, что оно не всегда с почтением относилось к императору и его притязаниям на боже-

ственный статус. Но с обращением Константина к христианству и этот недостаток был автоматически устранен.

Ни одно событие в истории христианства, за исключением распятия его основателя, не имело такого огромного значения, как перемена взглядов молодого императора Константина в 312 г. н. э. Он провозгласил политику веротерпимости по отношению к христианам. Он вернул им конфискованное прежде имущество. Со своей матерью он начал строительство грандиозных церквей в разных местах, вплоть до Иерусалима.

До Константина на 12 обитателей огромной Римской империи приходилось, вероятно, не более одного христианина, но теперь, внезапно оказавшись в привилегированном положении при императоре, последователи этой религии быстро умножались. Впервые в истории количество молившихся в церквях по воскресеньям стало превышать число посетителей синагог по субботам. Горожане, которые когда-то, возможно, глумились над христианами, вдруг задались вопросом: а не получают ли они в этой новой религиозной ситуации больше мирских благ или почестей, если их увидят среди прихожан христианских храмов?

Напротив, синагоги, к которым некогда были благосклонны римские правители, теперь переживали упадок. Менее чем через столетие иудеи лишились права вступать в брак с христианами, если только не принимали христианство. Они утратили право служить в армии. Не могли набирать новых последователей своей религии. То там, то здесь толпы громили здания синагог. Бог—Отец христианства фактически оказался вне закона. В предшествующую эпоху иудеи в некоторых городах пытались навредить христианам, настраивая римские власти

против них. Но теперь сила была на другой стороне, и применялась она гораздо чаще и безжалостнее.

Вряд ли Константина можно назвать истинным христианином – он приказал казнить собственного сына, – но он был непоколебим в своей уверенности, что Бог на его стороне. Для него существовала единственная религия, и те, кто не был ей привержен, представляли опасность для империи. Он стал более ревностным в своей вере.

Константин умер в 337 г. и был похоронен в недавно основанном им городе – Константинополе. Пора расцвета Рима явно миновала, и ему пришлось уступить свое первенство новому городу на востоке.

Ни одна из частей империи – ни западная, ни восточная – не была полностью под контролем. Налеты воинственных племен из степей все чаще заканчивались их победой. Гунны – вероятно, тюркоязычный народ – впервые появились на берегах Дона в Восточной Европе в 370 г. А восемнадцать лет спустя они уже разбивали свои лагеря поблизости от Средиземного моря. Рим, привычный к набегам вечно менявшихся «варваров» и в течение долгого времени преуспевавший в борьбе с ними, теперь был не в состоянии отражать их атаки. Враги, приходившие из глубины материка, без труда проникали в Италию и даже добирались до Рима. Этот славный город был наполовину разрушен в 410 г., а затем снова в 455 г. Люди покидали Рим, который так долго оставался «Меккой» для многочисленных мигрантов. Рим терял свою силу и славу с ужасающей быстротой.

Римская цивилизация была могущественной, но на чем зиждилась ее мощь? Римляне многое унаследовали от Греции, при этом не обладая воображением и изобретательностью греков. Рим превосходил Грецию в военном деле и достиг бóльших успехов в утвержде-

нии важнейшей составляющей цивилизации – закона и порядка. Рим создал обширную зону свободной торговли, или общий рынок, и в течение долгого времени поддерживал на своих границах относительный мир по сравнению с воинственными стандартами человеческой истории. Римляне создали то, что до сих пор называют римским правом, – правовую систему, воспринятую большинством народов Европы и Америки. Вероятно, они были самыми выдающимися инженерами, которых знал мир до тех пор: они возвели величественные акведуки, обеспечивавшие надежную поставку воды в города, а также построили дороги, служившие в течение многих столетий.

Римляне оставили в наследство великолепную литературу. Они дали миру латынь, которая оставалась общеевропейским языком на протяжении почти 2000 лет. Даже в XXI столетии на латыни ведутся богослужения в католической церкви и молятся представители этой крупнейшей в мире христианской конфессии, а в Ватикане она является вторым официальным языком. Более того – латынь живет и звучит в романских языках, господствующих на территории Центральной и Южной Америки, о существовании которых древние римляне и не догадывались. Даже в Восточной Европе грамматика румынского языка основана на латинской. А кроме всего прочего Рим на последнем этапе своей истории официально признал христианство. Это была лучшая стартовая площадка из доступных любой другой основной религии на протяжении мировой истории.

Почему же со временем Римская империя пришла к упадку? Это один из самых захватывающих вопросов истории, и ответы на него ищут по сей день, причем предлагаются самые разнообразные комбинации причин – от свинцового отравления

самого Рима и истощения почв в его окрестностях до подъема христианства. Гунны и другие внешние враги также сыграли значительную роль, но их набеги были успешными отчасти потому, что они встречали все более слабое сопротивление. Империя разрушалась по преимуществу изнутри. Пожалуй, более важный вопрос – и столь же трудноразрешимый – это почему империя просуществовала так долго. Подъем и упадок – неотъемлемые фазы развития человеческих институтов. Легче подняться, чем удержаться на вершине.

Просто поразительно, что город, который к 200 г. до н. э. превратился в самое могущественное государство Средиземноморья, не утратит своей главенствующей роли в западной цивилизации и более пяти столетий спустя. Продолжительность этого господства можно по достоинству оценить в сопоставлении с современной хронологией, представив себе государство, которое господствует над большей частью Европы со времен Колумба до президентства Буша и Кастро.

СОПЕРНИК

Константинополь был построен на месте старого города Византия. Основанный греческими колонистами в VIII в. до н. э. Византий время от времени захватывали враги, иногда разрушали, но всякий раз он возрождался и отстраивался заново. Он занимал великолепный треугольник земли, с двух сторон омываемый морем. Господствуя на важнейшем торговом пути и над единственным проходом в Черное море, он занимал не только стратегическую, но и символическую позицию, поскольку находился на самом краю Европы и в коротком переходе на веслах от Азии.

Чтобы расширить жизненное пространство, стены нового города возвели на некотором расстоянии от первоначальных стен Византия, а позднее город выплеснулся и за этот периметр, так неудержим был его рост. Стены требовались мощные: с 600 по 1100 г. город переживет девять осад. В итоге он превратился в чудо западного мира: только в Китае были более крупные города.

Константинополь был первым городом, при проектировании которого значительные площади отводились под церкви. И церковей вскоре появилось множество. Приезжие особенно стремились помолиться в одном из самых величественных сооружений в мире – Айя-Софии, или «Премудрости Божией». Купол этого храма был перестроен после землетрясения 559 г., а еще около тысячи лет спустя он был превращен в мечеть, по сторонам которой высились минареты.

В этом новом городе посвящали в епископы, или патриархи, и вскоре авторитет патриарха начал соперничать с авторитетом папы римского. То, что в Константинополе находился дворец римского императора, повышало статус его епископа. Западная и Восточная церкви различались даже языком богослужений. В Восточной церкви они проходили на греческом, а в римской – на латыни. Поскольку Рим и Константинополь разделяло до месяца пути – в том случае если море было спокойным или дули неблагоприятные ветра, – постоянная связь между ними отсутствовала. Кроме того, население Константинополя теперь составляло более 500 000 человек, а Рим по вине варваров пришел в такой упадок, что в нем насчитывалось едва ли не в десять раз меньше жителей.

С течением столетий Западная и Восточная церкви расходились все дальше – как в богослов-

ских вопросах, так и в организационных. Так, например, католики, но не православные, верят в существование чистилища – промежуточной области на пути в рай, где более достойные из умерших очищаются от неискупленных ими при жизни грехов. В православной церкви не существует такого резкого разделения между мирянами и духовенством, как в католической, и, кроме того, священники могут вступать в брак. В своих приходах миряне могут даже читать проповеди, а католики лишены такой привилегии. В этом отношении православная церковь напоминает протестантскую, возникшую в XVI в. в Северной Европе.

Итак, христианство постепенно утрачивало свое единство. Но многообразие в конечном итоге было, возможно, одной из сильных его сторон. Христианство проявляло удивительную способность к адаптации. Легко постигаемое и приспособляемое к разным культурам, оно несло надежду – и иногда страх – сотням миллионов людей. Его новый соперник – ислам – демонстрировал те же качества.

ЗНАК ПОЛУМЕСЯЦА

Ислам часто представляется загадкой. На Западе мало знают о его происхождении. Считается, что ислам, возникнув в краю верблюдов и скотоводов-кочевников, должен отражать идеи простых людей, которые не видели в своей жизни более крупного объекта, чем палатка. На самом деле местом зарождения ислама была скорее не пустыня, а окруженные стенами города. Он возник не в среде пастухов и владельцев стад, а в среде купцов, которых связывал с внешним миром не более чем недельный переход. Он формировался, скорее, не среди барханов нанесенного ветрами красного песка и иссушающего одиночества внутренних районов пустыни, а в городах, прячущихся в тени изрезанных глинистых гор и расположенных неподалеку от моря, или в центрах густонаселенных орошаемых оазисов. Некоторые из городов Аравии были оживленными портами, и многие из аравийцев управляли скользящими по морю кораблями с такой же легкостью, с какой другие вели через пустыню караваны верблюдов. Они торговали с Индией и Восточной Африкой по морю, а с Малой Азией – по суше.

Мекка, ставшая местом рождения ислама, располагалась в 60 км от Красного моря. Она процветала благодаря дальней торговле, поскольку стояла на сухопутном пути, ведущем из более плодородных юго-западных районов Аравийского полуострова через пустыню к Средиземному морю. Этот путь, обслуживаемый вереницами навьюченных верблюдов, был важнейшим отрезком одного из торговых путей, связывавших такие отдаленные страны, как Индия и Италия. Среди товаров, экспортируемых Южной Аравией, были мирра и ладан, из которых изготавливали благовония, духи, составы для бальзамирования и елей, используемый иудейскими священнослужителями. Вполне возможно, что ценные дары – мирра и елей, – поднесенные младенцу Иисусу, были доставлены на верблюдах по этому пустынному торговому пути, проходившему через будущую Мекку. Накануне возникновения ислама этот сухопутный маршрут процветал, возможно, потому, что служил безопасной альтернативой во время длительных войн между Персией и Византией.

Мухаммед, основатель ислама, родился в Мекке в 570 г. н. э. Еще в детстве он потерял отца и мать и, оставшись на попечении бедного дяди, вынужден был зарабатывать себе на хлеб, пася овец и коз в пустыне. Арабы – мореплаватели пустыни – иногда посылали юношей в качестве погонщиков сопровождать караваны верблюдов, направлявшиеся с товарами в далекие города; с одним из таких караванов отправился и Мухаммед. Ночами он научился определять многие звезды на сверкающем небе и час, когда луна поднимается над краем пустыни: новорожденный месяц станет символом его новой веры.

Будучи очень умным, он произвел глубокое впечатление на богатую вдову, у которой служил. Они поженились, когда ей было 40, а ему – 25. Она ро-

дила ему двоих сыновей, которые умерли в детстве, и четырех дочерей. Любопытно то, что создатель религии, для которой теперь характерно подчиненное положение женщин, столь многим был обязан женщине. Вероятно, Мухаммед не смог бы стать основателем новой религии, если бы не имел ее финансовой поддержки в то время, когда подвергался нападкам оппонентов.

В качестве торговца и курьера Мухаммед посетил далекие города, где познакомился со множеством идей, циркулировавших в этом внешнем мире. Он проникался идеями иудаизма и христианства – вдыхая их не сразу, но постепенно, короткими вдохами. В 610 г. ему дано было откровение о том, что существует единый Бог, – идея, которую не разделяли племенные религии его земли.

Мухаммед почувствовал, что преисполнился духа Божия. Он страстно проповедовал свои идеи, обладая могучим даром убеждения. У него также появилось множество врагов. Начав критиковать языческих паломников, приходивших поклониться священному черному камню в Мекке, он был обречен иметь врагов. Мекка была как местом паломничества, так и торговым городом, и ее экономическая жизнь в равной степени зависела от религиозного туризма и торговли. Многие люди, прибывавшие туда в качестве паломников, задерживались на несколько дней, чтобы что-нибудь купить или продать. Обличение идолопоклонничества и почитания черного камня Мухаммедом было сродни тому, как если бы нынешний мэр Венеции стал призывать запретить въезд в этот город туристов.

Мухаммед понимал, что его позиции в Мекке шатки. В 622 г., тщательно все обдумав и спланировав, он бежал через прибрежные горы и сухие русла в Медину – город, расположенный примерно в 400 км к северу. Стоящий среди большого оазиса, в окружении финиковых пальм и орошаемых полей, этот город стал его домом. День его прибытия – 24 сентября 622 г. – станет первым днем нового исламского календаря. В Медине Мухаммед стал светским и духовным правителем. В то время как христиане оставались, поколение за поколением, меньшинством, не имевшим никакой политической власти, ислам быстро стал господствующей религией в избранном городе и его окрестностях и обладателем всей полноты политической власти.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Мухаммед повел негласную войну против богатейших торговцев Мекки. Посылаемые им отряды

нападали на проходившие поблизости караваны верблюдов с ценной поклажей, следовавшие в дальние города или возвращавшиеся оттуда. В 626 г. он спланировал нападение на караван, состоявший, как говорили, из 1000 верблюдов. Хотя в Мекке узнали об этом плане и послали дополнительные силы на защиту каравана, меньшим по численности отрядам Мухаммеда удалось одержать удивительную победу. Мекка, более крупный и богатый город, была вполне способна разгромить Медину; однако Мухаммед был умелым военачальником, многие из его отрядов сражались с энтузиазмом, и он увеличивал свою военную мощь, заключая союзы с кочевыми племенами, среди которых были и христианские. В 630 г. он без труда захватил Мекку.

Его вероучение обрело форму и отточенность с невероятной быстротой. Правила были простыми. Верующий должен был молиться пять раз в день, во время молитвы обращаясь лицом к Мекке; первым муэдзином, или человеком, призывающим к молитве, станет чернокожий. Священным днем мусульман стала пятница, что отличало их от иудеев, чтящих субботу, и христиан, посвящающих Богу воскресенье. Правовой мусульманин должен стремиться хотя бы раз в жизни совершить паломничество (хадж) в Мекку. Он должен щедро жертвовать на бедных. И он должен поститься весь день до захода солнца в месяц лунного года, называемый Рамадан. Правила поста могут показаться строгими, но христиане тогда также постились в течение 40 дней перед Пасхой. Остальные предписания призваны были оградить последователей ислама от нравственных опасностей, причем женщин ограждали больше, чем мужчин. В общественных местах женщины должны были носить покрывала, чтобы посторонние не могли увидеть их лиц. С другой стороны, каждый муж-

чина мог иметь до четырех жен и у самого Мухаммеда помимо многочисленных жен в последние годы жизни была наложница – Мария-коптянка.

В исламе сохранились – возможно, в большей мере, чем в других пяти главных религиях, – отголоски древних языческих верований. В нем сохранилось чувство благоговения перед вселенной и небесами; и, разумеется, гораздо более значительное, чем в других основных религиях, место занимает в исламе луна. Часто в качестве символа ислама выступает полумесяц, в наши дни он украшает флаги многих исламских государств. В мусульманских странах больше пользуются лунным календарем, чем солнечным, и именно поэтому постоянно сдвигается время праздника Рамадан, который никогда подолгу не приходится на один и тот же месяц. Возможно, луна занимала особое место в воображении людей, живших в пустыне или поблизости от нее. По ночам тучи редко скрывали луну, и она была главным зрелищем на ночном небе.

Проповеди Мухаммеда со временем будут собраны в одну книгу – Коран, – написанную на арабском языке. Поэтичная и часто вдохновляющая, простая и эмоциональная, она стала Библией новой религии. Она намного короче Ветхого Завета иудеев и немного длиннее Нового Завета христиан и содержит в целом около 78 000 слов. Она рисует радости неба, которые ожидают правоверных.

Захватив Мекку в 630 г., Мухаммед заметно продвинулся по пути объединения долго пребывавшей в раздробленности Аравии. Два года спустя он умер и был похоронен в Медине. Над его могилой возвели мечеть, и как место паломничества она уступает только Мекке.

Мухаммеда еще не считали спасителем окружающих стран. Но его армии начали одерживать по-

беду за победой вдали от родины. Эти первые победы были впечатляющими. Враги внешние покорялись так же легко, как внутренние. Город Дамаск был захвачен в 635 г., а Иерусалим – годом позже. Христиане надеялись, что Иерусалим окажется в руках представителей новой воинственной религии лишь на время, но мусульмане удерживали этот священный город христианства в течение примерно 1100 лет из последовавших 1300.

Менее чем через 20 лет после смерти Мухаммеда его религия и его меч господствовали от окраин Афганистана на востоке до Триполи на западе, которые разделяет расстояние около 5000 километров. Громкие призывы к молитве можно было услышать на берегах Средиземного, Черного и Каспийского морей, Персидского залива и Красного моря. Копья ислама продолжали лететь во всех направлениях. Вскоре они достигли Гибралтарского пролива – ворот в Атлантику, а далеко на востоке – устья реки Инд, впадающей в Индийский океан. Города Мултан в современном Пакистане и Самарканд в Средней Азии были взяты в 712 г.; а годом позже далеко на западе мусульманам покорилась Севилья в Испании.

В IX в. почти все крупные острова в Средиземном море превратились в мусульманские цитадели – даже Сицилия и Сардиния, Мальта и Крит. В течение некоторого времени исламскими оставались южное побережье Франции и «каблук» Италии. Завоеватели проникли далеко в пустыню Сахара. Они, казалось, укрепились даже на западной границе Китая. В конце X в. эта религия распространилась в глубь Индии, и со временем линия горизонта на ее северо-западе и в долине Ганга – но не на юге – оказалась изрезанной минаретами. Проникновение ислама на острова Индонезии и полуостров Малакка происходило медленнее, и в 1200 г.

никто не смог бы и представить того, что произошло со временем: Индонезия стала самым густонаселенным исламским государством в мире.

В разгар почти непрерывных побед сокрушительный удар был нанесен в самое сердце ислама. В 930 г. в Мекку вступили не правоверные, а захватчики, которые перенесли священный Черный камень в Бахрейн, где тот оставался на протяжении нескольких десятилетий.

Исламская империя не была централизованной, как Римская, но повсюду приверженцы ислама поклонялись одному Богу и чтили одну и ту же книгу. Другим объединяющим фактором служил арабский язык, почти так же как для большей части Римской империи – латынь или греческий. Исламская империя была слишком обширной, для того чтобы ею можно было управлять из одного центра при существовавшем уровне развития коммуникаций и вооружения. Но ее создание было выдающимся достижением, которое, с учетом контекста, затмевает даже распространение коммунизма в первой половине XX столетия.

ТРИУМФ В АФРИКЕ

Проникнув в Африку, ислам распространился за крайние пределы Римской империи. Он быстро пересек Красное море, захватив побережье напротив Аравийского полуострова еще при жизни пророка. В то же время он проник – но не утвердился – в христианское царство Нубию, занимавшее территорию по обоим берегам верхнего Нила. Еще в VIII в. порты в Восточной Африке оглашались призывами к молитве, исходившими из небольших мечетей. К югу от пустыни Сахара, на длинной полосе засушливых земель, тянувшейся к Атлантическому

океану, первые торговцы-мусульмане также появились в VIII в. Коран распространялся по Африке в основном благодаря убеждению и примеру. В большинстве портов и внутренних торговых городов поначалу лишь незначительная доля граждан обратилась в ислам.

Жители пустыни, с их стадами верблюдов и переносными шатрами, отнеслись к новой религии более благосклонно, чем земледельцы плодородных областей. Кочевники пустыни считали, что эта религия не только может придать их существованию новый смысл, но и идеально соответствует их скитальческому образу жизни. В исламе группе верующих необязательно нужна постоянная мечеть для совершения пятничных молитв и нет необходимости в священнослужителе, даже для погребения. Поэтому скитальцам она должна была казаться очень практичной.

Проводником новой религии и образа жизни был чужой для обращаемых язык. Богослужения в исламе проводятся только на арабском. Обращенные заучивали наизусть основные отрывки из Корана, стараясь понять их как можно лучше в процессе неустанного повторения. С религией пришли и новые запреты, касающиеся еды. Жители африканских деревень, считавшие жареную свинину непревзойденным лакомством, вскоре отказались от этого удовольствия; а некоторые деревни, наслаждавшиеся домашним пивом, забыли о нем навсегда. Новая религия принесла множество торговых контактов. Исламские торговцы вели свои дела на открытых рынках в таких отдаленных местах, как Момбаса, Кантон и Томбукту.

Ислам провозгласил братство всех людей, но это не вполне относилось к рабам. Торговцы-мусульмане вели рабов и рабынь на далекие невольничьи рынки, хотя они редко порабощали людей своей ве-

ры. Многие из рабов, которых столетия спустя доставляли на кораблях в Америку, происходили из стран, где долгое время господствовал ислам; но относительно немногие из этих рабов были правоверными мусульманами. Поэтому на американских плантациях ислам не привился, оставив эту землю свободной для христианства.

ДИКИЕ ГУСИ ПЕРЕЛЕТАЮТ ЧЕРЕЗ ГОРЫ

Китай был скорее импортером, чем экспортером религий. Новые религии перемещались по Великому шелковому пути через Азию, но не в том же направлении, что и шелк. Редко в истории человечества случалось, чтобы по одной дороге в одну сторону двигались, быстро сменяясь, такие длинные процессии миссионеров новых религий. Так, сирийские монахи и миссионеры принесли на восток разновидность христианства, известную как несторианство. В китайском городе Сиань – конечном пункте Шелкового пути – есть красивая каменная плита, на которой выбита надпись, свидетельствующая о том, что несторианские миссионеры прибыли в Китай в 635 г.

Прибывшие по этой грунтовой дороге торговцы-иудеи построили в китайском городе Кайфын свою синагогу. Она процветала еще в 1163 г., когда христианские церкви в Западном Китае давно исчезли. За 500 лет существования синагогу перестраивали четыре раза. К этому времени маленькая кучка посещавших ее людей, должно быть, утратила все

личные контакты с землей, так живо описанной в Ветхом Завете.

Ислам также пришел по Великому шелковому пути, вместе с караванами и армиями. К началу 700-х гг. половина этой дороги находилась уже под мусульманским контролем, даже укрепленный стенами город Ташкент был исламской крепостью. Некоторые мусульмане осуществляли караванную торговлю по всему этому пути, вплоть до Западного Китая, где они с большим успехом, чем христиане, иудеи или представители разнообразных персидских сект, находили новых обращенных.

Дальше всех проникали в Китай буддисты, приходившие из Индии. Некоторые поднимались по долинам рек Ганг и Иравади и по нагорью достигали границы Китая. Другие, возможно, попадали в Китай по морю. Многие отправлялись на север Индии и шли по дороге через перевал в горах Гиндукуша на высоте 4000 метров, затем далее в Бактрию, где выходили на Великий шелковый путь.

Первоначально распространение буддизма не было бурным. Его ареал ограничивался Индией и Шри-Ланкой. Затем, столетия спустя после смерти Будды, его учение возродилось на северо-западе Индии. Известная как Великая колесница, или махаяна, эта версия буддизма пользовалась большим влиянием в других странах и придавала буддизму миссионерскую привлекательность. Он увеличивал шансы простых людей на спасение путем следования учению Будды.

Это учение не расширяло зоны своего влияния в Восточной Азии до тех пор, пока в Малой Азии не начала распространяться недавно зародившаяся христианская вера. Вполне вероятно, что первые христиане попали в Индию примерно в то же время, когда первые буддисты добрались до приречных го-

родов Китая. К 65 г. н. э. буддизм завоевал крошечный плацдарм в Китае. Он так отличался в своих воззрениях от господствовавшего там конфуцианства, был так революционен в своей вере в переселение человеческих душ после смерти в другие живые существа, что возможность сосуществования двух этих систем представлений казалась маловероятной. Но эта индийская религия, как правило, мирно занимала свое место рядом с более древними доктринами конфуцианства и даосизма. В следующие три столетия миллионы китайцев с радостью принимали наставления буддийских монахов наряду с теми, которые диктовали конфуцианство и популярный даосизм. Создавалось впечатление, что буддизм был просто новым растущим сектором на китайском «религиозном рынке».

Ранние буддисты в Индии не стремились двигать горы: они обычно мирились с существованием этих гор. Носители новой версии буддизма в Китае были более активны. В своих новых монастырях китайские монахи использовали труд рабов – институт рабства был признан в Китае – для расчистки лесов и обработки освободившейся в результате этого земли. Готовность этих монахов обучать сельских жителей начаткам грамотности и даже их склонность к выполнению функций ростовщиков и банков изменили социальную и экономическую жизнь во многих регионах.

Буддизм был не только двигателем экономического развития, но и источником размышлений и мистических переживаний. Появилась китайская пейзажная лирика. Се Лин-Юнь, аристократический повеса и чиновник, со временем, в 422 г. н. э., отправленный в ссылку, осел в своем сельском имении, почти со всех сторон окруженном реками, в 500 километрах от Наньцзина. Он изучал буд-

дизм и теперь получил время для размышлений о теологических проблемах. Он также начал проникаться духом сельской природы, карабкаясь по скалам в своих специальных прогулочных башмаках. Испытывая то меланхолию, то восторг, он выражал свои чувства в стихах. То, что перед его поэзией преклонялись еще за 1400 лет до появления Вордсворта и знаменитых английских поэтов-романтиков, говорит об уже существовавшем в Китае отношении к природе как к некому мистическому храму. Буддизм идеально соответствовал таким настроениям.

Истовые буддисты воздвигали грандиозные монументы. На берегу широкой бурной реки неподалеку от Лэшаня можно увидеть гигантскую статую Будды, вырезанную в красной скальной поверхности, высотой с 20-этажный дом – 71 метр. Эта статуя, создание которой было начато в 685 г., вероятно, задумывалась как самая крупная из всех известных в мире. Если смотреть на нее с реки в туманный осенний день, она напоминает лицо гигантского лоцмана, готового выводить на безопасный курс речные лодки.

В западном городе Сиань и в наши дни можно увидеть высокую семярусную башню, которую иногда называют Большой пагодой Диких Гусей: в ранней китайской поэзии прилет диких гусей считался добрым предзнаменованием. Европейские торговцы, впервые прибывавшие в Сиань, должно быть, мысленно сравнивали эту пагоду с благородными торжественными колоннами, знакомыми им по Римской империи: по высоте и орнаментации они заметно уступали Большой пагоде Диких Гусей.

В Китае крупнейшие буддийские пагоды представляли собой такие же устремленные ввысь доминанты, как позднее – готические соборы в За-

падной Европе. Казалось, строители осторожно устанавливали один зонтик, затем раскрывали другой и помещали его на вершину первого, и так далее, этаж за этажом, – до одиннадцатого или даже тринадцатого яруса. На самом деле некоторые пагоды строили сверху вниз, сначала сооружая деревянный каркас. Балки с замковыми соединениями, образующие опору для высоких сооружений, были китайским изобретением. Верующих, возвращавшихся домой после дня работы на рисовых полях, вид высящейся пагоды должен был вдохновлять.

Буддизм достиг в Китае больших успехов, чем любая другая религия, пришедшая извне, и неизменно оставался самым влиятельным наставником китайцев на протяжении примерно 800 лет. Будда не всегда был в фаворе, но его авторитет был неосыпаем. Последний китайский император, правивший в начале XX в., был приверженцем тибетской ветви буддизма.

НАСТУПЛЕНИЕ БУДДИЗМА

За первое тысячелетие своего существования как религии буддизм из места своего зарождения продвинулся дальше, чем христианство за такой же отрезок времени. К 300 г. н. э. буддизм достиг Нижней Бирмы, а к 400 – Явы и Кореи. В 600-е гг. один из правителей Суматры был буддистом, а город Палембанг, центр торговли с Китаем, испытывал сильное влияние буддистов, прибывавших как из Китая, так и из Индии.

Япония, которая тогда еще не была объединенным государством, как губка впитывала разнообразные китайские влияния, в том числе в архитектуре, живописи, поэзии, юриспруденции и религии, но она так же быстро перерабатывала их, когда это было не-

обходимо. Буддизм получил динамичное развитие в Японии в то самое время, когда на противоположной стороне Азии активно распространялся ислам. К концу VII в. Япония стала буддийской страной.

Нара – новая столица, построенная в подражание китайским городам, – со временем превратилась в город, посвященный Будде. Император Сему уже с благосклонностью относился к этой религии, когда в 737 г. его страну охватила эпидемия. Оспа оказалась для Японии более губительной, чем Черная смерть для европейцев. Император, обратившись за утешением и наставлением к Просветленному, приказал отлить гигантскую бронзовую статую Будды, которая до сих пор высится в специально выстроенном для нее в Наре огромном храме Дайбуцудэн («Зал Большого Будды»).

Император Сему распорядился, чтобы в каждой провинции построили мужские и женские монастыри. Храмы появились во всех уголках страны. В 749 г., уступив трон дочери, император сам стал священнослужителем. Хотя местные синтоистские святыни неохотно уступали свое господство Будде, к 800 г. н. э. две эти религии стали союзниками, и в архитектуре синтоистских храмов даже появились буддийские черты.

В Восточной Азии судьба буддизма, как и любой другой привнесенной извне религии, зависела от благосклонности правителей. В Китае, Японии и Корее эта благосклонность порой иссякала, а затем возникала вновь. В IX в. в Китае буддисты, до этого в течение долгого времени пользовавшиеся расположением, часто подвергались преследованиям. Столетием позже на регулярно спланированных улицах японского города Киото, ставшего императорской столицей, не нашлось места для буддийских храмов. Позднее строительство таких храмов

было разрешено. В Корее эта религия процветала в XIV в., но в 1393 г. ситуация изменилась, и огромные земельные владения монастырей перешли в другие руки. Тем не менее буддисты не падали духом даже в периоды невзгод и время от времени возвращали себе утраченные позиции.

В разных местах Восточной Азии буддисты основывали огромные монастыри, число насельников которых иногда достигало 7000, и почти все они занимались благотворительностью и предоставляли кров путешественникам. Будда вдохновлял на возведение таких монументальных сооружений, как храм, построенный из темного камня в начале 800-х гг. в Боробудуре близ южного побережья Явы, а также храм в Ангкоре (Камбоджа), выросший в начале 1100-х гг. Он вдохновлял на религиозное поклонение, которое сам, вероятно, отверг бы, а его останки стали бесценной святыней. Над столицей Бирмы высится позолоченная ступа Шведагон, и верующие взбираются по ступеням на верхнюю террасу, чтобы оказаться вблизи священнейшей реликвии – восьми волос с головы Будды.

В течение столетий буддизм был сродни стае диких гусей, которые вылетели из Индии и благополучно приземлившись почти во всех частях Восточной Азии, благоденствовали и умножались. Но когда его господство казалось незыблемым, ислам предпринял успешный натиск. Он пришел на Малаккский полуостров и захватил большинство индонезийских островов: один из первых следов присутствия ислама на Индонезийском архипелаге – надгробие, найденное на востоке Явы и высеченное около 1082 г. Ислам захлестнул южную часть Филиппин. Совокупный успех буддизма и ислама в Восточной Азии – ме-

стах, столь далеких от их родины, – свидетельство того, что мир заметно сжимался еще до открытия европейцами морских путей, связавших их с внешним миром.

ПОБЕДОНОСНОЕ ТРИО

Три наступательные мировые религии, сумевшие обратить множество разных стран и народов, зародились на протяжении особой фазы человеческой истории. Будда, Христос и Мухаммед появились на протяжении отрезка времени длиной чуть более 1000 лет. Первая религия – буддизм – возникла примерно за пять столетий до рождения Христа, а последняя – ислам – в VII в. после Рождества Христова. С тех пор ни одна из новых версий всеобщей религии не смогла достичь сколь-нибудь значительного успеха.

Три мировые религии отразили переход от отношения к Богу преимущественно как к источнику страха, к убеждению в том, что Бог есть любовь. В них отразилось возросшее ощущение ценности человека. Ни одна из этих религий никогда не была достоянием одного народа. Считается, что отчасти всеобщей религией был иудаизм, породивший две из этих широко распространившихся религий, но на протяжении большинства периодов своей истории он не был активен в поисках новообращенных.

С энтузиазмом воспринимали эти новые религии не сельские жители, а по преимуществу купцы, которые вели торговлю между крупными городами. Оказываясь в чужих странах, они очень нуждались в климате доверия, в котором соблюдались бы устные договоры, а в новых вероучениях важнейшее место занимали честность, чувство долга. Мухаммед также был купцом. Христианство первоначально

чально приносили в далекие от места его зарождения страны евреи, многие из которых были купцами. Хотя Христос изгнал торговцев из Иерусалимского храма, Он сделал это скорее потому, что храм – не место для торговли, а не потому, что их занятие недостойное. Во многих Его притчах, использующих параллели из повседневной жизни крестьян и пастухов, нет никакой враждебности к деловым предприятиям. Будучи плотником, или сыном плотника, Он знал торговый мир.

Окончательная победа этих религий в новых землях зависела по преимуществу от тех истовых и самоотверженных верующих, которые готовы были отдать свои жизни на благо дела. Приживется ли религия на новой почве, зависело также от желания правителя принять ее. Мировые религии казались особо привлекательными императорам в их попытках управлять социально разобщенными народами. Буддизм и христианство, которые еще продолжали бороться после нескольких столетий проповеди своих вероучений, во многом обязаны последующим успехом обращению двух могущественных императоров – индийского Ашоки и римского Константина. Правителю большой территории должна была нравиться религия, которая призывала его подданных довольствоваться простой и часто суровой повседневной жизнью.

К 900 г. три эти религии проникли в большинство земель известного мира. Вне пределов их досягаемости остались лишь американский континент, Южная Африка, Новая Гвинея, Австралия и затерянные в океанах острова. Самая молодая из трех этих религий была, пожалуй, самой энергичной; и с помощью арабских торговцев ислам осваивал огромные пространства Юго-Восточной Азии. С другой стороны, под влиянием старейшей из религий, буддизма, находилось самое большое число людей, поскольку он

имел сильные позиции в густонаселенных Китае, Корее, Японии и Индокитае. Хотя буддизм почти утратил влияние в месте своего рождения, Индии, но продолжал распространяться на новые регионы.

Христианство в это время казалось наименее активной из трех религий. Под его влиянием находились части Северо-Восточной Африки и Малая Азия, но оно нашло мало последователей на основной территории Азии. В Европе оно доминировало повсюду – от Ирландии до Греции, однако уступило свои позиции исламу вдоль побережья Средиземного моря и не смогло проникнуть на холодный север. Христианским миссионерам не удалось обратить Швецию и Данию. Другие проповедники мало преуспели на территории Руси.

Все мировые религии очень нуждались в поддержке сильных светских правителей; однако правители христианской Европы были уже не столь могущественными, как в эпоху Римской империи. Каждая из основных религий также нуждалась в дальнейшем распространении, и такую возможность могли предоставить те их приверженцы, которые, будучи купцами, торговали с дальними странами и несли с собой вероучение или прокладывали путь миссионерам. Однако в 900 г. христианские торговцы Европы были ограничены в своей деятельности, с одной стороны, исламом, а с другой – неизведанным Атлантическим океаном.

Если бы в 900 г. жили некие мудрые наблюдатели, обладающие обширными знаниями об известном мире, и их спросили о том, за какой из основных религий будущее, они не назвали бы христианство. Оно было тесно связано в основном с застойной цивилизацией Европы; и тем не менее спустя шесть столетий его перспективы почти чудесным образом изменятся.

В НАПРАВЛЕНИИ ПОЛИНЕЗИИ

Мир по-прежнему оставался раздробленным на сотни крошечных, практически самодостаточных миров. В то время как Европа и Китай представляли собой крупные миры, с налаженными связями между ними, Африка, Америка и Австралия состояли из бесчисленных мелких изолированных мирков: там маленькие группы, как правило, почти или совсем не имели прямых контактов с людьми, жившими всего в 1000 километров от них. В этих частях света разрыв такой ширины, особенно если это была морская преграда, оборачивался непреодолимой пропастью.

Время от времени эту пропасть удавалось перепрыгнуть, и такие прыжки имели жизненно важные последствия для рода человеческого.

За всю человеческую историю было три таких прыжка через океаны с целью заселения значительных необитаемых земель. Первым была миграция (более 50 000 лет назад) из Азии в Новую Гвинею и Австралию. Вторым (более 20 000 лет назад) – миграция из Азии на Аляску, за которой последовало медленное заселение всего американского конти-

нента. Третьим (в относительно недавнее время) – расселение полинезийцев по длинной полосе необитаемых островов в Тихом и Индийском океанах. О том, насколько недавней была последняя миграция, говорит то, что она происходила уже в христианскую эру, хотя сами мигранты даже не слышали имени Христа.

Плавания полинезийцев через океан к новым землям – одна из самых замечательных страниц человеческой истории. Некоторые из их путешествий были более отважными, чем предпринятое Христофором Колумбом через Атлантический океан в 1492 г. Вообще, есть странное сходство между продвижениями полинезийских мореплавателей и путешествиями Колумба. Одни покинули Китай в поисках новых земель, другой – Европу в поисках Китая.

Медленное расселение по островам началось из тропического лесистого Южного Китая. Может быть, уже около 4000 г. до н. э. наиболее смелые из его жителей начали преодолевать пролив, отделявший их от большого гористого острова Тайвань. Должно быть, многие мореплаватели погибли, пытаясь совершить такое опасное путешествие. Оказавшись на острове, они стали вести привычный для них образ жизни, занимаясь земледелием и рыболовством. Они делали собственные каменные орудия; умели производить распространенную тогда в Китае керамику; и они, возможно, держали свиней, кур и собак. И, само собой разумеется, они были искусными мореплавателями. Из судов они предпочитали – во всяком случае, много столетий спустя, когда приближались к центральной части Тихого океана, – каноэ с балансиром. Это судно представляло собой корпус с крепко привязанными к нему по бокам параллельными лагами, что обеспечивало ему устойчивость в бурном море.

Чередой путешествий они медленно продвигались на восток. Освоив одно место, отправлялись дальше, от острова к острову. За следующее тысячелетие эти народы-мореплаватели достигли Филиппинских островов, на которых расчистили участки под огородничество. Дальнейшие путешествия привели их потомков на Борнео, Сулавеси и Тимор, на Суматру и Яву; к 2000 г. до н. э. каждый из этих островов находился в процессе заселения. Многие из поселений основывались на вновь открытых островах, но некоторые – в районах, где уже давно жили люди. В таких случаях прежних жителей либо побеждали в войне, либо оттесняли в менее благоприятные районы, например в горы, либо же они умирали от неизвестных болезней, принесенных новыми поселенцами, или просто ассимилировались ими.

Есть соблазн дать этому неуклонному продвижению народов вперед простые объяснения. Возможно, причиной этому становилась перенаселенность родных мест, возможно, искать новый дом их заставляли извержения вулканов, землетрясения, тайфуны или другие природные бедствия. Ни одно из объяснений не будет исчерпывающим. Множество разнообразных факторов двигало этими австронезийцами, так же как многие причины побуждали первых европейцев заселять Северную Америку. Возможно, им, мореплавателям, претила мысль о том, чтобы жить в горах, вдали от моря, и поэтому они искали другие гавани и прибрежные долины, поселившись в которых, могли бы и рыбачить, и выращивать урожай. В любом месте число незаселенных бухт и побережий было не бесконечным, оттого и необходимость эмиграции на новый остров или побережье возникала часто.

Путешествия этих людей в переполненных па-

русных каноэ подчинялись определенной логике. Двигаясь в восточном направлении, они с наибольшей вероятностью могли найти остров – необитаемый или заселенный – с тропическим климатом и той растительностью, к которой они привыкли на прежнем месте жительства. На начальной стадии миграции ветры также благоприятствовали им. Муссоны, вызываемые близостью этого региона к большому массиву суши – Азии, и сезонные потепления и похолодания, менявшие их направление, позволяли мореплавателям двигаться на юг, или север, или запад, или восток, до тех пор, пока они не слишком удалялись от экватора. География им благоволила: на восток шла цепочка из тысяч островов – словно тропинка из камней для перехода. Многие из них можно было увидеть невооруженным глазом с гор соседнего острова, в то время как на другие наталкивались, плывя наудачу.

В процессе медленной и постепенной миграции вдоль экватора люди достигли долго остававшегося необитаемым острова Новая Гвинея, заняв немногочисленные участки прибрежной полосы к 1600 г. до н. э., а затем попали в район тропических островов, на которые не ступала нога человека. К 1200 г. до н. э. коричневые паруса их лодок маячили в гаванях-деревнях Новой Каледонии, Тонга, Фиджи, Соломоновых островов и Самоа. К 500 г. н. э. их лодки можно было видеть близ Гавайских островов и острова Пасхи. Расстояние, в целом преодоленное за время этого продвижения по линии восток – запад в ходе последовательных путешествий, совершавшихся поколение за поколением, по протяженности сравнимо с сухопутным путешествием из Европы в Китай, растянувшимся более чем на 4000 лет. Позднее эти мореплаватели, двигаясь обратным курсом, открыли отдаленные острова Новой Зеландии.

На всей цепочке островов, протянувшихся через Тихий океан неким подобием Млечного Пути, эти мореплаватели оставили яркие следы, свидетельствующие об их происхождении. До наших дней вдоль всего пути от изолированных горных районов Тайваня до острова Пасхи и острова Питкерн на востоке сохранились языки австронезийской семьи.

Особым триумфом для полинезийцев было открытие вулканического острова Пасхи, представлявшего собой лишь точку в океане, расположенную в 1600 км от ближайшей обитаемой земли. Когда-то его покрывали густые леса, которые новые поселенцы свели до такой степени, что в конечном итоге главными ориентирами на нем стали не старые деревья, а каменные статуи, общим числом около 600. Одна из статуй – так и оставшаяся незавершенной – достигает 20 метров в высоту. По языку и общественному устройству жители острова Пасхи – полинезийцы; однако их статуи и их письмо свидетельствуют о еще каких-то предках или влияниях.

Полинезийцы жили как отдельными племенами, не очень ладившими друг с другом, так и могущественными монархиями, объединявшими под своим управлением многие острова. Гавайи, население которых составляли 200 000 или более человек, ко времени прибытия первых европейцев были в основном монархическими. Некоторые из этих полинезийских монархов, как и их европейские «коллеги», верили в свое божественное происхождение.

В процессе этой долгой цепи миграций другие путешественники достигли большого необитаемого острова Мадагаскар. На северо-восток от Мадагаскара ничем не нарушаемое море тянется до Индонезийского архипелага, расположенного приблизительно в 5000 км от него. С индонезийских островов почти наверняка и прибыли первооткры-

ватели Мадагаскара. Даже в наши дни они говорят на малагасийском языке, принадлежащем к малайско-полинезийской группе. Разговорный язык жителей Мадагаскара похож на речь, звучащую, скорее, на острове Борнео, чем в соседней Африке.

Первое плавание к Мадагаскару было предпринято, когда Рим стремительно приближался к своей гибели – около 400 г. н. э. Оно совершалось как раз тогда, когда далеко на востоке – почти на противоположной половине земного шара – другие полинезийцы впервые заселяли остров Пасхи. Плаванию к Мадагаскару способствовал северо-восточный муссон. Стоя на заросшем пальмами побережье Мадагаскара и глядя на волны Индийского океана, лениво набегающие на коралловые рифы, легко представить медленно приближающиеся коричневые паруса из циновок над одной-двумя маленькими индонезийскими лодками, подпрыгивающими на приливной океанской волне. Каждый на этих подплывающих маленьких лодках, должно быть, с нетерпением и тревогой всматривался в буруны, пенившиеся прямо перед ним, и в видневшиеся вдали очертания покрытых джунглями холмов; и, наверное, они гадали – удастся ли доплыть до земли раньше, чем лодки перевернутся на волнах или налетят на прибрежные рифы.

Мадагаскар и Новая Зеландия были последними значительными из обитаемых районов земли, открытыми и заселенными представителями рода человеческого. Вероятно, Мадагаскар был из них более важным, поскольку по площади более чем вдвое превосходил Новую Зеландию. Оба этих триумфа в истории человеческих мореплаваний были частью саги географических открытий и миграций, которая практически завершилась к 1000 г. н. э.

ЗЕМЛЯ МОА

С моря укрепленные деревни ранних маори, должно быть, были хорошо заметны. Некоторые из них занимали узкие мысы и, соответственно, с трех сторон были защищены морем – их первой линией укреплений. Крутые, часто почти вертикальные, подъемы от пляжа к форту или морские утесы были второй линией укреплений. Третьей, расположенной еще выше, линией укреплений была искусно сооруженная изгородь из вкопанных в землю на равном расстоянии столбов и заполнявших промежутки между столбами рядов высоких деревянных кольев. Эта деревянная изгородь непосредственно окружала укрепленную деревню, или *па*.

На верхних уровнях деревни находились деревянные жилые дома и разбросанные здесь и там амбары. Амбары стояли на платформах, предохранявших продукты от крыс; отдельные ямы, укрытые низкими навесами, также служили хранилищами для овощей и фруктов. Сами дома с покатыми крышами из связок камыша не имели стен и были открыты морскому бризу. В случае неожиданного нападения такие укрепленные деревни предоставляли прекрасную защиту, но они не выдержали бы длительной осады, поскольку, как правило, не имели колодцев, источников или надежных походов к пресной воде. Даже дрова для огня приходилось носить издалека.

На острове Северный установлены местонахождения примерно 5000 таких фортов. Террасы осыпались, ограды развалились и сгнили, и все укрепления затянули кустарники, ползучие растения и трава, но издали иногда можно разглядеть очертания форта, напоминающие небольшую открытую горную выработку с ее уступами или террасами.

Для обеспечения каждого племени или каждой деревни продовольствием была необходима обширная сельская округа. Огороды вскапывали длинной палкой, напоминающей по форме гвоздодер, растительный грунт снимали и складывали аккуратными рядами с помощью деревянных лопат, и приподнятые грядки засаживали клубнеплодами. Из таких клубней более всего ценилась кумара, похожая на очень длинный ямс (сладкий картофель), с немного шишковатой поверхностью красноваторозового цвета; день для посадки кумары определяли в зависимости от фазы луны.

Первых поселенцев ожидал приятный сюрприз – невиданное изобилие мяса. На островах Южный и Северный водилась высокая птица моа, которая быстро бегала, но не умела летать, поэтому становилась легкой добычей для охотников маори. Достигая 3 метров в высоту, с мощными, приспособленными для бега ногами, но с головой, которой трудно было причинить вред охотникам, моа вполне могла быть великолепным вьючным животным. Ее спина была такой сильной и длинной, что, приручив моа, можно было возить на ней четверых или даже более детей, усаженных в ряд.

Маори так активно охотились на моа, что к 1400 или 1500 г. этот вид был практически истреблен. Длиннокрылые орлы, питавшиеся птенцами моа, также были обречены на гибель. Ко времени прибытия первых европейских поселенцев они уже не парили в небе.

Не владея искусством производства керамики, маори использовали вместо нее высушенные тыквы, которые летом вырастали на плетях, вившихся вдоль крыш домов или по засаженным огородам. У них не было ни стадных животных, ни свиней, одомашнена была только собака. Вместо металла ис-

пользовался камень, который обрабатывали с высоким мастерством, сравнимым, возможно, с тем, которое требовалось от производителей металлических изделий. Они отыскивали выходы камня, пригодного для изготовления орудий, добывали его и доставляли, используя только мускульную силу или каноэ, на далекие расстояния, в районы, где таких месторождений не было. Одна из крупных маорийских зернотерок, перевезенная с побережья и установленная на территории музея в Окленде, в наши дни привлекает восхищенное внимание посетителей.

Большинство европейцев, увидевших полинезийцев, когда их образ жизни оказался на пороге внезапных перемен, были поражены их отвагой. Наблюдатели также отметили жестокость полинезийцев: они совершали человеческие жертвоприношения и были каннибалами. Военные таланты маори были неоспоримы – настолько, что когда британскому правительству в 1780-е гг. нужно было решить, основывать ли поселения в Австралии или Новой Зеландии (решение глубочайшей важности для этой части света), оно выбрало Австралию. Маори показали себя бесстрашными воинами. Разумнее всего было оставить их в покое.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕХА

Приверженцы христианства ожидали второго пришествия Христа, или драматического конца света, в 1000 г. Однако жизнь продолжалась и после того, как наступило новое тысячелетие. Вероятно, это был самый замечательный из тысячелетних периодов, прошедших с тех пор, как род человеческий покинул свою африканскую родину. Он был примечателен не только ускорившимися темпами перемен, но и воссоединением затерянных миров.

Перед последним сильным подъемом уровня Мирового океана все человеческие племена были так или иначе связаны друг с другом. Длинная цепь человеческих контактов, непрерывная цепь кочевнических поселений пересекала Азию и вела оттуда в Европу и Африку, и потенциально новая идея, возникшая на берегах Хуанхэ, могла со временем, где-нибудь через 1000 лет, достичь Нигера и Нила.

Впоследствии эта зона расселения человека распалась на крупные фрагменты. Практически все связи были прерваны. Крупные человеческие популяции оказались отрезанными друг от друга поднявшейся водой. К 1000 г. н. э. Америка уже более двенадцати тысячелетий находилась в изоляции от Азии и Европы. Австралийский континент пережил длительную изоляцию от Азии. В новом тыся-

челетии все эти изолированные места, а также многие другие будут воссоединены усилиями динамично развивающихся мировых центров в Европе, Азии и Северной Африке.

Самым неожиданным в этом процессе «переоткрытия» был его отправной пункт. Он был инициирован в окраинной части мира. Большинство кораблей, которым суждено будет найти потерянные части мира, отправятся от атлантических побережий Европы. Еще более удивительно то, что одна из частей этого затерянного мира – Северная Америка – к концу начавшегося тысячелетия станет новым мировым лидером.

МОНГОЛЫ

На протяжении человеческой истории океан иногда представлял непреодолимое препятствие для контактов между отдаленными народами, хотя в другие времена еще большей преградой были необозримые сухопутные пространства. Транспортная функция, которую выполняли в океане парусные корабли, на суше, по меньшей мере в пределах одного ее массива, принадлежала лошадям. Они медленно преобразовывали в грубое подобие скоростной магистрали тот широкий трансконтинентальный коридор идущих с востока на запад степей и гор, который разделял разительно отличающиеся цивилизации Восточной Азии и Средиземноморья.

Время от времени народы степей, словно ракета, внезапно врывались в хорошо вооруженные миры по обоим концам этого коридора. Некоторые из их побед были выдающимися. Западная группа, гунны, штурмовала запад и заставляла угасающую Римскую империю содрогаться от страха. Примерно 1000 лет спустя восточная группа, монголы, соединявшие в себе храбрость, жестокость и проблески гениальности, завоевали самую большую терри-

торию из всех, когда-либо до тех пор принадлежавших одному правителю.

Изначальная родина монголов находилась далеко к северу от Великого шелкового пути. Одно время они, возможно, жили близ озера Байкал, на границах Сибири и нынешней Монгольской Народной Республики. Примерно в X в. они переехали из Северной Маньчжурии в Восточную Монголию. Позднее они дали свое имя дюжине других кочевых народов, присоединившихся к ним в процессе великих завоеваний. Монголы, а также их соседи и противники редко занимались земледелием, если занимались вообще; они не знали ирригации и даже не были оседлыми.

Семьи, традиционно населявшие эти монгольские степи, перегоняли свои стада с пастбища на пастбище в соответствии со сменявшимися временами года. Им принадлежали овцы, козы, крупный рогатый скот и лошади, но земля находилась в коллективной собственности более крупных групп. Когда приходило время переносить лагерь на летнее или зимнее становище, волю обычно тянули повозки, груженные тяжелыми шерстяными шатрами. У них не было крупных городов, и потому общая численность населения была мала.

Их капиталом и главным источником благосостояния были животные. Не желая проедать свой капитал, монголы предпочитали по возможности ограничиваться дивидендами с него в виде молока. Из молока коров, овец и коз они делали масло, по меньшей мере четыре разновидности сыра, йогурт, столь популярный теперь на Западе, сушеные сливки – *урум*, и молочную водку – *айрак*. Даже выносливые быстرونogie кобылы давали молоко, заквасив которое, монголы получали свой излюбленный напиток.

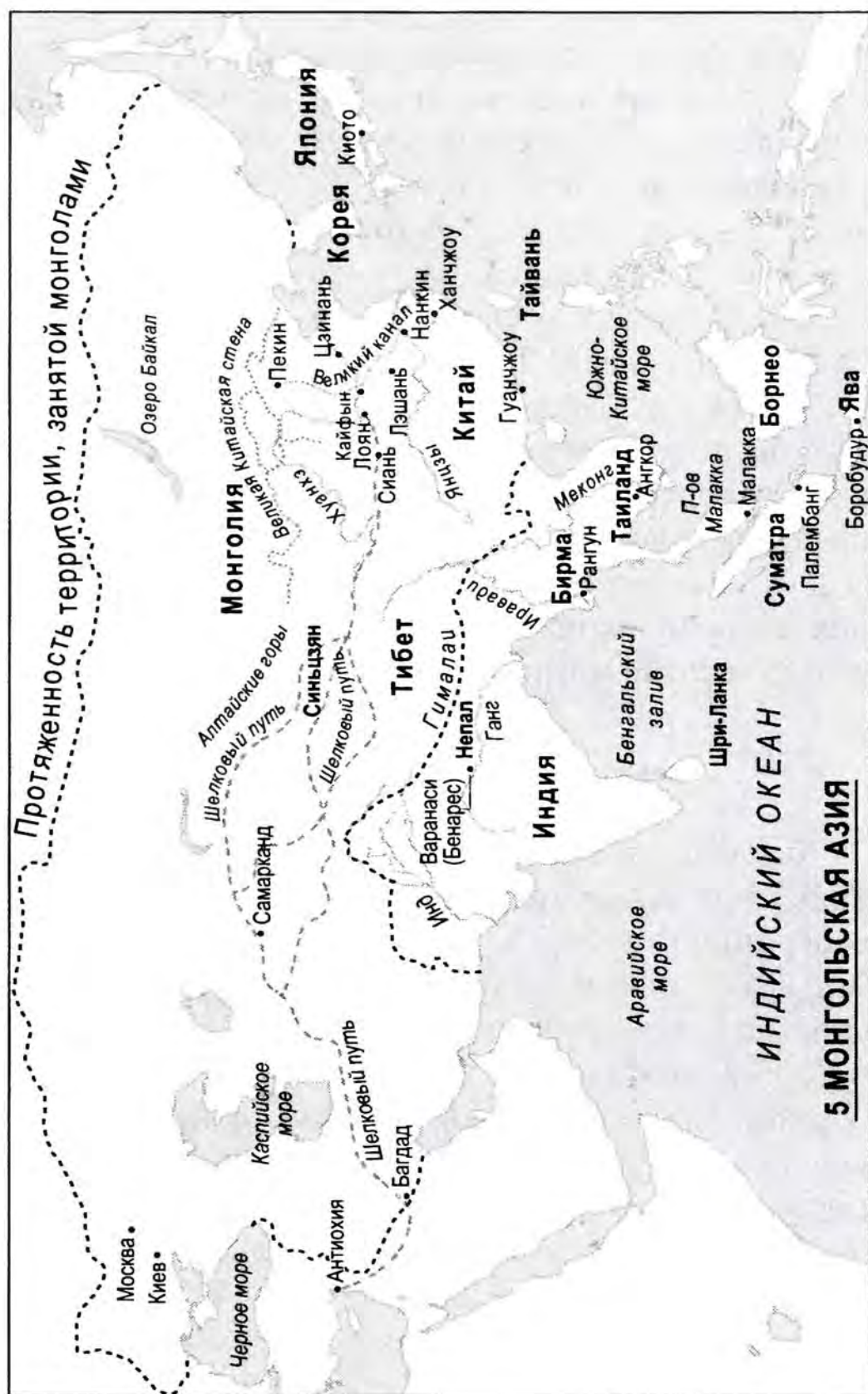
На первый взгляд такая жизнь вряд ли могла подготовить этих людей, численность которых была

невелика, к задаче завоевания славных и густонаселенных государств. Но мужчины в совершенстве владели верховой ездой, точно пускали на скаку стрелы с железными наконечниками и могли быстро покрыть огромные расстояния. Женщины умело управлялись с хозяйством в отсутствие мужчин, отражавших или совершавших набеги; и женщины на деле обладали статусом, который вызывал удивление многих китайцев. В каком-то смысле монголов можно сравнить с викингами, слава которых гремела немного раньше. То, что один народ делал на море, другой совершал на суше. Родиной и того и другого были территории с суровым климатом и редким населением, что необязательно является преимуществом, но становится таковым, если по соседству находится богатая густонаселенная империя, которой постепенно овладевают самодовольство и некоторая мягкотелость.

МОНГОЛЫ ИДУТ!

Каждый предусмотрительный император Китая видел преимущества привлечения кочевников на свою сторону в борьбе с другими императорами. В XII в. кочевники были разобщены настолько, насколько будут сплочены в следующем веке. Однако в 1206 г. вождю монголов Чингисхану чудесным образом удалось объединить этих степных всадников. Все кланы или группы присягнули ему на верность: он уже убил или запугал тех, кого можно было бы подозревать в недостатке лояльности. Об этом харизматическом лидере говорили, что он обладает мистической силой. Имея верховую армию численностью 130 000 человек и шпионов на вражеской территории, он приступил к завоеваниям. Тысячи его кавалеристов скакали, ведя в поводу

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

еще одну или две лошади, чтобы заменить усталого скакуна, если дорога предстояла далекая.

Чингисхан передвигался так быстро, что его главным оружием часто бывала внезапность. Время от времени он использовал новое изобретение – порох, если приходилось осаждать укрепленный город. Часто он предлагал городу сдаться. Ценой капитуляции были каждый десятый горожанин и десятая часть казны города; таким образом, умножались его рабы, военные наемники и богатства. Города, отказывавшиеся сдаваться, Чингисхан осаждал или штурмовал. Массовые убийства и разграбление были визитной карточкой монголов. Они внушали такой ужас, что часто им приходилось преследовать убегающего врага.

Беспощадный, но продуманный вандализм был другим их оружием. Они разрушали ирригационные системы, жизненно необходимые для многих сельскохозяйственных угодий, или опустошали земли, окружавшие осажденный город, так что обочины дорог и поля были усыпаны трупами. Приближаясь к стенам хорошо укрепленного города, монголы иногда гнали впереди пленных, которые служили для них живым щитом. Тем не менее монгольские вожди поддерживали строгую дисциплину среди своих людей.

Великая Китайская стена представляла для монголов просто еще одно препятствие, которое следовало преодолеть. Они захватили Пекин в 1215 г. и впоследствии сделали его столицей Китая. К югу лежала огромная территория, все еще находившаяся в руках китайцев, и монголы постепенно подчинили себе и ее. Оккупировать Китай – самую передовую в материальном смысле державу в мире – было для монголов почти то же самое, что какому-нибудь центральноафриканскому государству в наши дни ок-

купировать Соединенные Штаты и перенести столицу из Вашингтона в другое место.

Одно в отношении монголов бесспорно – письменной истории неизвестны другие завоевания таких масштабов, как это.

На другом конце Азии успехи монголов были почти столь же впечатляющи. Они захватили ряд мусульманских городов, уверенных в своей безопасности за высокими стенами. Даже Багдад покорился им. К концу XIII в. империя монголов протянулась от берегов Дуная до рыбачьих деревушек Гонконга.

То, чего Чингисхан достиг за 20 лет, римлянам пришлось добиваться в течение столетий, но два этих завоевания вообще трудно сравнивать. Монголы, приблизившись к западным границам Китая, пробивали себе путь через Азию силами небольшого количества людей. Основной их целью были укрепленные стенами города, стратегические речные переправы и горные перевалы, которые следовало захватить любой ценой. В сущности, это были отдельные разбросанные пункты – или островки в необозримом море. Одной из их целей был богатый и хорошо укрепленный Ханчжоу – крупнейший город в мире, население которого приближалось к миллиону. Монголы взяли его.

Вполне вероятно, что империю легче было завоевать в результате боевых действий на суше, чем в морских сражениях. Захватам Чингисханом и Александром Македонским огромных территорий и даже главным завоеваниям Наполеона и Гитлера способствовало то, что им, как правило, не приходилось иметь дела со своенравным морем. Сильный приморский город или государство было не так легко покорить. Море часто служило им союзником. Когда в поле зрения появлялся огромный неприятельский флот, это еще не значило, что все

потеряно. Знание местности было главной сильной стороной защитников. Вражеские корабли, бороздящие волны или бросающие якорь у незнакомого побережья, без знания о гаванях, где можно укрыться, и о направлениях господствующих ветров, были в высшей степени уязвимы.

Море, как правило, благоволило защитникам. Таким образом, если бы города Самарканд и Пекин, Герат и Киев стояли на морском побережье, а не в глубинах суши и им пришлось бы выдерживать натиск монголов, приплывших на кораблях, они смогли бы защищаться с большим успехом. Цель этого замечания – взглянуть на сухопутные вторжения в перспективе, а вовсе не лишить монголов их славы.

Одним из первых достижений монголов было наведение порядка на длинном Шелковом пути: никогда прежде эта магистраль не была под контролем одного правителя. Они даже прорубили новые его отрезки на возвышенностях, кое-где построив и мосты, с лагерями сосредоточения войск и простыми постоянными дворами вдоль дороги, где купцы, их слуги и вьючные животные могли остановиться на ночь. По Шелковому пути перевозили самые разнообразные грузы, и есть письменное свидетельство о том, что между 1366 и 1397 гг. на невольничьем рынке в итальянском городе Флоренции было продано 257 рабов, по преимуществу молодых женщин, которые были доставлены именно по нему.

Безопасность этой дороги стала легендой. Говорили, что путешественники могли передвигаться по ней и ночью – как правило, когда ее освещала полная луна. По иронии судьбы Великий шелковый путь, оживленный как никогда, был теперь не столь важен для Европы, поскольку в ней уже с успехом разводили собственных шелковичных червей под сенью тутовых рощ. Кроме того, морские

пути, связавшие китайские порты с Ближним Востоком и Индией, теперь составляли сильную конкуренцию сухопутным караванным путям.

ЗАКАТ НАУЧНОЙ ЗВЕЗДЫ КИТАЯ

Фонтанирующий изобретательскими идеями Китай по-прежнему мог многому научить Запад. Там жили, вероятно, самые умелые земледельцы в мире, хотя некоторые земли лежали в запустении. Экспериментальным путем были выведены новые сорта риса, в том числе засухоустойчивые и скороспелые, позволявшие выращивать ежегодно дополнительный урожай. Велась искусная борьба с сельскохозяйственными вредителями.

В сфере распространения информации самое выдающееся событие после изобретения письменности постепенно разворачивалось в Китае. Расширялось производство бумаги и усовершенствовалось искусство печати с использованием знаков, вырезанных на деревянных блоках. Самая первая китайская книга была напечатана в 868 г. Печатание книги вместо писания ее от руки давало чудесные возможности для распространения учения Будды, а также конфуцианских концепций; глубокое знание того и другого требовалось от любого кандидата на занятие государственной должности. В 1273 г. был напечатан справочник для земледельцев и производителей шелка-сырца, и вскоре в стране уже одновременно циркулировали 3000 экземпляров этой книги, а в Италии для выполнения той же задачи потребовался бы монастырь, полный монахов, которые потратили бы целый год на переписывание копий от руки.

Китайцы были талантливыми строителями каналов. В отличие от римлян, которые искусно строили акведуки – надземные каналы, подводившие пресную воду к городам, китайцы достигли высо-

кого мастерства в сооружении лодочных каналов через пересеченные местности. Их Великий канал, как и Великая Китайская стена, строился на протяжении многих столетий. Японский монах, посетивший Китай в 838 г. н. э., был поражен видом плывущего по каналу каравана барж – при этом некоторые из них были принайтованы по три в ряд, – который тянули за собой два буйвола, бредущие по берегу. По этому каналу переправляли зерно из сельскохозяйственных районов, особенно по берегам реки Янцзы, в крупные города.

Поскольку в Китае в изобилии имелись три ингредиента пороха – сера, селитра и уголь, нет ничего удивительного в том, что китайцы изобрели это взрывчатое вещество. Китайский труд 1044 г. содержит три рецепта приготовления военного пороха, и почти наверняка в течение следующего столетия он время от времени применялся.

Некоторые технические изобретения в области строительства и мореплавания, скорее всего, дал миру Китай, хотя часть их использовалась более эффективно и была усовершенствована в Западной Европе. Подвесные мосты на железных цепях строили в Китае задолго до того, как знаменитый первый железный мост возвели в Англии на заре Промышленной революции. За пять лет до прибытия в Англию Вильгельма Завоевателя, в провинции Хубэй была сооружена пагода из чугуна, которая стоит и по сей день. В 1400 г. какой-нибудь проникательный наблюдатель, обладающий даром предвидения, мог бы подумать, что Китай гигантскими шагами, опережая Англию, движется к первой в мире промышленной революции, однако вскоре эти шаги замедлились до едва заметных.

В медицине и здравоохранении китайцы неустанно испытывали новые способы лечения, но при

этом крепко держались и за традиционные методы, особенно медицину на основе лекарственных трав, которые, вероятно, были главными лечебными средствами. Многие китайцы пользовались зубной пастой и щеткой – предметами, с которыми Европа еще не была знакома. Китайские врачи имели некоторое представление об опасных заболеваниях, вызываемых определенными занятиями: о том, что мелкая пыль, поднимающаяся в результате бурения в подземных шахтах, ослабляет легкие шахтеров; о вреде, причиняемом серебряных дел мастерам парами ртути, которую они используют в своем ремесле; и о том, что зрение поваров, которые постоянно следят за пищей, готовящейся на огне в печи, постепенно портится. Китайские ученые также достигли успехов в анатомии.

Свобода в Китае, как почти повсюду, была ограниченной. Даже в 1200 г. н. э. несколько миллионов китайцев были рабами. Некоторые из них были захвачены во время войны и порабощены; многие являлись наследственными рабами, переданными в дар буддийским монастырям, где они работали до конца своей жизни. Были также дети или даже взрослые, проданные в рабство голодающей семьей.

Беда китайцев заключалась в том, что, лидируя во многих областях технологии, они были непоследовательны (одновременно изобретательны и пассивны) в той одной области, которая впоследствии окажется воротами в будущее. Они «потерпели поражение» на море. Это правда, что они изобрели компас, но они не испытывали настойчивого желания плыть в неизвестное. Они были искусными картографами, но на их лучших картах представлены их собственные незначительные сельскохозяйственные районы. Карта мира их интересовала мало, поскольку они считали плодородные равнины

Китая центром мира, восточными садами Эдема, а все, что находилось вдали от этих равнин, – не имеющим особого значения.

Китайские ученые продолжали верить в то, что Земля плоская и имеет определенные границы, еще долго после того, как с этой утешительной идеей распространились в Европе. Они не видели смысла в соблазнительной теории (находившей все большую поддержку в Европе), в соответствии с которой, европейские корабли, плывущие на запад, а не на восток, со временем достигнут Китая. Для китайских мореплавателей в 1492 г. было бы естественным сделать из этой идеи вывод о том, что, плывя на восток, они со временем достигли бы Западной Европы. Если бы китайцы приняли эту идею, их большие корабли могли бы отправиться в плавание и открыть западное побережье Америки гораздо раньше, чем ее восточное побережье обнаружил Колумб. Однако они не верили в то, что Земля круглая.

Китайцы достигли больших успехов в кораблестроении. Между 1405 и 1430 гг. китайский адмирал Чжэн Хэ руководил длительными морскими походами, предпринятыми на больших кораблях в далекие страны. Его флот, путешествуя вдали от дома, как правило, заходил в хорошо знакомые порты в Азии и Индийском океане. Вряд ли это можно назвать географическими исследованиями в духе Колумба, но даже такие плавания вскоре прекратились. Сокращались и каботажные плавания; для транспортировки грузов с севера на юг все больше использовался расширенный Великий канал. Как это ни удивительно, но китайцы отвергли море, которое осваивали до этого с большим успехом, как раз в то самое время, когда Западная Европа снаряжала свои суда в плавания по далеким океанам, приведшие к поразительным результатам.

КЛИМАТ И ЭПИДЕМИИ

В Средневековье случился период потепления, длившийся примерно с 1000 по 1200 г. – два столетия, которые были, вероятно, такими же теплыми, как 1990-е гг. в Северной Европе. Урожаи собирали на землях, обрабатывать которые прежде считалось бессмысленным, поскольку лето было коротким и непостоянным. Виноград вызревал и севернее нынешней зоны виноградарства. Даже на крайнем севере Англии делали вино, вполне пригодное для питья.

Исландия была заселена при первых же признаках потепления. На лежащем у самого Полярного круга, но согреваемом теплом Гольфстрима острове сначала поселились несколько святых из Ирландии, а затем, в 874 г., его облюбовали норвежские викинги. Викинги наводили страх на Северную Европу в то же время, когда арабские мусульмане сотрясали Средиземноморье, а маори заселяли Новую Зеландию. Хотя викинги знамениты прежде всего своими набегами, их мирные поселения также благополучно развивались, и со временем города викингов и занятые ими районы уже непрерывно тянулись от торговых городов Киева и Новгорода в России до побережий Франции, Шотландии и

Ирландии, Оркнейских островов, острова Мэн и Исландии.

Даже ледяная Гренландия – крупнейший в мире остров – казалась ценной добычей; в эти годы потепления викинги могли пасти там своих овец и коптить рыбу, пойманную в море. В 985 г. на маленьких парусных судах около 400 переселенцев вместе с овцами и козами, коровами и лошадьми, а возможно, и стогами сена, отплыли из Исландии в Гренландию. Большинство составляли норвежцы, но среди них была и группа ирландцев. Высадившись на южном побережье Гренландии, поселенцы процветали в становившемся все более теплым климате. Летом они косили высокую траву, просушивали ее в снопах, а затем сметывали в стога, обеспечивая тем самым скотину кормом на всю долгую темную зиму.

Население Гренландии увеличилось до 4000–5000 человек менее чем за полтора столетия. Маленькая республика викингов со временем обзавелась мужским и женским монастырями, а также 16 церквями и кафедральным собором, в котором служил епископ Гренландский. Она представляла собой большое оживленное поселение, которым гордились семьи-основатели: казалось вполне вероятным, что оно просуществует и 10 000 лет.

Гренландия и Исландия были опорными пунктами на пути через холодную Северную Атлантику. Следующим опорным пунктом стала Америка. Первыми европейцами, высадившимися на американском континенте, были те же викинги, отправившие туда свои экспедиции сразу после заселения Гренландии. С переселенцами на Ньюфаундленд отправились и женщины, а одной экспедицией и двумя ее кораблями, как повествуют саги, руководила жен-

щина по имени Фрейдис, которая расправлялась со своими врагами при помощи топора.

Из этой попытки переселения ничего не вышло. У американских индейцев не было причин привечать викингов. Да и сама местность, если не считать пушного зверя, не представляла интереса для торговцев. Если бы нога Христофора Колумба пять столетий спустя ступила на те же берега, а не на благоуханный берег Вест-Индии, его вспоминали бы не чаще, чем викингов, строивших хижины и пасших скот на побережьях Ньюфаундленда.

На смену периоду потепления, продлившемуся всего два столетия, пришло похолодание. Даже средиземноморский остров Крит пережил более холодную фазу около 1150 г. В Германию и Англию холода пришли, возможно, на столетие позже, и 1312–1320-е гг. были не только холодными, но и необычайно дождливыми. Поскольку большую часть зерна приходилось откладывать для посева на будущий год, скудный урожай заставлял многих людей голодать. В 1316 г. по меньшей мере каждый десятый житель Ипра умер голодной смертью. То там, то здесь отмечались случаи людоедства.

Зримым воплощением этих неурожайных периодов были религиозные процессии, устраиваемые в Западной Франции. Некоторые из них состояли из толп истощенных, босоногих, почти обнаженных людей. Скудные урожаи сказались на поставках дешевой одежды, как и дешевой еды, поскольку бедняки делали для себя ткани из волокон льна, который также страдал в эти скудные сезоны: земля, на которой обычно выращивали лен, была отчаянно необходима для выращивания зерна.

Проходили десятилетия, и климат Гренландии и Северной Атлантики становился все холоднее. Амбары, когда-то доверху набитые сеном, теперь зия-

ли пустотами. Только три стога получали с тех угодий, которые некогда давали четыре-пять. Корабли, плывшие сюда из Европы или Исландии, встречали глыбы дрейфующего льда в местах, где раньше море было свободным. Колонисты в Гренландии напрасно ждали старого доброго теплого лета, о котором рассказывали старожилы. Фермы и церкви пустели. Молодых было мало, и свадьбы играли редко. В 1410 г. оставшиеся поселенцы взошли на борт ожидавших кораблей и отплыли в Исландию и Норвегию. Европейцы прожили на этой холодной земле более 400 лет. Это аналогично тому, как если бы австралийский порт Сидней, колонизированный елизаветинской Англией в 1576 г., был покинут в 2000 г. из-за ухудшения климата.

Потепление климата привело к ускорению роста населения в Европе. Между 1000 и 1250 гг. его численность быстро увеличивалась. Затем пришли холодные годы, неурожаи и замедление роста населения. Все чаще случались голодные годы, и все больше было условий для возникновения эпидемий. Европа, вероятно, созрела для Черной смерти.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

Эпидемия чумы 1348 г., названная Черной смертью, не была уникальным явлением. Должно быть, столетиями ранее она бушевала в Азии или Африке, но письменных свидетельств о ее жертвах до нас не дошло. Аналогичная эпидемия случилась в Риме между 165 и 180 гг. н. э., и косвенным образом она способствовала распространению христианства, поскольку многих римлян потряс вид христиан, раздававших хлеб и воду больным, которые не могли двигаться. Примерно три столетия спустя из Индии пришла другая эпидемия – бубонной чумы. Она раз-

разилась в Константинополе в 542 г. и прошествовала, унося человеческие жизни, через Европу. Большинство жертв этой первой волны Черной смерти умирали через шесть дней после возникновения первых симптомов – головной боли, высокой температуры и появления на коже шишек, или бубонов, величиной примерно с яйцо или небольшой апельсин. Как ни странно, те, у кого были наиболее крупные бубоны, имели больше шансов выжить. Китай и Япония также понесли большие потери от эпидемий, которые, возможно, напоминали Черную смерть. Говорят, что в китайском городе Кайфыне эпидемия 1232 г. унесла жизни нескольких сотен тысяч человек. Если такой ущерб был причинен городам, то и их сельская округа должна была пострадать от болезни не меньше.

Чума напоминает туриста, путешествующего по «горящим путевкам». Она «воодушевляется», когда открывается новый маршрут. Монгольское вторжение и последовавшее за ним объединение огромных территорий Азии привели к оживлению торговли по старым караванным путям и одновременно открыли для бубонной чумы быструю дорогу на северо-запад, по направлению к Европе. В европейские порты вместе с кораблями прибывали крысы и блохи, служившие переносчиками заразы. Достигнув Европы в 1348 г., чума быстро распространилась по ней. Некоторые города – Париж, Гамбург, Флоренция, Венеция – потеряли половину населения или даже более. В деревнях вернее, чем в городах, можно было спастись от заражения. Чума быстро распространялась летом и медленнее – зимой. В целом ее жертвами стали, вероятно, 20 миллионов европейцев, или каждый третий житель Европы. За страшной Черной смертью последовали, с не-

которыми перерывами, менее интенсивные вспышки чумы.

Недостаток продовольствия, характерный для предыдущих десятилетий, сменился нехваткой рабочих рук. Сельскохозяйственные земли больше не могли обеспечивать бесперебойные поставки продуктов питания. В некоторых регионах Германии было больше пустующих деревень, чем обитаемых, и поля, когда-то оглашаемые голосами сборщиков урожая, погрузились в тишину и заросли сорняками.

Средневековьем часто называют период, длившийся с 500 по 1500 г. В отличие от предыдущих 1000 лет и последующих 500, Средневековье было больше ориентировано на внутреннее развитие и с меньшим восторгом относилось к личным достижениям. То, что в материальном отношении эти годы были не столь успешными, как эпоха Римской империи, не служило источником разочарования. Большинство христиан, вероятно, считало, что римские граждане в период своих побед были по преимуществу язычниками и что вследствие этого их свершения, как правило, не многого стоят.

Многие из европейских политических и интеллектуальных лидеров Средневековья не считали Римскую империю чем-то высшим по отношению к ним. Скорее они отвергали ее. Они верили, что строят собственную империю, объединенную общей религией. Они называли ее Священной Римской империей. Она стала провозвестьем федеральной Европы последних десятилетий XX в.

ПРЕДВЕСТНИКИ НОВОГО

Долгие Средние века, или Темное время, отнюдь не для всех были эпохой удушающего бездействия. Для викингов на севере и мусульман на юге Европы это было не темное, а светлое и яркое время. Ближе к концу Средневековья в Европе в целом начал оживать дух предпринимательства и изобретательности. В XII в. появился первый университет – восемь столетий спустя такие учреждения распространятся по всему миру. В том же столетии были введены в эксплуатацию первые ветряные мельницы, а также первый шлюз – гениальное изобретение, позволившее парусным судам плавать по каналу, ведущему к процветающему бельгийскому порту Брюгге. Методы разработки горных месторождений совершенствовались, и в Северной Европе уже добывали минерал, который в будущем станет жизненно важным, – каменный уголь. В то же время корабли, движимые исключительно силой ветра, прокладывая свой курс по магнитному компасу и управляемые кормовым рулем, молчаливо свидетельствовали о возможности исследования широких просторов Атлантики.

Китай оставался источником новых идей, в том числе таких замечательных нововведений, как порох,

бумага и способы использования чернил. Не менее примечательно было то, с какой радостью европейцы воспринимали эти нововведения и усовершенствовали их. Наиболее важны были достижения Европы в специализированном часовом мастерстве и в искусстве печати. Часы были носителем информации, который мягким металлическим боем ненавязчиво доносил до сознания людей, что время – драгоценно.

Своеобразные средства массовой информации действовали даже в Средневековье. С помощью колокола, флага или дымового сигнала сообщение можно было одновременно передать тысячам людей. Звук большого колокола с высокой колокольни средневекового города был слышен на несколько миль вокруг, хотя тем, кто его слышал, приходилось только догадываться, призывает ли он их на богослужение или возвещает о смерти важной персоны.

Цветные флаги, как правило из шерсти, посылали ясные визуальные послания поколениям людей, которые не умели ни читать, ни писать. Вплоть до XIX в. желтый флаг предупреждал о заразной болезни, а белый служил призывом к перемирию на поле боя. В случае приближения войны информация передавалась с помощью огня и дыма. В пределах видимости друг от друга разжигалась цепочка костров, и тот, кто видел огонь, мог в свою очередь разжечь еще один – таким образом безмолвная весть об объявлении войны преодолевала километры и достигала крупного города или важного порта. Молчаливая коллективная молитва рассматривалась как еще одна важнейшая информационная среда.

Из традиционных средств коммуникации наиболее широко использовался человеческий голос. Большинство новостей передавалось из уст в уста, будь то на китайской дороге или в яванском храме. Слова, произнесенные медленно и отчетливо, до-

стигали самых удаленных уголков амфитеатра. Должно быть, и Христос, и Иоанн Креститель обладали сильными, далеко разносившимися голосами. Наши современники, живущие в эпоху громкоговорителей и микрофонов, даже представить себе не могут, на каких больших расстояниях мог быть слышен ничем не усиленный голос. В 1739 г. молодой английский проповедник Джордж Уайтфилд выступал под открытым небом в американском городе Филадельфия. В надежде послушать его собралась такая большая толпа, что Бенджамин Франклин, стоявший в последних рядах, задался вопросом, сколько присутствующих сможет слышать его речи. Про себя он отметил те отдаленные места, куда голос проповедника едва долетал. Он подсчитал, что более 30 000 человек в тот день слышали слова Уайтфилда.

С ЧАСАМИ

В позднем Средневековье устная речь как средство коммуникации впервые получила соперника в виде печатного станка, но часы предшествовали печатному станку в качестве средства воздействия на людей. Трудно было предвидеть, что настанет день, когда в Европе почти каждый взрослый будет иметь собственные часы.

Жители больших итальянских городов были первыми, кто услышал часовой бой и мог наблюдать неуклонное движение стрелок по циферблату. Часы нужно было помещать на высокую башню, чтобы люди на площади и соседних улицах могли видеть их стрелку: обычно они были снабжены лишь часовой стрелкой, минутная отсутствовала. Возможно, далеко не все граждане могли определить, который час, зато они могли одобрительно

кивнуть, когда кто-либо из их знакомых, охотно демонстрируя свое умение, сообщал им эту сокровенную информацию. Вероятно, первые в Европе часы были установлены в Милане в 1335 г.; их ежечасный бой можно было слышать на протяжении всей ночи. Городские часы были неутомимым учителем искусства счета (по крайней мере до 12) в столетия, когда образование еще не было обязательным.

Установленные высоко на башне часы не только показывали время, они также напоминали, что не следует растрачивать это время по пустякам. Поскольку Судный день нагрянет внезапно, и с каждого строго спросится, рачительно ли он использовал время, отпущенное ему Господом.

Западные механические часы были завезены в Китай, где вызвали восхищение. Из Китая же, словно в обмен, пришло еще более значительное изобретение, которое найдет активное применение в европейских городах. Этим изобретением было искусство печати на листах бумаги.

БУМАГА И КНИГА

Бумага и чернила попали в Европу гораздо раньше, чем техника печати. Бумагу научились делать сначала в Китае, Японии и Корее; еще в 751 г. несколько китайских мастеров, владевших секретом производства бумаги, были пленены и отправлены в Самарканд (Средняя Азия), где поведали о своих методах, и изготовление бумаги в виде очень толстых листов было начато в месте, которое китайцы вполне могли бы назвать Ближним Западом. С этим процессом со временем познакомился арабский мир, а затем и Европа, где бумага постепенно вытеснила пергамент. Поскольку пергамент можно было получить только из шкур животных и по-

сколько на изготовление рукописного фолианта объемом в 200 больших страниц могли пойти шкуры примерно 80 ягнят, пергаментная книга была гораздо более дорогой, чем книга, отпечатанная на новом материале – бумаге.

Первую бумагу делали из отходов – старых тряпок, веревок; с помощью водяного колеса их волокна преобразовывали в бумагу. В одном из итальянских городов, первым начавшем производить бумагу, – Фабриано – ее делают до сих пор, хотя быстрый поток у подножия горного хребта уже давно не вращает водяные колеса. Когда бумагу научились делать в Европе, пришла пора для начала книгопечатания.

Китайцы делали печатные формы – буквы и изображения – не из металла, а из дерева или обожженной глины. Корейцы изготавливали подвижный шрифт из бронзы еще в 1403 г., но их нововведение не было воспринято в Европе. Ощутимый прогресс в печатном деле наметится, когда в Европе станут отливать отдельные буквы многократного использования из свинца и использовать пресс, чтобы отпечатать окрашенную чернилами наборную форму на бумаге.

Иоганн Гутенберг, житель приречного немецкого города Майнц, возможно, первым из европейцев напечатал книгу, используя не только пресс, но и металлический шрифт. Его способ печати напоминал – после усовершенствования – тот, который применили позднее в пишущей машинке. Но в то время как для современной пишущей машинки достаточно четырех рядов, состоящих из отдельных букв – с заглавной и прописной на каждой планке, – гутенберговский метод требовал отливки сотен металлических копий каждой буквы алфавита.

Гутенберг и его партнеры-печатники размещали на подставке или полке перед собой десятки букв

a, и десятки букв *b*, и так далее по всему алфавиту. Из этих комплектов быстрыми движениями рук они составляли последовательности отдельных букв, которые выстраивались в слова, предложения, а затем абзацы. Разновидность виноградного или переплетного пресса использовалась для того, чтобы отпечатать этот набор букв в форме страницы на чистом листе бумаги. Техника печати с помощью подвижного металлического шрифта была несравнимо более удобной для европейских языков, основанных на простом римском алфавите, чем для китайского языка с его 50 000 символов.

Из типографии Гутенберга новые техники расходились по всей Европе. Их копировали и адаптировали. К 1480 г. печатные станки работали в таких отдаленных друг от друга городах, как Краков, Лондон и Венеция. Большинство вышедших книг были серьезными и даже учеными – только образованные люди умели читать – и печатались на латыни.

До тех пор цена книг, написанных от руки на бумаге или пергаменте, была столь высока, что большинство маленьких церковных приходов в Европе не могло позволить себе Библию. Они обходились рукописными сборниками, содержащими только те отрывки из Библии, которые требовались для богослужения. Это был средневековый аналог «Ридерз Дайджест». Благодаря печатному станку стало возможным издание дешевой Библии.

Появление техники печатания книг на бумаге произвело революцию в обществе. Европа созрела для этого нововведения и была готова использовать и усовершенствовать его, поскольку конец 1400-х гг. был временем ее духовного пробуждения. Печатный станок ускорил это пробуждение.

Примечательно, что неудержимое стремление к распространению религиозного учения – сначала буддизма в Китае, затем христианства в Европе – привело к изобретению и применению печати. У мусульман, однако, не было времени для этого нового инструмента, и они фактически пренебрегали печатным станком вплоть до XIX столетия.

ОСМАНСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ

В эту эпоху ускоряющихся перемен Европа крепла интеллектуально, но была мало защищена в военном отношении. Из внутренних районов Азии налетели конные монголы, а затем в их шлейфе пришли турки.

Одно время турки жили в Туркестане в Средней Азии. Умелые воины, они продвигались на запад поэтапно и, извлекая преимущества из монгольских нашествий, занимали многие районы, в которых царил сумятица. К 1400 г. турки-османы владели почти всей территорией современной Турции и простирали свое владычество на многие части христианской Европы. Им принадлежали оба берега пролива Дарданеллы, включая прибрежную полосу, которая стала полем Галлипольской битвы во время Первой мировой войны. Они завладели длинными отрезками течения реки Дунай и значительными территориями в современных Албании, Сербии, Косово, Боснии, Болгарии и Румынии. На балканских землях турки нашли как противников, так и сторонников. Многие крестьяне-христиане, угнетаемые богатыми землевладельцами, про себя приветствовали приход турок, даже принимали их религию и присоединялись к их армии в качестве наемников.

Турки окружили славный город Константинополь почти полностью – и со стороны суши, и со стороны

моря, и тот превратился в крошечный осажденный островок территории. 28 мая 1453 г. – в день, когда совершалось последнее христианское богослужение в соборе Святой Софии, – турки уже были на высоких стенах города и готовились занять Константинополь. После одиннадцати веков существования этот знаменитый центр христианства пал. За пять лет – с 1516 по 1521 г. – турки захватили такие разные города, как Дамаск, Каир и Белград. В то самое время, когда европейцы с помощью силы создавали свои империи в Америке и Азии, турки-османы из Азии силой прокладывали себе путь в Европу. Теперь они были европейской державой.

То, что к туркам относились так терпимо, было результатом ослабления интенсивности религиозной жизни в Италии около 1500 г. Тот же спад католического рвения в самой Европе подготовил почву для появления протестантов, у которых религиозного рвения было более чем достаточно. Их главным врагом будет не султан, а папа римский.

ПТИЧЬЯ КЛЕТКА

То, что произошло в западной половине Европы непосредственно перед 1500 г., было одним из самых замечательных стечений важнейших событий в истории мира, известной к тому времени. Европа оказалась тем перекрестком, на котором почти случайно происходили знаменательные встречи мореплавателей и художников, священников, педагогов и ученых.

Возникали новые течения в живописи и скульптуре, открывались неизведанные перспективы для архитектуры, и все это вместе называлось Ренессансом, или Возрождением. Религиозное пробуждение – Реформация – захватило Северную Европу. Техника печати – чудесный способ насаждения новых и старых знаний – переходила из города в город. Абсолютно новый мир обнаружился с открытием американского континента и – через короткий промежуток времени – морского пути из Европы в Восточную Азию. Удивительно, но этот сгусток судьбоносных событий, которые следовали одно за другим, не получил какого-либо всеобъемлющего названия; и почти наверняка уже поздно давать ему имя, которое будет всеми признано.

Эти события стали отражением изменившихся взглядов на мир. Многие художники и архитекторы смотрели по-новому на окружающую реальность – будь то человеческое тело или перспектива. Многие богословы и проповедники считали, что они заново открыли человеческую природу. Астрономы и мореплаватели с изумлением открывали карту мира. Все свидетельствовало о стремлении смахнуть пелену с глаз и обрести новое зрение. Было бы удивительно, если бы эти новые способы смотреть на мир и волнение, которое они вызывали, не были заразительными. Печать помогла распространять эту «заразу». Путями, которые не всегда можно проследить, – поскольку религия, искусство и навигация представляли собой практически отдельные государства, в которых громко звучали имена совсем разных людей, – каждая из этих изолированных сфер оказывала воздействие на другие. Так, протестантизму, одному из порождений этого захватывающего времени, неоценимую помощь оказало распространение книгопечатания.

Несмотря на то что каждая из групп открытий была по-своему революционна, все они имели в основе интерес и почтение к прошлому. Многие художники были увлечены утраченным миром древних Греции и Рима и пытались в той или иной форме вернуть его. Некоторые из радикальных богословов делали попытки возродить религиозные добродетели в том виде, в каком они присутствовали на берегах Тивериадского озера у Христа и Его учеников, а также извлечь суть из подзабытых писаний святого Августина и ранних Отцов Церкви. Даже мореплаватели поначалу не искали ничего нового. Они просто пытались найти морской путь в Китай вместо давно существовавшего сухо-

путного. Вместе с тем богословы, печатники, художники и мореплаватели, которыми первоначально двигал интерес к прошлому, продолжали оставаться исследователями. Сами времена и атмосфера подталкивали к интеллектуальному поиску.

Нельзя сказать, что пелена прошлого упала с глаз внезапно. Процесс прозрения был медленным и постепенным, и эта постепенность наиболее заметна в живописи и архитектуре, где он набирал силу более трех столетий.

Около 1500 г. новые представления, казалось, достигли наивысшего расцвета. Непосредственно перед тем, как Леонардо да Винчи закончил портрет молодой женщины, «Моны Лизы», испанцы открыли Америку, а корабли португальцев достигли Индийского океана. Вскоре после этого Микеланджело завершил роспись потолков Сикстинской капеллы в Риме сюжетами из Ветхого Завета. А Мартин Лютер по другую сторону Альп обличал еретическую систему налогообложения, с помощью которой Рим финансировал такие греховные проявления, как Сикстинская капелла.

Эти масштабные изменения в искусстве и религии, научных знаниях, технике печати и навигации не часто рассматривают в тесной связи, поскольку каждая из областей наиболее ярко была представлена в своем уголке Европы. Искусство и архитектура процветали по преимуществу в Центральной и Северной Италии, а также в Нидерландах, а первые религиозные реформаторы возвысили свой голос в Северной Германии и швейцарских озерных портах. Печать с помощью подвижного шрифта была изобретена в Прирейнской Германии; а отважные мореплаватели отправлялись в свои путешествия из атлантических портов Португалии и Испании.

Примечательно, что впервые в европейской истории столь важные события происходили по преимуществу к северу, а не к югу от Альп и по преимуществу на атлантическом побережье, а не на средиземноморском.

Одна часть христианской Европы не принимала участия в этих бурных событиях. Она оказалась в руках исламских экспансионистов. В 1529 г. турки даже осадили город Вену. Протестантская Реформация разворачивалась всего в 300 км от наступающих турок.

У этого пробуждения, захватившего так много различных сфер, был новый покровитель. В могущественном Риме искусствам покровительствовала церковь, но многие из открытий – будь то в области искусства, богословия или навигации – инициировали и финансировали богатые и активно развивающиеся торговые города. Торговые дома Флоренции и Генуи, Гента и Нюрнберга, Женевы и Цюриха, Лиссабона и Севильи предоставляли меценатов и деньги, а часто и сочувственное отношение к новым взглядам на мир. В этих торговых городах проживала незначительная часть населения Европы, но она была очень энергичной.

Первооткрыватели были похожи на птиц, которых долго держали в большой и холодной средневековой клетке, называемой Европой. Дверца птичьей клетки приоткрывалась, и птицы вылетали, сначала по одной, а потом по четыре. Обретя новую свободу, они демонстрировали свое летнее оперение и пели как никогда прежде.

КЛЕТКА ОТКРЫВАЕТСЯ

Эту клетку никогда не открывали с таким оптимизмом, как в августе 1492 г., когда Христофор Ко-

лумб и три его небольших корабля отправлялись из Испании в опасное путешествие. Его плавание вполне можно было бы назвать самым выдающимся событием всего этого тысячелетия.

Более чем за 70 лет до того, как Колумб отправился покорять Атлантику, другие уже нанесли на карту часть предстоявшего маршрута. Остров Мадейра был заселен португальцами в 1420 г. Одиннадцать лет спустя были открыты Азорские острова. Всего лишь пятнышко в океане, они лежали почти на полпути к американскому континенту – примерно в 800 морских милях от Лиссабона и в 1000 от Ньюфаундленда. Португальские корабли также плавали на юг, вдоль африканского побережья. В 1487 г. отважный Диаш покинул Лиссабон и отправился по Атлантическому океану еще дальше на юг. Спустя недели он, находясь вне зоны видимости земли, обогнул крайний южный берег Африки и повернул назад. Плывая обратно, теперь уже ближе к суше, он увидел южную оконечность этого материка и назвал ее мысом Бурь. Даже в те времена прибегали к искусству пиара, и со временем мыс был переименован в мыс Доброй Надежды.

По существу, Колумб планировал рискованную попытку отправиться в океан, о котором многое уже становилось известным, а многое продолжало оставаться тайной. Он рассчитывал на финансовую помощь Португалии, но эта страна уже выработала собственные незамысловатые географические теории. Он обратился за помощью к Испании.

Из Испании в августе 1492 г. Колумб, полностью осознавая, что Земля круглая, отплыл на запад в поисках востока. В начале путешествия через Атлантику он был уверен, что находится на пути к Китаю. Его надежды сейчас кажутся несколько неоправданными, но у него были причины полагать,

что на самом деле он пересекает узкое море. В то время считалось, что океаны занимают лишь седьмую часть поверхности Земли, и, следовательно, очень широких океанов просто не существует. Так полагал античный географ Птолемей, чье имя произносили с почтением и через тысячелетие после его смерти.

По стечению обстоятельств труды Птолемея, долго остававшиеся неизвестными в Западной Европе, были напечатаны в новой типографии итальянского города Болонья всего за пятнадцать лет до того, как Колумб отправился в свое первое путешествие. Птолемей внушил Колумбу уверенность в том, что ему не придется плыть слишком далеко на запад, чтобы войти в китайские воды. В то время имелись простейшие планы китайского побережья с обозначением портов, и, возможно, пунктом назначения Колумба был южный китайский порт Шаньтоу (Сватоу) или Кантон (Гуанчжоу).

Оставив далеко позади берега Испании, Колумб уверенно следовал в западном или юго-западном направлении даже темными ночами. На самом деле он двигался в направлении Флориды, когда 7 октября 1492 г. увидел громадную стаю птиц, летевших на юго-запад. Он сменил курс, чтобы следовать за ними, отметив с надеждой ласковость морского ветерка, который пах, как «апрель в Севилье».

Через некоторое время он увидел берег. Должно быть, Колумб испытывал чувство ликования, когда на лодке приближался к побережью. Это был один из островов Вест-Индии, но он думал, что это Индия. Отныне народы, населявшие Америку, будут называть индейцами, а самого Колумба по возвращении в Испанию объявят вице-королем «Индий».

Открыв еще острова Кубу и Гаити, Колумб вернулся в Испанию в марте 1493 г. Известия о его от-

крытиях вызвали, вероятно, большее потрясение публики, чем сообщения о первой высадке человека на Луну. Во время своей второй экспедиции, когда под его командованием было уже 17 кораблей, Колумб основал на острове Эспаньола (Гаити) первый европейский город в новооткрытом Западном полушарии. В августе 1498 г. третья экспедиция достигла собственно американского континента, и Колумб ступил на берег нынешней Венесуэлы. Когда Колумб умер в 1506 г., европейцы еще ничего не знали об удивительных империях ацтеков и инков, расположенных вдали от берегов, к которым причаливал Колумб. Он отпер важнейшую дверь, но после его смерти она оставалась лишь приоткрытой.

Через четыре года после возвращения Колумба из первого удачного плавания к берегам, считавшимся тогда индийскими, португальцы подготовили собственную большую экспедицию в Азию по другому маршруту. Васко да Гама отплыл из Лиссабона в 1497 г. на трех кораблях с командой из 170 человек. Плывая через экватор и огибая Южную Африку, он больше дней не видел земли, чем Колумб во время своего первого путешествия. Возможно, ни один корабль за всю историю мореплавания так долго не находился вне пределов видимости земли. На побережье Восточной Африки он оказался в области мусульманского торгового влияния, а в порте Мозамбик встретил арабские корабли. Далее оставалось только плыть. Индийские лоцманы мусульманского вероисповедания фактически провели его через Индийский океан к западному побережью Индии. Как и Колумб, он открыл – с помощью мусульман – новый морской путь в далекие земли.

Путешествия Христофора Колумба и Васко да Гамы – в числе самых важных событий в истории

мира со времен постепенного освоения земледелия за тысячи лет до этого. Португальские плавания соединили две динамично развивающиеся и богатые части мира, в которые нельзя было раньше попасть по морю. Испанские открытия сблизили два обитаемых мира, разделенных большими расстояниями и неизвестных друг другу. Сравнимое по масштабам событие вряд ли когда-нибудь произойдет в будущем, если только быстро идущая вперед жизнь не преподнесет нам открытие другой обитаемой планеты.

ПАЛАТЫ МОНТЕСУМЫ

Викинги за несколько столетий до описываемых событий уже высаживались на мрачный и малонаселенный берег того же континента, что и Колумб; эта высадка ни к чему не привела и вскоре была забыта. Но Колумб и его испанцы высадились ближе к центральной части Америки, где, незамеченные ими, существовали обширные огороды и сады, серебряные и золотые рудники, большие города и даже империи.

В 1517 г. испанский мореплаватель Грихальва отправился от Кубы на запад, к материковым городам-портам, и в процессе неторопливого девятимесячного плавания с частыми остановками и выходами на берег он увидел много поразительного. Он вернулся на Кубу также с известиями и слухами о богатой империи Монтесумы II, расположенной в горах вдали от берега. По его информации, император ацтеков был запуган и обижен народом майя, жившим на побережье, и попасть на его территорию мог рискнуть только отчаянный и хорошо подготовленный испанец. Эрнандо Кортес, которому предстояло проникнуть во владения Мон-

тесумы, был отчаянным, но в некоторых отношениях плохо подготовленным испанцем. В возрасте 34 лет он еще не проявил качеств лидера и воина. Низкорослый, слегка прихрамывающий при ходьбе, он был еще и кривоногим. Человек, который одержит одну из самых удивительных военных побед в письменной истории, никак не походил на командующего.

С маленьким флотом из небольших кораблей Кортес отплыл от Кубы в ноябре 1518 г. Среди 530 сопровождавших его европейцев было 33 специалиста по стрельбе из лука: собственно, большая часть его солдат привыкла иметь дело больше с луком и стрелами, чем с огнестрельным оружием. На его кораблях находилось несколько сотен кубинских индейцев, как мужчин, так и женщин, многие из которых были личными слугами, а также несколько рабов-африканцев. В загоне на палубе стояли около 16 крепких лошадей. Они были оружием устрашения, поскольку коренные американцы до тех пор не видели ни одной лошади. Когда их высадили на берег, наблюдатели были напуганы их огромными пастями и большими копытами.

Перед Пасхой 1519 г. Кортес и его отряд приостановили свое путешествие в глубь материка и провели три недели в центральноамериканском городе Потончан, где в Вербное воскресенье воздвигли христианский крест на городской площади. Перед уходом из города Кортес получил в дар жизнерадостную женщину, которая могла говорить на двух необходимых ему языках – один из них был знаком майя, жившим на побережье, а на другом говорил Монтесума, империя которого находилась в глубине суши. Кортес вскоре по достоинству оценил свою одаренную переводчицу. Она был крещена,

получив христианское имя Марина, и вскоре научилась говорить по-испански. По ценности для Кортеса она, как заметил один историк, «была, несомненно, равна десяти бронзовым пушкам». Ее слова делали эту загадочную страну, в которую ему предстояло вступить, доступной пониманию. Столица Монтесумы – Теночтитлан – располагалась на плато примерно на полпути между Атлантическим и Тихим океанами. Дыша разреженным воздухом на высоте 2500 м над уровнем моря, она лежала на острове посреди длинного озера, окруженного горами. На этом месте сейчас находится город Мехико, но озера уже нет.

Для путешественника издалека посещение этого города должно было стать одним из самых захватывающих впечатлений, которые мог предложить мир. Перевалив через высокие горы, одна из которых увенчана снежной шапкой и многие покрыты густым лесом, он наконец попал на плато и, посмотрев вниз, видел озеро, а вдали замечал каменные пирамиды – характерный признак этой цивилизации. Три основные дороги по дамбам вели через озеро к этому островному городу, где жили около 200 000 человек. Это был один из крупнейших городов мира, и те немногие испанцы, которые до своего прибытия в Новый Свет много путешествовали по Европе, могли бы сказать, что по размерам он равен только городам-портам Константинополю и Неаполю, при этом было известно, что даже в Китае немногие города превосходили его.

Сама империя ацтеков занимала территорию, почти равную площади современной Италии, а ее население составляло 6–8 миллионов человек. Они преуспевали в строительном ремесле и архитектуре, были первоклассными золотых дел мастерами и ювелирами, талантливыми математиками и искус-

ными земледельцами, не только выращивавшими разнообразные растения, но и разводившими индек и мускусных уток. Предположительно, им были незнакомы многие важные изобретения, перенятые или сделанные европейцами: они не знали бронзы и железа, отверток и гвоздей, у них не было ни колеса, ни подъемных механизмов, ни пороха, ни глубоководных кораблей.

Человеческие жертвоприношения были едва ли не главными событиями календаря этого островного города. Акты жертвоприношения скорее напоминали систематические жестокие убийства, чем религиозные праздники. В предшествующем столетии, когда ритуальные жертвоприношения были особенно частыми, за один месяц могли убить тысячи избранных жертв, по преимуществу мужчин. Поскольку загробная жизнь считалась более важной и бесконечно более долгой, чем земная, девушки и юноши, которых вели в храм для церемониального убийства, могли, по крайней мере, утешаться тем, что их ждет вечное воздаяние.

Казнь проводилась с большой торжественностью, ее осуществляли жрецы, оправдывала идеология, даже приветствовали родители, особенно бедные, которые выходили вперед с собственными детьми. Военнопленные, оторванные от своей родины и имевшие совершенно иные религиозные представления, не могли видеть жертвенный алтарь и каменный нож в таком же утешительном свете. Возложение на алтарь, уже запятнанный кровью, и рука жреца, сжимающая острый кремневый нож, были последними сознательными впечатлениями десятков тысяч жертв. Сердце искусно вырезали, а затем сжигали на ритуальном костре.

Снабжение продовольствием такого большого города требовало недюжинных организаторских

способностей и тяжелого труда. Запасы пищи, зерна, дров и строительных материалов доставляли люди, выполнявшие работу вьючных животных. На американском континенте не существовало колесного транспорта; впрочем, даже если бы у коренных американцев были повозки, то не было ни лошадей, ни волов, которые могли бы их тянуть. На небольшие расстояния дрова и продукты перевозили на лодках по озеру; но товары издалека, например с берегов Мексиканского залива, несла процессия носильщиков с тюками на плечах, каждый из которых весил около 25 килограммов. Поскольку дорога местами шла по крутым склонам, носильщики требовались очень сильные.

Большая часть земель вокруг озера была плодородной. На протяжении примерно 4000 лет ее обрабатывали простыми орудиями из дерева, а в последние столетия удобряли компостом, приносимым из города, и орошали с помощью каналов, подводивших воду из озера или источников. С приозерной земли получали обильные урожаи кукурузы, равно как и бобовых, перца чили, тыквы и других овощей и фруктов. Наибольший вклад в процветание экономики вносила кукуруза. Один квадратный километр, засаженный кукурузой, мог прокормить втрое больше человек, чем такая же площадь, засеянная пшеницей или рожью в Европе.

Завоевание города Монтесумы было отчаянным и дерзким планом Кортеса. Он с самого начала сознавал, что с таким ничтожным количеством людей надеяться особенно не на что. Кроме того, ему предстояло сражаться вдали от дома, в местности, отлично знакомой врагу. На бумаге кажется, что его слабые стороны значительно перевешивали преимущества, но он получил крайне важную под-

держку от соседних племен, которые, ненавидя ацтеков, с радостью служили испанцам в качестве разведчиков, проводников, носильщиков, поставщиков продовольствия и солдат. Сыграло ему на руку и то, что по прибытии Кортеса в 1519 г. некоторые знатные ацтеки приняли его за воплощение божества, которого они давно ждали. Победа Кортеса была самой удивительной в мировой истории из всех известных по письменным источникам.

Монтесума II, с его темным лицом, орлиным носом, любезностью и красноречием, потерпел унижительное поражение. Кортес захватил империю и даже императорских детей.

ИНКИ И АНДЫ

Империя ацтеков рухнула. На юге, в далеких Андских горах, существовала относительно молодая империя, казавшаяся еще более зловещей. Управляемая императором, которого называли инкой, она находилась гораздо дальше от новых испанских портов на Карибском море. Кроме того, ее города и селения были защищены высокими горами и глубокими ущельями.

Среднюю и нижнюю часть склонов Анд, а также территорию, прилегающую к тихоокеанскому побережью, давно занимали охотники и собиратели. Расположенный на задворках населенного людьми мира, этот район начал приходить в движение около 3000 г. до н. э., когда здесь одомашнили три полезных вида животных – ламу, альпаку и морскую свинку. Через тысячу лет здешние жители уже выращивали кукурузу и картофель – два ценных растения, которые были неизвестны в Азии, Африке и Европе. Подводя воду к своим полям, они умудрялись справляться с географическими препятствиями гораздо более сложными, чем те, с которыми имели дело люди, жившие в ближневосточных городах долин. К началу христианской эры народ на ска пробивал тоннели в горах Южного Перу, чтобы

направить подземные воды на орошение полей. Они стали сооружать поразительные сельскохозяйственные террасы и акведуки. Их умение культивировать новые виды разнообразных полезных растений вызывает не меньшее восхищение.

В отличие от Европы, где Средневековье было, по некоторым материалистическим определениям, «темным временем», в Андах те же столетия можно назвать «светлыми». Города и селения вдоль Анд менялись благодаря внедрению новых технологий, новых сельскохозяйственных культур и новых орудий. В некоторых отношениях андийские маленькие государства 1400 г. н. э. напоминали одновременные им соперничающие города-государства Италии, если не считать того, что в Андах была масса отдельных государств, многие из которых занимали единственную долину и прилегающие к ней склоны. Пересеченный ландшафт способствовал изоляции. Населявшие его люди говорили по меньшей мере на 20 различных языках, и, вероятно, 100 или более этнических групп занимали каждая свою территорию в средней или нижней части горных склонов и на узкой полосе тихоокеанского побережья. Затем одна сверхдержава начала, покоряя другие, пробиваться вперед и через короткий промежуток времени заняла господствующее положение, которое сохраняла до прибытия испанцев.

До этого войны между десятками групп этих карликовых государств были чуть ли не привычным делом. В ходе более или менее серьезных военных конфликтов уничтожались вражеские ирригационные системы и насаждения – плоды трудов и вдохновения многих поколений, женщин и детей угоняли в плен, а урожай и скот истребляли или присваивали. У некоторых побежденных отбирали даже «камни, которые они использовали для помо-

ла» зерна. В этой длинной череде войн инки показали свое превосходство, и примерно с 1438 г. их территория начала расширяться.

Происходившие с высокогорий вокруг Куско в современном Перу, инки первоначально насчитывали не более 40 000 человек. После серии войн и угроз войной они покорили все другие группы и господствовали в целом над 10 или 12 миллионами человек. По сравнению с территорией, которой они управляли к тому моменту, когда Колумб впервые ступил на берег Америки, империи испанцев и португальцев кажутся ничтожными. Инки правили повсюду – от современных Колумбии и Эквадора на севере до Центрального Чили на юге. В наши дни на некогда подвластной им территории размещаются пять самостоятельных республик.

Размеры империи инков были таковы, что солдаты, отправленные из центра на дальние форпосты, могли провести в пути от 60 до 80 дней, прежде чем достичь места своего назначения. Было нетрудно преодолевать эти расстояния пешком, поскольку все части империи связывала сеть великолепных дорог. Дороги и мосты древних римлян и китайцев были еще лучше, но ни одна из других ранних империй не смогла бы похвастаться такими дорогами, которые строили для инков их воины и подневольные рабочие. Со временем протяженность дорог инков достигла 23 000 километров – их хватило бы, чтобы пересечь всю Азию в самом широком ее месте. Две главные дороги шли параллельно – одна вдоль побережья Тихого океана, пересекая даже пустыню на севере Чили, а другая вдоль горного хребта. Горная дорога, наиболее оживленная из двух магистралей, спускалась и поднималась по склонам тысячи холмов. Местами ее ширина достигала более 25 метров, но на крутых

участках она скорее напоминала петляющую тропинку. Поскольку инки не имели колесного транспорта, их не беспокоило то, что дорога будет излишне крутой или очень узкой. Там, где она проходила по болоту, сооружали узкую дамбу из земли и камней. Там, где пересекала реку, строили понтонные мосты – плавучие переправы. Там, где путь преграждало ущелье, наводили подвесные мосты из толстых канатов. Некоторые из таких мостов используют и сейчас, спустя триста лет.

По мостам, повисшим высоко над бурными реками, бежали правительственные гонцы. Они не были ни босыми – их ноги защищали сандалии из недубленой кожи, примотанные к ступням шерстяными шнурами, – ни простоволосыми. На длинных отрезках ровной дороги гонцы двигались с впечатляющей скоростью. Время доставки новостей сокращалось благодаря эстафетной системе: через каждые несколько километров у дороги стояла хижина, где дожидался гонец-сменщик.

Товары, требующие срочной доставки, передавались, как и сообщения, по эстафете. Таким образом, свежая рыба, посланная издалека какому-нибудь высшему чину в столичный город Куско, доставлялась неиспорченной. По этой дороге при желании мог передвигаться и сам высокопоставленный чиновник, которого несли четыре человека на вполне приличном транспортном средстве в виде двух параллельных шестов с сиденьем посредине.

Эти дороги вполне могли сослужить службу и вторгшемуся врагу, но в течение некоторого времени инки оставались непобедимыми. Во главе их армий стояли великолепные, изощренные в тактике военачальники. В то время как они составляли высшее офицерство, покоренное население постав-

ляло простых пехотинцев, как мужчин, так и женщин. И все же это была не вполне империя подневольных. Инки несли мир в раздираемые войной регионы. Они также несли готовность к сотрудничеству – в тех случаях, когда побежденная группа сдавалась без боя.

Вдоль главных дорог в некоторые годы можно было наблюдать процессии людей, совершавших далекое путешествие на свою новую родину. Инки, так же как правители будущего Советского Союза и других империй, понимали, что переселение чужих народов, как и смешение разных этнических групп, снижает вероятность организованного восстания. По тем же дорогам шли солдаты, направлявшиеся в дальние районы нести сторожевую службу или участвовать, когда это требовалось, в военных действиях. Склады, расположенные вдоль дороги и обслуживаемые побежденными, снабжали их продовольствием.

Наряду с людьми по дороге двигались другие вьючные животные – ламы. Если их отмывало дождем, у многих из этих бесформенных тюков обнаруживалась красивая белая шерсть с черными или коричневыми пятнами. Относящиеся к семейству верблюдов, хотя и без явного горба, ламы переносили грузы весом до 40–50 килограммов, тем самым компенсируя отсутствие колеса в андийской цивилизации.

СОЛНЦЕ, ЛУНА И ГРОМ

Инки были в высшей степени религиозными. Важным решениям предшествовали обращения к богам: не благословят ли они эту военную кампанию или будущий урожай? Солнце и Луна были богами, которым возносили смиренные мольбы.

Солнце – податель тепла – рассматривалось как дружественное божество, которое обеспечивало загробную жизнь в тепле. Напротив, ад инков был холодным местом.

Солнце было мужским божеством, и император объявлял себя его потомком; тем самым он присваивал себе божественную власть. Солнце регулировало календарь, и ежегодно тот декабрьский день, когда светило находилось в самой дальней южной точке от экватора, отмечал начало года инков. Таким образом, год начинался – в жаркое время – почти тогда же, когда он начинался и в Европе – в холодное время.

У солнечного божества было любимое растение – кока, листья которого считались божественными по своим свойствам. Изначально этот тропический кустарник рос вдоль восточных предгорий Анд, но он был одомашнен и затем выращивался на нижних андийских склонах, спускавшихся к океану. Его высаживали на горизонтальных террасах, с огромным трудом устраиваемых на крутых склонах; вода подавалась на иссушенную землю этих террас по длинным каналам. Поскольку кока была высоко ценимой культурой, строились каменные изгороди или стены, чтобы защитить урожай от похитителей, а возможно, и предотвратить проникновение на террасы серых лисиц, которые могли осквернить своими испражнениями священные растения.

Листья коки несли в корзинах и мешках из ткани по главной дороге в столицу, где они предназначались только для высших государственных чиновников или смотрителей храмов. Смешанную с известью коку жевали до образования за щекой большого комка. Она приводила человека в возбужденное состояние, тем самым способствуя про-

изнесению пророчеств в храмах, где поклонялись солнечному божеству. Из того же растения в новейшее время стали делать вытяжку, которую до 1905 года в незначительном количестве добавляли в состав кока-колы, а также наркотик кокаин.

В обществе инков, как ни в каком другом до последнего столетия, женщины занимали достойнейшее положение. Они имели не только право владеть имуществом, но и собственное могущественное божество, одно из двух главных в инкском пантеоне, – Луну, и женщины были жрицами в ее храмах. От лунной богини зависело плодородие женщин: она защищала их во время рождения ребенка. В экономике женщины играли не менее важную роль, чем мужчины, и в погребальной церемонии отдавалась дань их труду и потребностям. В то время как в могилу мужчине клали мотыгу, которой он обрабатывал огород, женщину сопровождал деревянный стержень, или веретено, с помощью которого она сучила, или скручивала, нити из хлопка.

Жертвоприношение животных – по преимуществу морских свинок и ценных лам – было важнейшей частью религиозных ритуалов. А такие экстраординарные события, как коронация или принятие опасного решения идти на войну, требовали человеческих жертвоприношений. Обычно для этого выбирали детей от 10 до 15 лет, считавшихся более чистыми, чем взрослые. Люди считали честью для себя, если выбор падал на их ребенка.

В районах, далеких от стен и храмов столичного города, людей методично приносили в жертву в соответствующее время года, чтобы боги благословили растущий урожай. Высоко в горах, где благоприятный для роста растений период недолог, а короткое и сухое лето чревато бедствиями, принесение в жертву девушек было чем-то вроде страхового полиса.

Весной 1995 г. на высоте 6000 метров под растаявшим снегом обнаружилось такое инкское жертвоприношение. Девушку убили в самые последние десятилетия господства инков, вероятно, в год засухи, когда человеческое жертвоприношение казалось единственной возможностью вызвать дождь. Тело быстро замерзло, а потому сохранилось. По этим останкам определили, что девочке было 13 лет, и она была совершенно здорова накануне своей смерти.

Учитывая столь частые жертвоприношения, можно предположить, что у инков было такое изобилие человеческой крови, что они могли использовать ее в медицинских экспериментах. Есть свидетельства, что задолго до того как переливание крови начали применять в других местах, инки успешно делали его больным людям. Поскольку почти все коренные американцы имеют одну группу крови, ее переливание от одного человека к другому было безопаснее, чем в Италии, где эту процедуру, при наличии нескольких групп крови, отважно попытались применить, возможно, впервые, столетие спустя после упадка инкской империи. Инки были искусны также в хирургии. Они могли вырезать сегмент кости черепа раненого или больного пациента или дочиста выскрести ее, не удаляя и не повреждая при этом мозг. Успех достигался в 60% случаев выполнения этой тончайшей операции. Это предполагает, что инкские хирурги-первопроходцы использовали антисептики, чтобы предотвратить заражение.

Представить экономическую жизнь инков и предшествовавших им микро-государств можно, только учитывая уникальную географию Анд. Ландшафт и климат так разнятся, что, поднимаясь выше, человек словно попадает совсем в другую

страну, затем еще одну, и еще. Расположенные в непосредственной близости друг от друга, словно на наклонной лестнице, в Андах соседствуют четыре разные географические и климатические зоны, которые обычно бывают разделены тысячами километров океана или суши. Эти четыре зоны разделяют разрывы по вертикали, а не по горизонтали. Чтобы понять это, нужно представить себе Норвегию, расположенную на уровне высшей точки Голландии, которая в свою очередь расположена на уровне высшей точки Сицилии. Попасть из зоны в зону можно, шагая по извилистым горным тропинкам, иногда дорогам, а не в результате длинного плавания по океану.

«Борта» и «днища» долин – это сухой и теплый район, где в условиях ирригации можно выращивать разнообразные плоды, кактусы и даже кукурузу. Средняя часть склонов, на высоте не менее 500 метров над уровнем моря, представляет собой зону, наиболее благоприятную для земледелия. Здесь росли кукуруза и бобовые, тыква и киноя – зерновое, богатое протеином.

Гораздо выше расположена третья сельскохозяйственная зона, где выращивали поразительное разнообразие сортов картофеля и других корнеплодов – в целом, вероятно, около 250 разновидностей. Еще выше, чем страна картофеля, располагались альпийские пастбища, используемые летом. На большей части этих высокогорий паслись стада лам. Когда животное закалывали, его мясо разрезали на полоски и высушивали на солнце.

Древние южноамериканцы достигли невероятных успехов в поиске и одомашнивании растений, которые сейчас можно встретить во многих уголках мира. Они окультурили картофель, ямс,

томаты, разные бобовые, кешью и арахис, коку, острый перец, тыкву, маниок, или кассаву, известную в Европе как тапиока, и ананас. Кукуруза как возделываемая культура независимо появилась в Южной Америке и в Мексике. Здесь также росли каучуковые деревья и особая разновидность хлопка, из которого делали рыболовные сети и полотно.

Эти горные народы, столь консервативные в религии, были невероятно изобретательными. Они изобрели лом, который использовали при добыче полезных ископаемых, а также высокоэффективную лопату для огородничества. Они умели делать заклепки и припой. Это была цивилизация, созданная по преимуществу собственными усилиями. Инки позаимствовали у Центральной Америки и ацтеков гораздо меньше, чем придумали сами.

КРУШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИНКОВ

Инки правили своей империей, состоявшей из гор, плато и пустынь, влажных джунглей и вечных снегов, менее ста лет к моменту, когда на ее окраинах появились испанцы. Испанское влияние выразилось в форме болезней, которые быстро распространились среди коренных народов. Император инков, участвовавший в приграничных военных действиях, возвращался на юг, на инкскую территорию, примерно в 1525 г., когда его сразила загадочная болезнь. Смерть пришла быстро. Вопрос престолонаследия был жизненно важным и судьбоносным для инков, как и для многих европейских монархий. Внезапно господство инков поставила

под угрозой гражданская война – еще до прихода настоящего врага.

Очень часто лидеры в самых влиятельных мировых центрах власти вели между собой борьбу, считая себя застрахованными от внешнего нападения в тот самый момент, когда они теряли превосходство. Некогда это очень часто делали греки. Даже Европа попала в ловушку излишней самоуверенности в 1914 г. и еще раз в 1939 г. Точно так же и инки боролись друг с другом, не зная, что могущественный и незнакомый враг – испанцы – уже у порога.

Еще более беззащитными оказались инки перед лицом другого врага – новых болезней, которые пришли вместе с захватчиками. Когда Христофор Колумб открыл Америку, в Европе, из которой он прибыл, свирепствовала оспа. Некоторые испанцы, не подозревая о том, привезли ее с собой на кораблях, пересекших Атлантику. К 1519 г. эта болезнь достигла острова Эспаньола, истребив, вероятно, около трети его населения. Это было секретное и неучтенное оружие испанских солдат, отплывавших из Панамы под командованием Франсиско Писарро покорять инков. В ноябре 1532 г. испанцы без труда захватили верховного правителя инков, Атауальпу. Оспа, их невидимый союзник, опередила испанских солдат и убила множество инков.

Скорость, с которой гибли заразившиеся оспой, сама по себе вызывала отчаяние у наблюдавших за этим людей. Начальные симптомы болезни, инкубационный период которой длится 12 дней, выражаются в учащенном пульсе, ощущении сухости во рту, тупой боли в животе и острой – в пояснице, иногда рвоте. Те, кому удавалось пережить эту болезнь, покрывались сыпью и язвами, которые начинали рубцеваться примерно на шестнадцатый день лихорадки и отваливаться, иногда оставляя следы,

навсегда обезобразивающие лицо. Лица с оспинами, уже привычные на улицах Мадрида и Вены, начали появляться и в Америке. К 1530 г. оспа свирепствовала – или уже натворила самое худшее – повсюду от Боливии на юге до Великих озер на севере.

Тем временем в деревнях и вигвамах, на высоких склонах Анд и на холмах за Миссури замаячил призрак других болезней. Вслед за оспой вскоре пришла корь. Начал распространяться и тиф – относительно новое бедствие и для самой Испании, куда его завезли испанские солдаты, возвратившиеся с острова Кипр. Подтянулись также инфлюэнца, впервые отмеченная в Америке в 1545 г., а также коклюш, дифтерия, скарлатина, ветрянка и даже малярия; ни одной из этих болезней коренные жители не знали, а потому они были особенно опасны. Сколько людей умерло от болезней в Мексике в первые пятьдесят лет после прихода испанцев – повод для бесконечных подсчетов и ученых догадок. Вероятно, перед приходом Кортеса в Мексике жили 8 миллионов человек; а половину столетия спустя осталось меньше трети от этого числа. Далеко на юге, в империи инков, болезни также унесли миллионы жизней, в то время как в малонаселенных районах умерли, возможно, восемь человек из каждых десяти.

Поначалу влияние испанцев – так же как их болезней – на местное население было катастрофическим. Цивилизация пошатнулась. Культурная и экономическая жизнь практически замерла в главных городах, хотя в течение многих десятилетий сохранялась, с меньшими изменениями, в редко населенных районах. Миллионы людей умерли, а для других просто изменилась форма рабства или подчиненного существования – с инкской на испанскую. Для побежденных, возможно, главным уте-

шением в долгой перспективе стал католицизм, превратившийся со временем в господствующую религию в Латинской Америке.

Грандиозность этих сокрушительных перемен можно, наверное, осознать, представив, что вторжение совершилось в обратном направлении, что ацтеки или инки внезапно ворвались в Европу, навязали свою культуру, свой календарь, объявили христианство вне закона, установили алтари для тысяч жертвоприношений в Мадриде и Амстердаме, невольно стали причиной эпидемии, сравнимой по масштабам с Черной смертью, переплавили золотые изображения Христа и святых, забросали камнями витражные окна и устроили в нефах соборов склады оружия или продовольствия, разрушили чуждые им греческие статуи и римские колонны и стали отправлять в мексиканские или перуанские горы награбленную добычу – драгоценные металлы, а также рабов, наемников и другие человеческие трофеи.

РЕФОРМАЦИЯ

В Европе всемогущая католическая церковь находилась в опасном положении. Она слишком терпимо относилась к множеству черных ходов и лазеек, позволявших богатым и недостойным за установленную плату надеяться проскользнуть на небеса. Считалось, что святые создали некие сокровищницы милосердия и снисхождения, частью которых их хранители могли оделить тех богатых грешников, которые в последний момент возжаждали спасения и были в состоянии заплатить за него. Порой под индульгенции и отпущения, даваемые в обмен на деньги или «добрые дела», подводились солидные духовные основания. Так, в 1095 г. для поощрения Крестовых походов, направленных на освобождение Иерусалима от неверных, папа Урбан II обещал простить грехи тем крестоносцам, которые отправятся за моря «из чистого благочестия, а не для того, чтобы стяжать славу или богатства».

Деньги, пожертвованные на строительство соборов, воспринимались как некая церковная квитанция или пропуск, которые можно было предъявить

хранителям небесных кладовых. Когда в 1451 г. задумали перестроить грандиозный собор в Шпейере (Германия), по меньшей мере 50 священников сидели «в своих епитрахильях» и, приняв исповедь, отпускали грехи тем паломникам, которые жертвовали деньги. Четверть столетия спустя папа разрешил продавать индульгенции для уже умерших людей, пребывавших в чистилище. Вскоре богачи уже могли вносить плату за прощение грехов, совершенных их умершими родственниками, которые в момент своей смерти, возможно, и не испытывали потребности в прощении. Бедные, по причине своей бедности, как правило, отпущения не получали.

ТОРГУЯ КРОВЬЮ ХРИСТОВОЙ

Церковь нанимала профессиональных сборщиков, вроде сотрудников современных благотворительных фондов, и те продавали индульгенции. Поскольку в средневековой церкви вера в вечное наказание была гораздо сильнее, чем в среде современных христиан, продажа отпущений и помилований подрывала основную ее теологическую доктрину. Это было сродни распродаже церкви за горстки золотых монет. В католической церкви по-прежнему оставалась масса достойных священников, монахов и монахинь, беззаветно ей преданных, но исключения были многочисленны.

Северогерманский священник Мартин Лютер одним из первых усомнился в этой заблудшей церкви. Сын разбогатевшего рудокопа, он был профессором библейской теологии в небольшом городке Виттенберге. Ему было 33 года, когда он выступил с критикой католической церкви.

Мартину Лютеру была отвратительна практика продажи индульгенций, или платного оптового отпущения грехов. 31 октября 1517 г., в канун Дня Всех Святых, весьма почитаемого в христианском календаре, он прибил свои возражения, написанные по-латыни, на дверь Замковой церкви родного городка. Его манифест состоял из 95 тезисов, первый из которых гласил: «Господь и Учитель наш Иисус Христос, говоря: “Покайтесь...”, заповедовал, чтобы вся жизнь верующих была покаянием». Смысл его слов был очевиден для тех, кто столпился у двери. Действительно, почему верующие должны каяться, если барышники могут за несколько монет освободить людей от необходимости покаяния?

И сейчас Лютера можно увидеть словно живым. Великолепный немецкий живописец Лукас Кранах был знаком с ним и запечатлел Лютера на холсте. Твердое, немного грубоватое крестьянское лицо, небольшие пронизательные глаза, прикрывающие уши волосы и легкая щетина на лице – так, словно он бреется лишь раз в несколько дней. Крупный нос и чуткие ноздри – кажется, что он принюхивается к запаху готовящегося обеда. Это лицо человека, любящего поесть, но в то же время отражающее и его аскетические свойства. Увидев этого сильного человека, сочетающего в себе крестьянскую крепость и основательность с живостью и ясностью ума, на улице или на кафедре проповедника, вероятно, нельзя было не обратить на него внимания.

Как большинство религиозных реформаторов, он не желал порывать с католической церковью, но его убеждения все больше и больше отдаляли от нее Лютера, вплоть до того момента, когда возвращение стало уже невозможным. Разумеется, церковь диктовала ему условия, на которых он мог остаться. Он не мог их принять.

В одних лишь немецкоговорящих городах более 200 печатных станков, казалось, только и ждали этого события – протестантской Реформации, которой они будут так активно способствовать. Монополии католической церкви на Библию приходил конец – благодаря изобретению, отчасти позаимствованному в землях, где имя Христа было почти неизвестно. Библия была драгоценной рукописной книгой, настолько редкой, что во многих церквях единственный ее экземпляр цепями приковывали к аналою. Близился момент, когда впервые в христианском мире евангельские тексты можно будет приобрести по цене, доступной и для деревенской церкви, и для купца среднего достатка. Брошюра, содержащая простое поучение, теперь могла – благодаря могуществу печатного станка – достичь гораздо большего числа людей, чем то, что когда-либо слушало устную проповедь.

Мартин Лютер видел в печати Божий дар для своего дела. Он писал религиозные памфлеты и передавал их печатникам вместе со своими последними проповедями. Он начал переводить Библию на немецкий язык и закончил писать эту простую и могущественную прозу в 1534 г.

Виттенберг – городок, население которого едва насчитывало 2000 человек, – на короткое время превратился центр германского книгопечатания. Запахи сырой бумаги и типографской краски наполняли некоторые переулки города жаркими летними днями, когда окна и двери печатен стояли широко распахнутыми. В то время как в год протеста Лютера лишь 150 разных книг было напечатано во всей Германии, в 1524 г., всего шесть лет спустя, свет увидели уже 990 книг. Более половины изданий было отпечатано в Виттенберге. Большинство их было в поддержку Лю-

тера. Печатный станок представлялся ему упряжкой лошадей, «продвигавшей вперед Евангелие».

Лютер был протестующим, или протестантом, на языке того времени. Его протесты, хотя и имели политическое и социальное звучание, были по преимуществу религиозными. Отчасти благодаря его влиянию сотни городов Европы пережили бурное религиозное пробуждение. Миллионы людей почувствовали, что Бог – рядом с ними. Они испытали невыразимую радость и чувство освобождения и облегчения. Лютер пришел к мысли, что к спасению ведет не совершение добрых дел, а простая самозабвенная вера в Бога. На десятки тысяч слушавших его проповеди глубокое впечатление производили его доводы и его страсть.

Свет, которым Лютер озарил религиозные небеса, мог бы со временем потускнеть, если бы не усилия французского проповедника Жана Кальвина. Родившийся на севере Франции и получивший образование в Париже, он не обладал обаянием и красноречием Лютера. Его проповедям недоставало драматичности. Но его оригинальный ум, захватывающие идеи и взволнованная искренность производили не меньшее впечатление на тех, кто жадно внимал ему, стоя плечом к плечу в большой церкви на берегу Женевского озера. Управляемая Кальвином, советом священнослужителей – консисторией – и светскими властями этого города-государства, Женева превратилась в религиозную и нравственную достопримечательность Европы.

В процессе любых реформ и революций рано или поздно возникает напряженность между теми, кто считает, что в реформах нужно идти до конца, и теми, кто после первого приступа рефор-

маторства объявляет: «Мы зашли достаточно далеко!» Кальвин вызвал враждебное отношение даже у своих сторонников, осудив как папистские многие старые христианские имена, столь популярные в городе. В 1546 г. консистория без официального объявления приняла решение давать младенцам, приносимым для крещения, честные библейские имена, а не имена местных католических святых. Городской цирюльник приносил в переполненную церковь своего сына-младенца, чтобы наречь его Клодом, – одним из трех самых популярных имен в Женеве, – но пастор торжественно нарекал его Абрахамом. Цирюльник выхватывал своего сына и уносил домой. Ропот поднимался и в общине, и во всех местах, где обменивались слухами.

Центральное место в доктрине Кальвина занимало учение, в наше время считающееся весьма спорным, но казавшееся оправданным и даже приемлемым в ту более религиозную эпоху. Он верил в безусловное предопределение. Он верил, что Бог, в своей всевидящей мудрости, заранее знает, как будет складываться жизнь каждого человека. По существу, некоторым людям со дня их рождения предначертано занять свое место на небесах. Другим же предназначено оказаться на духовной обочине, и, что бы они ни предпринимали, это не сможет изменить их судьбу. Господствующая католическая доктрина гласила, что человек может обрести спасение, творя добрые дела, а Лютер видел единственный путь к спасению в глубокой вере в милосердие Божие, но Кальвин отверг эти представления. Бог всемогущ, и только в Его воле спасти душу человека. Нам это учение кажется неоправданно несправедливым. Кальвин мог бы возразить, что наши представления о спра-

ведливости значения не имеют. По его мнению, с точки зрения Бога, все люди в некотором смысле бесполезны. Тот факт, что столь многие в конечном счете обрели спасение, – свидетельство безмерной милости Божией, изливаемой на тех, кто не наделен от рождения правом на милость. Кальвин не так уж отличался от Мухаммеда, который верил, что Бог изначально предопределяет все человеческие поступки – будь они добрыми или злыми.

Взгляды пастора Кальвина на предопределение казались его пастве убедительными и одновременно держали ее в напряжении. В рядовой кальвинистской конгрегации некоторых слушателей, вероятно, пугало это учение, которое Кальвин развивал в длинных проповедях, строившихся на основе библейских текстов. Однако большинство присутствующих радостно заключали, что они уже среди избранных.

В эти эмоционально заряженные годы множеству простых людей требовалось мужество, чтобы сохранить приверженность старой вере или перейти в новую. Конечно, большинство, когда возникала угроза смерти, заключения или потери имущества, присоединялись к тем, кто правил их страной. Но сотни тысяч отваживались на риск, распространяя новую веру или отстаивая старую.

ГОРЕ НАМ, ГОРЕ!

Широкое восстание против католической церкви подняли секты, объединяемые названием «анабаптисты», то есть, в переводе с греческого, «перекрещенцы». Они были воинствующим отрядом Реформации. Впервые анабаптисты появились в Цвиккау, расположенном к востоку от Виттенберга, а затем и в Цюрихе, и в других городах Северной Германии. Изгоняемые из городов, они охотно славиле Бога в полях в теплое время года и крестили взрослых новообращенных погружением в воды рек и ручьев. Единства – ни организационного, ни идейного – у анабаптистов не было. Однако большая их часть выступала против крещения в младенческом возрасте, аргументируя это тем, что столь драгоценным даром нельзя оделять только что родившегося ребенка, не способного принять сознательного решения прожить жизнь и умереть во Христе. Как ни одна другая из протестантских групп, анабаптисты пользовались влиянием среди бедных. Лидеры этих движений были склонны, рискуя своей жизнью, бросать вызов правителям.

Безумием и злом объявляли анабаптистов Лютер, Кальвин, Цвингли и проповедники-герои

ранней Реформации. Многие правители видели в них нарост на теле Реформации. Слово «анабаптист» стало бранным. Печально прославились пять женщин и семь мужчин, которые в 1535 г. в Амстердаме, желая показать, что они проповедуют одну лишь голую правду, сняли с себя одежду и побежали по улице, выкрикивая: «Горе нам, горе! – гнев Господень». Эти 12 анабаптистов были казнены. Видя в них угрозу религиозному и общественному порядку, анабаптистов преследовали почти повсюду. Только в Голландии и Фрисландии за 10 лет после 1535 г. было убито около 30 000 анабаптистов; и все-таки именно в этом регионе анабаптизм устоял.

Кальвинизм, процветание которого приходится на десятилетие после смерти Лютера, придал Реформации новые силы. На протяжении 40 лет реформаторские идеи разлетались во все стороны, приземляясь в местах, весьма удаленных от места своего рождения. Одно время казалось, что большая часть Западной, Центральной и Южной Европы может принять одно из соперничающих новых вероисповеданий. Почти вся Северная Германия подчинилась лютеранам. От Финляндии до Дании и Исландии лютеране захватывали соборы. В Польше и Венгрии городами завладело кальвинистское учение, имевшее особый успех у богатейших семейств. Реформа одержала победу в Голландии и на Британских островах – за исключением Горной Шотландии. Во Францию отправилась – пешком или верхом на конях – длинная процессия молодых пасторов из Женевы, которым удалось завоевать широкую поддержку в морских портах, особенно вдоль Атлантического побережья. Реформистские идеи проникли даже в Италию. Анабаптисты проповедовали в Виченце,

другие секты пустили корни по соседству с Венецией.

Протестанты восстали против многих символов католицизма. Для католиков были характерны пышные религиозные обряды, богатые процессии и архиепископские митры, украшенные драгоценными камнями. Многие из реформаторов, напротив, призывали к простоте и, даже будучи богатыми, предпочитали церкви без витражных окон. Католики верили в святых небесных заступников, к чьей помощи можно прибегать; а многие из реформаторов отвергали святых как ненужных посредников между простыми христианами и самим Христом. Католики часто украшали интерьеры своих церквей статуями Христа; а многие реформаторы выбрасывали эти статуи наряду со скульптурными изображениями Девы Марии.

Католики полагались на духовное руководство священника, а многие реформаторы говорили о священничестве всех верующих. В их представлении скромнейшие из христиан, которые благочестиво читают Библию и смиренно ждут Божественного откровения, наделены таким же духовным авторитетом, как и приходские священники. Католики давно отвергли идею о том, что священники могут жениться, но протестанты пересмотрели это представление. Сам Лютер женился на монахине.

Новый протестантизм породил светлые и темные проявления бунта против католической церкви. Большинство кальвинистов, считая, что богослужение не должно сопровождаться величественной музыкой, льющейся с высоких хор, настаивали на пении всем приходом без сопровождения музыкальных инструментов. Слово имело первостепенное значение: музыка должна

была просто способствовать его донесению. В этом двойственном отношении к музыке – как к помощи в богослужении и как к соблазнительной западне – кальвинисты вторили тому призыву к простоте, который в Средние века провозглашали монахи-цистерцианцы.

С другой стороны, лютеране стояли у истоков богатой музыкальной традиции, которая с их помощью необычайно расцвела в Северной Германии всего через два столетия после того, как Лютер выступил со своими протестами. В Северной Германии два молодых музыканта, Гендель и Бах, совершили каждый в свое время пешее паломничество в порт Любек, чтобы услышать особые богослужения, музыку для которых написал лютеранский органист Букстехуде. Георг Фридрих Гендель сам был внуком лютеранского священнослужителя. Иоганн Себастьян Бах создал почти все свои волшебные музыкальные произведения, работая лютеранским органистом, кантором или музыкальным директором городских церквей. Большинство его ораторий и кантат написано для лютеранских общин двух больших готических церквей в Лейпциге, которые во время трехчасовой службы, начинавшейся каждое воскресенье в 7 часов утра, полчаса отводили на сочиненную Бахом кантату, которую обычно под его руководством исполняли 30–40 певцов и музыкантов. Продолжительные церковные службы были характерны для первых трех столетий протестантского рвения.

ОСТРЫЙ МЕЧ И РАЗЯЩЕЕ СЛОВО

Католическая церковь критически переоценивала себя после того, как Лютер и Кальвин воздели свои Библии в знак протеста. Она осудила основ-

ные злоупотребления, при этом некоторые из них были далеко не столь частыми, как утверждал Лютер. Продажа индульгенций профессиональными сборщиками доходов была ограничена Тридентским собором в 1562 г. Епископ больше не мог надолго отлучаться из своей епархии. Началось упорядочивание музыки и литургии – почти таких же многообразных, как и протестантские. Новая барочная архитектура, с особой силой расцветшая в Испании и испанской Вест-Индии, служила еще одним подтверждением веры, живущей в обновленном и очищенном католицизме. Открывались семинарии для обучения юного духовенства. Новые религиозные ордены добавили церкви целеустремленности; а иезуиты и капуцины присоединились к старым католическим орденам в миссионерской деятельности в новых землях.

Спустя 40 лет эта приливная волна повернется против мятежных протестантов. В Центральной Европе большинство правителей, решив, что весь народ должен исповедовать одну религию – выбранную ими религию – начали притеснять протестующих. Придерживаться иной веры означало совершать государственную измену. Оплоты протестантизма сохранились только в Северо-Западной Европе: в Скандинавии, где победа протестантов была полной, в Англии и Шотландии, в большинстве княжеств Северной Германии, в Голландии и отдельных городах и кантонах Швейцарии. На всех этих территориях католицизм был под запретом. Равным образом в католических землях – где жила большая часть населения Европы – была запрещена любая другая религия.

Первые десятилетия Реформации напоминали ранние годы ислама. Реформаторы в такой же степени полагались на меч, в какой и на слово. Уче-

ние Лютера не распространилось бы на огромной территории по обоим берегам Балтийского моря без поддержки князей и полков. Кальвин преуспел только благодаря опоре на правителей швейцарской республики Женева. Во Франции его доктрина, которой не удалось заинтересовать монарха, утратила свои сильные позиции на юге и западе страны. В Париже накануне дня св. Варфоломея в 1572 г. было истреблено около 20 000 протестантов.

Стремясь централизовать власть в тех землях, где они победили – или правители которых позволили им победить, – они в то же время пробудили демократическое движение. Кальвинисты создали систему управления церковью, в которой старшие члены общины имели неограниченное влияние. Как и лютеране, они проповедовали, что Библия, а не церковь, есть окончательный и высший суд, и к Библии следует обращаться каждому благочестивому и разумному христианину. В кальвинистских общинах простые люди пользовались бóльшим влиянием, чем в любой католической конгрегации.

В конечном итоге протестантам не удалось продвинуться на юг от Альп и на юг от Пиренеев. Триумф ждал их на дальних побережьях Атлантики. Испания не допускала эмиграции иудеев, мусульман и протестантов в свои новые колонии, однако Британия и Голландия разрешали протестантским сектантам отплывать в новые американские владения. В Бостоне и других городах Новой Англии кальвинистская Реформация вспыхнула с новой силой. Соединенные Штаты своим возникновением, своеобразной культурой, ранним поощрением бурных дискуссий и крайним демократизмом, вероятно, обязаны протестантским реформаторам не

меньше, чем любому другому отдельно взятому факту их истории.

Поначалу казалось, что Реформация будет весьма сурова к женщинам. Пожалуй, единственными институтами западного мира, где женщины обладали властью, были монастырь и монархия. Женщины управляли женскими монастырями; а в тех случаях, когда монастыри владели ценным имуществом в городе, обретали дополнительную власть. Так, в Цюрихе аббатиса бенедиктинского монастыря принимала участие в управлении городом. Заккрытие влиятельных монастырей в большинстве государств, ставших протестантскими, косвенно уменьшили власть женщин. Хотя они получили некоторую компенсацию. В большинстве протестантских церквей полагали, что Библию должно читать как можно большее количество людей, независимо от того, женщины это или мужчины; это привело к открытию дополнительных школ, где учили читать и писать.

Уровень образованности женщин начал неуклонно расти. Лютеранская Пруссия с 1717 г. ввела обязательное образование для мальчиков и девочек. В нидерландском городе Амстердаме в 1780 г. 64%(!) невест при заключении брака в знак согласия ставили свою подпись в книге записей, а не простой крестик, как остальные. В Англии в 1500 г. женщины, умевшие читать, составляли всего 1%, но к 1750 г. таковых было уже 40%. Католические страны с запозданием последовали этому революционному примеру. Ни одна из христианских церквей в любом другом государстве не имела стольких последователей, сколько православная церковь в России; но ее священники были малообразованными, и многие проводили богослужения по памяти, а не по Священному Писанию. Незыб-

лемый авторитет священника зиждился на том, что мало кто в его приходе смог бы прочесть Библию. Полный текст Библии, включающий и Старый и Новый Заветы, стал широко доступен в России только с 1876 г.

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Напряженный интерес к религии принимал необычные формы. Верующие обнаруживали все больше проявлений зла наряду с умножающимися проявлениями святости. Во многих частях Европы число ведьм росло на глазах – по крайней мере, так утверждали.

В эпоху религиозного рвения вера в милосердие и добро шла рука об руку с верой в то, что силы зла способны разрушить человеческие жизни. Зло персонифицировалось в ведьмах. Когда случалась трагедия, ее все чаще приписывали козням ведьм. В случае экономического бедствия, постигавшего деревню или семью, искали ответственную за него ведьму. Большинство обвинений в колдовстве рождалось вследствие ссор, неурядиц и трудностей повседневной жизни. Встречи с ведьмами были сродни наблюдениям летающих тарелок во второй половине XX в. Стоило идее пасть на добрую почву – и она мгновенно распространялась по тому или иному району.

В Европе на протяжении трех столетий с 1450 по 1750 г. более 100 000 ведьм, чья причастность к колдовству была «доказана», проживали всего в нескольких регионах. Считалось, что на юго-востоке Шотландии и в Восточной Франции ведьмы особенно активны. В Европе в течение долгого периода почти каждая третья разоблаченная ведьма была жительницей Германии.

Существовали некие местные особенности в распространении колдовства. Так, в Англии и Венгрии 9 из 10 осужденных ведьм были женщинами, а в Исландии и Эстонии большинство обвиненных в колдовстве составляли мужчины. Из десятков тысяч человек, приговоренных к смерти за колдовство в Европе, три четверти были женщинами. Многие из них были старыми и уродливыми, но некоторые отличались молодостью и красотой, встречались даже девочки. В Британии типичная ведьма была старой девой или вдовой, преклонного возраста и бедной, сварливой и не дающей покоя соседям.

Религиозные трения активизировали охоту на ведьм, которых часто выявляли в городах или регионах, где сталкивались соперничающие секты. В стране, объединенной одной верой, вероятность обвинений в колдовстве была ниже. В России ведьм почти не было. В Ирландии, Польше, Южной Италии и некоторых других католических странах и регионах заключение ведьм под стражу было редкостью.

В крайне религиозную эпоху почти каждый верил в могущество организованного зла. Считалось, что дьявол – повсюду в этом мире, у него миллионы глаз и миллионы рук, а ведьмы – это его избранные личные слуги. Люди верили – и в Африке даже больше, чем в Европе, – что ведьмы могут нанести огромный вред человеку. Это подчеркивание всемогущества зла – теперь уже не характерное для верований западной цивилизации – было сутью Крестового похода против колдовства и оправданием жестокости в отношении ведьм.

Трагедия западной цивилизации, когда она наконец перестала верить в ведьм, заключалась в том, что одновременно она перестала верить и в неогра-

ниченые способности человека творить зло наряду с добром. В первой половине XX в. миллионы образованных и культурных людей окажутся неподготовленными к той безжалостности, с которой Зло, под какими бы респектабельными именами оно ни выступало, так опустошит Европу, что эпоха охоты на ведьм покажется простой неприятностью.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИНДИЮ

Морской путь из Португалии в Индию стал регулярным. Он был самым трудным из всех, которые до этого знал мир; и путешествие в Америку не шло с ним ни в какое сравнение. Четыре-пять кораблей отплывали ежегодно из Португалии в Индию, и их капитаны тщательно планировали курс, с тем чтобы максимально использовать попутные ветра, не попасть в жестокие штормы и благополучно миновать опасные воды у побережий. Лучшим временем для отправки из Лиссабона была первая половина марта, поскольку это давало шесть месяцев, чтобы достичь мыса Доброй Надежды, обогнуть его и проделать часть пути по Индийскому океану, где, скорее всего, будут дуть благоприятные ветра. Опоздав, корабли могли столкнуться там со встречными ветрами, которые заставили бы их вернуться и отстояться в безопасной гавани. Плавание в Индию могло затянуться на год, если начиналось в неблагоприятное время.

Некоторые португальские корабли заходили в Бразилию на пути туда, но большинство кораблей избегало заходов в любые порты. Действительно, в первые годы плаваний капитаны не знали ни одно-

го африканского порта, в котором они могли бы найти радушный прием или хотя бы не подвергнуться внезапному нападению. После того как тяжело груженный португальский корабль огибал самую южную оконечность Африки и поворачивал к северу, он обычно плыл по широкому Мозамбикскому проливу, который разделял африканский континент и остров Мадагаскар. Двигаясь вдоль берега почти до Красного моря, корабли затем поворачивали на восток, вдоль аравийского побережья и далее следовали к месту своего назначения – Индии. Солдаты и купцы, взошедшие на борт в Лиссабоне, не были морально готовы к такому долгому, бурному и тяжелому испытанию.

Через несколько недель плавания пресная вода, которую обычно хранили в деревянных бочках, приобретала затхлый вкус. Кроме того, по мере продвижения вперед ее становилось все меньше, поэтому ополоснуть лицо, не говоря уже обо всем теле, удавалось все реже. Из-за большой скученности людей, из-за того, что большая часть плавания проходила в тропических широтах, а также из-за отсутствия свежих овощей и фруктов на корабле быстро распространялись болезни. С 1629 по 1634 г. более 5000 португальских солдат отплыли из Лиссабона, но живыми до Индии добралось меньше половины. Большинство кораблей сопровождали врачи, излюбленным лечебным средством которых было пускание 3–4 литров крови из больного пациента. Такое лечение редко заканчивалось чудесным исцелением.

Гоа стал главной индийской гаванью для португальцев – и оставался португальской провинцией вплоть до XX в. Из Гоа будут раз в год отправляться корабли, груженные товарами для Малакки (Мелаки) на полуострове Малакка и для Макао в

Китае, а также для Японии. И снова капитаны будут стремиться рассчитать время отплытия так, чтобы воспользоваться муссонами, дующими в западной части Тихого океана. Перемена направления муссонов была словно сигнал светофора, зеленый для кораблей, следующих в одну сторону, и красный – в другую.

Товары, которыми обменивались Азия и Европа, были по преимуществу предметами роскоши, позволявшими окупить высокую стоимость перевозки. В Китай и Японию направлялись пурпурные ткани, шерстяная одежда, хрусталь и стекло, индийский ситец и фламандские часы. В трюме корабля, возвращавшегося в Индию, а потом в Европу, были китайский шелк и изделия из него в больших количествах, а также экзотические лекарственные ингредиенты. Еще одной разновидностью «груза» могли быть китайские рабы или слуги.

В Гоа в определенное время года португальские корабли готовились к обратному плаванию в Европу. В придачу к китайским товарам они грузили на борт перец – Западная Индия была родиной перца, – а также корицу и другие пряности. На борт также поднимали контейнеры с калийной селитрой – важнейшей составляющей пороха, краситель индиго, изделия из хлопка, а впоследствии и индийские алмазы из шахт Голконды. Такие грузы, прибывавшие из Индии, заставляли считать ее сказочно богатой. Около 1600 г. для большинства европейцев название Индия было синонимом ослепительного великолепия. Это представление нашло отражение в некоторых пьесах Шекспира. В «Двенадцатой ночи» Марию называют «золотой девушкой», «моим индийским металлом». Сравнение со сверкающим металлом из Индии призвано было вдвое усилить похвалу.

Помимо груза, которым были буквально набиты трюмы возвращавшихся в Португалию кораблей, были еще личные грузы, которые складывали или связывали канатом на открытой палубе под градом брызг и солеными ветрами. Каждый член команды имел право взять с собой груз и продать его в Лиссабоне. Даже юнге позволялось заполнить треть деревянного сундука корицей – если, конечно, он мог позволить себе купить эту пряность на индийском уличном рынке. Офицеры и команда действительно имели право хранить свое имущество только на открытых палубах. Палубы были забиты тюками, свертками, деревянными сундуками и ящиками до такой степени, что при сильном ветре судно могло давать крен. Ходьба по палубе напоминала бег с препятствиями.

Этот кружной морской путь через мыс Доброй Надежды затмил по экономической значимости длинные караванные тропы и шелковые пути, которые в течение столетий пересекали центр Азии от Черного моря до защищенных стеной городов Китая. Примерно через сто лет после открытия этого морского пути голландский язык можно было услышать в приречных переулках Кантона, гибридный португальский уже становился языком азиатской торговли и предшественником пиджин-инглиша, а великую редкость – японский или китайский чай, купленный по астрономической цене, – заваривали в Западной Европе.

Священники огибали мыс Доброй Надежды еще в самом начале португальских плаваний. Одним из первых стал иезуит Франциск Ксаверий, который призывал к жизни в бедности и молитве. Прибыв в Индию в 1542 г., он сделал порт Гоа отправным пунктом для своих миссионерских путешествий. Он был не первым христианином в Индии – не-

сколько общин христиан сирийского происхождения жило на Малабарском берегу уже в 600 г. н. э., — но он был активным и подвижным. Он побывал даже в Японии, где ему удалось завоевать новообращенных.

Католиков среди ранних миссионеров, отправлявшихся в этот новооткрытый мир, было значительно больше, чем протестантов, и их отвага и предприимчивость имели далеко идущие последствия. Они были впереди отчасти потому, что двумя первыми колонизаторами как Америки, так и Азии были католические государства. И это понятно, ведь протестантизм возник не менее четверти столетия спустя после плаваний Колумба.

Возможно, ничто так не удерживало лютеран, кальвинистов и англиканцев от организации миссий в языческих землях, как то, что большинство представителей протестантского духовенства вступали в брак, что было частью бунта против папизма. Предлагать молодой жене и детям священнослужителя сопровождать его в порты Америки, Африки и Азии с нездоровым тропическим климатом означало в 1600 г. обрекать их на раннюю смерть. Кроме того, католическая церковь обладала относительным единством, что немало способствовало распространению ее учения.

Лишь долгое время спустя, после того как протестантские государства стали доминирующей силой в торговле и управлении в Индии и на большей части побережий Азии, они начали медленно налаживать миссионерскую деятельность. Только в 1704 г., через полтора столетия после смерти Франциска Ксаверия, протестантский король Дании Фредерик IV основал первый миссионерский форпост в Индии.

ПРИГЛУШЕННЫЕ РАССТОЯНИЕМ

В Южной Азии эти португальские, голландские, британские и французские империи – и ответвление Испанской империи на Филиппинских островах – поначалу владели только цепочкой влажных и душных азиатских портов и немногочисленными торговыми базами во внутренних районах. Лишь с большими колебаниями их можно было назвать империями. Их власть практически не распространялась на территории, расположенные вдали от побережья. По сравнению с Римской империей их культурное влияние было слабым: слишком мало европейцев оседало в этих портах и торговых факториях, поскольку их отпугивали жаркий климат, тропические болезни и удаленность от дома.

Европа была слишком раздроблена, чтобы установить господство над огромными пространствами заморских земель. Кроме того, Европа могла применить в Азии лишь незначительные военные силы: просто потому, что Азия находилась слишком далеко. Расстояние все еще глушило европейские пушки и сдерживало военные корабли.

В Восточной Азии продвижение европейцев, столь уверенное в первое столетие, было остановлено. Япония сначала дружелюбно относилась к чужеземным торговцам и миссионерам, она даже отправила посольство из четырех молодых людей в Европу, где в 1580-е гг. им оказали роскошный прием сильные мира сего в Мадриде, Лиссабоне и Риме. В начале же следующего столетия японцы переменили свое отношение. Они изгнали почти всех европейцев и убили многих иезуитов и других священнослужителей, не желавших уезжать. Лишь голландским торговцам было позволено время от времени посещать Японию.

Китай, господствовавший в своей части света, еще больше расширил границы в XVIII в. Он оккупировал Тибет и Восточный Туркестан – районы, которые уже давно рассматривал как находящиеся в сфере своего влияния. Редко когда прежде Китаю удавалось контролировать столь протяженный участок Великого шелкового пути. В то же время некоторые индийские правители усвоили урок китайцев и стали оказывать открытое неповиновение европейцам. В 1757 г., в один из самых трагических месяцев британской колониальной истории, умерло более 100 английских солдат, заключенных в темнице Калькутты.

Пока Западная Европа переживала фазу глобальных завоеваний, Центральная Европа по-прежнему жила в страхе перед Османской империей. Летом 1683 г. турецкие войска стали лагерем перед воротами Вены и снова осадили один из самых могущественных городов христианского мира. На этот раз пришел черед турок отступить. В конце 1680-х гг. их изгнали из Буды (составляющей половину современного города Будапешта), в которой они правили больше столетия. Они потеряли город Белград и даже, через несколько лет, Афины. Для любителей искусства поражение турок в Афинах обернулось настоящим бедствием: во время боев был разрушен Парфенон. Вскоре турки вернули себе Афины, где правили вплоть до 1829 г. Не было более выразительного символа границ влияния христианской Европы, чем город Иерусалим, столетие за столетием остававшийся под властью мусульман.

В 1600 г. мало что указывало на то, что Европа со временем будет господствовать на большей части земного шара. До этого она одерживала победы больше на побережье Америки, чем в Азии и Афри-

ке. Она почти не оказывала влияния на Японию, Китай и османских турок. Тем не менее ее уверенность и торговая активность, ее новые технологии и воинские мастерство и отвага – даже в условиях преобладания сил противника – были залогом грядущей эпохи, когда она наложит отпечаток на самые разнообразные культуры, вобрав в орбиту своего влияния гораздо более обширные территории, чем находившиеся некогда под властью Рима.

НОВООТКРЫТЫЕ ЗЕМЛИ ПРЕПОДНОСЯТ ДАРЫ

Испания и Португалия выиграли первый этап колонизации и завоеваний отчасти потому, что преуспели в искусстве мореплавания, а отчасти потому, что эти два государства находились ближе, чем остальные, к Центральной и Южной Америке. Однако после 1600 г. их энтузиазм начал иссякать.

Новый этап колонизации Америки был связан с Францией, Голландией и Британией – морскими державами, также имевшими географическое преимущество перед средиземноморскими государствами. К 1650 г. их маленькие порты, деревянные крепости и торговые фактории в Северной Америке усеяли атлантическое побережье и прилегающие к нему районы. Франция проявляла активность в Канаде и на двух островах Вест-Индии – Мартинике и Гваделупе. Колонии Британии тянулись вдоль атлантического побережья от острова Ньюфаундленд – который она делила с французами – до Новой Англии, Вирджинии и Вест-Индии. Даже датчане вскоре заложат плантации на Виргинских островах. Из западноевропейских государств лишь Германия останется не у дел.

На атлантическом побережье Северной Америки голландцы и шведы основали колонии, которые разрывали сплошную цепь британских береговых владений. Нью-Йорк был заложен голландцами, и остров Кюрасао в Карибском море также был голландским, в то время как в Делавэре возникло шведское поселение. В целом шесть западноевропейских государств имели колонии в Америке, но испанские и португальские владения по-прежнему превосходили их территориально и, вероятно, давали наибольшую прибыль.

СУПЕРМАРКЕТ ПЕРЕСЕКАЕТ АТЛАНТИКУ

Европейцы начинали доминировать в Америке, но влияние было двунаправленным. Никогда прежде в мировой истории не переправлялось с одного континента на другой столько ценных растений.

Кукуруза была самым замечательным из них, и Христофор Колумб сам привез ее семена на своем корабле в Европу. Кукуруза, или индейское зерно, обладала поразительной продуктивностью, давая во время сбора урожая на одно посаженное зерно гораздо больше зерен, чем пшеница или рожь. Нельзя сказать, чтобы кукуруза распространилась с чудесной скоростью, но постепенно она добралась до ферм в более теплой части Европы. К 1700 г. раскачивающиеся под ветром высокие зеленые стебли можно было увидеть в сельских районах Испании, Португалии и Италии.

Американский картофель стал для Северной Европы тем же, чем кукуруза – для Южной. Ирландцы с радостью приняли картофель, благодаря которому смогли со своих крошечных земельных

участков получить больше калорий, чем при выращивании любой другой культуры. К 1605 г. его выращивали в округе Даун, а к концу этого столетия горячий картофель стал главным блюдом ирландских бедняков. Любопытно, что из Ирландии семена картофеля попали в Северную Америку, где этот южноамериканский клубень до того известен не был. Германия также приветствовала его, понимая, что урожай картофеля – в отличие от спелой кукурузы – проще уберечь от мародерствующих армий.

В европейских огородах можно было встретить и другие американские новинки: батат (сладкий картофель), томаты – которые на удивление медленно находили путь к европейскому желудку (в Британии они продолжали оставаться диковинкой и четыре столетия спустя после возвращения Колумба) – и артишоки, которые сразу завоевали большую популярность во Франции, чем томаты. Загадочным образом новая разновидность артишока, также завезенная французами из Канады, получила наименование «иерусалимский артишок».

Индейку (turkey), единственную новую разновидность мяса, с которой Америка познакомила мир, также маскировало ее европейское имя. На самом деле названия «турецкий петух» и «турецкая курица» первоначально были даны экзотической цесарке, которую европейские путешественники увидели на западном побережье Африки, и только потом перенесены на этих крупных мексиканских птиц, которые со временем попали на европейские фермы. Индейка (turkey), которую, строго говоря, следовало бы называть мексиканкой, была самым популярным блюдом на испанских и английских обеденных столах уже в Рождество 1573 г.

То, что повара на кухне путали столь отдаленные страны, как Турция и Америка, свидетельствовало

о том, какую тайну составляло хотя бы приблизительное местонахождение Востока и Запада. Даже американскую кукурузу европейские крестьяне называли турецким зерном или турецкой пшеницей, справедливо дивясь урожайности этого растения, которого их деда не знавали.

Из Америки пришли такие деликатесы, как ананас – попадавший на столы только очень богатых людей – и стручковый перец, а также такая роскошь, как какао и табак. Как почти все заокеанские новинки, табак очень медленно распространялся по Европе; и через два столетия после первого путешествия Колумба обычному сельскому работнику в Польше или на Сицилии, вероятно, еще ни разу не приходилось вдыхать сладкого аромата тлеющего табака.

Монархии Европы не могли решить, как относиться к новой моде: курить трубки, набитые табаком, или нюхать его в виде порошка. Некоторые короли пытались запретить табак. В России курильщика могли наказать отрезанием носа. Другие страны, владевшие тропическими колониями, пытались запретить выращивание табака на родной земле с тем, чтобы, выращивая его в колониях и затем, импортируя через порты, взимать налоги с каждой партии табака, выгруженной на берег. Англия создала колонии в Вирджинии и Мэриленде в основном для того, чтобы выращивать там табак. Далекая Турция станет одним из самых активных производителей американского табака, который – словно для того, чтобы еще добавить путаницы – станут называть турецким табаком!

Перевозка полезных ископаемых в скором времени станет самой важной и заметной составляющей атлантической торговли. Первым трофеем испанцев в Центральной и Южной Америке стали зо-

лото и серебро. Получив полный контроль над своими американскими территориями и отправив невольников разрабатывать шахты, они должны были ежегодно доставлять домой в сопровождении тяжелооруженных конвоев такое количество серебра и золота, что Испанию, а затем всю Европу, начала сотрясать денежная инфляция. Можно бесконечно спорить о роли драгоценных металлов в развязывании европейской инфляции XVI в., но одно кажется несомненным. Значительный рост инфляции в западном мире всегда совпадал с ведением крупных войн или, что еще более существенно, с резкими изменениями в поставках всего двух ключевых товаров – драгоценных металлов столетия назад и нефти в инфляционные 1970-е гг.

С первыми кораблями, перевозившими драгоценные металлы и драгоценные растения и семена через Атлантику, прибыл еще один турист. Сифилис почти наверняка пришел из Америки. Сифилис в 1500-е гг. стал распространенным заболеванием, а разъеденный или провалившийся нос – частым симптомом.

ШЕСТВИЕ ПАВЛИНОВ

Морские путешествия европейцев затронули и Азию. В течение столетий поток азиатских изделий и растений двигался через всю Азию по суше, но теперь он был перенаправлен по морским путям. Китайский чай нашел дорогу в Европу, как и секрет изготовления фарфора, и многие другие технологии.

Слово «каолин», обозначающее сырье для производства фарфора, поначалу звучало странно на слух большинства европейцев. В действительности это название горы в Китае, где добывали мягкую

белую глину. Предприимчивый французский священник около 1700 г. отправил образцы каолина в Европу, указав, что он необходим для производства фарфора. Вскоре изыскатели обнаружили сходные отложения каолина в Германии, Франции и Англии. В Европе первый настоящий фарфор был получен в 1707 г. на заводе в саксонском городе Мейсене.

Из Китая пришли новые для Европы садовые цветы. Самыми любимыми стали хризантемы. Этот цветок, до VIII в. имевший только желтую окраску, считался в Китае аристократом растительного царства и воспевался поэтами. Хризантемы украшали китайские уличные рынки, когда летние цветы уже отцветали. К 1600 г. китайцы вывели около 500 разновидностей хризантем, и часть их достигла Европы с новой волной цветочного импорта.

Новый Свет также дарил энергичным европейцам радости, которых они не знали прежде. Он дал им многоцветье. Еще в 1500 г. большинство городов и деревень имели тускло-коричневую окраску. Деревенские домишки иногда белили, но редко красили. Деревянные дома выглядели грязно-серыми, хотя в Голландии в то время на их фоне уютно светились красным дома, построенные из кирпича. В принципе дома мог бы украсить природный цвет слагающего их камня, но строительный камень обычно выбирали, руководствуясь не его цветом, а удобством обработки и эксплуатации. Во многих городах этот камень был изначально темным, а с годами даже светлый камень постепенно темнел от копоти, поднимаемой от сжигаемых дров, – впоследствии угольный дым будет проделывать эту работу намного эффективнее. Общеизвестна красота освещенных солнцем витражей в некоторых средневековых соборах, но люди средневеко-

вья должны были намного острее воспринимать краски на фоне серых, закопченных городских улиц.

Европейская одежда была по преимуществу монотонной, за исключением той, которую носили богачи. Покупки не упаковывали, поскольку любая упаковка была дорога, а оберточная бумага воспринималась как экстравагантное излишество и никогда не окрашивалась. Хоругви и флаги бросались в глаза потому, что по цвету были намного богаче, чем одежды большинства горожан.

Одним из чудес, подаренных новооткрытой Америкой, были новые краски. Жители Мексики задолго до прибытия испанцев заметили, что некие бескрылые насекомые, питающиеся кактусами, в период вынашивания потомства приобретают ярко-алую окраску. Высушенные тела 70 000 таких насекомых давали всего полкило порошка кошенили, который затем использовали для изготовления самого яркого красителя. Алой уже давно называли краску, используемую для знамен и одежд, но алый, впервые полученный в Англии из кошенили, слепил глаза. Благодаря этому новому красителю «алый» (scarlet) стало модным словом, которое даже было перенесено на скарлатину, в 1670-е гг. впервые диагностированную как самостоятельная болезнь, а не как форма кори или оспы.

Морской путь вокруг Африки открыл доступ к дешевому источнику синей краски. Индигоферу, растение, из которого получали самый лучший синий краситель, выращивали в Бенгалии. Срезанное в полях и доставленное охалками на повозках к сушильным дворам и емкостям с водой, это растение отдавало индоксил в процессе ферментации. В течение многих столетий крошечные дорогостоящие партии индийского красителя индиго время от вре-

мени пересекали Средиземное море, но теперь он начал поступать в тысячах деревянных сундуков, заполнявших трюмы голландских и португальских кораблей. Индиго давал такой яркий синий цвет, что синяя краска, традиционно получаемая из европейского растения вайда, казалась блеклой. Вскоре по самым модным предместьям Амстердама и Венеции уже шествовали похожие на павлинов мужчины и женщины, демонстрировавшие свои плащи и шляпы, накидки с капюшонами и туники, окрашенные ярким индиго. Даже французская армия оставила свою красно-коричневую форму и оделась в синюю.

Стремление к разноцветью, вероятно, было проявлением тщеславия, но оно стало главным фактором подъема Бразилии, ныне одного из самых населенных государств. Португальцы первыми достигли побережья Бразилии. Тринадцать кораблей из их флотилии, двигавшейся к южной оконечности Африки, были прибиты тропическими ветрами к бразильскому берегу в апреле 1500 г. и отстаивались там в течение недели. С тех пор португальские корабли время от времени использовали бразильские гавани как промежуточные стоянки на длинном пути в Индию. Они вывозили оттуда в небольших количествах жителей Бразилии, обезьян и попугаев – в качестве невольников или заморских диковинок, – но главной их добычей было сандаловое дерево. Оно так ценилось в Европе, что стало непосредственной причиной создания порта Пернамбуку, где, защищенные коралловым рифом, португальские корабли могли без опаски бросить якорь. Мелкая разновидность этого дерева произрастала в Ост-Индии и уже была известна как бразильское дерево. Так Бразилия получила свое новое имя. Толстая кора бразильского дерева, замо-

ченая в бочке с водой, давала красный цвет, который иногда называли соком Бразилии, и весьма ценилась красильщиками Европы.

НОВЫЕ ДОЗЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ

Множество крошечных пакетиков, коробочек и баночек прибывало вместе с новыми грузами в пакагузы Европы и ценилось на вес золота. Из Китая доставляли закрытые крышками банки с небольшими количествами ценнейшей составляющей лекарств, духов и бальзамирующих средств – мускуса. Сухой и легкий, темного цвета, он иногда внешне напоминал засохшую кровь. Извлеченный из мускусных желез молодых оленей, которые водились в горах Центральной Азии, кантонские поставщики зашивали мускус в маленькие кусочки кожи. В эпоху отсутствия болеутоляющих средств мускус служил снотворным. Первое издание широко известной энциклопедии утверждало, что он лучше опиума, поскольку не оставляет чувства «заторможенности и вялости». К XVII столетию китайцы уже импортировали сам опиум, который они курили с помощью трубок или использовали в качестве лекарства против боли. Китай пытался запретить курение опиума, но этот запрет не смог остановить потока опиума, который извлекали из мака, специально выращиваемого в Британской Индии для кантонского черного рынка.

Повсюду рынки сбыта для лекарственных средств были огромными. Европа тогда сильно страдала от малярии, а в болотистых местностях Италии она была заразной. Лечилась она корой перуанского кустарника – *цинхоны*. В основном ввозимая в Европу католическими священниками, она поначалу называлась иезуитской корой. То, что

действующим веществом в этой коре является хинин, открыли французы во время Наполеоновских войн.

Гвоздика с Индонезийского архипелага ценилась в Европе как лекарство, в особенности от зубной боли, а также как пряность, добавляемая в еду и напитки. Для большинства торговцев перец стал настоящей находкой, подаренной Юго-Восточной Азией. Плоды этого ползучего растения, обвивавшегося вокруг веток деревьев, собирали после того, как они краснели, и рассыпали на циновках под жарким солнцем, на котором они сморщивались и чернели. Перец был так дорог, что на многих кухнях Европы его добавляли только к особым сортам мяса и отмеряли так тщательно, словно это был золотой песок. Как и многие продукты, которые некогда были очень дорогими, перец отчасти утратил свое очарование после того, как стал дешевле.

Изменился не только стол богатых европейцев, но и облик самого сельского хозяйства. Путешествия Колумба, Васко да Гамы и других европейских мореплавателей через Атлантический, Индийский и Тихий океаны привели к всемирной сельскохозяйственной революции. Наряду с грузами, складированными на палубе или в трюме корабля, плыли маленькие пакетики семян и саженцы, которые со временем распространились – в результате намеренных или случайных действий – на всех континентах. Попавшие в Америку кофе, хлопок, сахарный тростник и индигоферу стали выращивать в промышленных масштабах, а их урожаи поставлять в Европу. В Аргентину был завезен крупный рогатый скот, а в Австралию – позднее – овцы, и со временем первая стала разводить крупный рогатый скот, а вторая – овец больше, чем когда-либо паслось в любой стране Европы.

Подобное перемещение растений и животных не раз случалось и в далеком прошлом – например, 10 000 лет назад в Малой Азии, 5000 лет назад – в Северной Европе или в начале христианской эры в Центральной Азии. Но этот последний обмен охватил большую часть земного шара и был совершен с беспрецедентной скоростью.

В этом можно увидеть провозвестие информационной революции – с беспорядочно снующими кораблями в качестве средств коммуникации, перемещающими бесконечно малое количество семян, саженцев и племенных животных. Последствия этого осознавались очень медленно. Столь же непредсказуемой была революция, произведенная изобретением парового двигателя, и, возможно, то же можно сказать об информационной революции, движущими силами которой стали спутники и компьютеры, волоконная оптика, микрочипы, факс и Интернет. Удивительное путешествие началось, но никто не знал, где оно закончится.

Во время этого международного обмена растениями и сырьем возросли потери. Многие виды птиц, животных и растений оказались под угрозой уничтожения в результате появления новых людей, новых животных, новых ружей и ловушек.

На вулканических островах Маврикий и Реюньон с незапамятных времен жили нелетающие птицы додо. Относившиеся к семейству голубиных, большие и доверчивые, с плотными ороговевшими ногами, белыми перьями и необычной головой, эти птицы жили в безопасности, не тревожимые никакими хищниками. Туловище додо было таким большим, что, если бы его, ощипав, решили зажарить, оно не поместилось бы в кухонной духовке. Затем прибыли европейские путешественники, привезя с собой свиней и крыс. Яйца, которые додо отклады-

вали в гнездах на земле, оказались беззащитными.

Последний додо, пойманный на острове Реюньон, как рассказывали, умер на французском корабле не позднее 1746 г. Выражение «умер, как додо» стало синонимом вымирания. В каждом из новооткрытых регионов ряд видов, как, например, североамериканский странствующий голубь или тасманийский сумчатый полосатый «тигр», прошел путь додо.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ НАУКИ

Наука в Европе стала приходить в движение. Обреченная ползать, она начала ходить и даже бегать. Ей пришлось бежать в течение некоторого времени, прежде чем обогнать Китай в большинстве областей, но к 1520-м гг. она уже демонстрировала явные признаки нарастающей скорости. Тот самый печатный станок, что доносил до людей и развивал учение Лютера, сообщал о последних научных открытиях. Печатные тексты с легкостью проникали туда, куда европейские ученые, как правило, попасть не могли. Большинство знаменитых европейских ученых 1550-х гг. никогда лично не встречались со своими иностранными коллегами, даже когда те жили всего в нескольких сотнях километров от них.

Новые достижения принесло изучение Солнца, Земли и звезд. В этой области грандиозное открытие совершил польский ученый Николай Коперник, который использовал все свои вычислительные и наблюдательные способности, наряду с таким редким видом деятельности, как мышление, чтобы доказать, что Солнце расположено в центре Вселенной. Он сверг с трона планету Земля, и эта

победа была столь важной, что поначалу казалась вызовом Библии и самой сути христианства, которое рассматривало Землю как центр Вселенной.

Коперник начал свергать Землю около 1510 г., вскоре после того, как Колумб и его путешествия расширили ее пределы. Победа Коперника, однако, не была признана даже после его смерти в 1543 г. В некотором смысле его прозрение до конца не принимают и в наши дни. Разговорная речь и поэтические образы по-прежнему отражают представление о центральном положении Земли во Вселенной. Каждое утро для нас, несмотря ни на что, восходит Солнце, а вовсе не заходит Земля.

Опора на измерения и наблюдения – абсолютно новый научный метод – сделала возможными эти достижения. Анатомия получила новый импульс в результате стремления итальянских медицинских школ изучать строение человеческого тела, вместо того чтобы полагаться на труды, написанные древнегреческими учеными. Был отчасти преодолен запрет христианства на анатомирование. Вскрытие тела папы Александра V после его загадочной смерти в 1410 г. было даже санкционировано. Блестящий молодой фламандский естествоиспытатель Везалий часто проводил вскрытия тел и в 1540-е гг. читал лекции в университете Падуи о своих дерзновенных открытиях. Он переписал старые анатомические трактаты.

Волна открытий, совершенных в разных научных областях, была результатом работы в свободные часы сотен ученых-любителей, звездочетов, медиков и духовенства. Многие были универсалами, намеренными решать целые совокупности интеллектуальных задач. Так, Исаак Ньютон, который при жизни был объявлен величайшим из всех физиков, наряду с изучением законов движения и

гравитации занимался теологией, химией, астрологией и астрономией. В XVI–XVII вв. знаменитые ученые редко посвящали всю свою жизнь исследованиям, и редко эта жизнь была длинной. Исаак Ньютон был исключением: он дожил до восьмидесяти с лишним лет и в этом возрасте сохранил все свои зубы, кроме одного, и настолько острое зрение, что не нуждался в очках.

Прорыв в науке, как утверждают некоторые эксперты, – это не более чем победа здравого смысла, но некоторые теории, казалось, шли вразрез со здравым смыслом своего времени, как в религиозной, так и в светской его версии, и поэтому пробивали себе дорогу с большим трудом. Многие мудрые исследователи не спешили публиковать свои открытия, в отличие от современных ученых, которые склонны отдавать их в печать, не медля ни дня. Коперник треть столетия вынашивал свою главную идею, прежде чем его убедили поверить ее бумаге. Рассказывают, что Ньютон совершил свое главное открытие, заметив, как падает яблоко в английском саду в 1666 г., но прошел 21 год, прежде чем он изложил свою теорию в печати. Уильям Гарвей, английский врач, открывший непрерывную циркуляцию крови, читал лекции о своем открытии в течение двенадцати или более лет, прежде чем изложил его на бумаге в 1628 г., опубликовав теорию кровообращения не в Лондоне, а в одном из немецких городов.

В то время как печатный станок делал доступными многие из открытий, священнослужители стремились воспрепятствовать этому. Религиозные лидеры оспаривали или подвергали глубокому сомнению некоторые революционные научные идеи. Сама мысль о том, что законы природы, до тех пор неизвестные, управляют Вселенной и что могут

быть открыты аналогичные законы, действующие в человеческом и физическом мире, была потенциально опасной для религии, учившей, что Бог, всеумудрый и всезнающий, ведает обо всем, что происходит в любом уголке мира, и может вопреки законам природы совершать чудеса. Даже в Китае, который в разные эпохи сочувственно относился к большинству наук, чинили религиозные препятствия звездочетам, поскольку звезды позволяли делать предсказания, которые были прерогативой императора.

СТЕКЛО И ИСКУССТВЕННЫЙ ГЛАЗ

В результате научной революции мир получил новый способ *видеть*. До 1550 г. мастера-металлурги сделали возможными такие изобретения, как механические часы и печатный станок, а квалифицированные стеклоделы проложили путь таким более поздним изобретениям, как микроскоп и телескоп. Стекло стало искусственным глазом ученых, с помощью которого они могли видеть невидимое.

Первые полые стеклянные сосуды изготовили древние египтяне. Сирийцы изобрели способ выдувания стекла через трубочку и получили тонкостенные округлые сосуды около 200 г. до н. э., а римляне производили грубое стекло, обычно мутноватое, но лучшие образцы были прозрачными. Венеция – Силиконовая Долина своего времени – усовершенствовала старые римские методы изготовления стекла. Стеклоделов в Венеции стало так много, а пламя, горевшее в их мастерских, представляло такую пожарную опасность для всего города, что в 1291 г. правительство переселило их на соседний остров Мурано. Первые настенные или ручные зеркала,

той или иной степени чистоты, были изготовлены в Венеции около 1500 г., и венецианцы хранили секреты их производства на протяжении более чем 150 лет. Зеркала как ничто другое усугубили репутацию Венеции как источника роскоши, бесполезных и, возможно, безнравственных товаров для женщин, – репутацию, уже созданную венецианскими перчатками, веерами и расшитыми венецианскими панталонами, обтягивающими ноги.

Революция в науке также зависела от стеклоделов. Способность изогнутого стекла зрительно увеличивать предмет была известна еще до возникновения греческой цивилизации; но специальные стеклянные линзы для очков и луп были изобретены не ранее 1300 г. Очки, хранящиеся в Немецком музее в Мюнхене, были сделаны 50 лет спустя; и возможно, что врач, выполнявший свой тяжелый долг во время Черной смерти, надевал очки, чтобы лучше рассмотреть кожу и язык ее жертвы. Когда печатные книги вошли в моду, спрос на очки увеличился, особенно среди мужчин и женщин, которые любили читать при тусклом освещении длинными североевропейскими зимами.

Просвещающая сила стекла наглядно обнаружилась в приморском городе Мидделбург в Нидерландах. В 1608 г. Ханс Липперсгей, производитель очков, начал делать подзорные трубы. К изумлению тех, кто решался в них заглянуть, они отчетливо видели людей, стоявших в 3 километрах от них. Эта идея, но не сама труба, достигла Галилео Галилея, который преподавал математику в Падуе (Северная Италия). Сделав собственный вариант того, что он называл «шпионским стеклом», он был счастлив обнаружить, что оно дает трехкратное увеличение. Вытачивая и шлифуя собственные линзы, он добился увеличения в 8, а затем и в 32 раза. В со-

седнем городе Венеции купцы и судовладельцы выносили захватывающую новинку – телескоп – на верхнюю площадку башни и смотрели на корабли, не видимые невооруженным глазом.

Усовершенствованный телескоп Галилея сделал для неба то же, что Колумб и Магеллан своими плаваньями – для Земли: он позволил нанести на карту новооткрытый мир. В свои телескопы, сделанные, как правило, с использованием венецианского стекла, Галилей наблюдал Луну, которую описывал как «самое прекрасное и восхитительное зрелище». Он также обнаружил то, чего никто прежде не видел, – лунные кратеры и неровную поверхность. Он первым рассмотрел пятна на Солнце и установил, что Млечный Путь состоит из звезд.

Он пришел к тому же выводу, что и Коперник: Земля не является центром Вселенной, вокруг которого вращаются все остальные небесные тела. Это прозрение вступало в глубокое противоречие с отдельными местами из Ветхого Завета, который Галилей объявил написанным невеждами для невежд. В 1616 г. церковь занесла над ним тяжелую десницу, которая стала еще тяжелее после того, как он отказался отречься от своих теорий. Последние восемь лет жизни он провел под домашним арестом на своей маленькой ферме неподалеку от Флоренции.

К телескопу голландские и итальянские стеклоделы добавили микроскоп. Антони ван Левенгук, который торговал тканями и одеждой в голландском городе Делфте, увлекся изготовлением линз, в котором достиг высокого мастерства. Добившись увеличения как минимум в 270 раз, он смог увидеть в свой микроскоп гораздо больше, чем когда-либо было доступно человеческому глазу. В 1677 г. он впервые увидел и зарисовал сперматозоид. Он с

удивительной точностью описал эритроциты. Благодаря микроскопу он сумел развеять широко распространенные заблуждения, например, о том, что блоха рождается из песка или что угри вылупляются из росы. Тем временем в Англии Роберт Гук, изучая под микроскопом ткани растений, пустил в оборот важнейшее слово – «клетка». О том, что все растения и животные состоят из клеток, было еще неизвестно.

Микроскоп открыл людям глаза на ботанику и зоологию. В то самое время, когда исследователи новых земель умножали число известных растений и животных, шведский ботаник и врач Карл Линней совершенствовал свой метод – который вскоре станет общим для всего мира – классификации всех живых существ с помощью бинарной номенклатуры: каждому присваивалось два латинских названия, одно из которых обозначало род, а второе служило видовым эпитетом.

То, что Линней сделал для систематизации растений, другие ученые, к югу от Альп, достигли, упорядочив время. Реформа календаря была медленным, постепенным процессом. В эпоху расцвета Рима Юлий Цезарь и его советники запретили исчисление времени по лунному календарю и ввели солнечный. Солнечный год длится 365 суток, пять часов и 48 с тремя четвертями минут; но эти лишние часы создавали трудности для нового летоисчисления. Юлий Цезарь пошел на разумный компромисс. Его календарь, позднее названный в честь него юлианским, для облегчения расчетов исходил из того, что солнце совершает свое ежегодное видимое обращение за 365 с четвертью суток. Соответственно, первые три года четырехгодичного цикла состояли из 365 дней, а четвертый, или високосный, из 366.

Цезарь умер задолго до того, как в юлианском календаре обнаружился изначально заложенный изъян. Неприятный факт заключался в том, что с каждым последующим столетием его календарь по-немногу, но все более запаздывал. Действительно, ежегодно пропадали 11 минут, а за первое тысячелетие его существования было потеряно около семи дней. Это также влияло на определение даты Пасхи – события, неизвестного во времена Цезаря, но позднее приобретшего огромную важность.

Наконец, в 1582 г., папа Григорий XIII решительно взял дело в свои руки. Опираясь на вычисления неапольского астронома и медика Луиджи Лилио (Алоизия Лилиуса), папа объявил в своей булле об изъятии из календаря 10 дней – с 5 по 14 октября. Иными словами, календарь был приведен в современный вид одним росчерком гусиного пера. Столь же решительно он поступил с будущим, установив новое правило определения високосного года, в соответствии с которым 1600 и 2000 гг. были таковыми, а 1700, 1800 и 1900 гг. – нет.

Жители Испании, Португалии и Италии еще долго обсуждали памятный октябрь 1582 г. К их изумлению, десять дней просто выпали из их жизни. Несколько месяцев спустя свои 10 дней отдали также Франция и некоторые католические княжества Германии. Протестантские страны, однако, сомневались, стоит ли принимать реформу, инициированную папой. Англия продолжала пользоваться календарем, отличным от того, которому следовали католические Франция и Испания. Когда в Англии праздновали Рождество, на другой стороне пролива Ла-Манш январь уже двигался к своей середине. В Германии два города, разделенные всего несколькими километрами, пользовались разными кален-

дарями – в зависимости от того, находились ли они в лютеранском или католическом княжестве.

Когда Британия наконец перешла на новый календарь, ей пришлось вычеркнуть уже 11 непрожитых дней. Таким образом, в 1752 г. за одну ночь ее календарь перепрыгнул со 2 на 14 сентября, что привело к дезорганизации в одних сферах и к смуте – в других. В Лондоне было слышно, как толпа, находившаяся в понятном состоянии растерянности, скандировала: «Верните нам наши одиннадцать дней». Россия и некоторые другие государства, принадлежавшие к восточной, или православной, церкви, следовали старому календарю. России пришлось ждать 1917 года, когда произошла Октябрьская революция, чтобы принять трехсотлетней давности инициативу папы и Италии.

Поиск новых способов счета и измерения подстегивали отличия существующих систем мер и происходящая от этого путаница. Измерение расстояния в милях становилось весьма спорным и сомнительным делом, как только путешественник пересекал границы той или иной европейской страны. Английская миля равнялась 1760 ярдам, итальянская – 2029 ярдам, ирландская – 3038, немецкая же миля составляла 8116, а шведская превышала 10 000 ярдов.

По крайней мере высокую и низкую температуру измеряли уже с большей точностью, хотя и в этом полного согласия не было. В 1714 г. Габриэль Фаренгейт, выходец из Прибалтики, ставший производителем инструментов в Голландии, создал ртутный термометр. По его шкале точка кипения достигалась при 212 градусах, но несколько десятилетий спустя шведским астрономом Андерсом Цельсием была изобретена новая температурная шкала, в соответствии с которой вода закипала при

100 градусах. Эти расхождения усугубились в 1799 г., когда революционная Франция ввела метрическую систему мер, с ее простой логикой и подробными наименованиями.

В ПОИСКАХ ВЕНЕРЫ

Первое исследовательское плавание Джеймса Кука по Индийскому и Тихому океанам было продиктовано интересами науки. Было точно предсказано прохождение планеты Венера через диск Солнца 3 июня 1769 г. Это была редкая возможность узнать точное расстояние от Земли до Солнца – его вычисление, при условии точности, предоставило бы крайне важную информацию для астрономов, равно как и для мореплавателей, пытающихся определить свое точное местонахождение в открытом море. Однако в день прохождения небо в Европе могло оказаться затянутым облаками, и наблюдения не состоялись бы. Решимость воспользоваться этой возможностью подкреплялась тем, что следующее прохождение Венеры должно было состояться не ранее 1874 г.

Британия сочла самым удобным местом для проведения наблюдений за прохождением Венеры недавно открытый остров Таити, над которым, как было решено с радостным оптимизмом, небо всегда чистое. Плавание к острову Таити, расположенному посреди Тихого океана, было тщательно спланировано. В состав этой, вероятно, самой дерзкой научной экспедиции из всех, которые знал мир, предвестницы высадки на Луну в 1960-х гг., входила небольшая группа ученых, более талантливых, наверное, чем те, что когда-либо набирались в предыдущие далекие экспедиции. На корабле «Индевор» плыли точнейшие телескопы и точ-

нейшие механические часы. Наука была пассажиром первого класса на деревянном судне Кука.

Без происшествий корабль доплыл до Таити. Временная обсерватория была построена, научные инструменты почищены и собраны, и наблюдения проводились день за днем. Однако из-за дымки вокруг Солнца от них было мало пользы.

После проведения астрономических наблюдений Кук, продолжая выполнять полученные инструкции, отправился на поиски большого Южного материка, который, как считалось, наверняка должен находиться среди просторов Тихого океана.

Уже давно люди чисто умозрительно заключили, что для сохранения равновесия непрерывно вращающегося земного шара в Южном полушарии должна иметься масса суши, эквивалентная той, что расположена в Северном. Где-то этот континент обязательно есть, только его еще не нашли. Теория была неверна, но некоторые выводы, следовавшие из нее, случайно оказались верными. Этим затерянным континентом оказалась Австралия, и Кук впервые увидел ее в дневном свете 20 апреля 1770 г.

На самом деле разные португальские, голландские и британские мореплаватели и раньше видели различные участки побережья Австралии – или, потерпев крушение, были выброшены на них. Но именно Кук обнаружил самый привлекательный восточный берег, на котором живет большинство современных австралийцев. Вместе со своим спутником – ботаником Джозефом Банксом – он так расхваливал луга, почву, рыбу, богатую природную растительность и гавани Австралии, что позднее Британия увидела в ней весьма перспективное место для создания колонии.

После возвращения в Англию Кук через некоторое время снова отплыл в южные моря. С огром-

ным риском для двух своих деревянных кораблей он двигался на юг, навстречу бурным волнам и неистовым ветрам, ждавшим его за Южным полярным кругом. Три лета подряд он подплывал к этому ледяному континенту ближе, чем кто-либо из прежних мореплавателей. Снова и снова наталкивался он на поля льда, даже пытался пробиться через них, надеясь на другом конце найти землю.

Сам не зная того, Кук проплыл буквально вокруг Антарктиды. Скопления льда были столь опасными, что Кук счел невозможными плавания в них и дальнейшее продвижение на юг других кораблей. Землю Антарктиды, скрывавшуюся за этим защитным поясом льда, люди впервые увидели только в 1820 г., и прошло еще не одно десятилетие, прежде чем им удалось сложить воедино пазл длинного побережья, состоящего из ледяных утесов. Здесь обнаружился массив суши, размерами превышавший США, покрытый толстым слоем льда и увенчанный горами, вздымающимися выше европейских Альп. Постепенно люди поймут, что этот гигантский континент-холодильник имеет огромное влияние на уровень Мирового океана, а также на ветра и климат необозримых пространств Южного полушария.

Кук был истинное дитя нового века измерений. В свое второе кругосветное путешествие он взял только что изобретенный Джеймсом Харрисоном точный и изящный хронометр. Кук стал первым мореплавателем и исследователем, точно рассчитавшим в ясную погоду положение своего корабля на линии восток – запад: иными словами, он сумел определить долготу. Фиксируя новые земли и рифы, он составил карты беспрецедентной точности.

Три плавания Кука по Тихому и Индийскому океанам были сродни путешествию на машине вре-

мени. Многие тихоокеанские острова, заселенные искусными мореплавателями – полинезийцами, до прибытия Кука в течение нескольких тысячелетий оставались в изоляции. При такой странной встрече столь разнящихся людей и культур были неизбежны некоторые изумление и подозрение, даже при наличии доброй воли с обеих сторон. Капитан Кук, обычно тактичный в своих контактах с аборигенным населением, стал жертвой недопонимания. В 1779 г. на Гавайях он был забит палками до смерти.

РАЗВЕНЧАНИЕ УРОЖАЯ

В Европе и Азии типичная семья жила на грани нищеты. Будь то в 1500 г. или в 1800 г., во Франции или в Китае, подавляющее большинство семей не имели земли или владели такими маленькими участками, что едва могли прокормиться даже в урожайные годы. Множество мужчин и незамужних женщин покидали свою крошечную ферму или деревню, чтобы наняться на другую ферму или найти иную работу. Часто значительную часть оплаты их труда составляла еда.

Многие сельскохозяйственные занятия ложились на плечи женщин или детей: они пололи огороды и посевы, пасли гусей, носили воду из колодцев в дом, пряли шерсть и ткали холсты, варили домашнее пиво, собирали лекарственные травы и заготавливали дрова для печи и навоз для удобрения почвы.

Поиск куска хлеба и собирательство были чуть ли не образом жизни. Крестьянин, владевший одной коровой и крохотным клочком земли, мог летом каждый день посылать своих детей косить у обочин дорог траву, часть которой он заготавливал как сено, чтобы кормить корову зимой. В лесах

можно было собирать грибы и ягоды, а также птичьи яйца. В некоторых районах Китая популяции птиц резко сократились, столь интенсивным было использование земли и столь активны охотники на птиц и собиратели яиц. Повседневная жизнь в любой части мира была сосредоточена на производстве пищи.

В 1800 г., если брать мир в целом, несколько миллионов человек оставались кочевыми охотниками и собирателями, но большую часть населения составляли земледельцы. Их благополучие и даже жизнь всецело зависели от солнца и дождя. От побережья Южного Китайского моря до берегов внутренних озер Америки главным событием экономического календаря был сбор урожая, в котором участвовали и женщины, и мужчины, и дети, потому что, как только зерно поспевало, требовались все руки, чтобы срезать колосья, связать их в снопы и доставить к месту хранения. В большинстве частей света, за исключением плодородных тропических долин Азии, это событие случалось лишь раз в году.

Зерно преобладало в рационе до такой степени, какую трудно представить в современной благополучной стране. Большую часть зерна съедали в виде хлеба или лепешек, но немного попадало в желудок в форме каши и супа. Обжигающе горячая каша-размазня была возделенным лакомством в зимние холода. В голодные времена к горстке муки щедро добавляли воду, чтобы на короткое время обмануть чувство голода. Одним из домашних рецептов приготовления каши было «девять крупинок и галлон воды». В России и Польше в неурожайные годы каша из ржи была жидкой и водянистой.

Во многих европейских странах зерно, особенно ячмень, использовали для приготовления пива.

В Англии домашнее пиво, которое пили за каждой трапезой, составляло не менее важную часть ежедневного рациона, чем хлеб. Дети пили его каждый день. В хорошо известной английской школе-интернате в 1704 г. завтрак для мальчиков состоял из хлеба и пива, а бедняки, жившие в работных домах, получали пиво почти к каждому приему пищи. Чай – широко распространенный напиток в Китае – в Европе пили только состоятельные люди. Кофе также был роскошью, за исключением мест, где его выращивали, таких как Аравия и Бразилия.

В Европе и Азии различные зерновые должны были составлять не менее 80% рациона типичного домашнего хозяйства. В Европе обычные деревенские пекарни выпекали на продажу всего две разновидности хлеба. Самым дорогим был пшеничный хлеб из почти беспримесной муки, дешевые же буханки состояли из отрубей и второсортного зерна. Цены на хлеб часто являлись барометром социальной стабильности. Их повышение нередко вело к беспорядкам.

Неурожай или скудные урожаи были частым явлением повсюду – от Судана до Китая. В Финляндии в 1690-е гг. затяжной голод унес жизни трети населения. Франция, которую в годы изобилия можно было чуть ли не затопить сливками и медом, из 100 лет, последовавших за 1700 г., 16 страдала от всеобщего голода. Это столетие, закончившееся революцией, было, вероятно, самым неурожайным за время, прошедшее с XI в.

Будущий урожай часто поминали в своих молитвах молодые незамужние женщины. Если урожай будет обильным, их давно задуманное замужество, вероятнее всего, состоится. Если урожай окажется скудным, свадьба будет отложена. Женщины в Западной Европе обычно выходили замуж в воз-

расте не менее 24–26 лет. Поздние браки были главной причиной того, что в типичной семье рождалось не более 4–5 детей. Большая семья, имеющая 8–10 детей, станет более распространенным явлением к концу XIX в.

Собрать хороший урожай было еще недостаточно. Иногда он подвергался угрозе уничтожения, если в житнице заводились мыши. Кошек держали в домах, зернохранилищах и амбарах редко как домашних любимцев, скорее, как охотников на мышей. В словаре английского языка, составленном доктором Сэмюэлом Джонсоном в 1755 г., кошка прямо названа «домашним животным, ловящим мышей». Но ведь кошка, несомненно, сама по себе заслуживает того, чтобы ее ласкали и гладили? Джонсон с этим не согласен, снабжая кошку ярлыком «низший отряд вида львиных».

Традиционно каждое посаженное зерно пшеницы давало лишь несколько зерен нового урожая. В Нидерландах и Франции между, например, 1500 и 1700 гг. урожай составлял сам-семь. На севере России это соотношение часто не превышало 1:3. При таком урожае каждое третье зерно следовало оставить на семена для будущего урожая. При наступлении голода перед человеком вставала дилемма. Если дети плакали, прося есть, возникало искушение отдать им часть зерна, отложенного для посева.

Главными зерновыми культурами, которые скашивали толпы жнецов, были пшеница и рожь. Посевы проса также занимали огромные площади как в Китае и Африке, так и в Европе. Хотя зерно проса было грубым, оно могло лежать до 20 лет; и в XVI в. просо хранили в житницах укрепленных портов венецианской империи в качестве стратегического запаса на случай голода или осады. Ов-

сом – еще одним широко распространенным злаковым – кормили рабочих лошадей, которые тащили за собой большие повозки в мирное время и тяжелые пушки – в военное. В век лошадей овес был эквивалентом дешевого дизельного топлива; но в бедных северных странах, таких как Шотландия, он также служил пищей для бедняков. Рис был главной культурой, выращиваемой в теплых районах Китая, его можно было встретить также в Италии. Удивительный злак, завезенный из Америки, – кукурузу – все чаще выращивали на приречных низинах в Южной Европе, но ценой этих небывалых урожаев часто бывало истощение почв.

Из продуктов, потребляемых типичной европейской или китайской сельской семьей, почти все – за ничтожным исключением – производились на месте. Одним из общеупотребительных продуктов, привозимых издалека, была соль. В 1500 г. владельцы повозок и кораблей сколачивали на перевозке соли целые состояния. Город Венеция фактически обладал монополией на соль, получаемую на Адриатике, и морские перевозки соли способствовали ее экономическому подъему. В жаркой части атлантического побережья Франции соль добывали, выпаривая морскую воду на солнце летом, и эта соль поставлялась в Англию и богатые балтийские порты. Между 1427 и 1433 гг. был произведен подсчет кораблей, входивших в балтийский порт Таллинн. Поразительно, что из 314 прибывших судов 105 доставили грузы с солеварен в заливе Буржнеф во Франции. По Балтийскому морю осуществлялась торговля сельдью, а засолка свежей сельди требовала ежегодно небольшой горы соли.

В верхней Австрии имелись богатые отложения соли, которую добывали в подземных шахтах. Мо-

царт родился в соляном городе – так переводится название «Зальцбург», – и с соседних гор каждую неделю спускалась процессия небольших телег, не везущих ничего, кроме каменной соли. Обычно добытая под землей соль требовала обработки. Чтобы очистить ее, соляной раствор день и ночь кипятили на сильном пламени в железных котлах, или чанах.

В маленьких деревнях соль иногда кончалась прежде, чем стаивал зимний снег. Хозяйки ликовали, когда наконец прибывала повозка – или соляная баржа в Китае – с мешками соли. Как правило, деревенские жители покупали мало соли и расходовали ее экономно, довольствуясь одной «щепоткой». Бережливое отношение к соли наглядно свидетельствует о суровости жизни людей до того, как появление парового транспорта кардинально изменило картину распределения соли и зерна.

Из морской соли или морских водорослей производили соду, которая в свою очередь входила в состав мыла. В большинстве стран Европы вторым ингредиентом мыла был животный жир или смесь оливкового и рапсового масла. Приготовить мыло таким образом означало использовать сырье, которое в противном случае можно было бы съесть. В голодные времена изготовление мыла и даже мытье с его использованием было сродни тому, чтобы вырвать изо рта у голодного кусок пищи.

Индийцы и турки уделяли значительно больше внимания мылу и гигиене, чем европейцы. Да и сама Западная Европа гораздо чаще мыла лицо и руки в 1300 г., чем в 1800 г. Черная смерть, вероятно, породила настороженное отношение к баням, где легко можно было подцепить заразу. Бани также считались рассадниками моральной распущенности. В немецком городе Франкфурт в 1387 г. было 39 общественных бань, но полтора столетия спус-

тя – с появлением нового стеснительного отношения к наготу – осталось только 9.

По мере роста удаленных от моря городов все больше страдало здоровье их жителей. Ни в одном большом городе не было системы канализации. Реки были излюбленной сточной канавой, и чьи-то отходы, проплыв 200 метров вниз по течению, становились для кого-то другого водой для умывания или питья. С другой стороны, в Восточной Азии нечистоты из деревень и небольших городов вывозили на повозках в окружающие поля и вносили в почву в качестве удобрения. Изъян этого метода заключался в том, что, употребляя в пищу овощи, выращенные на удобренных таким образом полях, многие люди заносили инфекцию в органы пищеварения. В Таиланде еще в 1970 г. не менее двух из каждых трех сельских жителей страдали от таких инфекций.

Хотя население Европы, как правило, росло, непредвиденные бедствия время от времени снова сокращали его. Так, в ходе Тридцатилетней войны, разразившейся в 1618 и завершившейся в 1648 г., Германия потеряла по меньшей мере треть своего населения.

Пока гремела эта война, Италию охватила эпидемия чумы. В 1630 г. около миллиона человек умерли на равнинах Ломбардии, при этом Болонья, Парма и Верона за год лишились половины своих жителей. За время двух мировых войн XX столетия только Ленинград (Санкт-Петербург) и несколько других русских городов понесли сравнимые по величине потери.

В жизни типичной работающей семьи в некоторых районах Европы и Китая неурожайные годы изредка перемежались годами изобилия. Примерно с 1570 г. богатые урожаи в Северной Европе стано-

вились все большей редкостью. Климат остывал, и воды балтийских портов, таких как Рига, замерзали все чаще. Неподалеку от Средиземного моря оливковые рощи и их недавно завязавшиеся плоды все чаще страдали от заморозков. Названная впоследствии Малым ледниковым периодом, эта новая климатическая эпоха продлилась около 300 лет.

Удлинившиеся зимы и интенсифицировавшееся распространение ледникового покрова грозили отрезать юг Европы от ее севера. Горные перевалы между Италией и Австрией, проходимые еще во времена Лютера, порой оказывались опасными даже в начале лета. Однако не все части Европы страдали от изменившейся модели погоды. В типичные годы десятки земледельческих регионов по-прежнему получали больше солнечного света, чем достаточно для созревания урожая. Годы между 1603 и 1622 оказались в высшей степени благоприятными для винограда в Германии. Кроме того, во время 300-летнего похолодания появлялись более разумные методы ведения хозяйства, позволявшие компенсировать возможный урон.

Что касается Китая, то он каждое столетие страдал от собственных природных напастей – эпидемий, засух, наводнений и пожаров, равно как и от несчастий, происходивших по вине самих людей: длительных войн. В Северном Китае в 1557 г. во время одного землетрясения погибли 830 000 человек. Во время долгой засухи от голода и болезней, вызванных недоеданием, могло умереть гораздо больше людей. Китай был более уязвим для природных бедствий, чем Европа.

Растущему населению Европы и Китая требовалось больше зерновых. Между 1500 и 1800 гг. количество мелких землевладельцев увеличилось на миллионы. Они обрабатывали земли, прежде заня-

тые лесами и болотами. Китайские крестьяне отправлялись далеко на юг и на запад и захватывали скудные земли. Многие европейцы в качестве фермеров-арендаторов перебрались в холмистые местности Центральной Франции и Тосканы, где со временем построили простые двухэтажные каменные дома, которые в наши дни после реконструкции превратились в загородные резиденции нидерландских банкиров и английских политиков. Там, где крестьяне рыхлили скудную почву мотыгой и сажали бобы, кукурузу и виноградную лозу, отдыхающие теперь нежатся на солнце и пьют охлажденное вино на террасах, которые десятилетие за десятилетием насыпали из почвы, в бесчисленных корзинах приносимой из долины далеко вниз.

Огромные площади земли отводились под выращивание растений, дававших природные волокна для производства полотна и одежды. В наши дни большая часть тканей делается из синтетики, но еще в 1800 г. все сырье для них поставлялось с ферм. На земле, которую можно было использовать под посадку продовольственных культур, выращивали лен или коноплю, служившие сырьем для производства полотна, или, в меньшем количестве, тутовые деревья, листьями которых питаются шелко-вичные черви. Требовалась земля и для выпаса овец, дававших шерсть, а также других животных, из шкур которых выделывали кожу. В Японии было принято, выходя из дома, надевать кожаную одежду, а в Европе большая часть сапог и башмаков была сделана из кожи или дерева. Дополнительные площади приходилось отводить под выращивание таких культур, как вайда и индиго, из которых извлекали красители для тканей.

Полотно было одним из главных продуктов Европы. В эту известную с глубокой древности ткань

из волокон льна были обернуты египетские мумии, из нее была сшита одежда миллионов древних греков и римлян. На заре Нового времени полотно широко использовалось в качестве парусов для кораблей, скатертей для столов и простыней для постелей тех, кто мог себе позволить такое высококачественное белье; из него также шили брюки, халаты, плотные фартуки и даже нижнее белье.

Голландский живописец Рембрандт около 1651 г. сделал пером, тушью и кистью набросок «вида Гарлема». Этот голландский город со своими башнеобразными церквями показан в отдалении, в то время как на краю наброска поднимаются большие лопасти ветряной мельницы. А на переднем плане мы видим ровные ряды, как кажется на первый взгляд, небольших теплиц, покрывающих огромное пространство луга. На самом деле это полосы льняной ткани, расстеленные для просушки на солнце и свежем воздухе. После того как холсты были сотканы, их нужно было выложить на эти «отбелочные поля», чтобы новая, но грязноватого оттенка ткань выгорела на солнце. Почти в каждой деревне от Баварии до Восточной Пруссии работали свои ткацкие станки.

На выручку Европе пришла заморская культура – хлопок. Выращиваемый в Индии или на невольничьих плантациях дальнего побережья Атлантического океана и перерабатываемый в ситец и другие индийские товары, он способствовал росту населения Европы, позволив ей освободить дополнительные земли для выращивания продовольственных культур. Изделия из хлопка, особенно индийский ситец, в огромных количествах прибывали в Британию по морю до тех пор, пока это государство само не стало крупнейшим произ-

водителем тканей из импортируемого хлопка. После 1820 г. шерсть также все больше ввозили из Австралии и Новой Зеландии. Без постоянно растущего ввоза шерсти и хлопка из Нового Света Европе пришлось бы отводить огромные площади собственных земель под выращивание льна, конопли и другого растительного сырья, а также под пастбища.

В Китае хлопок был более важен как сырье для производства одежды, чем шерсть. Все более вытесняя в этом качестве коноплю, хлопок к 1400 г. занял огромные площади возделываемых земель, и во время его сбора тысячи лодок, наполненных тюками хлопка, плыли по китайским рекам и каналам к городам. Многие фермеры чередовали посевы хлопка и риса.

В 1800 г. большинство жителей Европы ни одного предмета одежды не покупали в магазине или на ярмарке. Они шили одежду дома, донашивали за умершими родственниками или покупали поношенную у торговков – женщины доминировали в этой отрасли торговли вещами. В каждой семье шел оживленный бесплатный обмен одеждой. Наряды обычно переходили от старшей сестры к младшей, от старшего брата к младшему, на них ставили заплаты, их перелицовывали, ушивали и штопали, когда они меняли владельца. Одно из преимуществ работы слуг заключалось в том, что хозяин или хозяйка могли отдать им свою поношенную одежду. И пусть эта одежда оказывалась слегка потрепанной – ее все равно принимали с глубокой благодарностью.

Огромных усилий требовало от Европы, и Азии, и Африки производство количества продуктов и одежды, достаточного для поддержания жизни и благополучия своих жителей. Иногда эти усилия

оказывались бесплодными, и миллионы людей ходили с пустыми желудками и в дырявой одежде. Если одна деревня голодала, она не могла ждать помощи от соседней деревни, поскольку та, скорее всего, тоже голодала.

Дома и в Азии, и в Европе были самыми примитивными: большинство их в наше время называли бы трущобами. В Европе и Китае люди часто делили одну постель, в которой могли тесниться три-четыре ребенка. Иногда вся семья спала вместе на матрасе, набитом собранной на поле соломой, которую ежегодно обновляли во время сбора урожая. Камыш, срезанный на краю соседнего болота, мог служить покрытием деревянного или земляного пола. Зимой дом обычно стоял холодным – постель была теплее. Китайцы разумно предпочитали нагревать общую семейную постель, а не все помещение, и миллионы китайцев спали на прямоугольных кирпичных лежанках, обогревавшихся жаровнями.

В больших городах многие люди, живя в одном помещении, нагревали его своим теплом. Даже если в комнате горел огонь, в разгар зимы он давал скудное тепло, отчасти потому, что дрова нужно было расходовать экономно. Их приходилось собирать в лесу и нести на собственных плечах домой; а это отнимало столь редкие часы свободного времени. Иногда поблизости не было леса, поэтому топливо для бедных людей становилось большой редкостью. Дешевые дрова в 1500 г. были для людей важнее, чем дешевая нефть в 2000 г.

Вместо труб дома были снабжены отверстием в крыше. Отопительное устройство наполняло помещение не только теплом, но и дымом, щипавшим глаза. Даже в дневное время в домах обычно не хватало света: оконные проемы были не застеклены, а закрывались деревянными ставнями, поэтому в от-

крытом состоянии они пропускали не только свет, но и холод. В Европе в 1400-х гг. окна, хотя и маленькие, получали все большее распространение. Застекленное окно стало почти обычным явлением в Вене в 1484 г. Два столетия спустя интерьер Зеркальной галереи королевского дворца в Версале станет, вероятно, самым поразительным из всех созданных в мире до тех пор и демонстрацией того, чего можно добиться с помощью стекла. Крестьяне, до которых долетали слухи об этом чуде, могли только дивиться, поскольку в их деревне не видели стекла.

И в Китае, и в Индии, и в Европе – везде, где плотность населения была велика, – шло интенсивное уничтожение лесов. Соледобывающая и металлообрабатывающая промышленности пожирала целые леса; для обеспечения в течение года всего одной железоплавильной мастерской требовалось срубить 2000 га леса. Нехваткой леса можно объяснить многие события, которые легко было бы истолковать превратно. Так, в знаменитом фильме «Амадей» композитора Моцарта хоронят в Вене в 1791 г. без всякого гроба, из чего зрители могут поспешно заключить, что Моцарт был нищим. На самом деле, за три года до этого император Иосиф II запретил хоронить людей в гробах – отчасти для упрощения ритуала, порой отличавшегося непомерной пышностью, отчасти для облегчения соединения тела с землей. Но главной причиной такого запрета была экономия дерева.

При недостатке дров люди изобретательно находили им замену. В Египте жгли отходы сахарного тростника, в Индии – сухой коровий навоз, а на некоторых греческих островах – жмых оливок. Как альтернатива дереву постепенно начинал выступать уголь. На севере Китая, где в некоторых райо-

нах леса были практически сведены, на угле даже готовили пищу. На севере Англии и во Франции в 1200-х гг. уголь добывали в шахтах, и английский уголь отправляли на парусных кораблях через пролив Ла-Манш в нидерландский город Брюгге. В последующие шесть столетий все больше и больше угля привозили на кораблях в Лондон, что превратило его, вероятно, в первый крупный город в мире, который массово использовал его – как в кухонных плитах, так и в печах фабрик.

Почти повсюду существовали ограничения на рост городов. Город не мог превысить определенные размеры просто потому, что не мог получить в окрестностях необходимое для этого количество продовольствия и дров. Городу с населением, скажем, 30 000 человек требовалось в неделю столько дров, сколько могли бы увезти 600–1000 телег. Еще 200 повозок должны были доставить зерно, которого хватило бы в среднем на неделю. Поскольку эти телеги тянули лошади и быки, нужно было выделить большие площади земли, для того чтобы обеспечить их травой и сеном. Непомерно разросшиеся города, такие как древний Рим или современный Лондон, могли обеспечить себя, только доставляя необходимые продовольствие и топливо издалека, по морю или реке.

Необходимость тратить много времени и отводить много земли для получения топлива, идущего на обогрев и освещение, и сырья для изготовления теплой одежды непрестанно накладывала ограничения на уровень жизни большинства европейцев. Стандарты жизни людей в тропиках до XVIII столетия не отставали от европейских, отчасти потому, что им нужно было мало одежды и топлива для обогрева. Им требовалось меньше калорий, поскольку не нужно было переносить зимние холода.

А некоторые особенно благодатные части тропиков имели даже источники дешевого керосина. Бирма снабжала нефтью несколько поколений, прежде чем ее фонтан не забил из скважины, пробуренной в Пенсильвании в 1859 г.

ВЫХОД ИЗ СТАРОГО ТУПИКА

В течение, быть может, 4000 лет уровень жизни среднего человека в Европе, Африке и Азии рос медленно, если рос вообще. Случались благоприятные годы и ужасные годы, незначительные подъемы и падения материального благополучия людей, умножались предметы роскоши, доступные для богатых; но две трети населения земного шара находились на нижних ступенях экономической лестницы, повседневная жизнь для них была борьбой за выживание. Однако между 1750 и 1850 гг. появились предвестники грядущих кардинальных перемен. Британия особенно готова была к скачку вперед. Ее население быстро росло, но уровень жизни большинства семей также поднимался по сравнению с предыдущим скромным минимумом. Благополучие увеличивалось не из-за череды удачных лет с богатым урожаем, а в результате изобретательности и мастерства, приносимых во все формы повседневного труда – на море и земле, на фермах и фабриках.

Когда фермеры совершенствуют методы разведения скота и растений, а также удобрения для почв, одна ферма может производить больше продовольствия, чем прежде. А облегчение транспортировки грузов в результате строительства новых каналов, укрепления дорог, а позднее – создания железных дорог и пароходов, приводит к тому, что каждый район каждой страны может специализироваться в

той отрасли экономики, к которой лучше всего приспособлен, и обмениваться продуктами своего производства с другими районами. В сущности, если изобретательность направлена на все сферы повседневного труда, а не только на транспорт, объем продовольствия и других продуктов увеличивается быстрее, чем растет население. И больше еды, топлива, жилья, одежды и свободного времени потенциально доступно каждой семье, по крайней мере, в эффективных государствах.

Это сочетание и взаимодействие событий и тенденций определит ход двух последующих столетий. Будут разрушены все традиционные образы жизни, но награда за это будет велика. В благополучных странах уровень жизни людей, получающих минимальные заработки, поднимется до тех стандартов, которые традиционно были привилегией стоящих на высших ступенях социальной лестницы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАДЕНИЕ КОЛОДЫ КАРТ

Непредсказуемые события или совпадения жизненно важных событий, происходящих одновременно, способны изменить ход истории. В возникновении Соединенных Штатов Америки, южноамериканских государств, Южной Африки, Канады и Австралии стечение непредвиденных событий в последние десятилетия XVIII в. сыграло особенно значительную роль. Многие из этих событий были связаны с успехами и неудачами Франции, чье влияние было неоспоримым и в случае ее побед, и в случае поражений в войнах. Когда эти события только начали разворачиваться, из всех европейских языков французский имел самые веские основания стать языком международного общения, но когда они наконец развернулись, уже были заложены основания для того, чтобы межнациональным языком XX в. стал английский.

В 1750 г. американский континент был расколот на два или три частично пересекающихся мира. Десятки коренных племен и мини-государств по-прежнему оставались самостоятельными, особенно на холодных крайних севере и юге и в прериях Северной Америки, но их влияние в более широком

мире было ничтожным. Напротив, жителей многих частей континента, находившихся под европейским влиянием – а они были по преимуществу расположены вдоль побережий, – переполняли энергия, энтузиазм и уверенность в том, что будущее континента за ними. Население этих колоний росло, благосостояние стремительно повышалось, а их влияние на Западную Европу и Западную Африку распространялось все шире. И все же ими управляли из Парижа и Лондона, Лиссабона и Мадрида; это продолжалось на протяжении жизни не одного поколения, но не могло длиться вечно. К 1750 г. совокупный экономический потенциал европейских колоний в Северной и Южной Америке, вероятно, был выше, чем у большинства отдельно взятых государств Европы.

Волнующий вопрос заключался не в том, станет ли Америка независимой, а в том, от какого европейского государства она будет продолжать зависеть. В 1763 г. в итоге Семилетней войны между Францией и Британией контроль над Канадой и Новой Шотландией перешел от французов к победителям. В восточной, более европейской, части Северной Америки Британия отныне имела преобладающее влияние, и это влияние, похоже, должно было только расти. Британия получила контроль над всей территорией от Гудзонова залива в Канаде до Мексиканского залива. Более того, большинство колонистов в Северной Америке желало сохранения британского контроля. Особенно горячими сторонниками этого были колонисты Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии, многие из которых участвовали в сражениях недавней войны. У них не было желания попасть под управление католической Франции или торговую зависимость от нее.

После окончания войны отношения между Британией и ее колонистами в Северной Америке охладели. Ценой Семилетней войны стало удвоение государственного долга Британии, но американские колонисты мало делали для погашения этого долга. Важнейшей статьёй правительственных доходов были налоги на импорт, но многие американские импортеры стремились уйти от них, предпочитая хитростью провозить в свои порты такие товары, как черная патока из Вест-Индии, из которой затем делали ром. Ром был лишь одним из множества способов избегать налогов. В результате средний американский колонист в начале 1760-х гг. платил один шиллинг налогов, в то время как средний британец – 26 шиллингов. Попытки устранить эту диспропорцию заканчивались обидой и раздражением.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Во многих американских колониях уже существовали парламенты, посредством которых они могли выражать свои жалобы и недовольство. Сама природа этих парламентов недвусмысленно намекала на то, что эти колонии в случае необходимости могут управляться самостоятельно, без всякого контроля со стороны Британии. Каждая из 13 британских колоний, расположенных на одном краю того, что сейчас называют Соединенными Штатами, обзавелась своим парламентом. Род-Айленд и Коннектикут даже имели право выбирать губернатора, что резко отличало их от большинства других колоний, в которые губернаторов присылали из Британии. У американцев уже существовали основы для обретения независимости. Однако стремление к независимости не было единодушным, по-

скольку в Канаде преобладали лоялисты. Даже в 13 колониях, расположенных южнее, людей, лояльных Британии, поначалу было значительно больше, чем тех, кто окончательно уверился в необходимости восстания. Эти колонисты были в основном британцами по происхождению или рождению, главными исключениями были немцы в Пенсильвании и та шестая часть населения, которую составляли чернокожие рабы, никак не вовлеченные в политику.

Британия и 13 колоний расходились все больше и больше. В 1775 г. вооруженные колонисты начали нападать на британские гарнизоны. Руководителем восстания был Джордж Вашингтон – родившийся в Америке владелец плантации, воевавший с французами в качестве ополченца. В первые 12 месяцев его отрядам сопутствовал переменный успех. Захватив Монреаль, они были ослаблены вспышкой оспы и не смогли вытеснить британские войска из Канады. Но Вашингтон изгнал британцев из порта Бостон, тем самым обозначив перспективу военных успехов, благодаря чему начал получать существенную и тайную помощь от Франции и Испании, старых врагов Британии, втайне мечтавших о реванше. Без этой помощи американское восстание окончилось бы поражением.

Для победы в этой войне крайне важен был перевес на море. Европейский военный флот, контролировавший Атлантику, мог отправить собственное подкрепление в Северную Америку или помешать ее противникам послать за помощью. Британия была главной морской державой, но после 1778 г. ее превосходство было ослаблено вмешательством французского флота и открытой враждебностью Голландии и Испании. Война затягивалась, рискуя превратиться в новую семилетнюю войну.

В ноябре 1782 г. Британия согласилась заключить мир, не желая продолжать столь дорогостоящую войну.

Большая часть территории современных Соединенных Штатов по-прежнему оставалась в руках колониальных держав. Если бы существовавшие тогда границы сохранились, Соединенные Штаты, с их огромным запасом ресурсов и их способностью привлекать иммигрантов, смогли бы однажды занять важное место на мировой арене, но у них не было бы надежды стать одним из мировых лидеров. Ограниченное с запада рекой Миссисипи, их население долго оставалось бы недостаточным.

Иногда при взгляде назад события кажутся логичными и прогнозируемыми, но в то время, когда люди еще только вопрошали будущее, они тонули в дымке непредсказуемости. Победа восставших американских колоний, одержанная с французской помощью, громко отозвалась во Франции. Были накоплены чудовищные долги, и королю пришлось увеличить налоги, чтобы вести войну. Но события на дальних берегах Атлантического океана показали, что даже самый могущественный монарх уязвим, если ему противостоят люди, требующие большей свободы. Начало народной революции во Франции в 1789 г. – следствие переплетения весомых и незначительных причин – было сильно ускорено восстанием в Соединенных Штатах и принципами, сформулированными в ходе этого восстания.

Вспыхнувшая в Версале и Париже в мае 1789 г. Французская революция поначалу казалась, скорее, выражением народных чаяний, чем прелюдией к социальному перевороту. К июлю, однако, в Париже уже бесчинствовала толпа. В следующем месяце Учредительное собрание приняло декларацию «прав человека». Такие декларации, которые

чуть ли не ежемесячно будут принимать в отдельные годы XX столетия, были в XVIII в. редкостью, как и акт государственной измены. Через три месяца после принятия этой декларации обширные земли и имущество католической церкви во Франции были национализированы, а многие священники, как и роялисты, предусмотрительно покинули страну. К 1791 г. король Франции оказался заложником в собственной стране. И все же падение старого режима поначалу восторженно приветствовали многие либералы. В Лондоне, где демократические традиции давно были намного сильнее, чем во Франции, в феврале 1790 г. Палата общин все еще не могла решить, следует ли принять переворот или опасаться его.

Тем временем Франция находилась в состоянии войны с основными монархиями Европы. Она с жаром заявляла, что считает своим долгом распространить народную светскую революцию на все покоренные ею страны. Впервые для французов прозвучал лозунг «революцию на экспорт». Но приказы революции и, следовательно, ее идеи крайне медленно доходили от радикального политика до молодого солдата. Наполеон одержал свою первую прославленную победу при Тулоне в 1793 г., когда ему было 24 года. Он показал себя блестящим военачальником, считавшим, что нет почти ничего невозможного, и в течение примерно двух десятилетий его уверенность оправдывалась. В 1799 г. он стал главой правительства, или первым консулом Франции, а в 1804-м – императором и был официально коронован в Париже папой Пием VII.

Молодые Соединенные Штаты оставались в стороне от Французской революции, таким образом, отказываясь продолжать союзнические отношения с государством, которое, вероятно, спасло их

от военного поражения в конце 1770-х гг. Тем самым была заложена долгоживущая традиция самоизоляции от событий в Европе. Как бывало и прежде, распри в Европе открыли перед Соединенными Штатами возможности дальнейшего расширения. Наполеон отобрал Луизиану и западный берег Миссисипи у Испании, которая была слишком слаба, чтобы противостоять ему. В 1803 г. он отчаялся когда-либо получить доходы с этих земель и решил продать Соединенным Штатам всю территорию вдоль западного берега реки Миссисипи. Эта сделка, известная просто как «Луизианская покупка», обеспечила Соединенным Штатам по три цента за акр владение самой протяженной в Северной Америке речной системой и необозримыми пространствами земель от Канады до Мексиканского залива. На приобретенной тогда территории сейчас располагается четверть всех штатов США.

Если бы этот участок, размерами превышающий любое европейское государство, кроме России, остался в руках Франции или перешел в руки французских колонистов, получились бы две соперничающие, но независимые друг от друга Америки. Над одной из них, занимающей восточное побережье, развевался бы звездно-полосатый флаг, а над другой, расположенной западнее, на внутренних территориях, – разновидность французского триколора. Смогли бы Соединенные Штаты позднее аннексировать Техас и Калифорнию, если бы их по-прежнему разделяла полоса французской территории? Вероятнее всего, США остались бы средним по размерам государством, имеющим выход только в Атлантический океан.

Земля, проданная Наполеоном в 1803 г., принадлежала множеству племен коренных американцев. Первоначально британские и, возможно, француз-

ские правители намеревались позволить этим племенам сохранить за собой большую часть западных земель. В 1763 г. британцы, тогда еще контролировавшие большую часть Северной Америки, пытались провести на карте Прокламационную линию, которую не должны были пересекать белые поселенцы. Коренным американцам позволили сохранить за собой западные земли, то есть огромную внутреннюю территорию, но ненадолго.

Вскоре эта линия обнаружилась дальше к западу, словно в фокусе с исчезновением. С тех пор как Соединенные Штаты стали молодым государством, официальная линия раздела между коренными американцами и европейцами все время пыталась догнать заходящее солнце. Права коренных народов также вытеснялись на запад или игнорировались. Если бы эти народы объединились, они смогли бы остановить экспансию. Но они никогда не были едины; а европейцы, разумеется, не поощряли объединение. История мира – это по преимуществу история разобщенности.

Завоевав свою независимость, Соединенные Штаты создали прецедент, который оказался гораздо более заразительным, чем можно было бы предсказать. Одна из сахарных колоний Вест-Индии первой последовала примеру молодых Соединенных Штатов. Санто-Доминго – длинный гористый остров – принадлежал в восточной своей части испанцам, а в западной – французам, колония которых называлась Сен-Доминик. Революция ослабила контроль Франции над своей колонией. А идея французских революционеров о всеобщем равенстве захватила в 1791 г. умы тех обитателей колонии, которые определенно не имели равных с колонистами прав: африканских рабов на принадлежавших французам плантациях и мулатов, не

являвшихся ни рабами, ни полноценными гражданами. Неожиданное восстание закончилось победой. В 1803 г. чернокожий мужчина объявил себя императором нового государства Гаити. Отныне в Америке были два независимых государства – США и Гаити.

Бурные события в Европе способствовали возникновению и других независимых государств. Когда в 1808 г. Наполеон вторгся в Испанию, у испанских колоний на другом берегу Атлантического океана появился выбор: остаться с Испанией или завоевать себе свободу. К 1810 г. повсюду, от испанской Мексики до испанских колониальных портов в районе Анд, шли гражданские или освободительные войны, сражения на море и на суше, казни мятежников и бесчисленные репрессии.

К 1821 г. в основном сложилась современная карта Центральной и Южной Америки – со свободной Мексикой, новой группой центральноамериканских республик, свободными Перу, Чили и Парагваем, а также независимым государством Объединенные провинции Ла-Платы, которое позднее разделилось на Аргентину и Уругвай. Годом позже Бразилия полностью освободится от власти Португалии и станет монархией. Еще через три года образуется Боливия, названная по имени ее освободителя – Симона Боливара. Из Северной Америки испанцы также уйдут, уступив Флориду Соединенным Штатам.

В 1775 г. морские державы Западной Европы заявляли свои права на всю Америку – от снежной тундры на севере до скалистой оконечности Южной Америки, но спустя всего полвека они сдали практически все свои позиции. Их ссоры и конфликты подорвали могущество их империй. Боль-

шая часть их бывших колоний обрела независимость.

К 1830 г. Америка в основном состояла из независимых государств. На севере двумя главными исключениями оставались британская Канада и русская Аляска, где русские купцы вели торговлю мехами, православные священники занимались миссионерской деятельностью и куда изредка заплывали русские корабли, привозившие устаревшие новости из Санкт-Петербурга. Аляску США приобретут в 1867 г.

К югу от Мексиканского залива в 1830 г. движение по пути независимости шло почти повсюду. Европейский флаг можно было увидеть редко – разве что на мачтах приходивших кораблей. Только в Карибском бассейне европейские державы сохраняли свое господство. Британия по-прежнему владела Ямайкой и большей частью Вест-Индии, Франции принадлежала Мартиника и другие острова, датчане удерживали часть Виргинских островов, а Испания цеплялась за Кубу – богатейший из всех островов. Возможно, за всю историю существования государств еще никогда столь огромная территория не перестраивалась так быстро; и тем не менее языки, религии и многие общественные и политические институты завоевателей по преимуществу оставались на своем месте. Сохранилось даже рабство.

В эту цепь событий – ретроспективно кажущуюся удачно разложенным пасьянсом, но на самом деле совершенно непредсказуемую – оказался вовлеченным не один только американский континент. Эти объединенные причинно-следственной связью события, происходившие в Северной и Южной Америке, отозвались в Австралии, Южной Африке и других землях.

ЗА МЫСОМ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Потеря многих американских колоний заставила Британию перенести свое внимание с Атлантического океана на Индийский и Тихий. Война против Франции, начавшаяся в 1792 г. и продолжавшаяся, то вспыхивая, то затухая, почти четверть столетия, предоставила Британии возможность захватить французские колонии и некоторые голландские владения, поскольку Нидерланды стали сателлитом Франции.

На этой огромной морской дуге, раскинувшейся от мыса Доброй Надежды до мыса Горн, Британия не была господствующей силой. Основными британскими владениями в этих морях в 1780 г. были опорные пункты в разных частях Индии, однако за следующие полстолетия Британия сумела стать самой влиятельной колониальной державой в этой обширной части земного шара. Она контролировала ключевой порт Кейптаун и побережье Южной Африки, стратегически важные острова Маврикий и Цейлон (Шри-Ланка), большую часть Индии, отдельные части полуострова Малакка и всю Австралию. К этому нужно добавить еще потенциальный или реальный контроль над Новой Зеландией и многими другими островами в Тихом океане, а также над тихоокеанским побережьем современной Канады.

Теперь Британия имела в Индийском и Тихом океанах более сильные позиции, чем когда-либо в Америке. Под ее управлением находилось население, по сравнению с которым число людей, подвластных ей в Америке, казалось ничтожным. Потерпев почти полное поражение на одном континенте, она обратила взор к другим океанам и быстро построила крупнейшую в мире империю.

Одной из перемен, к которым привели эти события, стало активное распространение английского языка, превратившегося ко второй половине XX в. в первый язык международного общения. В 1763 г. за пределами Британских островов лишь около 3 миллионов человек владели английским в качестве первого или второго языка, и почти все они жили в Северной Америке. Ничто так не способствовало всемирному распространению английского языка, как сосредоточение огромных территорий в руках Соединенных Штатов и приобретение Британией многочисленных колоний, разбросанных по Индийскому и Тихому океанам. Если бы территория США по-прежнему ограничивалась лишь полосой вдоль восточного побережья Северной Америки и если бы большая часть Индии не попала под британский контроль, шансы английского стать языком международного общения были бы малы.

Иногда, если бит один козырь, может выпасть другой. Британия не планировала заселять восточное побережье австралийского континента, открытого капитаном Куком. К этому ее вынудил мятеж в американских колониях. Когда-то Британия отправляла в их южные порты множество осужденных преступников, которых рабовладельцы фактически покупали на аукционе и использовали в течение срока отбывания наказания как надсмотрщиков. Окончательный отрыв американцев заставил Британию искать другое место, куда можно было бы с пользой сослать преступников. «С пользой» – здесь ключевые слова, поскольку Британия была торговой империей и старалась использовать любой труд в интересах своих судовладельцев и купцов.

В конце концов, опираясь на отчеты, доставленные на родину кораблем Кука «Индевор», британ-

ское правительство выбрало Ботанический залив, на песчаном побережье которого в наше время расположены взлетные полосы сиднейского аэропорта. Предполагалось, что на берегах Ботанического залива осужденные вырастят все необходимое им пропитание. Поблизости находилось дополнительное преимущество. На необитаемом острове Норфолк, лежавшем к северо-востоку от Сиднея, росли уникальная высокая сосна, из которой, как считалось, можно было делать первоклассные мачты для британских кораблей, и превосходная разновидность льна, из которой могли бы получиться замечательные парусное полотно и канаты для военноморского флота.

Британская флотилия с заключенными и моряками на борту вошла в Ботанический залив в январе 1788 г. Вскоре выяснилось, что в это жаркое время года береговой ландшафт – вовсе не та зеленая идиллия, которая предстала в прохладном апреле 18 лет назад перед Куком и Банксом. Покинув Ботанический залив и проплыв вдоль берега несколько часов, 11 кораблей беспорядочно вошли через разрыв в отвесных скалах в освещенную солнцем Сиднейскую гавань, где, как заметил капитан, места хватило бы для безопасной стоянки 1000 кораблей.

В Сиднейской гавани новая колония, выбиваясь из сил, старалась вырастить достаточное количество продовольствия. Но только когда колонисты перевалили через узкий прибрежный хребет, который называли Голубыми горами, и развели огромные стада овец на бескрайних теплых внутренних равнинах, мир признал Австралию стоящим местом. Поколение сменилось новым поколением – и десятки миллионов людей, переживавших холодные зимы в Северном полушарии, уже носили одежду и укрывались одеялами из австралийской шерсти.

Аборигены, которые спокойно поглядывали из укрытий на корабли, привязываемые к прибрежным деревьям, наблюдали за строительством хижин и амбаров, кипением воды в котелках, громкой пальбой из ружей, сопровождавшейся быстрыми вспышками пламени, падающими под ударами железных топоров деревьями (они не знали никаких металлов), могли только изумляться при виде всей этой деятельности. Вероятно, это было самое странное столкновение разных миров за всю письменную историю: различия в образе жизни старожилов и новых поселенцев были настолько радикальны, что не шли ни в какое сравнение с различиями, обнаружившимися, когда испанцы увидели ацтеков, голландцы впервые высадились в гаванях Кейптауна и Джакарты и даже когда французские и британские мореплаватели встретились с полинезийцами – старожилами Таити и Новой Зеландии.

В отличие от всех этих народов, коренных жителей Австралии миновали те почти кардинальные изменения, которые происходили в большинстве других частей мира на протяжении последних десяти тысяч лет. Разрыв между новоприбывшими и старожилами был глубиной с пропасть. Таланты и умения аборигенов, так отличающиеся от европейских, редко могли распознать и оценить новые поселенцы. Было бы странно ожидать, чтобы они сразу поняли, что большинство аборигенов владеют несколькими языками и диалектами, имеют обширные познания в ботанике и зоологии каждого района, освоили незаметные и в то же время простые методы охоты и рыболовства, а их рацион отличается разнообразием, недоступным для большинства жителей Европы. Они вряд ли могли понять, что браки, рацион, обряды, представления о собственности и земле у аборигенов подчиняются

установившимся в незапамятные времена правилам, которые хотя и труднодостижимы, но в некоторых отношениях по изощренности не уступают ритуалам аристократии Стокгольма или Варшавы.

Точно так же и аборигенам казались необъяснимыми английские образ жизни, законы и учреждения, религия, манеры поведения и одежда, земледельческие и ремесленные методы, чтение и писание, хранение продуктов в бочках, мешках и амбарах. Они даже представить себе не могли глубину научных знаний той цивилизации, которую покинули новопоселенцы (многие из них были необразованными). Техника пришельцев – будь это большие корабли, или огнестрельное оружие, или тикающие часы – казалась в высшей степени загадочной. Домашние животные были абсолютно новы для аборигенов, которые иногда считали овец или коров женами, сопровождающими белых мужчин.

Аборигены плохо защищали свою территорию. По сравнению с новозеландцами, они жили не такими многочисленными группами, не были так хорошо организованы, не строили укреплений и с большим трудом объединялись, чтобы противостоять нападающим. Десятилетие за десятилетием бесконечная процессия белых лиц и неизвестных животных продвигалась все дальше в глубь малонаселенного континента. В тысяче заповедных мест время от времени звучала стрельба или летали копья. Что еще хуже, оспа, корь, грипп и другие неизвестные прежде заболевания охватывали один лагерь аборигенов за другим – так же, как распространялись они по Америке триста лет назад, когда там появились первые испанцы. Главными победителями аборигенов станут болезни и их спутник – деморализация. Этой трагедии ученые ничего – в тот первый век науки – противопоставить не могли.

ЮЖНЕЕ САХАРЫ

В течение столетий бóльшая часть Африки оставалась практически недостижимой для жителей и империй Европы. Возможно, в римское время она была более доступной, чем позднее. Ведь римляне колонизировали Африку успешнее, чем любая другая европейская держава до 1900 г., хотя и колонизировали только ее северную кромку.

В какой мере Сахара представляла собой действительно непреодолимый барьер – и в какой мере это был предрассудок? Многие свидетельства говорят о том, что эта пустыня была такой пугающей преградой, что европейские и азиатские империи не решались вплоть до современности проникать в Африку южнее Сахары. Сердце Африки оказалось менее открытым для поколений европейцев, чем центр Азии, которая находится гораздо дальше от Европы. Кроме того, это сердце было слишком большим, и ни одно из окружающих государств не могло контролировать его полностью.

ЗАГАДКА ПУСТЫНИ

Эта крупнейшая в мире пустыня занимает четверть всей территории Африки. Состоящая не только из песка, но и из горных массивов, она такая огромная, что могла бы накрыть всю континентальную часть США. Вероятно, она больше напоминала море, чем сушу, – сухое море, в плавание по которому с риском для жизни пускались люди, иногда погибавшие на своем пути между отдаленными пустынными портами. Как и на море, в пустыне были пираты, нападавшие на купцов. Как и на море, здесь случались штормы, и мудрые туареги закутывали нижнюю часть лица тканью, чтобы хлещущий летучий песок не попадал в рот.

То здесь, то там из песка поднимаются скалистые горы, которые притягивают осадки. Большая их часть выпадает в виде сильных ливней и быстро испаряется на солнце и раскаленной земле. Пустыня движется, и на протяжении тысячелетий она то расширяется, то сжимается понемногу под влиянием климатических изменений или по мере того, как мелкий и крупный рогатый скот вытаптывает окрестности зарослей колючих кустарников и жесткой травы.

Сахара вовсе не была непроницаемым барьером. Ее бороздили караваны верблюдов. Столетие за столетием ее пересекали из конца в конец мусульманские торговцы, завоевывавшие множество новообращенных. По ней передвигались властители из Западной Африки, и в 1324 г. император Мали прибыл в Каир, где оставил по себе долгую память, осыпав золотом – так, словно это было конфетти, – тех, кто сумел заслужить его благосклонность. Европейские торговцы путешествовали по пустыне чаще, чем это можно было бы представить.

В 1470 г., в эпоху Ренессанса, купцы из Флоренции были замечены в Томбукту, на дальнем краю пустыни. Но белокожих редко можно было увидеть в этих богатых, окруженных стенами, снабженных оросительными системами городах на южной кромке Сахары.

Открывавшийся взору путешественника тропический африканский город с раскачивающимися под ветром макушками финиковых пальм, Томбукту казался загадочным и волшебным европейцам, впервые слышавшим его название. Этот город был сухопутной перевалочной базой для северной трети Африки, складом товаров, прибывавших с караванами верблюдов, на головах носильщиков или спинах ослов и быков из Судана, и конечным пунктом для редких грузов из Южной Европы. К нему реже приближались со стороны ближайшего побережья Западной Африки, чем от берега Средиземного моря и от внутреннего марокканского города Марракеш. В конце 1500-х гг. в Марракеш прибывали мулы и верблюды, груженные золотом Томбукту, а также, время от времени, небольшие группы рабов. Одна партия, состоявшая из 15 девственниц, была особенно примечательна. Существенно то, что товары, пересекающие пустыню, такие как золото, слоновая кость и красивые женщины, а также дороговизна их перевозки, диктовали высокую цену за килограмм.

Африку от вторжения посторонних защищала не только пустыня, но и реки этого континента. Многие из них прерывались водопадами, стремнинами и порогами. Ни одно судно не могло пройти реку сверху донизу из-за бурных участков, встречающихся почти на всех главных африканских реках. На Заире (Конго) много порожистых участков. Течение величавой Замбези прерывает водопад Вик-

тория. История Европы была бы иной, если бы Дунай, Рейн, Рона и Эльба тоже прерывались водопадами.

Судоходные реки способствуют торговле и обмену идеями; но в Африке есть лишь одна длинная и судоходная река – Нил. Вполне возможно, что успехом в создании цивилизации Египет во многом обязан этой реке, чья долина служила транспортной магистралью и источником продовольствия, а также тому факту, что она впадала в море неподалеку от другого центра древней цивилизации. Если бы Нил впадал в океан в Западной Африке, его роль была бы менее значительной.

К югу от Сахары, в бескрайних просторах тропической Африки, не было реки, сравнимой с Нилом. Кроме того, Африка в целом была уязвима со стороны тех заливов и глубоких бухт, тех морских проливов, которые позволяли парусным или гребным судам глубоко проникать в ее внутренние районы. В Европе более 33% суши составляют полуострова или острова, в то время как в Африке таковых всего 2%. Для Африки это было существенным недостатком, к которым следует отнести также огромные пространства, покрытые джунглями.

Во влажных лесах тропической Африки летают кровососущие насекомые цеце; размером не больше обычной мухи, они очень опасны для людей и выючных животных, так как служат разносчиками возбудителей сонной болезни. Почти на четверти территории Африки от этой инфекции гибли все домашние животные, за исключением кур. Малярия, сонная болезнь и другие тропические заболевания способствовали созданию невидимого барьера вокруг тропической Африки, отпугивая или убивая и иноземцев, и африканцев. Сонная болезнь особенно препятствовала экономическому разви-

тию. Недостаток сельскохозяйственных животных в таком большом районе не только сокращал количество белка в рационе африканцев, но и лишал их вьючных животных, поэтому им самим приходилось быть и носильщиками, и тягловым скотом. Отсутствие домашних животных приводило к недостатку навоза, поэтому поля оставались без удобрений, имеющихся в других частях Африки, где мухи цеце не водились и скот жил привольно.

На протяжении пяти последних тысячелетий существовали и другие препятствия для полезных внешних контактов с центральными районами Африки. Возможно, одним из них было то, что Африка не обладала таким растительным разнообразием, как Азия. Если бы в Центральной и Южной Африке выращивали лучшие в мире кофе и чай, перец и мускатный орех, получали шелк и красители, а также другие продукты, которые ласкали небо и пробуждали жадный интерес людей, живших на берегах Средиземного моря, географические барьеры внутри Африки не имели бы такого значения. Барьеры не так страшны, когда за ними находится что-то ценное.

В течение многих столетий Азия оказывала на Африку не меньшее влияние, чем Европа. Индийский океан был главными воротами в Восточную Африку; корабли и одномачтовые каботажные суда, плывшие из Персии, Индии, Аравии и даже Индонезийского архипелага, часто заходили в прекрасные гавани Восточной Африки. Они были весьма оживленными еще в те времена, когда в этих водах не видели ни одного европейца. Остров Занзибар был заселен персами за 500 или более лет до того, как мимо него проплыл первый португалец.

Места, расположенные на перекрестках мира, имеют свои преимущества. Их развитие стимули-

руют новые идеи – а новые армии их разрушают. Африка – за исключением ее средиземноморского берега и полосок вдоль восточного и западного побережий – была слишком труднодостижима, чтобы ее стимулировать.

РАБОТОРГОВЛЯ

Африка в течение долгого времени экспортировала сомнительный товар, который пользовался большим спросом повсюду. Этим товаром были рабы.

Сразу следует сказать, что рабство играло не менее важную роль и в истории других стран и племен. Древний Китай владел многомиллионной армией рабов, и практика продажи людей в рабство была запрещена в Китае только в 1908 г. Индийцы имели рабов и до и после Рождества Христова. У многих племен и в некоторых государствах Америки задолго до прибытия Колумба существовало рабство и частичное рабство. Европейское крепостничество, которое сохранялось в России вплоть до 1861 г., было разновидностью рабства.

Рабов было немало на улицах греческих городов-государств. В землях, управляемых Римом, рабов можно было увидеть в тысячах сельских поместий. Каждый раб был, в сущности, дополнительной мотыгой, или топором, или лопатой, дополнительной парой рук при сборе урожая, строительстве, устройстве дорог, на господской кухне. До тех пор пока рабы производили больше, чем съедали, они были ценным имуществом.

Во многих частях мира почти правилом военного времени было либо убийство пленников, либо обращение их в рабство. Поскольку войны случа-

лись часто, число новых рабов в каждое столетие было высоким. Быть рабом было предпочтительнее альтернативы – быть трупом.

Раннее христианство, как и ранний иудаизм и ислам, понимали, что рабство – древний и полезный институт и трогать его не следует. Просвещенное и неравнодушное мнение в XXI столетии не в состоянии вместить, как могли в течение столь долгого времени без возражений принимать рабство, но ведь это новое столетие – наследник идей равенства, человеческого достоинства, столь мало распространенных в предыдущие века. Кроме того, в наше время процветающие страны не нуждаются в рабстве. Благодаря технике они имеют избыток, а не недостаток неквалифицированных рабочих рук. К тому же у них есть новый неустанный раб, известный как ископаемое топливо, недоступный предшествующим цивилизациям.

Задолго до того как европейские корабли начали вывозить рабов из Африки, африканцы сами активно торговали рабами. С 1500 г. в исламские страны поступало, вероятно, больше африканских рабов, чем в христианские, и мусульмане были главными работоторговцами в Африке. Предположительно торговля рабами процветала в Африке и задолго до прибытия мусульман.

В пределах Африки многих людей продавали в рабство собственные родственники. Отцы иногда отдавали в рабство детей, братья – братьев. Вероятно, половина рабов, закончивших свои дни за морем или в других регионах, были порабощены африканской группой или общиной, членами которой они были. Рабами обычно становились должники, преступники, неудачники или мятежники и особенно – пленники, захваченные во время войны.

В XVI в. большую часть рабов, экспортируемых из Западной Африки, составляли женщины, и продавали их в исламские страны. Столетие спустя большинство рабов были мужчинами, которых отправляли на принадлежащих европейцам кораблях в христианские колонии в Америке. Португальцы первыми начали поставлять рабов в Америку – они уже использовали рабский труд на собственных плантациях, расположенных на островах Зеленого Мыса и на Мадейре, – а британцы и представители других морских держав вскоре также включились в эту весьма прибыльную, но бесчеловечную торговлю. Большую часть рабов поставляла длинная полоса прибрежной Западной Африки, реки Сенегал до Камеруна; в самые оживленные 1700-е гг. через Атлантику переправляли до 100 000 человек ежегодно. Попадая на сахарные, табачные и хлопковые плантации, разбросанные повсюду от устья Амазонки до Ямайки и Вирджинии, они больше никогда не видели своей родины. Большая часть потребляемого Европой сахара добывалась подневольным трудом африканских рабов.

Плавание из Западной Африки на небольшом парусном судне через экваториальные воды должно было быть мучительным. Как правило, рабов, часто закованных в цепи, набивали в темные жаркие трюмы. Воды им давали мало, и никто из них прежде не выходил в море. Для европейской команды это путешествие тоже бывало рискованным, многие умирали от тропических болезней.

Поколения афроамериканцев родились в рабстве, освободиться из которого было почти невозможно. В принципе, ребенок, родившийся от чернокожей матери и белого отца, – отцом обычно был владелец или надсмотрщик, – был свободен.

Другим способом избавиться от рабства было простое бегство. Многие рабы бежали из страха перед наказанием или после порки. Иногда их преследовали с собаками. Многие из тех, кому удавалось укрыться в соседнем лесу или на болоте, возвращались в рабство, обеспечивавшее им еду и кров, а также утешительную религию их товарищей по несчастью.

Рабство было сродни лотерее: нагрузка, наказания и вознаграждения могли быть разными. Многого зависело от характеров владельца и его жены, а также надсмотрщика – часто они тоже были чернокожими – и от позиции правительства, по законам которого существовала территория, где работал раб. Почти наверняка в Соединенных Штатах к рабам относились лучше, чем в Бразилии или других странах, и некоторые исследователи американского рабства признают, что на типичной хлопковой или рисовой плантации хижина рабов по меньшей мере не уступала по удобству жилищам бедняков Шотландии или Сицилии. Но за пределами хижины свободы не было.

В целом в порты Соединенных Штатов до 1820-х гг. прибывало немного больше африканских рабов, чем свободных европейских иммигрантов; но, имея более низкий уровень смертности и более высокий уровень рождаемости, европейцы составляли подавляющее большинство американского населения. После 1820-х гг. африканская иммиграция пошла на убыль, поскольку сама идея и законность рабства были подвергнуты сомнению.

Африка вступила в полосу неудач. Она казалась отрезанной от тех частей мира, где жизнь была ключом. Ее коммерческой специализацией в XVI в. была поставка миллионов рабов, приспособленных к

работе в тропических условиях и живших на расстоянии недалекого морского перехода от развивающихся плантаций Америки. Но теперь работоторговля оказалась под угрозой.

БЛАГОРОДНЫЙ ПАР

В 1801 г. «Annual Register» («Ежегодник») – популярное издание, фиксировавшее все примечательные события года, – объявил уходящее столетие выдающимся. Наука и техника, как никогда прежде, шагнули вперед. Хотя Европа и вела частые внутренние войны, она наряду с этим неутомимо несла научные достижения, религиозные воззрения и цивилизацию в самые отдаленные леса и ущелья. Никогда прежде в таком масштабе не исследовались «самые далекие и неизведанные районы земного шара». Жажда знаний, утверждал «Ежегодник», пришла на смену жажде золота и завоеваний. Никогда так не процветала дальняя торговля. На знакомых морских путях парусные корабли передвигались намного быстрее, чем раньше; и даже далекое путешествие из Европы в Индию уже не воспринималось как суровое испытание.

Мир стал доступнее, но даже богатые люди не путешествовали в поисках знаний или удовольствий. Королева редко покидала пределы своих владений. Лишь немногие европейские миссионеры плыли за море работать в незнакомых странах. В Восточной Азии горстки паломников иногда со-

вершали далекие путешествия, чтобы поклониться буддийским святыням, но мусульмане редко предпринимали дальние паломничества в Мекку. Ученые – а в любой стране их было очень мало – сидели дома и изучали мир по книгам. Когда молодой лондонский поэт Джон Китс написал «Я много странствовал в краях тех золотых и много добрых государств и царств я видел», он имел в виду путешествие по книгам. В то время он еще не отъезжал далеко от своего родного города.

Самыми путешествующими людьми в мире были не ученые и священники, а простые европейские или арабские моряки, которые по своей мобильности могли сравниться с летчиками нашего времени. Между 1700 и 1800 гг. самой многочисленной в мире категорией путешественников на далекие расстояния были те, у кого не было никакого желания путешествовать, – миллионы африканских рабов, которых вели как пленников через весь их собственный континент или переправляли по тропическим водам в Америку.

Мир состоял из десятков тысяч маленьких самодостаточных замкнутых мирков. Хотя бы раз переночевать вне дома казалось приключением. Это было справедливо в отношении Китая, Явы, Индии, Франции или Мексики, хотя Австралия и аборигены составляли исключение. Всю свою жизнь люди проводили на одном месте, и там же они получали почти все необходимое им продовольствие и материалы, из которых была сделана их одежда и обувь. Там же рождались новости и сплетни, которые радовали или пугали их. Там же они находили своих жен или мужей.

Отпуск у моря или в горах был привилегией будущего. Бальнеологические курорты, где люди пили минеральные воды, поправляя свое здоровье,

были единственными специализированными туристическими городами в Европе. «На водах» туристы пили целебную жидкость в строгом соответствии с предписаниями, назначавшими им такое-то количество кувшинов или стаканов. В начале 1800-х гг. самым интернациональным водным курортом был, пожалуй, Карлсбад – красивый городок в окружении крутых гранитных холмов и сосновых лесов, расположенный в нескольких днях верховой езды от Праги и Лейпцига. В 1828 г. в среднем не более 10 человек приходили выпить лечебной воды. Главный источник этого курорта по-прежнему выпускает горячую неиссякаемую струю, и вода по-прежнему имеет отвратительный вкус, который кажется даже терпимым, когда его забываешь.

Промышленный город, а не курорт, символизировал эту новую эпоху. На севере Англии, особенно с 1780-х гг., росли фабричные города, наполненные хитроумными машинами, которые пряли и ткали шерсть или хлопок. Приезжих иностранцев поражала бурная деятельность, кипевшая в Манчестере, Лидсе, Бирмингеме и других новых промышленных городах, но у них опускались руки при посещении фабрик и шахт, где работало множество детей. Один американец, описывая в 1815 г. йоркширскую шерстопрядильную фабрику, отмечал, что на ней работают около 50 девочек и мальчиков, которые приходят в 6 часов утра и уходят в 7 вечера. Зимой они начинали и заканчивали работу в темноте. Старшему ребенку было не больше 10 лет. Все они были в грязи и отходах от шерсти, которую обрабатывали. Эта новая фабрика – в отличие от таких сельских занятий, как присмотр за гусями и доение коров, – была безжалостным тираном, требовавшим от детей целодневного внимания, даже если они буквально падали от усталости и недосыпания.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОНЬ

Огромный расход механической и мускульной энергии человека на новой фабрике умалял значение этого чуда. Часто фабричные машины приводило в движение водяное колесо, вращаемое потоком воды. Все чаще новейшие фабрики использовали уголь и энергию пара, но в течение некоторого времени не было признаков того, что шумный паровой двигатель изменит мир.

Пар в качестве движущей силы впервые был применен на практике в шахтах Англии. В 1698 г. Томас Севери использовал паровую энергию, получаемую из тепловой энергии угля, для работы машины, откачивавшей воду из корнуоллской шахты. Одиннадцать лет спустя девонский кузнец Томас Ньюкомен построил поршневой двигатель, который со временем сможет выполнять работу целой армии мужчин или лошадей. В этот тип двигателя шотландец Джеймс Уатт внесет крайне важные усовершенствования. Его чудесное устройство (1769) – изолированная камера для конденсации – впоследствии позволит получать в три раза больше пара, или энергии, при сжигании той же тонны угля. Почти каждый большой шаг в эволюции парового двигателя – заслуга изобретательных британцев, пытавшихся решить практические проблемы, которые возникали в повседневной работе новых и расширяющихся отраслей промышленности.

Но паровой двигатель не оказывал большого влияния на сферу торговли до тех пор, пока не был применен на транспорте. Пронзительный крик парового локомотива впервые услышали на севере Англии – в средоточии нарождающейся промышленной революции. Пыхтение и шипение локомотива поначалу приводили в ужас многих людей и

пугали лошадей, щипавших траву на близлежащих пастбищах. Скорость и мощь локомотива потрясли первых пассажиров. Пар и угольный дым слепили им глаза.

Пожалуй, это было самое важное со времени римских дорог изобретение в сфере наземного транспорта. Даже когда по железной дороге вагоны на металлических колесах тянули лошади – а в первые железнодорожные вагоны в Венгрии и США впрягали сильных лошадей, – стоимость перевозки товаров значительно сокращалась.

Первый поезд на паровой тяге ходил между Стоктоном и Дарлингтоном (Англия) с 1825 г., и его основными грузами были уголь и другие полезные ископаемые. Франция открыла первую паровозную железную дорогу в 1828 г., Австрия – в 1832 г., Германия и Бельгия – в 1835 г., а к этому времени первый поезд уже почти достигал города Лондона. В сельские местности в Европе и Соединенных Штатах отправлялись армии строителей железных дорог, уродовавших полосы мирного ландшафта траншеями и внушительными глиняными и земляными насыпями. К началу 1850-х гг. свои первые железные дороги строили далекие провинции Нового Света – Египет, Мексика, Перу, Бразилия и Восточная Австралия. Даже Россия решила связать железнодорожной веткой свою столицу Санкт-Петербург и расположенную вдали от моря Москву.

До наступления века пара было трудно даже представить, чтобы парусные корабли или колесный транспорт ходили по расписанию. Предположительно, запряженный лошадьми дилижанс мог прибыть вовремя в далекий город, но зимой его чаще всего задерживали наводнения, снег и туманы, и даже в хорошую погоду он мог опоздать из-за зато-

ров на оживленных участках дороги или несчастного случая с лошастью. Поезд же обычно прибывал на каждую станцию в назначенное время. Новое слово «расписание» – символ современного вечно спешащего мира – появилось в Англии в 1838 г.

Не все приветствовали новые железные дороги. Многим сельским беднякам, учитывая то, что у них никогда не набралось бы денег на железнодорожный билет, поезда могли казаться бесполезными. Грохот проезжающих поездов, как они считали, мог привести к рождению недоношенных телят у перепуганных коров. Джордж Элиот в своем романе «Мидлмарч» описывала эти страхи: «Женщины – и старые, и молодые – считали путешествие на поезде дерзким и опасным приключением».

Жившие в первое тридцатилетие существования железных дорог понимали, что мир изменился навсегда. Романист Уильям Теккерей, писавший в 1860-е гг., когда Англия стала первой страной, очерченной железнодорожными путями, наглядно показал значительность этой перемены. Поезд настолько изменил повседневную жизнь, считал он, что железнодорожная насыпь превратилась в стену, отделившую будущее от прошлого. Взберитесь на насыпь, писал он, встаньте на железнодорожное полотно и «посмотрите на другую сторону – оно прошло!». Старому образу жизни, когда мало кто отъезжал далеко от родной деревни, пришел конец.

Черный паровой локомотив ворвался почти во все сферы жизни. Свежие яйца и мясо привозили в крупный город издалека. Модные тенденции быстро достигали торговцев мануфактурой в самых отдаленных уголках. В большинстве стран стал возможен выпуск ежедневных национальных газет, поскольку почтовый поезд мог быстро доставить пачки свежих номеров во многие города в день их

печати. Газета также стала более дешевой, потому что ее печатали на паровом печатном станке, изобретенном в Германии.

Железные рельсы преобразовали почти все – от почтовых услуг и праздников до войн. Огромную роль в стремительной войне между Францией и Пруссией в 1870–1871 гг. сыграло то организационное мастерство, с которым прусские генералы использовали поезда для сбора частей огромной армии и быстрой доставки их к важным участкам французской границы. Пруссы вошли во Францию, когда французские солдаты, еще не покинувшие родных городов, застегивали пуговицы шинелей и прощались с подругами.

Морской транспорт пар преобразовывал медленнее, чем сухопутный. Первыми паровыми судами были деревянные колесные пароходы, не способные плавать на далекие расстояния без использования, наряду с работающим на угле двигателем, парусов. К 1840 г. быстрые пароходы уже регулярно пересекали Северную Атлантику, и в это самое время иммигранты хлынули в Америку. Чарлз Диккенс решил посетить Соединенные Штаты и вместе со своей женой Кейт взошел на борт парохода в Ливерпуле в январе 1842 г. Оказавшись в неспокойном море, – оба не меньше пяти дней страдали от морской болезни, – они с тревогой следили, как по ночам над красной трубой плясали языки пламени. На пароходах обычно очень боялись случайных пожаров.

Главные преимущества парохода заключались в том, что он мог продолжать движение в безветренную погоду и даже маневрировать на ограниченном пространстве и плыть по узкому каналу – задачи, невыполнимые для большого парусного корабля. Пароход сделал целесообразным строительство уз-

кого Суэцкого канала. Он соединил Средиземное море и Индийский океан в 1869 г. и избавил от долгого изнурительного плавания вокруг Африки. Так, Суэцкий канал сократил на 56% протяженность морского пути между Бомбеем и Южной Францией. В результате осуществления этой инициативы французских финансистов Ближний Восток – некогда центр известного мира, превратившийся к тому времени в захолустье, – снова приобрел значение. Открытие месторождений нефти в Иране четыре десятилетия спустя еще больше повысит интерес к нему.

Быстрый прогресс на транспорте не ограничился распространением парового двигателя. Диспетчеры первых железных дорог решили, что им необходим вестник, который будет предупреждать о скором появлении поезда. Они применили изобретение, названное телеграфом, – это слово происходит от двух древнегреческих слов, обозначающих «вдаль, далеко» и «писать». Телеграф представлял собой единственную нитку железного или медного провода, прикрепленного к веренице высоких столбов вдоль железнодорожного полотна. С помощью электрической батареи по этому проводу передавались сигналы от одной станции к другой. Один сигнал мог предупредить приближающийся локомотив о том, что ветка уже занята, другой – известить о крушении поезда и необходимости прибытия на помощь другого локомотива. Вероятно, первой общественной телеграфной линией в мире была та, которая протянулась вдоль английской железной дороги, связав вокзал Паддингтон в Лондоне и город Слау.

Изобретатели немедленно принялись усовершенствовать телеграфную систему, впервые использованную на английских железных дорогах.

Доктор Сэмюэл Морзе, американец, создал первую версию азбуки Морзе для железной дороги Вашингтон – Балтимор, в 1844 г. Множество телеграфных линий было построено между городами, не связанными железными дорогами. К 1849 г. общая длина сети телеграфных проводов составляла в США 15 000 км.

Следующей задачей стала прокладка телеграфного провода по дну океанов и проливов. Было решено заключить провода, или кабель, в шланг из гуттаперчи – разновидности резины, получаемой из смолы дерева, растущего на Индонезийском архипелаге. В 1850 г. телеграфная линия прошла по дну пролива между Англией и Францией. Проложить кабель по дну северной части Атлантического океана оказалось более трудной задачей. Прокладка кабеля, который с большой тщательностью тянул по морскому дну глубоководный корабль, была торжественно, под крики ликования завершена в 1858 г. Увы, по нему смогли передавать сообщения лишь в течение двух недель. Постоянный кабель соединил берега Атлантики лишь в 1866 г. За десятилетие надземные и подводные телеграфные линии дотянулись почти до всех главных городов Азии, Африки и Южной Америки.

К середине 1870-х телеграфные провода и кабели почти достигли самых отдаленных австралийских колоний. На длинных ногах они прошагали по Азии, а затем по суше и по морскому дну пересекли Индонезийский архипелаг. Достигнув северного побережья Австралии в районе гавани Дарвина, провода по веренице столбов побежали на юг, через сухие пустоши Аделаиды к южному побережью. Другой телеграфный кабель прошел под Тасмановым морем к Новой Зеландии. Отныне стало возможным отправить телеграмму в Лон-

дон почти из каждого далекого порта Австралии и Новой Зеландии.

При удачном стечении обстоятельств сообщение могло попасть из одного конца мира в другой за 24 часа. Все рекорды были побиты удивительной ночью 16 февраля 1871 г. Из Карачи – тогда входившего в состав Британской Индии, а ныне принадлежащего Пакистану – была отправлена телеграмма в Лондон. Пройдя через ретрансляционные станции, она достигла Лондона через 50 минут. Для сравнения: взошедшему на следующее утро солнцу пришлось бы проделать свой видимый путь между этими разделенными 9000 км пунктами за пять с половиной часов; это побудило английских журналистов снабдить сообщение о быстрейшей в мире телеграмме заголовком «Обгоняя Солнце». То же сообщение, отправленное с почтовым пароходом, получили бы в Лондоне лишь через несколько недель.

Широко распространено мнение, что важные для будущего изобретения придумывали возвышающиеся над толпой талантливые одиночки. Но изобретение – это в такой же степени итог коллективной работы, как и соревнования одиночек. Борьба за развитие и усовершенствование паровых двигателей, железных дорог, телеграфов, металлургического производства и текстильных машин шла во многих государствах и передовых мастерских и цехах. Некоторые из кардинальных изменений происходили благодаря множественным усилиям ныне забытых людей. Помнят лишь горстку героев-изобретателей.

Ничто в прежней истории не сделало так много для объединения разных районов мира, как эта тонкая нить провода, пересекающая степи и равнины, джунгли и заснеженные долины, фабричные при-

города и горные деревни и даже самое морское дно. В 1876 г., как раз когда международный телеграф проник в самые отдаленные части мира, в Северной Америке родился телефон. Деловые конторы, расположенные по соседству, могли разговаривать друг с другом. Они не могли набирать непосредственно номер расположенного неподалеку телефона, а зависели от длинной цепи женщин, работавших на центральном коммутаторе и орудовавших целым рядом штекеров и переключателей, с помощью которых они вручную соединяли один телефон с другим. Когда вечером у женщин заканчивался рабочий день, телефоны замолкали.

Телефонные разговоры людей, находящихся на далеком расстоянии друг от друга, оставались сложным делом, голоса искажались и были едва слышны. Океан был еще большим препятствием для телефонного кабеля. Англию и Францию подводный телефонный кабель связал в 1891 г., но более широкие морские пространства оставались непреодолимыми для проводов. На протяжении десятилетий дальние телефонные переговоры были привилегией только очень богатых людей или владельцев крупного бизнеса.

ПРИТОК В ДЫМНЫЕ ГОРОДА

Семейная ферма по-прежнему оставалась предметом мечтаний и надежд миллионов людей, особенно в Новом Свете, где дешевой земли было в избытке. На протяжении бесчисленных столетий до того, как правительства начали заниматься социальным обеспечением, ферма – если она была достаточно велика – сама по себе была главной формой социального обеспечения. Давая пищу, кров, сырье для одежды, она также способствовала

сплоченности семьи, поскольку большинство сыновей и дочерей могли жить и работать там до вступления в брак, а родители могли мирно проводить там свою старость – если доживали до старости. В самых разных странах от Чили до Трансвааля работающие до седьмого пота новые фермеры терпели поражение за поражением от засухи и сорняков, долгов и низких цен, но желание быть фермером не умирало.

До нас дошел живой моментальный снимок фермерского хозяйства в Массачусетсе, сделанный примерно в 1820 г. Зима в разгаре, и в слабом дневном свете на маленькой ферме Уитьеров кипит бурная деятельность. Женщины заняты работой на кухне. В амбаре старая лошадь «негромко ржет, требуя своего зерна». В стойлах скотину кормят сеном, которое заготовили летом. Петух кукарекает, восточный ветер дует, нагоняя тяжелые снежные тучи. Поленья и хворост сложены горкой наготове, для того чтобы разжечь огонь в очаге, когда семья соберется в комнате после окончания дневных трудов. Эти простые сцены описаны в поэме Джона Гринлифа Уитьера «Занесенные снегом», впервые напечатанной почти столетия спустя.

Аналогичные сцены были характерны для всех ферм, тянувшихся от Огайо до Швеции и Сибири, но именно в поэме Уитьера так живо передано это ощущение уютной защищенности, которое испытывали столь многие фермерские семейства, когда неустанной работой обеспечивали себе все необходимое для того, чтобы пережить длинную зиму. И так они сидели, дядюшка – куря свою трубку, матушка – прядя шерсть на ручной вращающейся прялке, а кто-то – читая вслух захватывающие истории, пока время не приближалось к 9 вечера, когда нужно было идти спать.

В то самое время, когда Уиттеры сидели у своего очага, в Европе появлялись признаки одной из самых выдающихся перемен в человеческой истории, перемены, которая до сих пор охватывает одну страну за другой. В некоторых странах большинство людей уже не пахали землю. Англия и Бельгия были, наверное, первыми государствами в Европе, а может быть, и в мире, где уже не нужно было большую часть рабочих рук занимать в производстве продовольствия. Только 30% английской рабочей силы требовалось для сельскохозяйственных целей. В Австралии, Чили и Аргентине нужды сельскохозяйственных производств могла удовлетворить столь же малая доля рабочей силы. Эти земли теперь производили гораздо больше продовольствия, – а также шерсти и шкур крупного рогатого скота, – чем сами могли использовать. Образ жизни, который медленно выковывался на протяжении примерно 10 000 лет и распространился практически на всем земном шаре, теперь был близок к тому, чтобы уступить свое место главному поставщика повседневной работы. Большинство ферм производили больше, чем в прошлом, и нуждались в труде меньшего количества людей.

Наглядным свидетельством увеличения объемов продовольствия было то, что серьезный голод – столь обычное явление для Франции в XVIII в. – после 1800 г. стал случаться все реже. Недостаток еды в Ирландии и на Нижнем Рейне, ощущавшийся в 1840-е гг., был последним голодом, от которого умирали люди в Западной Европе.

И еще одна тенденция наблюдалась в Европе: население увеличивалось быстрее, чем в любой отрезок времени, прошедшего после периода потепления между 1000 и 1250 гг. Эпидемии случались уже не так часто, и росли медицинские знания, по-

могавшие справляться с болезнями. Кроме того, на большей части Европы каждый гектар пахотных земель производил все больше продовольствия для растущего населения. Между 1750 и 1850 гг. произошел резкий скачок, численность населения увеличилась более чем на 80% – прирост, вызывавший изумление, до тех пор пока не начался удивительный рост населения стран третьего мира после Второй мировой войны.

По всей Европе росли города, и некоторые уже достигали размеров крупнейших китайских. К 1800 г. население Лондона превысило миллион человек. К 1860 г. оно составляло уже 3 миллиона; на то время это был крупнейший из известных миру городов. В начале следующего столетия, по некоторым подсчетам, Лондон вмещал уже около 10 миллионов человек, которые потребляли пшеницу, и масло, и джем, и свинину, и баранину, и яблоки, прибывавшие не только с английских ферм, но и на кораблях из дальних стран. Наибольший рост населения в Западной Европе наблюдался в городах. В 1600 г. в Европе было всего 13 городов с населением свыше 100 000 человек. В 1900 г. число таких городов достигло 143.

Сами растущие города были грязными, а дома в них – маленькими. Даже в 1850 г. большинство домов в некоторых из самых красивых городов не имели доступа к источникам чистой проточной воды. Большие города обычно тяготели к рекам, и воду для приготовления пищи и стирки жители брали из загрязненной реки или из расположенных поблизости колодцев. Большинство людей носили воду по улице к своему дому в деревянной бадье или ведре. Поскольку принесенной воды всегда не хватало, стирка одежды была делом несчастным. В любом случае считалось, что, моя обна-

женное тело, человек смывает с него жизненно важную жировую смазку, тем самым открывая в него доступ болезням.

Нечистоты попадали в реки и, плывя вниз по течению, загрязняли воду, которую использовал следующий город. Из-за отсутствия водоочистки распространялись смертоносные инфекции. Азиатская холера впервые появилась в Восточной России в 1823 г., а девять лет спустя сильнейшая вспышка этой болезни поразила Нью-Йорк, поселив на улицах страх и дурные предчувствия. В Европу она возвращалась снова и снова, заполняя до отказа множество кладбищ примерно один раз в каждое десятилетие. Россия, одна из наименее гигиеничных стран, потеряла четверть миллиона жителей во время холеры 1892 г.

Инженеры строили все больше водохранилищ для снабжения городов свежей водой, а также прокладывали под землей трубы и прокапывали тоннели для отвода накапливавшихся за день нечистот. Уровень смертности в городах снижался также благодаря прогрессу в медицине. В середине 1870-х гг. немецкий бактериолог Роберт Кох сделал гениальное открытие: причиной инфекционных заболеваний являются бактерии – такие крохотные, что в капле слюны их умещаются миллионы. В 1882 г. он объявил, что обнаружил бактерию – возбудитель туберкулеза, болезни, впервые определенной древнегреческим врачом Гиппократом и давно называемой «губителем рода человеческого».

Доступность путешествий в век пара способствовала молниеносному распространению медицинских открытий. Кох поспешил в Египет, надеясь изучить последнюю эпидемию холеры, но прибыл туда как раз вовремя, чтобы узнать, что она закончилась. Позднее он отправился почтовым парохо-

дом по Суэцкому каналу на родину холеры – в Индию и там в 1883 г. с помощью своего мощного микроскопа открыл бактерию – переносчик этой болезни. Пятнадцать лет спустя Рональд Росс, военный медик, работавший в Индии, установил, что причиной малярии являются не болотные испарения или затхлая вода, а укусы, как он их называл, «пестрокрылых комаров». Тем самым он установил возбудителя самой опасной из всех тропических болезней.

Отражением этой изобретательной, уверенно преобразующей землю эпохи стало то, что во многих кругах Европы смерть перестали воспринимать как событие, которое может случиться по воле Божией в любой момент. Многие с чрезмерным оптимизмом решили, что именно человек – архитектор и строитель собственного будущего. Всемогущество Бога было поставлено под сомнение инженерами, кораблестроителями, бактериологами, хирургами и всеми другими героями нового века техники, а также политическими лидерами, которые возвестили, что теперь они сами возьмутся за исправление всех застарелых бед этого мира, включая бедность и рабство.

ВОЗМОЖНО ЛИ ВСЕОБЩЕЕ РАВЕНСТВО?

Борьба с рабством была отчасти борьбой за всеобщее равенство, которую вели люди неравнодушные и сострадательные. Однако для победы над рабовладельцами одного сострадания было недостаточно. Эта борьба по обе стороны Атлантического океана направлялась все более богатеющими государствами, значительную часть благосостояния которых создавал уже не рабский труд. Так, в 1790-е гг. Дания запретила работорговлю на своих островах в Вест-Индии, а революционная Франция отменила рабство в своих колониях. Этим европейским странам легко было отказаться от рабского труда, все еще использовавшегося в колониях: их экономическая жизнь в целом зависела от него в гораздо меньшей степени, чем экономика США.

Соединенные Штаты с запозданием выступили против рабства. Зачинателями борьбы с рабством стали богатые северные штаты, полагавшиеся не на рабский труд, а на металлургические заводы, фабрики, свободные фермы и верфи. Благодаря им Соединенные Штаты становились великой индустри-

альной державой, и к 1860 г. по выплавке железа и стали – что теперь являлось показателем достигнутых в промышленности успехов – они заняли третье после Британии и Франции место. Отныне американцы могли позволить себе отказаться от рабства, но политическая и экономическая цена такого решения была бы по-прежнему высока. Борцы, большую часть которых составляли преданные члены церкви, готовы были заплатить эту цену, хотя по-настоящему расплачиваться пришлось бы самим рабовладельцам и тем штатам, чья экономика была построена на рабском труде.

Ввоз новых рабов в Соединенные Штаты был уже запрещен, что вынуждало плантаторов использовать труд сыновей и дочерей рабов. Рабский труд по-прежнему был в высшей степени востребован в повседневной жизни южных штатов, и в 1861 г. одиннадцать южных штатов восстали. Они вышли из состава Соединенных Штатов и образовали собственное государство – Конфедеративные Штаты. В разгар этого противостояния в должность президента старых США вступил Авраам Линкольн. Месяц спустя, в апреле 1861 г., началась – взятием конфедератами форта Самтер в Южной Каролине – Гражданская война.

Линкольн вовлек свою страну в войну не для того, чтобы запретить рабство. Первоначально он боролся за то, чтобы сохранить целостность государства, не допустив выхода из него части старейших и важнейших штатов. Линкольн пытался найти компромисс. Если бы потребовалось, он сохранил бы институт рабства ради того, чтобы государство осталось единым. Он просто хотел спасти свою страну от грубой ампутации.

Сейчас кажется немного странным то, что этот самый знаменитый демократ в мире, провозглашая

идеи политического равенства, называемого демократией, в то же время соглашался терпеть, пусть и неохотно, жестокое неравенство рабства. Но демократия в ее современном понимании тогда только зарождалась, а рабство во всей своей весомости и ощутимости было старейшим институтом. Кроме того, Соединенные Штаты строились на федеральном принципе, подразумевающим то, что разные штаты могут черпать силу в своем единстве, но при этом сохранять политические и экономические особенности. Смысл федерализма заключался в возможности сосуществования врагов и оппонентов, и Линкольн должен был отстаивать и скреплять это сосуществование. В 1861 г. главный грех рабовладельческого Юга в его глазах заключался не в отстаивании рабства, а в том, что южане поставили под угрозу федерализм и само существование Соединенных Штатов.

Этот герой войны против рабства имел скромное происхождение. В 1816 г. его родители переехали из теплого Кентукки в расположенный севернее штат Индиана, где приобрели маленькую ферму. Авраам Линкольн, которому было тогда 8 лет, научился работать топором и стал мастерски рубить деревья и расщеплять их на планки, из которых в то время сколачивали десятки тысяч простых изгородей, тянувшихся по североамериканским равнинам. Когда, будучи молодым адвокатом, он занялся политикой, соратники называли его «щепкорубом», но он больше гордился образованием, которое ему удалось получить, чем предыдущей тяжелой жизнью сына нужды.

Его мать и отец принадлежали к частной баптистской церкви – одному из многих ответвлений протестантизма, процветавшего в Северной Америке, и, как и большинство представителей этой секты, выступали против конных скачек, танцев, упо-

требления алкоголя и рабовладения. Их протест против рабства диктовался не только религиозными воззрениями, но также личными финансовыми интересами. В таких рабовладельческих штатах, как Кентукки, Линкольны и другие бедные фермеры вынуждены были конкурировать с крупными землевладельцами, использовавшими тяжелый подневольный труд рабов.

Как и большинству политиков-демократов, Линкольну нужно было плыть по течению, если он хотел завоевать народную поддержку, необходимую для решения поставленных им перед собой больших задач. И он плыл по течению даже в вопросе о рабстве. Хотя он был твердо убежден в недопустимости рабства, Линкольн вовсе не ратовал за равноправие чернокожих и белых людей.

В 1862 г. он поддержал идею создания самостоятельного государства для чернокожих в Африке – «ради блага человечества». Когда лидеры чернокожих ответили отказом, он принял этот отказ. Прошел еще год, прежде чем он даровал свободу – пока только теоретическую – рабам, жившим в северных штатах. Он не запретил тогда рабство в южных штатах: для этого требовалось внести поправку в конституцию страны.

Вскоре после победоносного сражения при Геттисберге останки погибших северян были перезахоронены на аккуратном воинском мемориальном кладбище, торжественное открытие которого состоялось 19 ноября 1863 г. Для церемонии на кладбище Авраам Линкольн облачился в новый черный костюм и цилиндр, который делал его еще выше, чем он был на самом деле. Цилиндр обвивала черная лента в знак траура, но не по убитым в битве при Геттисберге, а по его сыну, Вилли, умершему недавно после короткой болезни. Линкольн выслу-

шал длинную речь, а потом встал и за три минуты произнес собственную.

Он был бы удивлен, если бы узнал, что слова этой речи будут помнить и через столетие. Она состояла всего из нескольких предложений. И тем не менее она имела вечное значение. Речь заканчивалась словами, которые повторяют снова и снова: «Мы должны торжественно постановить, что эти смерти не будут напрасными, и наша нация под покровительством Бога получит новый источник свободы, и это правительство из народа, созданное народом и для народа, не умрет на земле».

Верность Линкольна идее единства нации будет – в истории увеличения человеческой свободы – оценена даже выше, чем его кампания против рабства. Если бы Соединенные Штаты в 1860-е гг. распались на два государства, имеющие мало общего между собой, влияние Северной Америки на мировые дела было бы гораздо слабее, и исход Второй мировой войны вполне мог бы оказаться иным.

Непосредственно перед победоносным концом четырехлетней войны в 1865 г., когда Линкольн отдыхал, смотря спектакль в вашингтонском театре, его убили. Рабство в Америке было уже обречено. В том году его запретили в Соединенных Штатах и все более и более вытесняли с Кубы и из Бразилии. Новые рабы больше не прибывали из Африки, а детей, родившихся в семьях рабов, объявляли свободными. Наконец, в 1886 г., рабство было запрещено на Кубе, а через два года последнего раба освободили в Бразилии. Во многих частях Африки и отдельных районах Азии рабство сохранилось. До 1980 г. оно не было официально запрещено на занесенных песками равнинах африканского государства Мавритания. Государства продолжают клеймить его, но даже в 1990-е гг. то там, то здесь встречаются его проявления.

ВОССТАНИЕ В КИТАЕ

Две самые беспощадные войны, случившиеся в течение длинного периода мира между 1815 и 1914 гг., были внутри-, а не межгосударственными. К тому же их вели государства, игравшие важную роль, и поэтому они имели серьезные последствия, сказавшиеся на последующей расстановке и равновесии сил в мире. В то время как Гражданская война в Америке широко известна – телевизионные и кинофильмы постоянно освежают память о ней, – о второй войне, тайпинское восстание, мало кто помнит за пределами Китая. Число убитых в Гражданской войне в Америке превышало 600 000, но жертвами китайской войны стали, вероятно, более 20 000 000 человек – больше, чем погибло во время Первой мировой войны.

Это восстание простых крестьян было призывом к равноправию в период резкого роста населения и недостатка пахотных земель. Рацион и жилища большинства китайских крестьян были беднее, чем у большинства рабов в Соединенных Штатах. Но бедность и трудности жизни не всегда ведут к восстанию: в противном случае вся история человечества была бы не более чем цепью восстаний. Требовалась искра, и ее возжег Хун Сюцюань.

Хун был амбициозным юношей, рассчитывавшим на безоблачную карьеру, но между 1828 и 1843 гг. он четыре раза провалил экзамен, требовавшийся для занятия государственной должности. Вместо того чтобы стать почтенным чиновником, он служил сельским учителем – до тех пор, пока не попал под влияние американского миссионера-баптиста, который, сам того не подозревая, разжег в недовольном жизнью учителе дремавшее честолюбие. Получив христианские представления, Хун облек

их в китайский патриотизм и возглавил людей, решивших построить «Небесное государство великого благоденствия» (по-китайски «Тайпин тяньго», откуда и происходит название восстания).

Двигаясь по дружественной сельской местности, войска Хуна обречены были одерживать первые победы, пока правительство в замешательстве собирало свои силы. На стороне Хуна была внезапность. Селение за селением, город за городом – всего, вероятно, около 600 – подчинились вооруженной армии Хуна, численность которой со временем достигла почти миллиона человек.

Этот непрофессиональный полководец и богослов-любитель проповедовал собственную смесь конфуцианства и христианства. В ней присутствовали и идеи равенства, и если бы он ограничился контролем над сельскими районами, оставив в покое крупные города, он смог бы произвести масштабное перераспределение земель и учредить коммуны. Но в 1856 г. – поворотном для Тайпинского восстания – среди его руководителей произошел раскол, вызванный личными несогласиями и приведший к междоусобицам и казням. С тех пор удача стала изменять тайпинской армии.

1 июня 1864 г., после почти 14 лет боев, Хун оказался перед лицом неминуемого поражения. В этот день он покончил с собой. Однако тайпины потрясли основы того, что казалось монолитным и нерушимым. С тех пор идея восстания укрепилась в умах многих китайских интеллектуалов и диссидентов. Пример борьбы Хуна оказал глубокое влияние на националиста доктора Сунь Ятсена, который полстолетия спустя свергнет императора Китая. Даже коммунистам, которые позднее свергли национальное правительство, дул в паруса ураганный ветер, поднятый Хуном.

ВЕК СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Семена растения под названием «равенство» зрели в человеческих умах и сердцах в течение тысячелетий. Греческие философы-стоики утверждали, что все люди, будь они рабами или свободными, наделены способностью мыслить и возможностью проявлять добрую волю, и эти качества отличают их от других живых существ. Римская империя и концепция естественного права делали упор на всеобщности прав; и в 212 г. большинство свободнорожденных мужчин империи стали равными перед законом.

Эти идеи равенства, утратившие свое влияние в Средневековье, возродились в эпоху Ренессанса, выдвинувшего на первое место человеческую личность, а затем с Реформацией, идеологи которой заявляли, что каждый, со смирением читающий Библию, наделен правом самостоятельно толковать Слово Божие и даже быть самому себе священником и пастырем. Идеи равенства привели к идее всеобщего образования. Протестантские страны, строившие школы, исходили из того, что у каждого ребенка есть потенциал, который можно раскрыть при помощи чтения и письма. Демократия в Соединенных Штатах сложилась во многом благодаря тому, что сотни тысяч грамотных людей, которые проводили богослужения в своих общинах, считали себя вправе также заседать в местных парламентах.

В Европе во второй половине XIX в. время от времени звучали громкие требования экономического равенства. Они были слышнее в крупных городах, поскольку в них проще, чем в деревне, было организовать неофициальные протестные движения. Призывы к равенству усиливало также край-

нее имущественное расслоение. В то время как богатство монархов, аристократов, крупных землевладельцев и купцов было традиционным и как бы самим собой разумеющимся, огромные состояния, наживаемые в течение жизни владельцами фабрик, все больше рассматривались как результат непомерного труда работников этих фабрик. Требования экономических реформ подстегивались увеличением числа безработных в плохие годы и тем фактом, что быть безработным в большом городе означало быть более беспомощным, чем в деревне, где можно было хотя бы собрать дров и попросить еды и крова у родственников.

Самые мощные движения протеста возникали в городах, и в 1848 г. – году революций – они бывали очень близки к тому, чтобы достичь успеха. В то время как многие более ранние протесты ограничивались требованием дешевого хлеба в годы неурожая, новые реформаторские движения часто выдвигали всеохватные и сложные требования. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, молодые немецкие архитекторы будущего коммунизма, сумели предугадать некоторые направления, в которых пойдет развитие быстро меняющейся европейской экономики. Маркс с острой дальновидностью предсказал, что в индустриальных государствах новые машины и навыки создадут огромное богатство и зияющий разрыв между богатыми и бедными. К 1875 г. он ярко сформулировал тезис о равенстве: «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям».

Экономическим реформаторам не было нужды призывать к действиям. По улицам Италии в разгар зимы бегали толпы босоногих детей. В больших немецких городах масса семей вынуждена была довольствоваться жилищем из одной комнаты. В России великое множество семей дрожали

от зимнего холода, потому что не могли найти топлива для поддержания в доме огня. В индустриальных странах в отдельные годы 1880-х безработные составляли до 10% населения, а ведь большинство этих безработных жаждали работать и всю свою жизнь провели в тяжком труде. Экономическая жизнь медленно пульсировала – периоды бурного роста сменялись периодами депрессии, и уровень безработицы то падал, то взлетал, как качели.

Поначалу призывы к равенству звучали чаще в политическом, чем в экономическом контексте. Требование права голоса не столь революционно, как требование разделить всю землю поровну между богатыми и бедными. Право голоса, однако, было редкостью даже в Европе. В 1800 г. лишь ничтожная доля государств мира имела парламент, обладающий хотя бы толикой власти, и лишь ограниченному числу граждан было позволено голосовать на выборах или заседать в тех немногочисленных парламентах, которые все-таки существовали. Англоязычный мир находился на переднем плане парламентаризма, но так называемая мать парламентов на берегах Темзы была гораздо менее демократичной, чем Соединенные Штаты в первые десятилетия XIX в.

В конце 1850-х гг. три из пяти австралийских колоний стали политической лабораторией: почти каждый мужчина в них получил право голоса, включая право тайного голосования и право поддерживать ту или иную позицию в нижней палате парламента. В то время пять основных европейских государств – Британия, Франция, Германия, Австрия и Россия – значительно отставали от Австралии, Канады и Соединенных Штатов в своем стремлении к демократии и практике ее применения.

В конце этого столетия Новая Зеландия и Австралия все еще оставались пионерами в развитии демократии: дальнейшее расширение прав голоса и практика оплаты деятельности членов парламента привели к избранию первого в мире лейбористского правительства в Квинсленде в декабре 1899 г. Оно стало предвестником эпохи выборных демократических правительств, которые будут управлять большей частью Европы.

Женщины выиграли от этого пробудившегося интереса к равенству, хотя право голоса они обретут еще нескоро. Американская территория Вайоминг первой дала женщинам это право. Столь радикальную перемену она совершила в 1869 г. в надежде привлечь больше женщин на эти заселенные вооруженными до зубов мужчинами земли и таким образом смягчить суровое общество фронта. Год спустя этому примеру последовал соседний штат Юта. Поскольку Юту по преимуществу населяли мормоны и каждый домовладелец жил с несколькими женами, это общество трудно было назвать оплотом феминизма. Целью нового закона было дать больше голосов давно живущим здесь мормонским семьям в ущерб новопоселенцам Юты.

Разрешение женщинам учиться в медицинских школах тоже было поразительно смелым шагом. В Соединенных Штатах мисс Элизабет Блэкуэлл, одержимая желанием изучать медицину, вынуждена была нанимать различных частных преподавателей, прежде чем ее приняли в ноябре 1847 г. в возрасте 26 лет в медицинскую школу при крошечном Женевском колледже в маленьком городишке штата Нью-Йорк. Ее победа была половинчатой, и поначалу ей не позволяли посещать вместе с мужчинами практические занятия, на ко-

торых изучали человеческое тело. Впоследствии она открыла в Нью-Йорке лечебницу для бедных женщин.

Даже в Европе поколение спустя женщина, работающая в профессии, была редкостью, за исключением профессии учителя. Первой женщиной-ученым, завоевавшей всемирное признание, была, вероятно, Мария Кюри – физик польского происхождения, которая во Франции в 1898 г. ввела в обращение слово «радиоактивный», чтобы описать одно из сделанных ею открытий. В то время женщину в парламенте по-прежнему нельзя было представить ни в одной стране мира, хотя королева Виктория, формально стоявшая во главе крупнейшей империи, правила 63 года – «срок полномочий», длиннее которого не будет ни у одной женщины премьер-министра ни в одной демократической стране. До 1924 г. не будет и женщин – членов кабинета министров, первой станет Нина Банг, занявшая эту должность в Дании.

Признаки зарождения основ социально ориентированного государства в Западной Европе были еще одним проявлением моды на равноправие. Если все люди в стране одинаково ценны, разве не должно правительство заботиться о них, когда они больны, стары, страдают от затяжной безработицы или находятся в крайней нужде? В Германии в 1880-е гг. Бисмарк провел законы, заложившие основу социального страхования рабочих, а в Дании, Новой Зеландии и некоторых местах Австралии пенсия по старости уже выплачивалась к 1900 г. Под давлением профсоюзов Австралия выступила со смелой идеей об установлении минимального уровня заработной платы для работников фабрик. В разных государствах менялась система налогообложения: налоги с низких доходов становились

меньше, а с высоких – больше. Кому-то нужно было оплачивать социальное обеспечение. Как правило, выбор падал на богатых.

Даже в процветающих городах жизнь семей с регулярным доходом была нестабильной, по нынешним представлениям. В английском городе Йорке семья из пяти человек с самым низким уровнем доходов не могла позволить себе такую роскошь, как пиво, табак, газета за полпенни или почтовое отправление. Их недельной платы не хватало на то, чтобы положить монетку на блюдо для пожертвований в церкви, и они не могли позволить себе подарок детям на Рождество, если только сами не изготавливали этот подарок. Иногда им приходилось относить выходную одежду ростовщику в понедельник, чтобы выручить денег на еду до следующего дня выплат. Для семьи, с кормильцем которой происходил несчастный случай на работе или приступ болезни, потеря заработка была катастрофой. Если муж умирал, жене приходилось брать постояльцев (если в доме была свободная комната) или стирать белье. При известной доле везения она могла снова выйти замуж.

Было одно утешение. Уровень жизни у этих семей был, как правило, более высоким, чем у их сельских дедов и прадедов. Кроме того, они жили дольше, комфортнее и имели больше возможностей получить образование.

Растущее стремление к равноправию выражалось в требовании начального образования для всех детей и в осуществлении принципа, в соответствии с которым все молодые люди должны служить в армии. Оно также вырвалось на религиозную арену. Прежде большинство правительств отдавали уверенное предпочтение представителям официальной религии. В Британии еще в 1820 г. закон подчерки-

вал неравноправие религий. Так, католики и иудеи не имели права голоса и не могли заседать в парламенте, а баптисты и большинство методистов не имели права преподавать в университетах. Последователей этих нонконформистских религий не могли обвенчать в собственных церквях собственные пасторы. Однако еще задолго до конца столетия последователи всех религий стали во многих отношениях равноправными на Британских островах, но не в каждом европейском государстве.

Европейский порыв к равноправию выразился также в растущем недоверии к наследственным правам и предпочтению некоторых форм республиканского устройства. Венеция в течение столетий оставалась влиятельнейшей аристократической республикой, но возникновение могущественных Соединенных Штатов и новой цепи южноамериканских республик возвестило о наступлении новой республиканской эры во всем мире. Франция после отмены, а затем реставрации монархии стала в 1870 г. последовательной республикой. Китайская монархия, возможно, самая долгоживущая в мире, сменилась республикой в 1912 г. В большинстве европейских государств монархии, сильно ограниченные во властных полномочиях, номинально сохранились; однако в результате массовых волнений в конце Первой мировой войны три из могущественных монархий Европы были свергнуты и больше уже не восстановились. Большинство новых государств, возникших в Европе после этой войны, избрали республиканскую форму правления.

БУТЫЛКИ РАВНОПРАВИА

Жажда равенства была отличительной чертой эпохи, но этот ярлычок прилепляли к бутылкам

разных форм и размеров. Некоторые бутылки, продаваемые с такой этикеткой, содержали пенное пиво неравенства. В одной из таких бутылок был национализм. Каждый гражданин государства, находясь в обществе своих соплеменников, мог чувствовать себя единым и равным с ними, но это чувство не всегда распространялось на представителей других национальностей. Восторженно воспринимая идеи равенства, люди не всегда готовы были соотнести их с представителями других социальных слоев, отказывали они в равноправии и недавним иммигрантам.

Интересы равноправия часто приходили в столкновение с расовыми предрассудками, свойственными многим европейцам. Характерная черта второй половины XIX столетия – увлечение расовыми теориями – была следствием необычного сочетания разных факторов. Это было столетие интенсивных поисков общих законов развития человечества – и уверенности в том, что эта общность будет найдена. В то же самое время беспрецедентная активизация контактов между людьми, долгое время разделенными – и географически, и культурно, – показала, что различия действительно существуют (и тогда этих различий было, вероятно, гораздо больше, чем в наши дни). Большая часть высказываний по расовым вопросам была нейтральной, но некоторые – агрессивными.

Жители Западной Европы были зачарованы собственным прогрессом в этот век пара и обязательного образования. С высоты своего положения им легко было думать, что они обладают врожденным превосходством – и духовным, и физическим, – и так же будет и впредь. Они не сомневались в том, что их цивилизация значительно опережает североафриканскую и даже китайскую; и в матери-

альном отношении она действительно ушла далеко вперед.

Многие из тех, кто считал особенной собственную ветвь европейской цивилизации, были романтиками, и часто весьма одухотворенными. Многие стремились нести свою культуру цветным жителям собственных колоний. То, что эта приливная волна расистских и националистических идей может быть чревата серьезными угрозами, не осознавали почти нигде в Европе.

В конечном итоге жертвами наплыва подобных идей стали евреи, но в 1900 г. серьезных признаков того, что волна окажется разрушительной и злобещей, почти нигде, кроме Российской империи, не наблюдалось. Евреям впервые позволили выдвинуться на передовые позиции общественной жизни во многих европейских странах. Казалось, они относились к числу тех, кто извлек особые преимущества из расцвета идей равноправия, характерного для того времени. Германия казалась относительно дружественной к ним страной, и тысячи евреев эмигрировали в немецкие города, где облагородили профессиональную и интеллектуальную жизнь, достигли значительных успехов в музыке, живописи и литературе, построили красивые синагоги.

Евреи жили по преимуществу в Центральной и Восточной Европе. На широкой полосе территории, протянувшейся от Балтийского до Черного моря на 1200 километров, евреи в среднем составляли 10% всего населения каждого крупного региона. Этой территорией по преимуществу управляла Россия, которая, в отличие от большинства европейских государств, жестко ограничивала евреев в правах. Они должны были жить в особых районах, за так называемой «чертой оседлости», и не могли заниматься определенными профессиями.

Евреи легко идентифицировались как народ, поскольку днем религиозного поклонения у них была суббота. Из религиозных соображений они говорили и писали на своем языке, иврите, а в повседневной жизни обычно разговаривали на идише – диалекте средневековой Германии. В отдельных европейских кругах они служили мишенью для христианских предрассудков, на них смотрели как на потомков тех, кто якобы распял Христа. Некоторые европейские богословы и интеллектуалы даже утверждали, что Христос не был евреем.

Евреи часто преуспевали как банкиры и заимодавцы. Отчасти антисемитизм, особенно в годы затяжной безработицы, имел экономический оттенок. Он был направлен против богатых евреев, составлявших ничтожное меньшинство, или против евреев-ростовщиков в небольших городках Восточной Европы.

В конце XIX столетия доля евреев, достигших больших высот в искусствах, науках, медицине, юриспруденции, была огромной по отношению к общей их численности в Западной Европе. В Англии, где евреев жило не так много, они могли занимать высокие государственные должности. Консервативный премьер-министр Англии в 1874–1880 гг., красноречивый Бенджамин Дизраэли, был потомком итальянских и португальских евреев, а его отец в молодости часто посещал синагогу.

Этот процесс постепенного воцарения равенства не затронул несколько сотен миллионов людей, живших в Африке и Азии. Требования равенства и свободы в большинстве стран Европы совпали с потерей свободы в некоторых районах других континентов. При таком множестве азиатских и африканских народов, попавших под власть далеких европейских монархов или парламентов, было не-

легко говорить убедительно о равноправии в Каире, Ташкенте, Шанхае или Калькутте. Пожалуй, впервые в человеческой истории равноправие так широко превозносилось в качестве добродетели, но по иронии судьбы сотни миллионов людей жили под колониальным гнетом тех европейских государств, которые громче всех проповедовали равенство.

ЗЕМНОЙ ШАР КАК НА ЛАДОНИ

В Бирме в 1900 г. простой лавочник, торговавший на берегу реки Рангун, знал о том, что происходит в Европе. Школьные учительницы в африканской деревне могли рассказать что-нибудь о Китае – стране, о существовании которой их бабушки, возможно, даже и не слышали. Начальные знания об отдаленных странах теперь входили в программу тысяч школ. Цветные карты мира стали обыденностью. Вряд ли в дни Наполеона кому-нибудь, кроме горстки людей в Европе, попадалась на глаза карта мира; но через столетие большинство европейских школьников были знакомы с этой картой или глобусом и даже могли назвать реки и горы каждого континента.

Это был последний век географических открытий. Почти каждое десятилетие XIX в. знаменовалось ими: были найдены истоки Нила; совершены первые восхождения на пик Маттерхорн и другие горы, прежде казавшиеся недостижимыми; открыты истоки рек Амазонка, Миссисипи и Конго; предприняты экспедиции в выжженные солнцем внутренние районы Австралии; обнаружен в Гренландии крупнейший в мире ледник Гумбольдта; совершены путешествия по

затерянным в лесах рекам Новой Гвинеи. Одним из немногих символических объектов, на которые еще не ступала нога человека, оставался Южный полюс, которого в 1911 г. достиг норвежский путешественник Руаль Амундсен, всего на пять недель опередив британца Роберта Скотта, замерзшего в снегах. Многие из этих далеких объектов, только что обнаруженных и нанесенных на карты европейцами или их потомками, были известны коренным жителям регионов, в которых они находились. Европейцы ввели их в широкий контекст и отобразили на картах.

Новые сведения о длинной истории нашей планеты добыли некоторые из тех, кто совершал далекие путешествия. Чарлз Дарвин совершил медленное кругосветное плавание на британском военноморском судне в 1830-е гг., посетив такие труднодоступные места, как Галапагосские острова в восточной части Тихого океана, и получив информацию, которая привела его к созданию эволюционной теории, впервые опубликованной в 1859 г.

В проливах и на островах Юго-Восточной Азии другой британский натуралист независимо от Дарвина открыл теорию естественного отбора, а также пришел к выводу о существовании разделительных барьеров между ареалами многих видов растений и животных. Алфреду Расселу Уоллесу, учителю и естествоиспытателю, было чуть больше двадцати лет, когда он увлекся естественной историей. Решив собрать коллекцию экзотических птиц и насекомых, отчасти для удовольствия тех европейских коллекционеров, которые не хотели покидать дома, он отправился на реку Амазонку. На обратном пути корабль, на котором он плыл, загорелся и утонул, и большая часть его коллекций и записок погибла.

Чудом спасшийся Уоллес не пал духом. Отправившись на Малайский архипелаг, он переплывал от

острова к острову и собирал образцы самых ярких и необычных живых существ. В 1862 г., завершив свои сборы и наблюдения, он вернулся, привезя с собой первую живую райскую птицу, достигшую Европы. Острое зрение и прекрасная память позволили ему собрать факты, на основе которых он сумел доказать, что между Юго-Восточной Азией и Австралией, и особенно заметно между островами Бали и Ломбок, проходит граница, по обе стороны которой флора и фауна различаются по своему характеру. Эту границу теперь называют линией Уоллеса.

Люди пока не понимали, что есть еще одно, неисследованное, измерение океанов. Хотя человеческий глаз мог увидеть, по крайней мере в ясную погоду, высочайшие горы на земле, ему были недоступны горные цепи, тянувшиеся по морскому дну, поскольку толща воды не пропускает солнечный свет. Немногочисленные образованные люди знали, что моря и океаны занимают вдвое большую площадь на земном шаре, чем суша. О существовании подводных горных хребтов никто не знал. Британское деревянное судно королевского флота «Челленджер» было специально оборудовано для изучения океанского дна в отдаленных частях мира. В 1872 г. оно отправилось в плавание, систематически измеряя опускаемым за борт лотом глубину океана. Главным открытием этой экспедиции стала извилистая горная цепь на большой глубине под поверхностью Атлантического океана, протянувшаяся по морскому дну по линии север – юг. Ни в одном месте этот Срединно-Атлантический хребет не подходил близко к материкам Америке и Африке.

В 1874 г. «Челленджер» отправился на крайний юг, став первым паровым судном, пересекшим Южный полярный круг. Исследовав с помощью драги дно

Южного Ледовитого океана, ученые экспедиции обнаружили участки континентальных скал, сглаженных ледниками. Это открытие, вызванное твердой уверенностью в том, что у Южного полюса должна находиться большая масса суши, было самым убедительным из всех полученных прежде свидетельств существования антарктического континента, а не маленького участка земли или горстки островов.

Море по-прежнему хранило множество тайн. Были ли континенты, теперь расположенные так далеко друг от друга, некогда одним целым? Молодого немецкого метеоролога Альфреда Вегенера после экспедиции в Гренландию посетила гениальная идея, имевшая крайне важные последствия. В 1912 г. он разработал свою теорию дрейфа материков. Он предположил, что изначально существовал только один огромный континент, что тропические Африка и Южная Америка когда-то были соединены, а Северная и Южная Америки были соединены не всегда, что Гималайские горы возникли в результате давления, вызванного напозданием друг на друга тектонических плит, и что существующие сейчас континенты не стоят на месте, а медленно движутся, либо сближаясь, либо расходясь. Его блестящие идеи были сочтены нелепыми и завоевали признание только в 1960-е гг., много времени спустя после его смерти.

С умножением знаний о земном шаре и под влиянием романтического настроения приходило понимание, что мир усыпан неизведанными местами, при виде которых у любителей природы может перехватить дыхание от восторга. Древние греки составили список известных им чудес света, почти все из которых были творениями их собственных художников и архитекторов, созданными в небольшом радиусе вокруг городов Афины и Александрия. В 1900 г., напротив, многие путешественники пред-

почитали грандиозные природные зрелища великим сооружениям Греции и Рима, Китая и Индии. Некоторые устремлялись к Ниагарскому водопаду, в Швейцарские Альпы, Гималаи, гавани Гонконга, на кейптаунскую Столовую гору, к деревьям Йосемитского парка, в то время как другие собирали цветные открытки с их видами. Уверенность в том, что этим чудесам не угрожает никакая опасность, была гораздо крепче, чем в наши дни.

Многие счастливые путешественники с благоговением любовались вулканическими террасами и каменными лестницами природного происхождения на Северном острове Новой Зеландии. Одна из широких террас была нежно-розового цвета с вкраплениями кристаллов, похожих на розовые сосульки. Воды, покрывающие другую террасу, с изумлением описывал английский историк Дж. А. Фрауд в 1885 г.: «Вода имела цвет, которого я никогда не видел прежде и не увижу снова по эту сторону вечности». Это не был цвет фиалок или колокольчиков – его любимых цветов, его также нельзя было назвать сапфировым или бирюзовым. Мастер английской прозы, он признавался, что не находит слов, для того чтобы передать «это ощущение сверхъестественной красоты». Год спустя и розовая, и белая террасы исчезли под камнями, пеплом и горячей грязью, выброшенными соседним вулканом.

В 1901 г. в засушливой центральной части Австралии, вдали от железных дорог, была протянута чудесная нить между XX столетием и эпохой кочевников. Профессор Болдуин Спенсер и Ф. Дж. Гиллен запечатлели танцы аборигенов с помощью одной из первых кинокамер и записали их заунывные песни на восковой цилиндр фонографа. Поскольку у ученых чужаков не было ни батареек, ни электричества, им приходилось все время крутить ручку камеры, чтобы

продолжать съемку. Кроме того, у них не было альтернативы тяжелой стационарной камере, направленной в одну сторону. Спенсер решил нацелить камеру на группу почти обнаженных мужчин, исполняющих танец древнего обряда вызывания дождя, при этом их босые топающие ноги поднимали облака пыли. Танцоры, благоразумно не желающие быть запечатленными, внезапно начали совершать «широкие волнообразные движения» и постепенно вышли из-под прицела объектива, тем самым оставив за кадром большую часть бесценного фильма.

Это был выдающийся случай. Здесь, на перекрестке времен, представители умирающего жизненного уклада, господствовавшего во всем мире в 10 000 г. до н. э., столкнулись с последними достижениями техники. Эти танцующие аборигены сохраняли уверенность в том, что именно они, а не чужеземные пришельцы, владеют ключом к тайнам Вселенной. Во время танца их голоса – а они были великолепными подражателями – имитировали крики птицы ржанки. Аборигены верили, что, воспроизводя ее крики, они призовут дождь на эту пыльную землю, так долго страдавшую от жажды.

Самые жестокие потери в процессе «сжимания» мира понесли дожившие до современности остатки некогда всемогущих охотников и собирателей. Позднее их потомки, возможно, и извлекли пользу из воссоединения с более широким миром; но поколение, впервые столкнувшееся с этим новым, могущественным и непостижимым европейским образом жизни – так далеко ушедшим от их собственного жизненного уклада, – могло испытывать только глубокое смятение. Они жили на своей земле многие тысячи лет – и предполагали прожить так еще вечность. В этом смысле им исключительно повезло. Им удалось сохранять гораздо дольше, чем всем

остальным человеческим сообществам, традиционный образ жизни, основанный на роскоши владения огромной и часто привлекательной территорией небольшой горсткой людей. Но в конечном итоге гибель старого кочевого образа жизни была ускорена неэффективной аристократической монополией на то, что становилось самым дефицитным имуществом в мире, – землю, на которой можно было выращивать продовольствие и строить дома.

Материальный прогресс человечества и его численный рост в предыдущие 10 000 лет во многом происходили благодаря искусному и изобретательному использованию земли, растений, животных и сырья. Основные преимущества давало более интенсивное использование земли под посевы и выпас скота. И вот теперь от последних кочевников Австралии, ледяных окраин Северного полушария, засушливых уголков южной половины Африки требовали с безапелляционностью, а иногда и с жестокостью отойти в сторону или присоединиться. Как они могли присоединиться? У них не было умений и навыков, ценностей и стимулов, которые позволили бы им с легкостью включиться в общий процесс.

МОРСКОЙ КОВЕР

Всё новые морские пути связывали континенты, делая сообщение между ними быстрым и безопасным, как никогда прежде. Путешествие по морю стало недорогим; стоимость перевозки грузов снизилась. Такие массовые товары, как уголь и пшеница, хлопок, чушки чугуна и нефть, дешево доставляли на кораблях с одного конца мира на другой, а ведь всего несколько поколений назад имели смысл дальние морские перевозки только дорогих товаров: перца, слоновой кости и золота. Дети смо-

трителя маяка на мысе Горн, заинтересовавшись проходящими мимо кораблями, смогли бы разглядеть в ясную погоду нестройную процессию величавых парусных судов, везущих селитру с засушливого побережья Чили в Германию, где она становится ценным удобрением. Возможно, они смогли бы увидеть корабли, перевозящие тюки шерсти из Австралии в Англию или лес ценных пород с северо-западного побережья Америки в Европу. Панамский канал между Северной и Южной Америкой – замечательный короткий путь из Тихого океана в Атлантический – был достроен только в 1914 г.

Никогда прежде свободная или полусвободная миграция не принимала таких масштабов: немцы и ирландцы устремились в Соединенные Штаты, итальянцы, испанцы и португальцы – в Южную Америку, японцы – на Гавайи, британцы – в Канаду и Новую Зеландию, китайцы – на Малакку и Яву, валлийцы – в Патагонию, а индийцы – на Фиджи и в Наталь.

Проводники культуры также пересекали мир в беспрецедентных количествах. Христианские и медицинские миссионеры, женщины и мужчины, проникали в Китай, Индию, немецкую Юго-Западную Африку, французский Индокитай и во все места, куда их пускали, а пускали их в период расцвета Европы практически повсюду. В качестве исследователя Африки прославился Давид Ливингстон – шотландский фабричный рабочий, ставший христианским миссионером, а уроженец Эльзаса, врач Альберт Швейцер, провел большую часть своей жизни, помогая больным проказой и сонной болезнью в Габоне. Миссионеры, такие как родившийся в Бельгии отец Дамьен, который умер, спасая больных проказой на Гавайях, были народными героями в эпоху, когда еще не было принято объявлять героями футболис-

тов. Музыканты также колесили по миру, и на рубеже столетий молодой итальянский тенор Энрико Карузо делил свой год между оперными театрами Буэнос-Айреса, Нью-Йорка и Европы. Существование мировых империй облегчало передвижение по миру профессионалов.

Этот многосторонний процесс, который в конце XX в. назовут глобализацией, действительно был интернациональным и глобальным, но в то же время – и оголтело националистическим. Становясь единым целым, мир по-прежнему оставался разделенным. Карта была разделена на империи, контролируемые из Европы. К 1850 г. большая часть мира была поделена между европейскими империалистическими державами, и в последующие 50 лет происходила финальная фаза передела, когда столь удаленные друг от друга колонии, как Новая Гвинея и Восточная Африка, приобрела Германия, тропический Конго стал владением Бельгии, части Северо-Восточной Африки отошли к Италии, Новая Каледония и большая часть Индокитая были захвачены Францией, огромные пространства утесов и равнин в Центральной Азии вошли в состав Российской империи, а цепью островов и большими участками на материке завладела Британия, которая бесспорно была самым крупным владельцем колоний. Даже Соединенные Штаты невольно вступили в эту гонку, приобретя Аляску и захватив испанские колонии, тянувшиеся от Кубы до Филиппин. К 1900 г. большинство частей земного шара подчинялись колониальным державам.

Цветная карта мира была залита и испещрена красным цветом, который картографы использовали для обозначения владений Британской империи. Королева Виктория, которая умрет в 1901 г.,

правила империей таких размеров, которые и не снились монголам. Эта империя станет первой, в которой никогда не садится солнце.

НЕВИДИМАЯ ИМПЕРИЯ ИДЕЙ

Хотя Римская империя по своим размерам и долговечности была чудом, некоторые империи, расцветшие к 1900 г., были еще крупнее. И Россия, и Соединенные Штаты, и Китай занимали территории, превосходившие по площади древнюю Римскую империю. Равным образом заморские владения Британии и Франции были обширнее, чем все римские колонии вместе взятые, хотя вмешательство европейцев в повседневную жизнь своих колоний было, вероятно, не таким навязчивым, как вмешательство Рима в дела жителей своей империи.

Существуют две категории империй. Одни – физические, состоящие, как Римская и Британская империи, из колоний и зависимых государств. Другая категория – это невидимая империя идей. В XIX в. Европа распространяла свое влияние даже больше через империю идей, чем путем приобретения новых колоний.

В то же самое время невидимая империя идей – гораздо менее осязаемая – распространялась и в обратном направлении. Около 1900 г. ручеек плодотворных идей из Африки и Азии мирно вливался в европейскую цивилизацию. Во Франции на живопись кубистов огромное влияние оказало искусство Западной Африки. Известные писатели, такие как Джек Лондон и Редьярд Киплинг, отмечали достоинства эскимосов и индейцев.

Вспыхнувшее с новой силой в некоторых слоях западного общества уважение к природе привело к выводу, что «примитивные» народы, жившие в со-

гласии с природой на другой стороне земного шара, были наделены добродетелями, прежде игнорируемыми. Основание международного бойскаутского движения в 1907 г. стало отражением представления о том, что многому можно научиться не только из книг Оксфорда и Тюбингена, но и у волка.

Светское образование, хотя и во многом обязанное религиозным импульсам, было на подъеме. С тех самых пор, как некоторые течения в протестантизме развили идею о том, что каждый – и даже каждая – может быть для себя священником, умение читать стало жизненно важным. Протестантские Пруссия, Голландия и Шотландия – все они были относительно невелики по площади и численности населения – первенствовали по грамотности и, соответственно, по общей тяге к знаниям. Шотландские образовательные учреждения продолжали выпускать так много одаренных юношей, что страна не могла найти всем достойного применения; поэтому они устремлялись на юг, в Лондон, где книгоиздательская индустрия, вероятно, крупнейшая в мире, почти превратилась в шотландскую вотчину. Евреи также выдвинулись на первый план в образовательной сфере. Они оказывали на нее гораздо большее влияние, чем можно было бы предположить при их малой численности.

Во многих частях мира традиционно владение землей давало тому, кому она принадлежала, доход, социальный статус и политические права. Образование теперь бросило вызов экономической роли землевладения, хотя пока не особенно посягало на его статус. К 1900 г., вероятно, столько же людей в США, Франции, Британии и Германии обеспечивали себе безбедное и достойное существование, работая в сфере образования, сколько и в результате

владения землей, минералами и другими природными ресурсами. Образование стало новым Диким Западом. Фактически это была лихорадка знаний, сравнимая с золотой лихорадкой в Калифорнии и Австралии полвека назад.

Способность распространять знания была почти исключительной особенностью ведущих держав; и ни в один из прежних периодов не происходило такого накопления полезных знаний. Физик Альберт Эйнштейн широко признается гением XX столетия; но кто мог утверждать это со знанием дела – ведь научные теории, сформулированные этим блестящим и скромным немецким евреем, были поняты лишь немногими. Каждая сфера знаний была теперь вотчиной узких специалистов, и не многие специалисты пытались перепрыгнуть высокие изгороди, отделяющие одну сферу от других.

Специализация лежала в основе успехов Европы, но она же таила в себе серьезные угрозы для специалистов – еще большие, чем для цивилизации, которая извлекала пользу из их исследований. Иногда звучали недоуменные вопросы, произнесенные шепотом, поскольку мысль была еретической: если знания и истинная ученость действительно так важны, то почему большинство специалистов довольствуются владением столь малой и концентрированной крупницей знания?

Этого вторжения знаний не удалось избежать ни одной стране. У Японии бывали периоды отстранения от общего процесса, но и в изоляции в ней не замирали активность и изобретательность. В конце 1500-х гг., на исходе первого периода контактов с Европой, Япония производила больше мушкетов, чем, возможно, любая страна в Европе. В 1850-е гг. она снова открылась миру,

разрешив заходить в свои порты иностранным кораблям. В 1860-е гг. она начала реформировать свою армию по французскому образцу, а военно-морской флот – по британскому. В 1876 г. запрет на ношение мечей стал еще одним признаком расставания с феодальным прошлым. Строительство железных дорог – которому яростно сопротивлялись некоторые японцы – было следующим. Преобразование Японии было энергичным и решительным. В 1895 г. она одержала победу в короткой войне с Китаем, а 10 лет спустя выиграла – к удивлению всего мира – короткую войну с Россией.

Длинный и славный период эгоцентризма Китая, напротив, закончился некоторым унижением. Во многих его портах европейцы установили собственные порядки, а Шанхай быстро превращался в европейский город. Монаршей власти в Китае, некогда всемогущей, вскоре суждено было пасть. Существовала даже вероятность того, что Китай постигнет участь Африки, и он будет поделен между европейскими державами.

Это был кардинальный переворот в отношениях между Китаем и Европой. Если бы такое оскорбление трона и культуры было возможным, скажем, в 1400 г., именно китайцы посылали бы буддийских миссионеров в Дублин, управляли бы таможнями в Гамбурге и Константинополе и угрожали бы разделить Европу, если люди не будут вести себя соответственно китайским представлениям.

Повсюду в мире распахивались запертые ворота, но только не в Мекке. Она по-прежнему оставалась городом, закрытым для неверных. И тем не менее многие арабы, отправляясь в обязательный хадж, теперь предпочитали одеваться в цветные манчестерские ткани.

ПОДЪЕМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В течение нескольких тысячелетий существовали лишь два долговременных очага инноваций и экономической власти. Одним из них была восточная Азия, а другим – Средиземноморье, особенно страны на Восточном побережье. Из влиятельных западных империй, существовавших до 1500 г. н. э., египетская, месопотамская, греческая, Римская, эллинистическая и Византийская империи группировались именно в этой относительно небольшой зоне. Восточное Средиземноморье было не только местом рождения самых распространенных на западе авраамических религий – иудаизма и наследовавших ему христианства и ислама, – но и колыбелью самых разных и жизненно важных западных инноваций – от земледелия и металлообработки до письменности, арифметики и даже государственности.

Восхождение к господству на мировой арене стран Северо-Западной Европы – господству, масштабов которого никогда не достигали старые империи Восточного Средиземноморья и Малой Азии, – невозможно было предсказать еще в 1600 г. Это восхождение не было неотвратимым, но, оглядываясь назад, можно отметить несколько мощных факторов, способствовавших ему. С открытием Америки и освоением длинного морского пути вокруг мыса Доброй Надежды в Индию, Ост-Индию и Китай Северо-Западная Европа получила преимущество. Разумеется, она делила это преимущество с западным побережьем Италии и средиземноморским побережьем Испании, которые занимали не менее выгодное для транспортировки сокровищ Нового Света через океан положение, чем Амстердам и Лондон.

Протестантизм был одним из приводных ремней процесса возвышения Северо-Западной Европы. Это религиозное движение процветало по преимуществу на северной стороне Альп. Вероятно, реформаторам было легче добиваться успеха вдали от Рима и других итальянских городов и княжеств, с их связью с папством и эмоциональной заинтересованностью в его поддержке. Кроме того, в первые годы Реформации ее приняла и поддержала с энтузиазмом, со временем только возраставшим, торговая и капиталистическая система, в основном связанная с текстилем, которая уже сложилась и интенсивно развивалась в некоторых частях Европы. За некоторыми существенными исключениями, протестантское вероучение более сочувственно относилось к исследовательскому духу, столь необходимому развивающейся науке и технике.

Географическое положение по-своему способствовало подъему Северо-Западной Европы. Этот холодный регион, с его длинными зимами, был активным потребителем топлива. Когда Англия, Бельгия и другие части этого региона начали исчерпывать дешевые запасы дров, они обратились к неглубоко залегающим прибрежным угольным пластам. Так случилось, что этот регион имел самые богатые месторождения угля по сравнению с Италией, Грецией, Египтом, Благодатным Полумесяцем и всеми странами Восточного Средиземноморья и Персидского залива. В свою очередь разработка угольных месторождений привела, хотя и не автоматически, к появлению парового двигателя и коксосжигающих доменных печей. Паровая тяга была самым влиятельным агентом глобализации из всех, появившихся до тех пор, поскольку прямо и опосредованно вела к созданию двигателей автомобилей и самолетов, к веку газа и нефти.

Так сочетание важных и второстепенных факторов помогло Северо-Западной Европе опередить более теплые и сухие Средиземноморье и Ближний Восток. Западная Европа использовала свое географическое положение, ведомая духом интеллектуального и коммерческого авантюризма, каких мир, вероятно, прежде не знал.

Соединенные Штаты демонстрировали тот же дух авантюризма, и даже с большим успехом. Огромная кладовая природных ресурсов и двигатель науки, они были потенциально богаче Северо-Западной Европы, и к 1900 г. вмещали больше жителей, чем любые две европейские страны, вместе взятые. Они также были едины, в то время как Европа – разделена. Ничто так не повлияет на события XX в., как единство Северной Америки и растущая раздробленность Европы.

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Можно так написать историю мира, что почти главным ее содержанием будут войны между кланами, племенами, странами и империями. Бесчисленные войны, засвидетельствованные письменно и неописанные, происходили по меньшей мере последние 10 000 лет. Разумеется, мир – более естественное состояние, чем война, но войну и мир соединяет причинно-следственная связь. Так, длительность мирного периода может зависеть от итогов предшествовавшей ему войны и соблюдения заключенных договоренностей. Мир между двумя государствами региона часто является результатом согласия с неофициальной иерархией, выстроившейся в результате либо войны, либо военной угрозы. В Европе в 1914 г. уже, к сожалению, не было согласованной неофициальной иерархии.

Последняя большая война в Европе – между Францией и Пруссией в 1870–1871 гг. – была скоротечной; и поэтому было сочтено, что и в будущем войны, вероятнее всего, будут короткими. К Первой мировой войне привела вера в то, что война сама по себе – это по-прежнему быстрый и эффективный способ решения проблем. Обе стороны надея-

лись на победу. Они также надеялись на быструю победу, поскольку военная техника, казалось, как никогда прежде шагнула вперед.

ТУПИКОВАЯ ВОЙНА

Война началась в августе 1914 г., и предполагалось, что закончится она до Рождества или вскоре после него. Когда Германия и ее союзник, Австро-Венгрия, вступили в столкновение с Россией в Восточной Европе, и немцы начали бои с французской и британской армиями на равнинах Северной Франции, а австрийцы схватились с сербами, казалось, что война быстро покатится к своему скорому концу. Германия сначала побеждала, но ее потери были огромными.

Огневая мощь недавно появившихся пулеметов и тяжелых пушек, перемещаемых с помощью лошадей, была так сокрушительна, что тысячи солдат, приближавшихся к врагу, падали как подкошенные, и тысячи солдат, встававших на их место, падали тоже. Солдаты на большинстве полей сражений вынуждены были месяцами выкапывать сотни километров окопов и устраивать заграждения из колючей проволоки, чтобы защитить себя. Длинные окопы, достаточно глубокие для того, чтобы солдат, стоящий в полный рост, оставался невидимым для врага, были своеобразной формой щита.

Это замедляло передвижение противоборствующих армий, и война становилась оборонительной. Любая попытка одной из армий выйти из спасительных окопов и пойти на штурм обычно заканчивалась захватом лишь узкой полоски земли, после чего град снарядов и пуль с противоположной стороны заставлял смельчаков отступить. В такие дни потери исчислялись десятками тысяч.

На большинстве фронтов в последние недели 1914 г. сложилась патовая ситуация, что грозило превратить Великую войну 1914 г. в Великую войну 1914–1915 гг.; а месяцы все продолжали тянуться. В апреле 1915 г., пытаясь выйти из тупиковой ситуации, британцы и французы, совместно с австралийцами и новозеландцами, открыли новый фронт на турецком побережье близ Галлиполи, у выхода из пролива Дарданеллы. Они рассчитывали за несколько недель одержать победу над Турцией, пройти на судах по освобожденным Дарданеллам к южным российским портам и доставить оружие и боеприпасы для снаряжения огромных русских армий. От русских армий в свою очередь ожидалось, что они оттеснят немцев на Восточном фронте. Турки, однако, окопались, блокировав и этот участок военных действий, и тем самым вынудили нападающих отступить в конце года.

Война, зашедшая в тупик, опровергла прогнозы всех, кроме нескольких одаренных военачальников и кабинетных стратегов. Подобных ей еще не случилось в истории человечества. Принято во всем винить генералов. Но в большинстве воюющих стран даже солдатские матери, жены и подруги поначалу приветствовали войну, убежденные пропагандой, что это непрерывное кровопролитие чудесным образом закончится поражением измученного врага.

Войне, с ее непредсказуемостью и изменчивостью, сопутствует множество «если». Если бы России помогли в 1915 г., царю и его министрам, возможно, удалось бы удержать контроль над своей взбунтовавшейся страной. Но три года военных поражений подряд лишили ноги и без того хромавшего царя. В 1917 г. разразились быстро следовавшие одна за другой две революции, и власть захватили Ленин и коммунисты. Россия вышла из войны.

В начале 1918 г. у Германии еще оставался шанс выиграть войну или договориться о приемлемом мире. От Соединенных Штатов, вступивших в войну на поздней стадии, вряд ли ожидали, что они окажут сильное влияние на ее ход. К тому же главный союзник Германии, Австро-Венгерская империя, по-прежнему крепко удерживала горную линию фронта, не давая итальянцам прорвать ее. С большим воодушевлением немцы начали наступление, в результате которого в марте 1918 г. они сильно продвинулись и приблизились к Парижу.

Постепенно военная удача отвернулась от Германии. Это было вызвано тем, что врагам больше повезло с доступом к продовольствию и сырью, с возможностями пополнять боеприпасы и живую силу. Линии ее фронтов прогнулись, словно под

ударами молота. К сентябрю 1918 г. Германия осталась почти без союзников. Болгары капитулировали. Турки, воевавшие для того, чтобы сохранить свою империю на Среднем Востоке, были близки к капитуляции. Австро-Венгерская империя находилась на грани распада, а в октябре и Югославия, и Чехословакия объявили себя республиками. В Германии по мере приближения зимы боевой дух иссякал не только у гражданских, но даже у военных. Не хватало одежды и продовольствия: давала о себе знать вражеская блокада. 3 ноября 1918 г. в Киле подняли мятеж немецкие моряки. 9 ноября социалистическая революция охватила Мюнхен, в то время как император Германии, кайзер Вильгельм, отрекся от престола в Берлине. Через два дня, 11 ноября, Германия и ее союзники подписали перемирие.

Для солдат это была самая ужасная война из всех, какие знал мир; для гражданского населения Тайпинское восстание было еще ужаснее. Из 8 500 000 солдат и моряков, погибших в Первой мировой войне, потери Германии были самыми большими, за ней шли Россия, Франция, Австро-Венгрия, а затем Британия и ее империя. Кроме того, более 20 000 000 солдат были ранены; и в этот список убитых и покалеченных не включены, вероятно, пять миллионов гражданских, чья смерть стала непосредственным результатом войны. От тесных московских квартир до овцеводческих ферм Новой Зеландии на миллионах каминных полок стояли черно-белые фотографии, с которых хмурились или улыбались юноши, убитые на войне – теперь ее называли Великой войной, не зная, что еще более страшная война ожидает мир всего через двадцать лет.

Без этой Великой войны, возможно, не было бы русской революции и победы коммунизма. Но без

нее также энергичные монархи во всем своем великолелии продолжали бы править в Вене, Берлине – Потсдаме и Санкт-Петербурге, а султан стал бы во главе Турецкой империи – империи, которая тоже исчезла. Если бы не было войны, возможно, никто не узнал бы имени Гитлера, поскольку его породила горечь поражения Германии, так же как и Муссолини стал диктатором Италии в основном потому, что играл на послевоенном разочаровании своего народа.

За столом переговоров на мирной конференции в Версале в 1919 г. встретились высокие ожидания и жажда реванша. Многие нации ухватились за возможность создать собственные государства. Это был пикник картографов. Теперь в Европе на том месте, где накануне войны были 20 государств и стран, появились 31. Некоторые из новых государств были карликовыми, а некоторые, например Польша и Венгрия, – крупными. Большинство примеряло на себя демократию, не всегда успешно. Некоторые превратились в диктатуры.

Эта война, оказавшаяся намного более длинной, чем представлялось в 1914 г., была ударом по оптимизму, пустившему корни в Европе в те относительно мирные, благополучные и цивилизованные 99 лет, которые прошли после поражения Наполеона. И все же многие европейцы не унывали. В Женеве была учреждена постоянно действующая организация – Лига наций, в которой споры между государствами решались путем дипломатических переговоров. Этот парламент мира был, вероятно, самым смелым экспериментом в истории всех государств того времени. Надежда либералов и идеалистов мира, он превратился в обычный дискуссионный клуб.

Без Великой войны Британия и Европа продолжали бы доминировать в финансовой сфере, но во

время войны они вынуждены были брать кредиты. Так Соединенные Штаты, особенно в годы своего военного нейтралитета, стали финансировать военные действия. Одной из причин приближавшейся мировой экономической депрессии стало новое финансовое могущество, обретенное Соединенными Штатами в 1920-е гг. Относительно неопытные в роли мирового лидера, устойчивые к смене подъемов и спадов и с радостью наблюдающие, как фондовая биржа на Уолл-стрит дирижирует экономической и финансовой деятельностью, они вели шаткий мир к хронической нестабильности. Другой причиной краха экономики, ставшего очевидным в 1930 г., было то, что Британия пыталась восстановить свою финансовую систему в ее довоенном виде и изо всех сил стремилась сохранить стабильные цены. Но не следует слишком строго судить эти попытки. После такой катастрофической войны решительная попытка склеить части разбитого мирного прошлого была почти неизбежна.

Во многих странах в 1920-е гг. доля безработных в наиболее тяжелые месяцы превышала 10%. Отчасти это было результатом дезорганизации, вызванной скоростью перемен. Новые промышленные районы и предприятия возникали и рассыпались, перемещение рабочих с ферм на фабрики продолжалось, но фабрика с большей вероятностью могла пострадать от резких падений, чем ферма. На ферме при падении цен работники продолжали трудиться за гораздо более низкую плату или по меньшей мере могли прокормиться тем, что выращивали сами. Когда происходил резкий спад на автомобильных, шинных, текстильных производствах, рабочие оставались дома и им не на что было жить. Правительства и экономисты точно не знали, как преодолеть депрессию. Преобладало мнение,

что им не нужно ничего делать и что экономика, проглотив лекарство в виде высокой безработицы и низких цен и доходов, быстро восстановится сама.

Крах рынка акций на Уолл-стрит в октябре 1929 г. с высоты сегодняшнего дня воспринимается как пожарная тревога. Финансовое доверие упало, и люди перестали покупать, что в свою очередь привело к дальнейшему сокращению рабочих мест. Безработица росла; в некоторых индустриальных странах ее уровень в 1932 г., когда экономика достигла самого дна, превысил 30%. Экономическая депрессия приняла беспрецедентные масштабы. Она стала питательным бульоном для коммунизма и фашизма. А это в свою очередь привело ко Второй мировой войне, которую все больше склонны рассматривать как следствие незавершенности Первой.

Гитлер в Германии и Сталин в России выковывали грядущую войну. Им принадлежит решающая роль в развязывании войны в 1939 г., и короткое время они были союзниками.

Адольф Гитлер родился в приречном австрийском городке, где его отец занимал мелкую должность на таможне. Несостоявшийся художник, он взял себе что-то от антисемитизма Вены и что-то от бурления мюнхенского патриотизма в начале Первой мировой войны. Призванный в немецкую армию, он получил Железный крест за отвагу на Западном фронте. Один из тех немецких солдат, которые по возвращении к гражданской жизни в 1918 г. были поражены упадком морального духа в тылу, когда этот дух был еще силен во многих частях переживающей тяжелые времена армии, он дал выход своему чувству, что его предали, занявшись любительской деятельностью на задворках политики. В 1919 г., в возрасте 30 лет, он стал главой маленькой

баварской политической партии – Немецкой национал-социалистической рабочей партии. Национал-социалисты сформировали собственную небольшую армию, которая преуспела в уличных боях с марксистами и другими левыми.

Гитлер знал свою Германию. Его риторика, завораживающая благодаря хитрому манипулированию, согревала сердца многих немцев, испытывавших чувство, что их государство и их мир были несправедливо разрушены в 1918 г. Он вкладывал в свои выступления такую физическую и эмоциональную энергию, что после двухчасовой речи его рубашка была насквозь мокрой от пота. Недавно появившиеся громкоговорители и радио помогали распространению его идей. Не многие партийные лидеры в Европе так быстро научились использовать последние достижения.

Мировая депрессия начала 1930-х гг. вселяла в людей тревогу и предчувствие хаоса. На этих страхах и играл Гитлер. Многие немцы видели в Гитлере твердую руку, которая сможет восстановить закон и порядок. Страх перед коммунизмом завоевывал ему растущую поддержку со стороны мелких фермеров и лавочников. Он и его речи взывали к германской гордости и эксплуатировали широко распространенную обиду на то, что Германию несправедливо победили в игре, в которой она намного превосходила остальных, – а именно в войне.

На выборах 1930 г. процент проголосовавших за партию Гитлера увеличился. В 1932 г. ряды ее сторонников опять удвоились, и она превратилась в крупнейшую немецкую политическую партию. В январе следующего года она присоединилась к коалиции мелких правых партий, и Гитлер официально был назначен канцлером. Вскоре он стал фактическим диктатором. Начались преследования евре-

ев, разгром профсоюзов, уничтожение гражданских свобод. В 1939 г. престарелый президент умер, и Гитлер со всенародного согласия получил полный контроль над страной.

Он практически не был подготовлен к власти; он не любил административную и бумажную работу. До прихода к власти самой высокой должностью, которую ему приходилось занимать, был армейский капрал.

ВОСТОЧНЫЙ ДИКТАТОР

Иосиф Сталин – не настоящее имя тогдашнего правителя России. Организатор и агитатор, Иосиф Джугашвили, отбывавший каторгу в Сибири за политическую деятельность, он взял себе псевдоним Сталин вскоре после победы революции 1917 г. Редактируя коммунистическую газету «Правда», он был в курсе всех дел и постепенно набирал власть. Став после смерти Ленина в 1924 г. ключевой фигурой в руководстве партии, он начал уничтожать личных и воображаемых противников. Он наметил стратегию по укреплению вооруженных сил, а в экономике начал осуществление первого пятилетнего плана в 1928 г. Хотя новый Советский Союз продолжал страдать от множества экономических болезней и прислушиваться к приглушенному ропоту недовольных, в нем не было официальной безработицы, и практически все свободные руки были приложены к тому или иному делу. Великая депрессия обошла Советский Союз стороной, и благодаря этому необычайно взлетел его престиж.

Благодаря строительству новых электростанций, фабрик и шахт Россия превратилась в индустриальную державу. Сталин довел до конца самые кардинальные из всех, когда-либо предпринимав-

шихся одним правителем, изменения в сельском хозяйстве. Он превратил частные хозяйства в коллективные – удивительная и решительная перемена, учитывая то, что сельское хозяйство в России было вовлечено гораздо больше людей, чем в любом другом европейском государстве, и основная их масса испытывала собственнические чувства по отношению к своей земле и отвращение к сталинским колхозам. Крестьян, сопротивлявшихся политике коллективизма, высылали, морили голодом или убивали.

Сталин считал, что коммунизму, да и ему самому, грозит гибель, если он не будет безжалостным. В мирное время органы безопасности уничтожали или ссылали большое число граждан государства. И тем не менее национальный патриотизм при Сталине был выше, чем во времена царского правления. Стойкость и отвага, которые русские солдаты проявили во Второй мировой войне, просто поразительны.

Гитлер и Сталин имели много общего, включая тот факт, что оба пришли к власти, будучи чужаками: Гитлер был австрийцем, а Сталин – грузином. Оба были практически безвестны и маловлиятельны в возрасте 35 лет, и обоих безнадежно недооценивали противники. Проведенное Гитлером перевооружение Германии застало Францию и Британию врасплох, то же касалось и перевооружения Сталиным России. Оба лидера обладали врожденной способностью правдоподобно лгать своему народу и всему миру. Они были фельдмаршалами пропаганды в эпоху, когда ее влияние усиливали радио и кинематограф.

И Сталин, и Гитлер, и итальянский диктатор Бенито Муссолини, который захватил власть в 1922 г., твердо намеревались переписать результаты Первой мировой войны, а если потребуется, то и

продолжить ее. В 1939 г. появилась, словно для них предназначенная, долгожданная возможность.

Традиционно в Европе длительная и тяжелая война приводила к долгому периоду мира. Устанавливая четкую иерархию главных государств-участников, война с бесспорными результатами давала возможность многие проблемы решать дипломатическим путем. Кроме того, в первые послевоенные десятилетия память об ужасных невзгодах и человеческих потерях была еще свежа: в такой ситуации дипломатия как способ разрешения споров между государствами была предпочтительнее войны. Так же как за бесспорной победой в длительных Наполеоновских войнах в Европе наступил продолжительный относительно мирный период, и от окончания Первой мировой войны – оптимистически рассматриваемой как война, которая положит конец всем войнам, – ждали последствий в виде еще более радужного мира. Трагедия этой войны заключается в том, что в ретроспективе она кажется совершенно бессмысленной. Ее завоевания вскоре были утрачены, и вот-вот должна была начаться новая война.

Почему победе радовались так недолго? К несчастью для победителей – и для мира во всем мире – те совокупные силы, которые выиграли Первую мировую войну, вскоре рассеялась. Соединенные Штаты, чье индустриальное могущество играло жизненно важную роль еще до того, как первые американские солдаты отправились морем на поля сражений, внутренне отделились после окончания войны. Они самоустранились, закрыв свои глаза и уши для Европы. Япония, оказавшая большую поддержку своими военно-морскими силами в начале войны, также отступилась. Таким образом, две главные державы, заинтересованные в том, чтобы удержать победу, завоеванную с их помощью, не стали использовать свой

вес против побежденных держав. Если такое когда-либо и случалось после серьезной войны, то крайне редко. Кроме того, Италия, также воевавшая на стороне победителей, была разочарована тем, что не получила немецкие колонии в Африке и другие выгоды, обещанные союзниками. Италия стала третьей страной-победительницей, подорвавшей с трудом завоеванный мирный договор. Четвертой была Россия. Она воевала на стороне победителей до марта 1918 г., когда, истощенная и раздираемая революцией, вышла из войны с Германией. В результате этой войны она потеряла или уступила огромную территорию, включая Латвию, Эстонию и Литву. Таким образом, у нее был побудительный мотив заново перекроить новую Европу, сложившуюся в 1919 г.

Из всех могущественных стран, которые побеждали в 1918 г., только у Британии и Франции оставались веские основания придерживаться мирного договора, разоружать Германию и следить за тем, чтобы она оставалась демилитаризованной. И это невероятно размывало достижения военного времени.

Затем пришла Великая депрессия, и чувство беспомощности поселилось во многих индустриальных государствах, которые сражались в этой войне. Депрессия вручила власть Гитлеру, который уверенно повел свою страну к нарушению мирного договора. Когда он начал перевооружение, Лига наций была слишком слаба и расколота, чтобы вмешаться. В марте 1936 г. Гитлер снова презрел договор, оккупировав бассейн Рейна. Если бы Франция и Британия предприняли немедленные совместные действия, солдатам Гитлера, вероятно, пришлось бы выйти из захваченного района.

Гитлер продолжал перевооружаться. Строительство автобанов, или скоростных шоссе, и восстано-

ление автомобильной промышленности не меньше, чем перевооружение, способствовали уничтожению безработицы в Германии. Немецкий боевой дух и самоуважение восстанавливались. В марте 1938 г. войска Гитлера вступили в Австрию. В октябре он внезапно оккупировал немецкоговорящую часть Чехословакии. Страница за страницей он перечеркивал Версальский договор. Больше всего потерявшая в результате Первой мировой войны страна вернула себе основную часть территориальных потерь в Европе.

Новая война началась в 1939 г. вторжением Гитлера в Польшу. Советский Союз принял участие в ее разделе. Польша была сокрушена прежде, чем обещавшие ей поддержку Франция и Британия смогли вмешаться. В 1940–1941 гг. Гитлер захватил почти всю Центральную и Западную Европу, за исключением Италии и Румынии, которые были ее союзницами, а также Испании, Португалии, Турции, Швеции и Швейцарии, которые сохраняли нейтралитет. Он неожиданно, застав врасплох Сталина, вторгся в Россию, и к концу 1941 г. авангард его войск достиг окраин Москвы. Но чем дальше продвигались немцы, тем уязвимее становились пути снабжения их войск. Постепенно стало понятно, что вторжение Гитлера в Россию станет поворотным моментом в войне, в которой до тех пор удача сопутствовала ему.

Вторая мировая война состояла из двух отдельных войн: фронты одной находились преимущественно в Европе, а вторая разворачивалась в Восточной Азии. Азиатская война началась раньше, с вторжения Японии в Маньчжурию в 1932 г., и еще сильнее разгорелась в 1937 г., когда Япония начала оккупацию восточной половины Китая. Поражительная победа Гитлера в Западной Европе в 1940 г.

ослабила британские, нидерландские и французские колонии в Юго-Восточной Азии и американские базы на бывших испанских Филиппинах. Япония воспользовалась этой слабостью. В декабре 1941 г. она внезапно атаковала территории и базы от Бирмы и Гонконга до Перл-Харбора.

Первоначальные две войны – европейская и азиатская – слились в общую войну, с Германией и Японией на одной стороне и Соединенными Штатами, Британией, Китаем и большинством других государств мира – на другой. Она стала мировой войной, в то время как Первая мировая война была преимущественно европейским конфликтом, время от времени выходящим за границы этой территории.

Ни одно из предшествующих событий мирного или военного времени не отражало так ярко сжатие мира. Самолеты и радио легко преодолевали континенты. Тихий океан пресечь было так же легко, как Средиземное море в эпоху галер. Признаком новой эпохи ведения боевых действий механическими средствами было то, что во время решающей битвы в Коралловом море, вблизи восточного побережья Австралии в мае 1942 г., два противоборствующих флота – японский и американский – находились вне пределов видимости друг от друга. Просто с кораблей поднимались в воздух самолеты, которые бомбили боевые корабли противника, тем самым приближая победу.

В последние месяцы 1944 г., после почти пятилетней войны, стал виден ее конец. Германия и Япония терпели сокрушительное поражение. Но трудно было предсказать, когда оно станет окончательным – через 6 или через 36 месяцев. В человеческой истории мало событий, столь же непредсказуемых, как начало мира.

БОМБА И ЛУНА

В начале XX в. физика была, вероятно, самой главной из наук. Энергично открывая и изучая прежде скрытые законы физического мира, она приобрела романтический ореол. Часть ее славы нашла объяснение только впоследствии. Если бы не была изобретена атомная бомба, на физиков вряд ли смотрели бы с таким благоговением.

Долгое время атом считался простейшим «кирпичиком мироздания». Атомы так малы, что, если бы поместили в ряд вплотную друг к другу 10 000 миллионов атомов, они заняли бы отрезок длиной всего в метр. В 1704 г. сэр Исаак Ньютон в своей «Оптике» писал, что атом так тверд и прост, что «никакая обычная сила не в состоянии разделить то, что Сам Бог создал единым при сотворении мира». Еще меньшую и еще более сложную часть – ядро – обнаружат позднее. О невероятной энергии, скрытой в атоме и его ядре, и о ее разрушительной силе в начале Первой мировой войны никто не подозревал. Только исследования эмигранта из Новой Зеландии Эрнеста Резерфорда и датчанина Нильса Бора, а также физиков из других западных стран, позволили выявить эту энергию.

Поскольку Германия находилась на переднем плане физических исследований, можно было бы ожидать, что она начнет активно применять достижения этой науки в военных целях. Однако Германия поставила расовую чистоту выше научного поиска. Многие из немецких светил физики были евреями, и в 1930-е гг. благоразумно предпочли найти убежище за океаном. Соединенные Штаты с опозданием заняли лидирующее место в ядерных исследованиях. В декабре 1942 г. им удалось добиться управляемой реакции деления ядер, но впереди был еще долгий путь экспериментов и наблюдений.

Германия потерпела окончательное поражение в мае 1945 г., прежде чем Америка была готова испытать свою первую атомную бомбу. Но Америка форсировала исследования, поскольку Япония была еще не побеждена. 16 июля 1945 г. на пустынном полигоне в Нью-Мексико прошли первые испытания атомной бомбы. Взрыв сопровождался таким выделением тепла, что поверхность пустыни в радиусе 1 километра от места испытаний оплавилась, превратившись в стекло. Это было самое поразительное оружие в истории войн. На вопрос «Следует ли его применить против японских вооруженных сил?» однозначного ответа не было; а правильность выбранного ответа горячо оспаривается до сего дня. В среде американских политиков было сильно желание отомстить за Перл-Харбор. В свою очередь ученые-ядерщики испытывали понятное стремление проверить эффективность оружия, над созданием которого они так упорно трудились. А американские генералы опасались, что Япония будет воевать до конца и что, возможно, придется потерять не менее полумиллиона жизней американцев, прежде чем она наконец признает свое поражение.

Еще в июле 1945 г. около пяти миллионов японских солдат готовы были защищать свои предыдущие завоевания, включая большую часть Китая, Индонезийский архипелаг, полуостров Малакка, Тайвань и современный Вьетнам. Военно-промышленный комплекс по-прежнему работал безотказно. Япония имела более 5000 самолетов с отважными пилотами-камикадзе, готовыми, пожертвовав жизнью, врезаться во вражеский авианосец или воздушную базу. Япония не желала признавать поражения.

В наши дни многие историки осуждают решение американцев сбросить атомную бомбу на Японию как еще одну позорную страницу в истории человечества. Они указывают на то, что эта бомба открыла новую эпоху – эпоху массового уничтожения мирного населения. Тем не менее эта эпоха, вероятно, настала еще раньше. Воздушные налеты на немецкие и японские города с обычными бомбами были уже смертоносными. Так, в результате всего одного авианалета на Токио в предыдущем мае погибло 82 000 мирных жителей – или $\frac{2}{5}$ от числа японцев, ставших жертвой первой атомной бомбы. И если бы война все продолжалась и продолжалась, и использовались бы только фугасные бомбы, сотни тысяч японских мирных граждан погибли бы в результате воздушных налетов и бомбардировок, а затем, вероятно, и вторжения на Японские острова.

Все эти доводы принимал во внимание президент Трумэн в Вашингтоне. Один крайне важный фактор, однако, был упущен. Атомная бомба, взрываясь, делает то, чего не может обычная бомба: ее радиация причиняет ущерб на генетическом уровне и таким образом наказывает еще не родившихся детей за ошибки и грехи военного поколения Японии. Но даже если бы ученые полностью осознава-

ли губительные последствия радиации, они, возможно, пришли бы к тому же решению – о необходимости использования атомной бомбы против японцев. Около шести лет продолжалась эта ужасная, изматывающая, смертельная война. Победу откладывать было нельзя. Этот довод всегда более убедителен для участников событий, чем для тех, кто оценивает их десятилетия спустя.

6 августа 1945 г. тяжелый американский бомбардировщик взлетел с одного из Марианских островов, взял курс на Японию и сбросил бомбу. Большая часть Хиросимы превратилась в подобие доменной печи, погибли около 90 000 японцев. Соседний Токио не выразил желания подчиниться. Три дня спустя вторая атомная бомба – последняя в арсенале американцев – была сброшена на город Нагасаки. Через пять дней император Японии лично объявил по радио, что его государство признает себя побежденным. Так велики были отрешенность и надменность императора, что его голос тогда прозвучал по радио впервые. Это был император, наделенный остатками божественной власти в эпоху Маркони и Генри Форда.

Формально первый выстрел Второй мировой войны прозвучал на североевропейской равнине, а теперь документы о мире подписывали на боевом корабле, стоящем на якоре в Токийском заливе. В ходе этой войны были призваны в вооруженные силы более 107 миллионов человек. Были убиты, вероятно, 11 миллионов русских солдат – потери, превышающие число погибших с обеих сторон в Первой мировой войне. В совокупности немецкие и японские вооруженные силы потеряли убитыми почти пять миллионов человек. Потери среди гражданского населения намного превзошли таковые во время предыдущей мировой войны, и в Ки-

тае они, вероятно, достигли 20 миллионов, а в России – 11 миллионов.

Евреи, довоенная численность которых во всей Европе была мала по сравнению с населением Германии, понесли в целом больше потерь, чем вооруженные силы Германии и ее гражданское население, жившее в подвергшихся бомбежкам городах. По иронии судьбы многим евреям когда-то жизнь в Германии казалась безопасной. Многие немецкие евреи действительно занимали видное положение в юриспруденции, университетах, медицине. Некоторые с надеждой приезжали в Германию из беспокойных мест, и многие отказывались от возможности эмигрировать в растущие еврейские поселения на территории Палестины: государство Израиль еще не родилось. Но к 1942 г., если не раньше, немецкие руководители вознамерились уничтожить евреев во всех подвластных им землях. По меньшей мере пять миллионов человек было убито.

Этому проекту ликвидации некоторые нацистские лидеры дали название «окончательное решение еврейского вопроса». Позднее его сменило простое определение «Холокост». Это событие не было уникальным по своей жестокости и ненависти. Человеческая история усыпана фактами жестокости, равно как и благородства и великодушия. Но Холокост потрясает масштабами истребления и отказом щадить стариков и детей. Он подорвал веру в прогресс человечества, потому что все это было задумано и исполнено нацией, которую многие беспристрастные наблюдатели в начале столетия считали самой цивилизованной и культурной в мире.

Появление ядерного оружия также заставляло усомниться в идее человеческого прогресса. Вряд ли большинство людей в мире чувствовали бы себя в безопасности, если бы ядерным оружием, настолько

БОМБА И ЛУНА

превосходящим обычное вооружение, владели только Соединенные Штаты. Советский Союз не чувствовал себя в безопасности. Ему нужно было владеть аналогичным оружием. Наконец, в 1949 г. в СССР тайно прошли испытания первой атомной бомбы. Президент Трумэн ответил еще одним мощным оружием – водородной бомбой – в 1951 г.

СКЛЕИВАЯ ЗАНОВО РАЗБИТЫЙ МИР

После 1945 г. Европа была поделена на две части. Демократии доминировали в западной половине. Советский Союз контролировал восточную половину, в том числе часть Германии. Два других коммунистических государства – Югославия и Албания – образовали изолированные анклав на западной половине. Напряженность между коммунистическими и демократическими капиталистическими государствами называют «холодной войной», хотя, оглядываясь назад, видишь, что в гораздо большей степени это был мир, чем война.

Германия, оккупированная победителями, утратила большую часть своего могущества. Даже Британия, Франция и Голландия были ослаблены по сравнению с 1939 г. Причиненные войной разрушения были огромными, и им пришлось залезть в большие долги или распродать иностранное имущество, чтобы финансировать боевые действия. Кроме того, их заморские колонии, которые были источником гордости и скорее потенциального, чем реального, дохода, похоже, намеревались обрести – путем переговоров или силой – независимость.

Большинство лидеров отказывались признавать тот факт, что влияние их государств теперь значительно слабее. Европа пошла по стопам прежних

центров власти, которые в период уверенного расцвета погрязали во внутренних противоречиях. Греческие города-государства вели истребительные войны друг с другом, и все вместе утратили свое превосходство. Римскую империю ослабили внутренний конфликт и гражданская война. Ислам и христианство также были ослаблены расколами. Китай и южноамериканскую империю инков как раз тогда, когда они были безоговорочно уверены в своих силах, разрывали внутренние распри. Послевоенная схватка между коммунизмом в России и капитализмом к западу от нее стала очередной главой в длинной истории европейских споров. И все же Европе спасло от упадка растущее единство.

Это объединение началось с простого предложения учредить небольшую зону свободной торговли для угольной, железоделательной и сталелитейной индустрий традиционно враждовавших Западной Германии и Франции. Когда эта зона была открыта в 1952 г., в нее входили шесть государств-членов. К 1970 г. это уже был крупнейший общий рынок в истории, в деятельность которого было вовлечено больше людей и торговых организаций, чем насчитывалось в предшествовавшем ему по времени общем рынке Соединенных Штатов. В 1993 г., когда это сообщество стало не только экономическим, но и политическим, оно включило в себя 15 государств, протянувшихся – всего с двумя перерывами – от Португалии и Ирландии на западе до Греции и Финляндии на востоке. Известное как Европейский союз, оно сейчас представляет собой фактически одно новое государство.

Европа возродилась, несмотря на то что потеряла почти все свои заморские колонии. В некоторых отношениях эти колонии были обузой, хотя к ним, безусловно, не относились так на протяжении че-

тырех с половиной столетий, когда они одна за другой приобретались. Даже в 1945 г. владение заморскими колониями повышало престиж государства. Подчинить их было не так легко.

В начале Второй мировой войны около трети населения мира по-прежнему жила под европейским колониальным правлением. Взлеты и падения этой войны, особенно военные неудачи Франции, Голландии и Британии в 1940–1941 гг., ослабили европейскую хватку. Эта война показала, что колониальное владычество Европы не так уж непоколебимо. Во многих колониях борцы за освобождение не упустили свой шанс. Этический аспект владения колониями был затронут в европейских парламентах, где после войны партии левого толка усилили свои позиции.

Первой освободившейся крупной колонией стала Индия. Ее главным освободителем был Махатма Ганди – один из самых выдающихся политиков столетия. В 1891 г., когда ему было двадцать с небольшим, Ганди стал адвокатом в Лондоне, и модно одевался, и учился танцевать, и совершенствовал свое ораторское искусство. В конце этого десятилетия он уже преуспевающий юрист в Южной Африке, но начинает вести аскетическую жизнь, сам делает себе одежду и соблюдает периоды поста – привычка, унаследованная от матери. В 1907 г. Трансваальский парламент обязывает выходцев из Азии носить с собой регистрационные карты, и Ганди впервые применяет свой принцип «пассивного сопротивления»: в результате он проводит в общей сложности 249 ночей в тюрьме. Вернувшись в Индию в 1915 г., он придал более четкие очертания движению за независимость Индии с помощью стратегии гражданского неповиновения британским властям. Одетый в свое белое покрывало и

сандалии и часто ослепляя беззубой улыбкой газетных фотографов, он стал в глазах остального мира самым знаменитым индийцем. Он приложил больше усилий, чем кто-либо другой, для объединения страны, объединить которую было невозможно.

Когда Индия обретет независимость в 1947 г., она будет разделена на два самостоятельных государства – индуистскую Индию и мусульманский Пакистан; позднее третьим государством станет Бангладеш. В процессе глубоких социальных изменений, сопутствовавших разделу 1947 г., совершалась самая большая миграция в истории современного мира – около 15 миллионов человек заново расселились по стране, чтобы жить в безопасности в Индии своего выбора. Сам Ганди стал жертвой первого бурного года независимости: его убил член экстремистской индуистской организации.

Первые национальные выборы прошли в Индии в 1952 г., в них могли принять участие практически все взрослые, грамотные и неграмотные. Это было одно из удивительнейших событий в политической истории. Второе по численности населения государство в мире воплощало в жизнь систему правления, впервые изобретенную в маленьких демократических коллективах древнегреческих полисов в то время, когда во всем мире было меньше людей, чем в демократической Индии в год ее первых выборов.

Китай также освободился. Хотя и никогда полностью не утрачивая своей независимости, в течение последних 100 лет эта страна была слишком слаба, чтобы противостоять России, Британии, Франции, Германии и особенно Японии, каждой из которых она отдавала на откуп или уступала свои территории. Китай также был ослаблен гражданской войной. Мао Цзэдун, возглавлявший коммунистов в их длительной партизанской войне, нако-

нец одержал победу в 1949 г., оставив своим противникам лишь остров Тайвань.

Ожидалось, что новообразованная Китайская Народная Республика, самое населенное государство в мире, постепенно восстановит свой авторитет, существовавший около пяти столетий назад. Но взаимоотношения народа и власти были ненадежными и сложными. Вместо того чтобы стать ведущей державой, коммунистический Китай вверг в бездну свою экономику. Деревня нищала, экономический прогресс оставался только лозунгом, выкрикиваемым на площадях.

Китайский лидер-освободитель, которого называли «великим кормчим», полагал, что сознание его народа, по счастью, представляет собой «чистый лист», и он может вписывать в него любые нестираемые представления. В 1966 г. его государство стало огромной сценой для так называемой культурной революции – грандиозной нравоучительной постановки со смертями, арестами и сельскими ссылками для тех влиятельных людей, чьи взгляды были сочтены безнравственными и вредными. Нация, которая пять столетий назад была едва ли не первой в мире по эффективному применению человеческих талантов, теперь намеренно отправляла своих учителей, художников и интеллектуалов на серые рутинные работы, заставляя ухаживать за свиньями, собирать вручную урожай и выплавлять железо в домашних доменных печах. Только в 1980-е гг. Китай приступил к осуществлению «большого скачка», о котором партийная пропаганда трубила на протяжении предыдущих трех десятилетий.

Индонезия была еще одним необычным государством, появившимся в первое послевоенное десятилетие. В 1940-е гг. на индонезийских островах жили около 70 миллионов человек, всего на три

миллиона меньше, чем в Японии. Всего полстолетия спустя население Индонезии составляло уже 200 миллионов человек; по этому показателю она уступала только Китаю, Индии и Соединенным Штатам. Это была также самая многочисленная нация, исповедовавшая ислам.

Президент Сукарно создал государство Индонезия, а затем едва не разрушил его. Родившийся от матери-индуистки, происходившей с острова Бали, и отца-мусульманина с Явы, он обладал большим даром слова и способностью к языкам. Он знал голландский – преимущественно на этом языке он получил свое образование, – выучил английский, французский, немецкий, японский, яванский, балийский и суданский. Разумеется, он знал и арабский, как всякий читающий Коран. В то же время он был более знаком с техникой и технологиями, чем большинство тех, кто возглавил новые государства, и в 1925 г. получил инженерное образование, окончив Бандунгский технологический институт на Яве.

Уверенный, энергичный, великолепный оратор, Сукарно протестовал против голландского правления еще в то время, когда колониальные восстания в мире случались нечасто. 13 лет он провел либо в тюрьме, либо в изгнании, вдали от родной Явы. Когда японцы оккупировали голландскую Ост-Индию в 1942 г., Сукарно приветствовал их приход и стал для них очень ценным советником, равно как и лидером своего народа. После того как японцы потерпели поражение, он возобновил свою борьбу против голландцев и добился независимости для своего государства в 1949 г. В 1955 г. он разрешил парламентские выборы и, недовольный их неопределенными результатами, со временем ввел то, что называл «управляемой демократией» – с собой в качестве управляющего и с демократией, которую

нелегко было разглядеть. Как и многие основатели новых государств, он впоследствии был свергнут со своего высокого поста.

Между 1945 и 1960 гг. колонии, в которых жила четверть населения мира, обрели независимость. У большинства лидеров новых государств не было опыта управления. Созданный ими бюрократический аппарат составляли неквалифицированные люди. Их потребность в займах значительно превышала способность выплачивать долги. Войны против соседей или подготовка к таким войнам поглощала деньги, которые можно было бы потратить на строительство железных дорог, дамб, больниц, школ и городов. Умелых предпринимателей, способных разрабатывать природные ресурсы в этих новорожденных государствах, было мало.

«Третий мир» – такое название придумали во Франции для обозначения бедных неприсоединившихся новых государств – был третьим во всем: от среднего уровня доходов до уровня грамотности. В одном отношении он был первым. Его население росло со скоростью, дотоле невиданной ни в одном государстве мира. Распространение медицинских знаний, увеличение числа врачей и медсестер, вакцинация детей, борьба с малярией и улучшение общественной гигиены привели к сокращению уровня смертности, в то время как уровень рождаемости остался высоким.

Между 1950 и 1980 гг., в то время когда новые взгляды и новые противозачаточные таблетки снизили рождаемость в Европе, население ряда бедных стран практически удвоилось. Главной задачей – с не меньшей настоятельностью встававшей, вероятно, и на любом другом этапе человеческой истории – было просто прокормить быстро умножающееся население. Так называемая зеленая револю-

БОМБА И ЛУНА

11 ЕВРОПЕЙСКИЕ КОЛОНИИ В АФРИКЕ, НАЧАЛО 1914

ция, с ее новыми сортами риса и других съедобных растений, поначалу была спасительной; но население продолжало расти. В Китае его число уже приближалось к миллиарду, когда – в процессе самого необычного эксперимента в мировой истории – его власти попытались ограничить число рождений в каждой семье одним ребенком.

В Африке, где происходила самая активная деколонизация, вскоре стало слишком много стран, слишком много президентских дворцов и слишком много послов, ведущих роскошный образ жизни в заморских городах. К 1982 г. в Африке насчитывалось 54 государства – в два с лишним раза больше, чем во всей Азии. Население дюжины африканских стран в каждом отдельном случае не превышало миллиона человек. Ни одно из африканских государств не придавало большого значения высшему образованию, и во всей Африке в 1980 г. было меньше высших учебных заведений, чем в одном американском штате Огайо. Черную Африку разрывала племенная вражда, и даже белые поселенцы в Южной Африке изобрели собственную форму трайбализма – апартеид. Как правило, на протяжении десятилетий уровень жизни в большей части африканских государств оставался прежним.

За пределами Европы, Северной Америки и других мест, по преимуществу населенных европейцами, послевоенные экономические достижения не оправдали первоначальных надежд. Восточная Азия оказалась впечатляющим исключением. Япония продемонстрировала экономический рост, не превзойденный ни одним из европейских государств между 1945 и 1990 гг. Сингапур, Малайзия и Таиланд, Гонконг, Южная Корея и Тайвань – почти каждая из этих стран имела большую долю китайского наследия – также начали активно набирать

обороты. По сравнению с ними сам Китай, лишая людей экономических стимулов, на протяжении трех десятилетий едва тащился. В послевоенную эпоху разительный контраст представляли косность самого Китая и неисчерпаемая энергия нескольких миллионов этнических китайцев, живших в капиталистических странах, отделенных от него только морем.

Азию больше нельзя было не учитывать и в военных делах. Никто из беспристрастных ученых не предвидел в 1945 г., что Китай и Индия через четверть столетия проведут испытания собственного ядерного оружия, или то, что в гонку ядерных вооружений вступят такие маленькие страны, как Ирак и Северная Корея, или то, что к концу этого столетия собственной атомной бомбой будет владеть Пакистан.

К ЛУНЕ

Вторая мировая война стимулировала потребность в новых типах двигателей. В 1944–1945 гг. с территории оккупированной Франции Германия с помощью мощных ракет через море обстреливала снарядами Лондон. В мирное время те же ракетыгодились для запуска радиопередающих устройств, которые с высоты могли транслировать усиленные сигналы во все уголки земли.

10 июля 1962 г. – в день, такой же важный, как и любой другой в XX в., – спутник передал телевизионные изображения и телефонные переговоры между Европой и Америкой. Вскоре спутники накрывали своими сигналами весь мир. Они стали незаменимыми в мировой системе коммуникаций и в выполнении таких разнообразных задач, как прогнозирование погоды, поиски полезных ископа-

емых и определение кораблями и самолетами своего местоположения. В Персидском заливе в 1991 г. Соединенные Штаты использовали спутники для наведения артиллерии на далекие цели, часть которых была расположена на месте существования древних цивилизаций долин, процветавших несколько тысячелетий назад.

Имея новые ракеты, можно было приступать к исследованию открытого космоса. В начале космической гонки вперед вырвался Советский Союз. В октябре 1957 г. он запустил свой первый космический спутник, который облетел вокруг Земли. Он был беспилотным. В следующем году русские отправили на орбиту двух собак на «Спутнике-3», в котором они пролетели – в тесноте, но славе – 500 километров над Землей.

В дорогостоящем соревновании по отправке в космос первого человека русские опередили американцев на 23 дня, выведя на земную орбиту космический корабль «Восток» с Юрием Гагариным на борту. Это один из самых замечательных дней в истории человечества, и никакие последующие победы в космосе не могут его затмить. Смелая мечта высадить человека на Луне была осуществлена американцами 20 июля 1969 г., когда на глазах огромной телевизионной аудитории Нил Армстронг и Эдвин «Базз» Олдрин, одетые в неуклюжие скафандры, вышли из своего корабля и сделали первые шаги по поверхности Луны. В 1976 г. беспилотный американский космический корабль сел на Марсе. Поскольку Марс в тысячу раз дальше от Земли, чем Луна, это сравнимо с плаванием кораблей Васко да Гамы в Индию взамен Гибралтара.

Космические исследования были таким же триумфом для русских, как и для американцев. Однако позднее нездоровая советская экономика была

уже не в состоянии финансировать высокие военные и научные цели этой страны. Стоимость новейших реактивных снарядов, огромных вооруженных сил и космической гонки, а также упадок национального духа, вызванный неудачной войной в Афганистане, ослабили Советский Союз. Неэффективная экономика не могла позволять себе таких излишеств, и от этого уровень жизни в Советском Союзе был гораздо ниже, чем в Западной Европе. Тем временем граждане Польши – вдохновленные примером забастовки на верфях в 1980 г. – и Чехословакии начали свои выступления против коммунизма. Эффективных ответных действий из Москвы не последовало.

Государства Восточной Европы откололись от Советского Союза и отказались от коммунизма. Даже республикам, входившим в состав Союза, было позволено отделиться. В декабре 1991 г. сам Советский Союз прекратил свое существование. Его распад стал еще одним шагом, хотя и запоздалым и непредсказуемым, в процессе деколонизации. Одним махом Россия потеряла свою материковую империю, так же как Британия, Голландия и Португалия в период с 1945 по 1975 г. утратили большинство своих заморских колоний.

Когда Советский Союз находился в зените своего могущества, казалось, что русский станет главным международным языком. Он уже был языком дипломатии второго в мире по величине блока государств. В 1950-е гг. его в качестве основного иностранного языка изучали в Китае. Считая его языком будущего, русский с жаром постигали молодые социалисты в Африке. Однако к концу этого столетия русский язык утратил свое влияние.

Популярность английского в качестве языка международного общения стала лишь одним из призна-

ков растущего влияния Америки в XX в. В первые 40 лет этого столетия Америка оказывала на мир меньшее влияние, чем можно было бы предположить исходя из ее размеров и потенциальной мощи. Она не была доминирующей торговой державой, а в международной политике тяготела к изоляционизму.

1940-е и 1950-е гг. стали первыми десятилетиями того длительного и глубокого воздействия, которое Америка оказывает на остальной мир. Их также можно назвать русскими десятилетиями, поскольку Советский Союз играл главную роль в разгроме Гитлера, в установлении коммунистических порядков в Китае, а также победил на первом этапе космической гонки. С тех пор Соединенные Штаты стали главной силой столетия. Даже влияние Британской империи в период, когда она владела колониями на каждом континенте и контролировала почти все стратегически важные морские пути, не шло ни в какое сравнение с нынешним доминированием Соединенных Штатов в экономических, военных, политических и культурных делах.

Могущество Соединенных Штатов в значительной мере зависит от их невидимой империи идей, взглядов и инноваций. Их идеи без труда приживаются на чужой почве независимо от того, кому принадлежит эта почва. Значительной долей своего влияния США обязаны таким инновациям, как телефон, электричество, самолет и дешевый автомобиль, ядерное оружие и космический корабль, компьютер и Интернет. Их влияние распространяется посредством джаза, мультфильмов, Голливуда, телевидения и поп-культуры. Их влияние объясняется восхищением, которое вызывают технические и экономические достижения, а также вера в стимулы и личную инициативу. Они также являются ревностными миссионерами веры в

демократию. Хотя военная и экономическая мощь жизненно важна для успехов Соединенных Штатов, могущество империи идей, возможно, еще важнее.

Глобальная роль Соединенных Штатов – возможно, завершающая глава того длинного периода европейской экспансии, который начался в Западной Европе, и особенно на ее атлантическом побережье, в XV в. Европа постепенно переросла свои границы. Ее культурная империя медленно распространилась на длинную полосу, охватывающую большую часть Северного полушария и глубоко вдающуюся в Южное. В истории европейских народов город Вашингтон, вероятно, станет тем же, чем был Константинополь, заложенный императором Константином, для римлян эпохи упадка империи; поскольку вряд ли европейцы будут и впредь столь же решительно, как в предыдущие столетия, изменять мир своими идеями и изобретениями.

НИ ПЛОДОВ, НИ ПТИЦ

Одно глубочайшее изменение в человеческой истории настолько очевидно, что его редко комментируют, – это медленное стирание различий, которые некогда имели первостепенное значение. Границы между временами года размываются; различия между днем и ночью, летом и зимой стираются. Поскольку ночное небо перестало играть столь важную роль, луна утратила большую часть своего влияния на человеческую деятельность. Работа и отдых, город и деревня уже не представляют таких резких контрастов.

На огромном временном отрезке, когда землю населяли охотники и земледельцы, смена времен года была важнейшим событием. Лето и зима, осень и весна определяли состав рациона людей, обряды, которые они отправляли, а также комфортность или тяжесть их повседневной жизни. Большинство людей еще в 1800 г. н. э. оставались земледельцами или пастухами, и их по-прежнему глубоко затрагивала смена времен года. Так, зимой яйца, фрукты и даже мясо – если только оно не было засоленным – являлись роскошью. Летнее изобилие

сменялось зимним затягиванием поясов. Как писал английский поэт Томас Гуд:

*«Ни плодов, ни цветов, ни листьев, ни птиц, –
Ноябрь!»*

Религиозные манускрипты, созданные 1000 лет назад, акцентировали особенности времен года. Каждый месяц в них иллюстрировала жанровая или рабочая сцена, и эта сцена придавала особый вкус месяцу, – а каким занятием может характеризоваться типичный месяц теперь?

В наши дни типичное занятие месяца, если оно есть, – это ожидание отдыха: украшения рождественской елки или посещения футбольного матча. В византийской рукописи 1100 г., напротив, на переднем плане – ежемесячные повседневные работы, характерные для Балкан и Малой Азии. Для апреля изображен пастух, который выгоняет стадо из загона, где овцы провели всю зиму на заготовленном впрок сене, на холмистые пастбища, где уже выросла молодая трава. Май символизирует собирание цветов. Июнь – мужчина, срезающий сочную траву, чтобы заготовить сено на зиму. К октябрю лето угасает, и вот уже птицелов или охотник на пернатую дичь держит на запястье маленькую птичку, которую использует как приманку, для того чтобы поймать более крупных съедобных птиц, прежде чем они улетят на юг. В ноябре пахарь готовит землю для посева будущего урожая. И так, в надлежащей последовательности, продиктованной сменой сезонов, разворачивался рабочий год, хотя занятия и менялись от региона к региону.

Даже ведение войн зависело от времен года. В Северном полушарии межгосударственные войны начинались весной или летом. Между 1840 и

1938 г. в целом 44 войны произошли в тех северных землях, где зима и лето резко контрастируют друг с другом. Из этих войн только три были начаты зимой, а 26 – в теплые месяцы, с апреля по июль. Приход весны давал возможность напасть на противника и победить его: реки летом легче перейти вброд, сельские дороги не так разбиты и не тонут в грязи и снегу, дни длиннее, и наступающие войска могут найти себе пропитание или купить его в цветущей сельской местности. В Китае традиционным временем начала коротких войн была осень, когда урожай уже собран, реки легче преодолимы, а сухая земля позволяет отрядам быстро шагать к месту, выбранному для их первой атаки.

Морские путешествия всегда зависели от времен года. В Азии начало или окончание ежегодного дождливого сезона было сигналом к отплытию торгового флота – состоял ли он из арабских доу или малайских проа. В Европе путешествия, как правило, откладывали до окончания зимних штормов. В XVI в. немецкие паломники отплывали из Венеции к Святой земле в июне или июле, покинув Германию сразу после того, как в Альпах стаивал снег.

В Европе в первый день мая люди праздновали переход от холода к теплу, от голода к изобилию. Полночь накануне Майского дня оглашалась барабанной дробью и трубными звуками, извлекаемыми из коровьего рога. Танцы вокруг майского шеста сопровождалась такими непристойными жестами и ужимками, что этот праздник был запрещен проповедниками во время религиозной Реформации. Вдруг в изобилии появлялись молоко и сливки. В некоторых частях Англии кульминацией Майского дня становилась дойка коров прямо в ведро, куда предварительно наливали херес или порт-

вейн, с тем чтобы струя теплого жирного молока обогатила напиток.

Празднование Первого мая распространилось на растущие города. В Лондоне в XVIII в. этот день сделали своим молочницы. Столетие спустя он стал профессиональным праздником трубочистов, которые с наступлением теплых ночей систематически вычищали слои сажи, накопившиеся в трубах домов за зиму. В континентальной Европе первомайский праздник присвоили социалисты и члены профсоюзов. Их выбор вполне объясним, поскольку этот день уже давно отмечался как день надежды и обновления. В тех районах Китая, где зимы были суровыми, появление живых цветов на городских рынках было аналогично Майскому дню. Самыми любимыми были ранние желтые пионы, и еще в VIII в. за них просили высокую цену «пяти кусков шелка».

Наступление мая и появление в изобилии молока, мяса, яиц, масла и цветов стали уже не столь захватывающими событиями с введением таких новшеств, как пароходы, железные дороги, консервные заводы и холодильники. В Европу во второй половине XIX в. шли непрерывным потоком товары из дальних земель. Уже в 1850 г. четверть хлеба, съедаемого в Англии, делали из зерна, выращиваемого в США и на Украине. В то же время через Атлантику в Европу поступали консервированные продукты – банки с говядиной, бараниной и рыбой, а затем и с овощами, фруктами и джемом. К 1880 г. замороженную говядину и ягнятину доставляли в Европу на кораблях из таких дальних мест, как Буэнос-Айрес и Сидней.

В 2000 г. в благополучных городах в витринах любого универмага можно увидеть несезонные розы, приплывшие издалека, а также клубнику и ана-

насы. Но в предыдущие столетия было бы бессмысленно спрашивать на рынках – находишься ли ты на берегах Хуанхэ или Эйвона – несезонные плоды и цветы.

СТИРАНИЕ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ДНЕМ И НОЧЬЮ

На протяжении большей части человеческой истории день и ночь представляли такой же разительный контраст, как и лето и зима. Темнота загоняла людей в пещеры, укрытия из веток и коры, хижины или крестьянские дома. Страх перед дикими животными также побуждал людей оставаться в доме или под защитой ярко пылающего костра. Ночь ассоциировалась со всем мрачным и зловещим. Утверждали, что среди ночи дьявол устраивает оргии, а ведьмы летают на своих метлах. По меньшей мере две из главных религий рассматривали ночь как время, когда во тьме и тишине с истово верующими может говорить Бог. Мухаммеду Коран был ниспослан свыше как откровение однажды ночью. Ранние христиане видели особую добродетель в ночной молитве, поскольку ночью они могли молиться в тишине и сосредоточении. Многие считали, что второе пришествие Христа совершится в полночный час.

С возрастанием роли малых и крупных городов темнота стала чуть менее пугающей. Но еще во времена Колумба и Лютера освещенные главные улицы больших городов едва выделялись на фоне тьмы. В типичном европейском доме освещение было слишком тусклым для чтения книг; впрочем, в большинстве домов книг и не было.

Во многих европейских городах закон предписывал в определенный вечерний час гасить или на-

крывать открытое пламя в домах. Перед отходом ко сну семья должна была обезопасить себя от огня. Это простое правило помогло спасти от пожаров многие города, где деревянные дома теснились друг к другу на узких улочках. В Англии Вильгельм Завоеватель, едва прибыв из Франции, приказал звонить в колокол в 8 часов вечера, после чего все огни должны были быть погашены. На протяжении большей части человеческой истории с приходом ночи запирались все двери. Ночью почти никто не работал. По улицам ходили лишь одинокие ночные стражники.

В XIX столетии поразительная перемена совершилась в некоторых крупных городах Европы, Австралии, Северной Америки и Азии: ночь перестала так резко отличаться от дня. В домах впервые в истории искусственное освещение ночью часто бывало ярче, чем естественный дневной свет, — благодаря изобилию китового жира, недавно появившемуся керосину, добываемому из подземных месторождений нефти, а также изобретению газовых и электрических светильников. Многие дневные занятия можно было, если требовалось, продолжить вечером. Кроме того, к 1900 г. на улицах крупных городов появилось электрическое освещение, по ним проложили трамвайные пути, и люди могли вечерами передвигаться на короткие расстояния и вести активную светскую жизнь.

Новые источники света стали также источниками тепла в зимнюю пору. В домах теперь могло быть так же тепло, как и летом. Шерсть была главным сырьем для производства теплой одежды и одеял, но к концу XX в. отопление домов и офисов распространилось так широко, — и синтетические волокна стали такими дешевыми, — что шерстяная одежда уже не пользуется былым спросом.

Стиранию границы между днем и ночью неожиданным образом способствовали новые электронные средства связи. Ими можно было воспользоваться в любой момент, и поэтому некто среди бела дня мог поговорить с кем-то далеким, у которого уже наступила ночь. Открыл способ передачи сообщений с помощью электромагнитных волн итальянский инженер Гульельмо Маркони; он отправил первое невидимое послание через узкий Бристольский канал в 1897 г. Экспериментальным путем радиус передачи сообщений постепенно увеличивался. Четыре года спустя Маркони, находившийся на Ньюфаундленде, получил с корнуоллского радиопередатчика на другом берегу Атлантического океана слабое радиосообщение. Оно представляло собой скорее набор звуков, чем отчетливую речь, но это был захватывающий опыт.

Старинный телеграф не мог передавать человеческий голос, а радио способно было делать это на короткие расстояния. Первая радиостанция, рассчитанная на публику, была основана любителями в Питтсбурге в 1920 г. Многие американцы приобрели или своими руками собрали собственные «беспроводные» приемники и слушали – поскольку радио вскоре стало выполнять дополнительную функцию – воспроизводимые на граммофоне музыкальные записи. Редко новые изобретения рождаются с расправленными крыльями, и в 1920-е гг. граммофоны часто издавали жутковатые или скрежещущие звуки. Передача радиосигнала постепенно совершенствовалась, и к 1939 г. жители Новой Зеландии, включившие ночью радио, могли услышать – хотя и не всегда отчетливо – утренние новости, передаваемые из Лондона.

Тем временем изобретательный шотландец Джон Лоджи Бейд передал первое черно-белое те-

левизионное изображение из помещения в центре Лондона. Его изобретение, хотя и потрясающее, было в некотором смысле тупиковым. В течение последующих 25 лет мало кто за пределами Англии и Соединенных Штатов мог увидеть телевизионную картинку. К 1960-м гг. в большинстве развитых стран телевидение – с помощью спутника – уже начинало размывать границы дня и ночи. Зрители в Австралии могли ночью смотреть Олимпийские игры, проходившие при ярком свете дня на другом конце земли. Таким образом, для них ночь превращалась в день.

Луне издавна придавали особое значение. В Ассирии полумесяц был символом царя еще в IX в. до н. э. Многие древние народы пользовались лунным календарем. Дата празднования Пасхи или Рамадана отсчитывалась от полнолуния. Полумесяц стал символом ислама и в наши дни украшает флаги Пакистана, Турции и большинства других исламских государств.

Ночь была тюрьмой, а полнолуние приоткрывало ее ворота, позволяя людям заниматься неотложными делами. При свете полной луны можно было собирать урожай некоторых культур. На время важных военных или морских операций могло иногда влиять знание о том, что на небе будет светить яркая луна. Обрядовые танцы древних австралийцев обычно устраивались в полнолуние. В недавнем прошлом в сельских районах Южной Африки и Канады фермеры могли устраивать балы или проводить масонские собрания в ночь полнолуния, а затем возвращаться домой при свете луны, не боясь оступиться или слететь с лошади на разбитых грунтовых дорогах. В ту эпоху сельские жители приобретали ежегодные печатные альманахи, в которых отмечались дни полнолуния.

С куполом ночного неба, которое кажется таким близким, были знакомы поколения людей. Звезды предсказывали будущее людей и стран. На протяжении столетий земледельцы сажали растения, руководствуясь не только фазами луны, но и расположением звезд. 4 января 1948 г. Бирма назначила час рождения своей республики – и независимости от Британии, – получив совет астролога, главивший, что 4.20 утра – самое благоприятное время. В последние четыре столетия телескоп и радио несколько развеяли очарование и загадочность ночного неба.

Электричество, позволившее продлить день в больших городах, также существенно ослабило могущественное впечатление, производимое звездным небом. На протяжении бесчисленных веков ночное небо было знакомым храмом и святыней в глазах десятков миллионов людей, рассыпанных по всей поверхности земного шара. Но в XX столетии впервые в человеческой истории искусственный свет в больших городах затмил сияние звезд над головами, преуменьшив то, что один поэт назвал «великолепием дивным вечных звезд». Если бы семья какого-нибудь доисторического охотника воскресла и оказалась в Токио ясной ночью, сначала она была бы потрясена высокими зданиями и огромными толпами людей, а затем с не меньшим удивлением заметила бы, что ночное небо больше не сверкает.

День также изменился. Рабочий день протекает по-новому в развитых западных странах. Еще столетие назад тяжелый труд, необходимый для обеспечения семьи пищей, кровом и одеждой, занимал у большинства взрослых и многих детей целый день, а лень или невезение наказывались голодом или даже смертью. Но машины и новые производственные технологии преобразили большую часть

занятий. Рабочие часы сократились, выходные удлинились, и все меньше работ требуют поднятия тяжестей и непрерывного использования рук и ног.

Увеличение свободного времени, особенно у людей, имеющих возможность тратить деньги, дало новый толчок экономической жизни. Многие из процветающих индустрий сосредоточились на туризме, спорте, рекреационном отдыхе, зрелищных видах искусств или других способах времяпрепровождения. В Европе 1000 г. н. э. народными героями были воины и святые. В 2000 г. н. э. таковыми во многих частях мира стали атлеты, актеры, певцы, художники или другие представители искусства и индустрии развлечений.

БОЛЬШИЕ ТОЛПЫ, БОЛЬШИЕ ГОРОДА

Следствием изменения пропорциональных соотношений работы и отдыха, ночного и дневного времени, зимы и лета стали, в частности, возрождение и распространение зрелищных видов спорта в западном мире. Англия и Австралия первыми увлеклись этими зрелищами. Сначала увлечение охватило большие города – Бирмингем и Мельбурн – и почти не затронуло деревню. Оно отражало возросшее богатство, на создание которого уходило меньше рабочего времени, в результате чего в торговых и промышленных городах освобождались полдня в среду или субботу, которые можно было провести по своему усмотрению.

Поначалу развитие зрелищных видов спорта шло по старым сценариям. Игры не проводились в воскресенье, поскольку подобная активность была запрещена в священный день в тех протестантских странах, где зародились современные виды спорта.

Сами игроки четко подразделялись на профессионалов и любителей, то есть на участников-работяг и участников-аристократов. Каждому виду спорта было отведено свое время – этим отдавалась дань устаревшим различиям между зимой и летом: в футбол играли зимой, а для крикета, тенниса, бейсбола, атлетики, боулинга и гребли предназначались теплые месяцы.

В конце XX в. зрелищные виды спорта смогли преодолеть некоторые ограничения, первоначально накладываемые на них временами года, календарем, днем отдыха и наступлением темноты. С появлением мощных осветительных приборов дневные соревнования вполне могут смениться ночной игрой. Крытые стадионы без труда превращают зиму в лето. С упадком протестантизма воскресенье стало светским выходным, когда можно заниматься спортом, равно как и ходить по магазинам. Кроме того, заметно облегчившиеся передвижения по миру и распространение спортивной культуры позволили профессионалам заниматься одним видом спорта круглый год, переезжая из полушария в полушарие вслед за благоприятным для этого спорта временем года.

Следствием необычайного и повсеместного увеличения свободного времени стало то, что спорт превратился чуть ли не в язык международного общения. В 1900 г. было мало спортивных соревнований, вызывавших международный интерес, – возрожденные Олимпийские игры были второстепенным представлением, – а сейчас график проведения международных спортивных игр расписан с января по декабрь, и они, похоже, становятся предметом национальной гордости или объектом агрессии – чувств, которые у людей традиционно вызывала война.

На протяжении человеческой истории почти все люди были тесно связаны с землей. Поэтому их жизни серьезнейшим образом зависели от чередования зимы и лета, фаз луны, от характера распределения осадков и засух и от ежегодного урожая. Непрерывно расширяющиеся города постепенно вытесняли деревню и втягивали в себя жившую там большую часть населения мира; и сейчас мегаполисы достигают таких размеров, что крупнейшие города, существовавшие несколько столетий назад, кажутся по сравнению с ними карликами. В 1995 г. по меньшей мере 25 городов имели 7-миллионное население. Только четыре из них – Лондон, Париж, Москва и Стамбул – расположены в Европе. Из остальных крупнейших городов 13 находятся в Азии и 7 в Америке, причем четыре из последних – в Латинской Америке. Африка имеет только один такой город – Каир, расположенный на берегу Нила. Через два тысячелетия сколько из них сохранят свое величие? Город небоскребов кажется самым долговечным из творений – небоскребы представляют собой что-то вроде сфинксов и пирамид нашего времени, – но в какую-то отдаленную эпоху не повторят ли эти высокие города судьбу Ниневии и Карфагена?

Эти города – отражение резкого роста населения в мире. Эксперты в XX в. больше, чем в любое из предшествующих столетий, говорят с беспокойством о возможности перенаселения планеты, но ведь в 1800 г. даже такой знающий ученый, как Роберт Мальтус, специалист по народонаселению, имел мало средств, позволяющих сколь-нибудь точно количественно оценить население Земли. В его время мир по преимуществу оставался слабо изученным, а его жители – несосчитанными.

Насколько известно, во времена Христа население мира не превышало 300 миллионов человек.

Фактически в мире было столько людей, сколько сейчас населяет одни Соединенные Штаты. К 1750 г. мир вмещал в себя уже 800 миллионов человек – гораздо меньше, чем современный Китай. Затем произошел грандиозный рост. Население мира перевалило за миллиард около 1800 г., а в следующие 125 лет удвоилось. Самый резкий скачок численности произошел между 1927 и 1974 гг., когда она снова удвоилась, составив почти 4 миллиарда. В следующие 25 лет прибавились еще 2 миллиарда человек. В мире только за 1990-е гг. появилось больше людей, чем знала вся история человечества начиная от его происхождения и заканчивая временем зарождения промышленной революции в Англии.

К природе теперь относятся как к старому и даже любимому родственнику, которого нужно оберегать от давления растущего населения и серьезных техногенных угроз, но в течение долгого времени она считалась в той же степени врагом, в какой и другом. С начала существования рода человеческого природа и ее крайние проявления – наводнения и засухи, дикие звери и невидимые микробы, бури, темные леса и непредсказуемые океаны – часто внушали глубокий страх. Природа в мгновение ока могла причинить такой ущерб, какой войны и другие формы самоуничтожения человечества не причинили бы за целый год. Черная смерть погубила больше людей, чем Первая мировая война шесть столетий спустя. В отдельные столетия миллионы жизней уносили циклоны, наводнения, землетрясения, извержения вулканов. Однако в последние десятилетия все чаще технические и технологические изобретения человечества рассматриваются как более губительные, чем природные катастрофы.

НОВЫЕ БОГИ И СТАРЫЕ

Наиболее пышно религия расцветала в периоды, когда жизнь была полна опасностей и суровых лишений. Религия процветала, когда наводнения, засухи и другие природные катастрофы были особенно губительными, когда голод поджидал за углом и ранняя смерть становилась уделом большинства людей. Религия процветала, когда люди существовали почти исключительно за счет земледелия и знали, как легко долгожданный урожай может быть уничтожен насекомыми, засухой, истощением почвы или бурей. На протяжении большей части истории жизнь человека была игрушкой в руках природы и судьбы. Религия предлагала объяснения необъяснимым событиям в жизни государства, или района, или семьи. Помогая побороть глубокую и часто невыразимую тоску, она также была источником силы и вдохновения.

Религия была скрепляющим раствором бесчисленных обществ, которые без нее легко рассыпались бы. Могущественные монархи выигрывали, поддерживая ее. Официальная религия давала им возможность заявлять, что они происходят непосредственно от богов. Таким образом, неповиновение царю становилось неповиновением богам. Революции во Франции в 1789 г., России в 1917 г. и Китае в 1949 г. стремились развенчать старые религии, поскольку они служили фундаментом для старых порядков.

В XX в. религия столкнулась с другими трудностями. С ростом благосостояния и увеличением продолжительности жизни часть религиозных призывов стала звучать не столь актуально. В Европе и некоторых районах Соединенных Штатов люди все реже посещали церкви и все меньше и меньше ру-

ководствовались моральными и нравственными нормами, проповедуемыми церковью.

И тем не менее в мире в целом религия сохранила огромное влияние. И христианство, и ислам обрели гораздо больше приверженцев, чем столетие назад, и их молитвенные дома пунктирной линией опоясали весь мир. Буддизм, уже не столь влиятельный в Китае, по-прежнему активно исповедуют во многих странах. В Индии индуистов и джайнов, парсов и сикхов трудно не заметить. Иудаизм жив и намерен жить и дальше. В Африке больше глубоко религиозных людей, чем, вероятно, было в Европе в отдельно взятый промежуток времени. Примечательно, что наиболее энергичны и решительны именно те конфессии, которые отказываются мириться с разрастающейся секуляризацией и продолжают укреплять веру в исключительную важность иного мира.

Ислам не идет на уступки. Нет Бога, кроме Аллаха. Большинство мусульманских проповедников противостоят секуляризации, консюмеризму, материализму и тому, что они считают все более суетными и безбожными ценностями неверных в Нью-Йорке, Париже, Москве и Сингапуре. В рамках ислама выделяются крайние фундаменталисты. Они не типичны, но таковыми их сделало то, что они часто появляются в заголовках новостей. Они яростно выступают против иудаизма и христианства. Они заявляют, что секуляризованный западный мир загнивает, что он излишне снисходителен и терпим. Их же в свою очередь обвиняют в отсталости и полном отсутствии терпимости. Такие глубоко укорененные противоречия на протяжении истории человечества всплывали на поверхность не раз. В то время как на Западе культурное и религиозное многообразие – возможно, впервые в исто-

рии – превозносится как высшее достоинство, в мечетях его расценивают чуть ли не как главный грех.

Преимущественно сельская религия, ислам в начале XXI в. стал быстро расширять свое влияние, отчасти потому, что верил в себя, а отчасти потому, что верил в большие семьи. Теперь эту религию исповедует пятая часть населения мира, и число ее приверженцев продолжает увеличиваться с большей скоростью, чем число христиан, хотя в целом ее сторонников по-прежнему намного меньше.

В наши дни самые грандиозные религиозные здания, сооружаемые в мире, все чаще оказываются мусульманскими мечетями, а не христианскими соборами. В марокканском городе Касабланке недавно построили самый высокий минарет в мире, и даже в католической Венесуэле воздвигли мечеть к изумлению набожных крестьян из окрестных деревень.

Миллионы образованных людей в западном мире отдалились от тех богов, молиться которым их учили в детстве. Отчасти их желание полагаться только на себя объяснялось достижениями науки и техники. Наука сама стала новым рациональным богом, которого превозносили за всезнание, всепонимание и способность творить материалистические чудеса. Одно время чем-то вроде альтернативной религии являлся марксизм: Карл Маркс возвестил, что он первым открыл научные законы человеческой истории, и эти законы в конечном итоге приведут на небеса, хотя и будут эти небеса на земле. Отказавшись от богов, наука и коммунизм практически обожествовали человека и его потенциальные возможности. Эти утопические представления – еще в большей степени, чем традиционные религии, – ждал упадок в конце XX в., когда

Россия и Восточная Европа отказались от коммунизма. Однако они могут воскреснуть вновь – в ином наряде.

Наука, превозносимая в предыдущие столетия как благодетель человечества, теперь все чаще подвергается на Западе критике как разрушительная сила. Яркие защитники окружающей среды клеймят науку и технику как врагов, которые загрязняют небо, землю и Мировой океан. Загрязнение стало универсальным ругательным словом. Это первое столетие, в котором загрязнение рассматривается как глобальная угроза. Неодобрительное отношение к науке и технике распространяется все шире, хотя ее победы по-прежнему намного весомее, чем связанные с ними угрозы.

ЭПИЛОГ

Недавняя история человечества похожа на удивительное возрождение. Большинство частей человеческого тела нашли себе замену.

Два тысячелетия назад человеческие ноги были необходимым инструментом. Их ничто не могло заменить, кроме лошади или парусного корабля. Большую часть своего бодрствования люди стояли на ногах, если не считать редкие сидячие работы. Ростовщик или ученый, вероятно, могли работать сидя, остальные же всё делали на ногах – сеяли или убирали урожай, читали проповеди, воевали или готовили пищу. Даже писали, часто стоя за конторкой. А в наши дни ноги заменяют самолет и поезд, автомобиль, мотоцикл и автобус.

Точно так же и руки 2000 лет назад были остро необходимы почти для любой работы. На море помогал ветер, но руки все равно требовались для того, чтобы сворачивать тяжелые паруса или грести в безветренную погоду. Сила быков была чрезвычайно важна при вспашке, но усилия человеческих рук требовались для того, чтобы направлять плуг. Пищу, кров и безопасность – все это обеспечивала мускульная сила рук и пальцев.

Затем произошла цепь кардинальных перемен, и человеческим рукам стали помогать (или замещать их) водяное колесо и паровой двигатель, тачка, порох и динамит, гидравлический кран, пневматический отбойный молоток, бульдозер, станок для изготовления заклепок, стиральная машина и пылесос, а также швейные машинки, машины для сбора фруктов, экскаваторы, компьютерные клавиатуры и другие бесчисленные заменители. Функции человеческих рук и пальцев изменились даже больше, чем функции ног. Нажатием пальца теперь можно отправить ракету с ядерной боеголовкой с одного континента на другой.

С человеческой головой также произошли невообразимые изменения. Возможности глаз неизмеримо расширили телескоп, микроскоп, телевидение, радар, очки, печатный станок. Уши слышат больше, рот говорит более отчетливо, а голос способен преодолеть огромные расстояния с помощью радио, микрофона, телефона и музыкальной кассеты. Созидательной силе человеческого разума помогает (и отражает ее) компьютер. Сексуальная активность изменилась благодаря ее величеству таблетке. Зубам продлевают жизнь не только дантисты и протезы, но и изменения в диете и способах приготовления пищи. Знания о человеческом теле значительно пополнило изучение генов.

Увеличилась и память человека, особенно коллективная память, – благодаря библиотекам и архивам. Любопытно, но расширению человеческой памяти люди придавали большое значение еще задолго до возникновения Римской империи: они изобрели счет, разрабатывали календари, развивали искусство письма и придумали гениальную подсказку, способствующую запоминанию, – рифмованное стихосложение. Напротив, боль-

шинство потрясающих успехов в области повышения эффективности рук и ног, рта и зубов, глаз и ушей, а также в диагностировании человеческих болезней, было достигнуто лишь после XV столетия.

Ни одна из этих глубоких перемен не изменила ни человеческой воли, ни человеческих тревог, ни человеческого стремления либо к свободе, либо к конформизму. Многочисленные победы науки и техники затронули по преимуществу лишь поверхность жизни. В нашу эпоху массового производства в деревне и в городе легче удовлетворить желудок, чем разум. Легче излечить болезни, чем исправить человеческое поведение и прекратить войны.

ПОЧТИ ЕДИНЫЙ МИР

Технический прогресс многократно усилил потенциальную возможность сосредоточить огромную власть в руках одного лидера или группы. Десять тысяч лет назад вождь племени редко мог распространить свое влияние дальше, чем на 100 километров от дома. Мир был похож на пруд, покрытый рябью, и каждая из многих тысяч этих «рябинок» представляла сферу влияния одного племени. Радиус этих кругов увеличивался после возникновения крупных империй – китайской и индийской, эллинистической, римской и ацтекской.

И все же сфера влияния каждой из этих империй оставалась небольшой. Способы ведения войн и транспортировки, как правило, находились на таком уровне, который не позволял достичь централизованного контроля над широко разбросанным мирным населением. Две тысячи лет назад ни одна империя не могла значительно расширить свои

пределы. Рим в эпоху своего расцвета мог подчинить своей власти части Индии и даже Китая, но эта власть оказывалась недолговечной. Гитлер, если бы ему удалось победить, вероятно, не смог бы установить контроль над всем миром. Уровень развития военной техники, средств связи и цензуры не позволили бы сделать это.

В наши дни – как никогда прежде – существует возможность того, чтобы одно сильное государство управляло всем миром. В последующие два столетия, когда мир еще больше сожмется и расстояния сократятся, вполне может быть совершена попытка – по всеобщему согласию или насильно – создать мировое правительство. Вопрос о том, сможет ли оно просуществовать достаточно долгое время, остается открытым. В человеческой истории почти нет ничего predetermined.

УКАЗАТЕЛЬ

- Австралия 21, 22, 24, 31, 168, 176
 аборигены, столкновение с XX в. 366
 железная дорога 331
 заселение 315–316
 исследование 314–315
 миграция 168
 религия 58
австро-турецкая война 1683–1699 256
Агафокл 91
Азия 21
 сельское хозяйство 283–284
Азорские острова
 открытие 210
Албания 398
Александр Македонский 126–127
Александрия Египетская 93, 94
Аляска 25, 32, 311
 миграция 168
Амазонка река 34
Америка 33
 изоляция 28, 32
 колонизация 258
 открытие Колумбом 211
Амундсен Рауль 362
Анабаптисты 240–241
Ангкор 164
Англия, см. Британия
англо-французская война 1792–1797
Аппиева дорога 114
Аравийский полуостров 149, 153
Аргентина 310
Аристотель 90
Ассирия 70–71, 72
 вооружение 74
Астрономия
 противодействие со стороны церкви 270, 279
 прохождение Венеры через диск солнца 279–280
 разработка календарей 56–57, 276–278
Атауальпа, правитель инков 230
Атомная бомба 392, 393, 394, 395
Атомы 392
Афинская демократия 90–91

- Афины 81, 83, 86, 89–91, 94, 95, 256
 Африка 9, 17, 24, 155–156, 168, 179, 195, 251, 254, 256, 264
 азиатские влияния 321
 деколонизация 406
 европейские влияния 321
 заболевания 320–321
 природные барьеры для внешних контактов 319–320
 работоторговля 322–326
 Ацтеков империя 214–219
 Ашока 111
 Багдад
 монгольские завоевания 186
 бактерий открытие 341
 Балтийское море 26
 Бейд Джон Лоджи 418–419
 Бельгия
 железная дорога 331
 сельское хозяйство 229
 Берингов пролив 33
 Бирма 164
 Бисмарк 354
 Ближнего Востока религиозные памятники 47
 Боливар Симон 310
 Боливия 310
 Бор Нильс 392
 Борнео заселение 170
 Бостон 302
 Босфор пролив 26
 Ботнический залив 314
 Бразилия 250, 265
 Брахман 108
 Британия 389
 война за независимость в Америке 307
 железная дорога 331, 334
 колониальные владения 311, 312
 реформа календаря 278
 сельское хозяйство 229
 семилетняя война 302
 Буддизм 60, 158–160, 160–162, 163, 426
 Бумага 201–202
 Бурундий 114
 Вавилон 56, 70
 Вашингтон Джордж 304
 Вегенер Альфред 364
 Везалий 271
 Великая депрессия 1930-х гг. 383, 384, 385, 389
 Великая Китайская стена 99–105, 185
 Великий шелковый путь 121–124, 182, 187
 Версальский мир 382
 Вест-Индия 311
 ветряные мельницы 198
 Византия 145–147
 Вильгельм Завоеватель 189
 Виргинские острова 311
 водные курорты 329
 водохранилища 341
 водяное колесо 330
 вождество 46
 войны за независимость 310
 Восточное Средиземноморье, земледелие 44
 восточные влияния 262–263
 Восточный Туркестан 256

- всеобщее образование 350
 Вторая мировая война
 390–391, 395
 Гавайские острова, заселе-
 ние 171
 Гаити 211, 310
 Галилей Галилео 274
 Ганг 107, 111
 Ганди Махатма 110,
 400–401
 Гарвей Уильям 272
 географические открытия
 361–362
 Германия 263
 Вторая мировая война
 393
 железная дорога 331
 Гибралтарский пролив 25
 гигиена 341
 Гиллен Ф.Дж. 365
 Гитлер Адольф 384–385,
 386, 387, 389
 Гоа 251, 252
 голод 339
 гончарное дело 49–50
 Города 296, 329, 340, 423
 греки 82
 Гренландия, заселение 193
 Греция 44, 57
 григорианский календарь
 277
 Григорий XIII 277
 Грихальва 214
 Гук Роберт 276
 гунны 181
 Гуттенберг Иоганн
 202–203
 Да Винчи Леонардо 208
 Да Гама Васко 213
 Давид 126
 Дарвин Чарльз 362
 Дарданеллы пролив 26
 Диаш Бартоламеу 210
 Диккенс Чарльз 333
 Доброй Надежды мыс 210,
 251, 253
 доменные печи 375
 драгоценные металлы
 262
 Древняя Греция 85
 Древняя Русь 167
 Евреи 294, 396
 Европа
 быт населения 294
 научные знания 270
 неурожайные годы 285
 овощные культуры 260
 после Второй мировой
 войны 399
 похолодание 289–290
 распространение му-
 сульманства 154–155
 распространение хрис-
 тианства 167
 религиозные памятни-
 ки 47
 сельское хозяйство
 259–260, 283–287
 технические культуры
 291–292
 товары из Америки 267
 Египет
 возникновение цивили-
 заций 62
 врачи 66
 железная дорога 331
 население 67
 Желтое море 96
 Женева в эпоху Реформа-
 ции 237–238

- жрецы 47
 земледелие 39–41
 зеркала 273–274
 злаковые культуры 39–42
 Зунд пролив 26
 Иерихон 39
 Иерусалим 125, 131
 Инд 75
 Инда цивилизация 75, 76
 Индия
 движение за независи-
 мость 400, 401
 древняя 106–112
 португальские путеше-
 ственники 250–252
 путешествия европей-
 цев 250
 религия 57
 Индонезия 402–403
 Инки
 жертвоприношения
 226–227
 империя 220–224
 испанское завоевание
 229–231
 крушение цивилиза-
 ции 229–232
 религиозные верова-
 ния 224–226
 хозяйство 227–229
 эпидемии 230–231
 Иоанн Креститель 129
 ислам 159, 426
 Исландия 15, 192, 193,
 195
 Испания 208, 211, 244,
 258, 259, 262, 311
 Исследование дрейфа ма-
 териков 364
 Италия 289, 389
 Иудаизм 134, 426
 Кайфын 158
 Календарь 73
 реформа календаря
 григорианская 277
 реформа календаря
 юлианская 276
 Кальвин Жан 237, 239,
 244
 Кальвинизм 237, 239, 241
 Канада 301, 302
 канализация 289, 341
 Карибский бассейн 311
 Карлсбад 329
 картофель 259
 Карфаген 114
 Карфагеняне 82
 Китай 121, 401
 быт населения 294
 Великий канал 191
 древний 97–98
 земледелие 99
 контакты с Европой 373
 Культурная революция
 402
 металлургия 98
 монгольские завоева-
 ния 185
 население 102
 научные знания
 188–191, 198–199
 похолодание 290
 птицеводство 29
 распространение буд-
 дизма 158–165
 строительство каналов
 188–189
 Тайпинское восстание
 348–349
 Китайская Народная Рес-

публика 402
 Китс Джон 328
 климат 192–195
 книгопечатание 188,
 201–203
 колониальный раздел ми-
 ра 369
 Колумб Христофор 191,
 209–214 259
 компас 198
 Коннектикут 302
 Константин, император
 137, 142
 Константинополь 143,
 146, 205
 Констанций Хлор 141
 Конфуций 99, 111
 Коперник Николай 60,
 270–271, 275
 Коран 153
 Корея 105
 Кортес Эрнандо 214–
 космос 408
 Кох Роберт 341
 Кранах Лукас 235
 красители 264–265
 Крестовые походы 233
 Кротон 88
 Куба 211, 311
 Кук Джеймс 279, 280, 281,
 282
 Кукуруза 34, 259
 Куско 222
 Кюри Мария 354
 Ла-Платы объединенные
 провинции 310
 Левенгук Антони ван 275
 ледники 24
 Лига наций 382
 Лилио Луиджи, см. Лили-
 ус Алоизий
 Лилиус Алоизий 277
 Линкольн Авраам 344,
 345–347
 Линней Карл
 Липперсгей Ханс 274
 Лиссабон 302
 Локомотив 330, 331
 Лондон 302
 Лоян 104
 Луизиана 308
 «Луизианская покупка»
 308
 лунный календарь 60
 льноводство 292
 Лэшань 161
 Лютер Мартин 208,
 234–237, 241, 244
 Мадагаскар 172–173, 251
 Мадейра 21, 210
 Мадрид 302
 Майские дни 414–415
 Макао 251
 Малакка полуостров 154,
 251
 Малаккский пролив 26
 маори 174–176
 Маркс Карл 351
 Марракеш 319
 Марс 408
 Мартиника 311
 Медина 151, 271–272, 341
 Междуречье 72
 Мекка 149, 151–157
 Мекка 373
 Мексика 32, 310, 331
 Месопотамия 65, 67
 города-государства 74
 жрецы 69
 металлургия 50–52, 336

- миграция 168–171,
 368–369
 Микеланджело 208
 микроскоп 275–276
 Милан 140, 201
 Милон атлет 88
 мировые войны 377–391
 миссионеры 254, 368
 Моисей 125
 монголы 181–183
 монгольские завоевания
 183
 Монтесума 214, 216, 218,
 219
 мореплавание 82–83
 Морзе Самюэль 335
 морские пути 367
 Мохенджо-Даро 76, 77
 Мурано остров 273
 Муссолини 387
 Мусульманство 150–157
 Мухаммед 150, 151,
 152–157
 Нагасаки 395
 налогообложение 354–355
 Наполеон Бонапарт 307
 население 423–424
 наука 327, 372
 Никомедия 140
 Нил 62–64
 Ниневия 71
 Новая Гвинея 22, 24, 30
 культивирование зла-
 ков 48
 миграция 168, 171
 Новая Зеландия 21, 31
 заселение 171–173,
 174–176
 исследования 365
 Нью-Йорк 302
 Ньюкомен Томас 330
 Ньютон Исаак 271–272,
 392
 Ньюфаундленд заселение
 193–194
 образование 370–371
 одомашнивание животных
 41–43
 Олимпийские игры 87–88,
 422
 опиум 266
 османские завоевания
 205–206
 Отцы Церкви 136, 207
 охота на «ведьм» 247–249
 очки 274
 падение колониальных ре-
 жимов 404
 Палестина 39
 паломники 327–328
 папирус 65
 Париж 196, 302
 паровоз 331
 паровой двигатель 330,
 375
 пароходы 333
 Пасха 138
 Пасхи остров 21, 171–172
 Первая мировая война
 377–381
 Первое мая 415
 пергамент 201–202
 Перл-Харбор 391, 393
 Перу 310, 331
 Печатный станок 202–203,
 270
 Пий VII
 Пирей 90
 Пифагор 88
 подъем уровня мирового

- океана 22, 27
 Полинезия 168–169
 полотняное производство 292
 Польши раздел 390
 порох 189
 поршневой двигатель 330
 потепление климата 339
 похолодание XII–XIV вв. 194
 Прагвай 310
 природа 424
 Прокламационная линия 309
 Протестантизм 242–243, 245, 246, 375
 рабовладение 311, 343–347
 работарговля 343
 рабство в древнее время 46
 равенство
 женщин 353
 идеи 350 357
 политическое 354–355
 Рамадан 60
 растений систематизация 276
 Резерфорд Эрнест 392
 Религии 54–56, 425
 Ренессанс 206, 350
 Реформация 206–207, 233–249
 Рим
 акведуки 116
 бани 116
 древний 113–124
 император 120
 судостроение 117
 хозяйство 118
 Римини 115
 римляне 82
 Римская империя 94, 118–120, 123, 137, 140 144–145, 181
 Римская республика 119
 Род Айленд 302
 Родос 93
 Рождество Христово 138
 Росс Роналд 342
 Россия 278, 331
 Самоа заселение 171
 Сахара, пустыня 21, 318–322
 Св. Анна 139
 Св. Павел 134–136
 Святая София, Константинополь 146
 Св. Августин 207
 Священная война 151–157
 Се Лин Юнь 160
 Северн Томас 330
 Северная Азия 25
 Северная Америка 25, 33, 305
 заселение 170
 колонии 258
 огородничество 48
 Северная Африка 21
 Северная Африка 27, 167
 Селевкиды 127
 Семилетняя война 302–303
 Сен Доминик, колония 309
 Сиань 161
 Сибарис 89
 Сибирь 32
 Сиракузы 92
 Сирия 39

- Сицилия 87, 91
 скотоводство 41–43
 Скотт Руаль 362
 Советский Союз 386–387, 395–396
 Вторая мировая война 390, 398
 освоение космоса 408
 распад 409
 см. также Россия
 Соломон 126
 Соломоновы острова 171
 соль 287–288
 Спенсер Болдуин 365
 Спорт 421–422
 Спутники 407–408
 Средиземноморье 26, 76–85, 374
 Средняя Азия 204
 Сталин И.В. 386, 387
 Судан 319
 Сукарно 403
 Сулавеси 170
 Суматра 170
 Суэцкий канал 334
 Соединенные Штаты Америки
 возникновение 301
 война за независимость 301–312
 гражданская война 344, 348
 железная дорога 331, 335
 индустриализация 334
 мировое влияние 410–411
 финансовое могущество 1920-х гг. 383, 387
 Таити 21
 Тайпинское восстание 348–349
 Тасмания 23, 31
 Теккерей Уильям 332
 телеграф 337, 418
 телескоп 275
 телефон 334, 335, 337
 Теночтитлан 216
 Тибет 256
 Тибр 113
 Тимор 170
 Томбукту 319
 Тонга 21
 Тонга 171
 Торреса пролив 26
 «Третий мир» 404
 Тридцатилетняя война 289
 Тулон 307
 Туркестан 204
 турки-осаны 204
 Уатт Джеймс 330
 уголь 330
 университет 198
 Уоллес Алфред Рассел 362
 Урбан II 233
 уровень Мирового океана 24–32
 уровень образования женского 247
 Уругвай 310
 Урук 68
 Фаренгейт Габриэль 278
 фермерское хозяйство 337–338
 Фиджи 21, 171
 Фидий 86
 Филадельфия 302
 Филиппинские острова 255
 финикийцы 82
 Финляндия 22

- Флорида 310
Франко-прусская война
1870–1871 333, 377
Франциск Ассизский 110
Франциск Ксаверй 254
Франция 301, 389
 железная дорога 331
 и война за независи-
 мость в Америке 306
 колониальные владе-
 ния 311
 семилетняя война 302
 революция 306, 307
Фraud Дж. А.
Фредерик IV 254
Фрейд Зигмунд 58
Фрейдис 193–194
Ханчжоу 185
Харди Томас 115
Хиросима 395
хлопководство 292
«Холдная война» 398
Холокост 396
хризантемы 263
христианство 133, 165, 426
Хуанхэ, 99, 101, 103
Хун Сюцюань 348–349
Цвингли 241
Цельсий Андреус 278–279
Цзэдун Мао 402
часы 200–201
Черная смерть 195–197
Чехословакия 409
Чжэн Хэ адмирал 191
Чили 310
Чингисхан 183–186
численность населения 340
Чмайка 311
Шаббат 128
Швеция 24
шерстопрядильное произ-
водство 329
Шпейерский собор 234
Шумер 68
Эйнштейн Альберт 372
Элиот Джордж 332
Энгельс Фридрих 351
эпидемии 192, 195–197,
341
Эфесский собор 139
Юго-Восточная Азия 30,
48, 111–112
Югославия 398
Юлианский календарь 276
Ява 22, 170
языки международного
общения 409–410
Япония 34–35
 во Второй мировой
 войне 393, 394
 изоляция 37, 372
 контакты с Европой
 372–373
 модернизация 373

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В полном варианте этой книги – «Краткой истории мира» – приводится длинный список использованных мною источников. Он занимает 30 страниц, и с ним без труда могут ознакомиться те читатели, которые захотят больше узнать об обоснованиях предложенного мной повествования и его интерпретации. Тем же, кто хочет поглубже зарыться в книги, затрагивающие широкие аспекты мировой истории, для начала рекомендую перечисленные ниже.

Barzun, Jaques, *From Dawn to Decadence: 500 Years of Western Cultural Life*, Harper Collins, New York, 2000.

Braudel, Fernand, *A History of Civilizations*, trans. Richard Mayne, Allen Lane, Penguin Press, 1994.

Davies, Norman, *Europe: A History*, Pimlico, London, 1997.

Diamond, Jared, *Guns, Germs and Steel: A Short History of Everybody for the Last 13 000 Years*, Vintage, London, 1998.

Gombrich, E.H., *The Story of Art*, Phaidon, London, 1972.

Hsu, Immanuel, *The Rise of Modern China*, Oxford University Press, New York, 1995.

Hufton, Olwen, *The Prospect Before Her: A History of Women in Western Europe*, 2 vols, Fontana, London, 1997.

Johnson, Paul, *A History of the Jews*, Widenfeld & Nicolson, London, 1987.

Jones, Barry, *Dictionary of World Biography*, 3rd edn, Information Australia, Melbourne, 1998.

Kennedy, Paul, *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Random House, New York, 1989.

Sowell, Thomas, *Conquests and Cultures: An International History*, Basic Books, New York, 1998.

СПИСОК КАРТ

- 1 Подъем уровня Мирового океана
- 2 Цивилизации долин
- 3 Средиземноморье
- 4 Исламские завоевания
- 5 Монгольская Азия
- 6 Империи ацтеков и инков и европейские путешественники, ок. 1500
- 7 Западная Европа, ок. 1500
- 8 Европейские колонии в Карибском море и Северной Америке, ок. 1755
- 9 Воюющая Европа, конец 1914
- 10 Японская экспансия в Азии, 1941–1942
- 11 Европейские колонии в Африке, начало 1914

КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

История. Полный иллюстрированный путеводитель от истоков цивилизации до наших дней, Москва, 2009.

Паркер Филипп, *Всемирная история*, Москва, 2011.

Вульф Алекс, *Краткая история мира*, Москва, 2010.

История России с древнейших времен до начала XXI века. Под редакцией А.Н. Сахарова, Москва, 2010

Успенский Ф.И., *История Византиской империи. Становление. Смута. Македонские династии*, Москва, 2011.

Кравчук Александр. *Императоры*, Москва, 2012.

Тюийе Ж.-П., *Цивилизация этрусков*, Екатеринбург, Москва, 2011

Мак-Клейн, Джеймс Л., *Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век*, Москва, 2011.

Джеффри Блэйни

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИРА
Заметки на полях истории человечества

Над русским изданием работали:

Перевод с англ. Е.Е. Сырневой

Зав. редакцией О.В. Сухарева

Корректор И.Н. Мокина

Технический редактор Т.П. Тимошина

Компьютерная верстка Н.Н. Пуненковой

Над иностранным изданием работали:

Дизайн Кэти Ларсен © Penguin Group (Австралия)

Карты Алана Лейвера

Иллюстрации по тексту Stock Photos

Авторская фотография Ирен Лорбергс, courtesy National
Council for the Centenary of Federation

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом содействии

ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81